НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ ВНУТРІШНІХ СПРАВ
КАФЕДРА ЮРИДИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ

ЮРИДИЧНА ПСИХОЛОГІЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

Київ – 2017

Схвалено на засіданні Вченої ради

Національної академії внутрішніх справ, прот. № від _____ 2017 р.

Юридична психологія: хрестоматія / Укладачі: Л. І. Казміренко, О. І. Кудерміна

В хрестоматії представлені тексти провідних українських та зарубіжних фахівців за основними напрямами юридичної психології – правовою психологією, кримінальною психологією, психологією процесуальної і непроцесуальної діяльності, пенітенціарною психологією, психологією юридичної праці, судово-психологічною експертизою, що характеризуються перевіреною часом науковою і практичною значущістю. Хрестоматія є змістовим доповненням до підручника «Юридична психологія», альбому схем та практикуму з юридичної психології, утворюючи з ними навчально-методичний комплекс з даної дисципліни.

В підготовці хрестоматії брали участь фахівці Національної академії внутрішніх справ: Л. М. Москалюк, Л. І. Казміренко, О. І. Кудерміна, І. М. Охріменко, В. Г. Андросюк, В. С. Медведєв, Д. О. Александров, О. В. Давидова, О. В. Волошина, М. О. Гребенюк, Н. Ю. Ярема, О. В. Іванова та ін.

Тексти надані мовою оригіналу.

Призначена для студентів, курсантів і слухачів юридичних вузів і факультетів, а також працівників правоохоронних органів та всіх, хто цікавиться проблемами юридичної психології.

ЗМІСТ

Від укладачів **7**

РОЗДІЛ 1. ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ЮРИДИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ 9

Костицкий М. В. Юридическая психология в системе научного знания 10

Костицький М. В. Становлення української юридичної психології та основні напрями її розвитку 22

РОЗДІЛ 2. ПРАВОВА ПСИХОЛОГІЯ **28**

Костицкий М. В. Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы 29

Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Юридическая психология 32

Бедь В. В. Юридична психологія 37

Ратинов А. Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования 45

Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура 49

РОЗДІЛ 3. ПСИХОЛОГІЯ ОСОБИСТОСТІ ПРАВОПОРУШНИКА **61**

Антонян Ю. М. Изучение личности преступника 62

Ратинов А. Р. Методологические вопросы психологического изучения личности преступника 67

Ратинов А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный поход 70

Костицкий М. В. Психологические вопросы деликтоспособности 74

Тарарухин С. А. Взаимодействие объективных и субъективных факторов как причина преступного поведения 81

Тарарухин С. А. Преступление – волевой акт человеческого

поведения 88
Костенко А. Н. Криминальный произвол (социопсихология воли и сознания преступника) 91
Кузнецова Н. Ф. Биосоциальные теории причин преступности 94
Фокс В. Введение в криминологию 96
Закалюк А. П. Соціальна типологізація особистості. Типологічні ознаки особистості злочинця 98
Блэкборн Р. Психология криминального поведения 110
Костицкий М. В., Настюк М. И. Психологическая характеристика личности правонарушителя из числа учащейся молодежи 114
Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия 123
Лоренц К. Агрессия 126
Антонян Ю. М. Психология убийства 127
РОЗДІЛ 4. ПСИХОЛОГІЯ ПРОЦЕСУАЛЬНОЇ І НЕПРОЦЕСУАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ 136
Андросюк В. Г., Казміренко Л. І. Можливості та межі справлення психологічного впливу у правоохоронній діяльності 137
Лукашевич В. Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий 140
Сокиран Ф. М. Сучасні концепції застосування тактики психологічного впливу на досудовому слідстві 149
Гончаренко В. Г., Гончаренко С. В. Критерії допустимості психологічного впливу на досудовому слідстві 153
Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Распознание ложных показаний и преодоление установки на них 157
Бахін В. П., Весельський В. К. Тактика допиту 165
Коновалова В. О., Шепітько В. Ю. Психологія допиту 171
Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии 179

Цветков В. Л., Шевченко В. М., Шаматава Н. Е. Структурно-психологический анализ профессиональной деятельности оперативного работника 188

Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К., Шумилов А. Ю. Психологическая характеристика оперативников и конфидентов 193

Синилов Г. К. Предмет и система оперативно-розыскной психологии 196

Черепанов В. В. Психология общения в оперативной работе 199

Бараненко Б. І. Використання оперативними підрозділами відомостей про конфлікти в злочинному середовищі 203

Охріменко І. М. Вимоги до психологічних особливостей осіб, яких залучають до виконання завдань оперативно-розшукової діяльності 206

Александров Д. О., Андросюк В. Г., Казміренко Л. І. Сутність і методи психологічного впливу в оперативно-розшуковій діяльності 210

Ронин Р. Теория и практика результативного общения 214

РОЗДІЛ 5. ПЕНІТЕНЦІАРНА ПСИХОЛОГІЯ 217

Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф. Общая классификация осужденных 218

Любченко В. М. Сутність засобів виховного впливу на засуджених в установах виконання покарань 226

Синьов В. М., Радов Г. О., Кривуша В. І., Беца О. В. Особливості організації індивідуальної виховної роботи з різними категоріями засуджених 229

Шиханцов Г. Г. Адаптация осужденных к условиям лишения свободы 251

Шиханцов Г. Г. Социально-психологическая характеристика общности осужденных 255

Ушатиков А. И., Козак Б. Б. Психологические особенности осужденных, обусловленные их возрастом и полом 265

РОЗДІЛ 6. ПСИХОЛОГІЯ ЮРИДИЧНОЇ ПРАЦІ 281

Жалинский А. Э. Профессиональная деятельность юриста 282
Барко В. І. Професійний відбір кадрів до органів внутрішніх справ (психологічний аспект) 296
Папкин А. И., Папкин И. А. Психологический анализ различных видов правоохранительной деятельности 302
Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика 312
Запорожцев Є. Г. Психологічні особливості діяльності керівника органів внутрішніх справ України 324
Барко В. І., Ірхін Ю. Б., Підюков П. П. Психологія управління командою міліцейського підрозділу 326
Синьов В. М., Климов М. В. Концепція кадрового забезпечення діяльності пенітенціарної системи 329
Медведєв В. С. Шляхи попередження та подолання професійної деформації працівників установ виконання покарань 338
РОЗДІЛ 7. СУДОВО–ПСИХОЛОГІЧНА ЕКСПЕРТИЗА 344
Костицкий М. В. Понятие психологической экспертизы 345
Костицкий М. В. Становление судебно-психологической экспертизы как обособленной специальной деятельности 348
Костицкий М. В. Основания для назначения и компетенция судебно-психологической экспертизы 355
Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе 358
Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе 383
Костицкий М. В. Психологическая экспертиза в административном процессе 387
Дозорцева Е. Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого 393
Сафуанов Ф. С., Макушкин Е. В. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы 408

ВІД УКЛАДАЧІВ

Юридична психологія – науково-практична дисципліна, що досліджує психологічні закономірності системи «людина – суспільство – право». Найбільш загальним об'єктом її вивчення є психологічне опосередкування правових відносин та правової поведінки в суспільстві. Знання юридичної психології дозволяє удосконалити діяльність правника, поглиблено розуміти мотиви поведінки людей, пізнавати об'єктивну дійсність, вірно її оцінювати та використовувати одержані результати в практичній діяльності.

Юридична психологія вивчає особистість і поведінку осіб, які здійснюють правотворчість та правозастосування (суб'єкти юридичної діяльності) та осіб, щодо яких правові норми застосовуються, чиї права захищаються чи охороняються (об'єкти юридичної діяльності). Науковий інтерес юридичної психології представлений людським чинником у його правовому сенсі, системою нероздільних елементів (підсистем) юриспруденції і психології. Зазначена система включає наступні напрями: 1) правові норми, що регулюють суспільні відносини; 2) психологічний зміст фактичного впливу права на суспільну та індивідуальну правосвідомість, формування ставлення до правоохоронюваних інтересів (заборони, дозволу, відповідальності за недотримання правових приписів); 3) форми і види відповідальності за делікти, ефективність застосування санкцій, правоохоронної і правозастосовної діяльності в цілому, здійснюваної у відповідності з чинним законодавством; 4) умови формування особи як правопорушника, механізми вчинюваних правопорушень як вольових актів його поведінки, що знаходяться під контролем свідомості та волі.

Юридична психологія має давню історію. Але інтенсивно вона почала розвиватися понад сто років тому назад, коли у практиці кримінального судочинства все більше і більше стали використовувати психологічні знання

для пояснення різних сторін вчиненого протиправного діяння, рис особистості злочинця. Цей напрям – кримінальна психологія – є найбільш давнім у площині юридичної психології і в теперішній час найбільш розвиненим.

Окрім того, юридична психологія в Україні сьогодні представлена такими напрямами:

- правова психологія – досліджує психологічні аспекти правотворчості і змісту права, його впливу на формування правосвідомості (суспільної та індивідуальної) та суб'єктів правовідносин;

- психологія процесуальної (слідчої, судової, адвокатської та ін.) і непроцесуальної (оперативно-розшукової, управлінської та ін.) діяльності;

- пенітенціарна психологія – вивчає психологічні закономірності динаміки особистості у процесі відбування покарання;

- психологія юридичної праці – розробляє психологічні аспекти професійного психологічного відбору, психологічного супроводження оперативно-службових заходів, психологічної підготовки фахівців для здійснення юридичної діяльності;

- судово-психологічна експертиза та інші форми використання спеціальних психологічних знань в юрисдикційному процесі.

Для хрестоматії нами відбиралися тексти, що найбільш повно презентують сутність зазначених напрямів. Тексти представлені мовою оригіналу. При цьому перевага віддавалася представникам вітчизняної школи юридичної психології, фундаторами якої стали С. А. Тарарухін, Я. Ю. Кондратьєв, М. В. Костицький, Г. О. Юхновець. Безумовним є також внесок у її розвиток праць авторського колективу кафедри юридичної психології Національної академії внутрішніх справ МВС України, зусиллями якого підготовлений даний збірник.

Л. І. Казміренко, професор кафедри юридичної психології;

О. І. Кудерміна, завідувач кафедри юридичної психології

РОЗДІЛ 1.
ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ЮРИДИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ

Основні теми
і поняття розділу

Юридична психологія в системі наукового знання

Становлення української юридичної психології
та основні напрями її розвитку

Костицкий М. В.

Юридическая психология в системе научного знания // Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. – К. : Вища школа, 1990. – С. 8-40

<..> Юридическая психология развивается на стыке двух наук – психологии и юриспруденции, которые в свою очередь непосредственно связаны с человеком как личностью и членом общества. Разумеется, проблемой человека занимаются многие науки – медицинские, педагогические, а отчасти и технические. Поскольку в человеке проявляется единство законов природы и общества, то он выступает объектом исследования естественных, общественных и технических наук. Вероятно, в перспективе это изучение будет осуществляться в рамках метанауки (сверхнауки) человековедения, охватывающей все стороны его жизнедеятельности и проявления как биопсихосоциального существа. <..>

<..> для научного изучения человека характерны возрастающие дифференциация, специализация отдельных дисциплин, тенденция к объединению различных наук, аспектов и методов исследования в комплексных системах, к построению синтетических характеристик человеческого развития.

Человек взаимодействует с окружающей средой, формирует сознательные образы объективной действительности, окружающей его, планирует и программирует свою деятельность, сравнивает полученные результаты с исходными намерениями, переживает эмоциональное удовлетворение или разочарование по поводу совершенного, корректирует свое поведение, устраняет допускаемые ошибки. Все это является психической деятельностью, которую изучает психология. В задачи психологии входят: определение основных законов психической

деятельности, установление путей ее развития, лежащих в ее основе механизмов и описание изменений, происходящих в ней под влиянием внешних и внутренних воздействий. Психология – единственная наука, способная обеспечить не только познание психической деятельности, но и управление ею. С развитием общества ее значение будет все более возрастать.

Психологические факторы присущи как индивидуальному и групповому поведению, так и деятельности общества, однако не являются их главными детерминантами. Более того, они могут быть изучены и поняты лишь на базе анализа происходящих процессов. В то же время в определенных ситуациях психологические факторы могут приобретать доминирующее значение, оказывать позитивное или негативное воздействие на жизнь человека и общества, их функционирование <..>

<..> Потребность обращения к психологии, ее методам, достижениям возникает тогда, когда конкретная наука, смежная с психологией или связанная с ней, включается в решение практических задач. Это имеет место и в медицине, и в педагогике, и в юриспруденции. Любая практическая деятельность реализуется в конкретных действиях конкретных людей, и то, как это происходит, зависит в значительной мере от их психологических особенностей. Именно необходимость решения практических задач привела к тому, что на границе с обществоведением возникли и развиваются социальная, историческая, политическая, этническая и другие отрасли психологии. <..>

<..> Психология тесно связана с медициной как научно-практическим комплексом. В последней все большее распространение получает психосоматический подход, в основе которого лежит тщательное изучение личности больного, ее формирования, особенностей реагирования на болезнь, эмоциональных особенностей и характера их воздействия на организм. Таким образом, на стыке с медициной возникает и развивается медицинская психология, патопсихология, психохирургия и др.

Традиционно психология применялась в таком научно-практическом комплексе, как педагогика. Однако, <..> в связи с реформой среднего, профессионального и высшего образования психология из «золушки» в системе народного образования превращается в равноправного партнера, задачей которого является обеспечение успешного обучения и воспитания учащихся и студентов, формирование у них прочных знаний, навыков и умений, стимулирование их способностей и мотивов к учебной и профессиональной деятельности. <..>

<..> Использование психологических знаний имеет место и в таком научно-практическом комплексе, как техника, прежде всего при разработке и создании систем управления, роботов, компьютеров, систем коммуникаций, средств отображения информации, моделировании психических процессов, в бионике и т. д. Данные о психологии человека необходимы здесь для того, чтобы определить, как будет работать человек с создаваемыми приспособлениями, устройствами, для определения технических характеристик аппаратов, имитирующих отдельные органы человеческого тела, а также для разработки искусственных органов чувств, восприятия и обработки информации, систем эвристического принятия машиной решений и т. п. На стыке с техникой возникли и развиваются инженерная психология, психология труда, эргономика. <..>

<..> Психология связывает общественные науки и естественные, биологию и историю, медицину и педагогику, экономику и технику, технологию и управление и др. Этим определяется ее место в системе научного знания. <..>

<..> После рассмотрения общих характеристик психологии как науки о закономерностях развития и функционирования психики, чтобы более полно представить базис возникновения юридической психологии, необходимо обратиться к вопросам, относящимся к юриспруденции, ее науке и практике. <..> Юриспруденцию мы понимаем как теоретическую и практическую

деятельность в области права (*jurisprudentia* – знание права), а не только как юридическую науку.

В качестве науки юриспруденция изучает право как особую систему социальных норм, правовые формы организации и деятельности государства, других структурных элементов политической системы общества. Юридическая наука подразделяется на ряд отраслей: нормативные науки (гражданское, уголовное, административное, семейное, хозяйственное, финансовое право и др.), прикладные науки (криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия, правовая кибернетика, юридическая этика и др.), теоретические науки (теория государства и права, история политических учений, история государства и права).

Юриспруденция – наука об объективных закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, их месте и предназначении в общественной жизни, направлениях их развития. Юридическая наука изучает государство и право в их единстве с точки зрения внутренних закономерностей возникновения и развития, связи и взаимном влиянии с духовной и экономической структурой общества. Она изучает также специфику общественного осознания государственно-правовых явлений, правосознание, психологическое опосредование государственно-правовой жизни, практическое функционирование государственно-правовых отношений и других правовых связей субъектов права (лиц или организаций). Иными словами, юридическая наука изучает государственно-правовую организацию общества и поэтому входит в систему общественных или гуманитарных наук. <..>

<..> Воздействие права на социальную среду осуществляется двумя путями: деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов и влиянием, оказываемым на сознание общества, социальных групп и личности уже самим фактом наличия, закрепления определенного порядка должного поведения. <..>

<..> Юридическая наука не может замыкаться в собственных узких рамках и не учитывать экономических, демографических, культурных, социально-психологических и других факторов при решении проблем правоохранительной, правоприменительной деятельности. На стыках юриспруденции с указанными науками могут развиваться новые отрасли научного знания, имеющие двойственную природу и единую цель – обеспечение правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Интеграция юриспруденции и психологии проявляется на трех уровнях:

- применение психологического знания в юриспруденции в «чистом» виде;

- использование в юриспруденции психологического знания путем его «трансформации»;

- синтез психологии и юриспруденции, собственно их стыков, и возникновение новой отрасли науки – юридической психологии.

Первое направление – это непосредственное использование психологических знаний в виде метода экспертных психологических оценок. В этом случае психолог выступает в роли эксперта, специалиста или консультанта в уголовном, гражданском, административном процессе или в ходе исполнения наказания либо других мер правового воздействия.

Второе направление – это расширение, уточнение, совершенствование юридических понятий и институтов за счет привлечения психологических категорий и понятий, а также применения юристами психологических методов в научных исследованиях или правоприменительной, правоохранительной, профилактической и другой юридической практике, использования данных психологии в организационной и процессуальной деятельности, профессиональном отборе, расследовании правонарушений, исправлении и перевоспитании делинквентов. При этом уточняются такие понятия, как «правосознание», «вина», «вменяемость», «дееспособность», «правонарушитель» и др. Психологические знания применяют при

установлении профессиональной пригодности к работе в правоохранительных органах, профориентации и др.

Третье направление взаимодействия психологии и юриспруденции имеет более выраженный, чем два предыдущих, двусторонний характер. Потребности юриспруденции в психологическом знании предопределяют возникновение юридической психологии, являющейся двуединой наукой – одновременно и психологической, и юридической, – анализирующей психологические особенности в сфере применения права. Возникновение такой интегративной науки стимулирует развитие и совершенствование знания как психологического, так и юридического.

Традиционно в юриспруденции выделяются следующие три формы ее взаимодействия со смежными науками:

а) использование данных смежных с юриспруденцией наук для решения актуальных специфических проблем правотворчества и правового регулирования;

б) использование научных идей и принципов смежных наук для анализа системы государственно-правового регулирования;

в) использование в социально-правовом познании конкретных приемов, методов, способов научного исследования, заимствованных из той или иной конкретной науки. <..>

<..> В связи с двуединым характером юридическая психология включается в систему и психологических, и юридических наук одновременно. <..>

<..> Позиция, согласно которой юридической психологии отводится лишь скромное место среди прикладных отраслей социальной психологии, вряд ли может быть принята. Иначе вне внимания юридической психологии останутся личность, правомерная и противоправная деятельность лиц с психическими аномалиями (стык юридической психологии и патопсихологии), профотбор, профориентация, профессио- и психограмма

юридических профессий (стык юридической психологии с педагогической психологией) и т. д. <..>

<..> Связи юридической психологии с одними отраслями психологической науки прослеживаются довольно четко, с другими – лишь частично, с третьими – только намечаются. <..> В целом можно сказать, что являясь элементом целостной системы психологической науки, юридическая психология в большей или меньшей степени связана и взаимодействует со всеми остальными ее элементами.

Общая психология является для юридической психологии теоретической базой, у нее она заимствует понятийный и категориальный аппарат, знание общих закономерностей психической деятельности человека. Однако имеет место и обратная связь. Развитие юридической психологии обогащает и общую психологию новыми эмпирическими, отраслевыми теоретическими знаниями. Например, в юридической психологии больше, чем в других отраслях психологической науки, получило развитие применение метода экспертных психологических оценок, в частности, разработана теория судебно-психологической экспертизы. Полагаем, что трансформация этого знания общей психологией даст стимул к развитию теории и практики психологической экспертизы в психологии труда, инженерной, космической, военной, педагогической, патопсихологии и других отраслях.

Социальная психология как наука, изучающая психические проявления различных социальных общностей (групп, коллективов), их настроения, общественное мнение, связи, проблемы лидерства и подчинения, коллективную деятельность, вместе с юридической психологией способствует в рамках последней более полному исследованию общественного и индивидуального правосознания, специфики правонарушений несовершеннолетних и других категорий населения, особенностей функционирования постоянных и временных коллективов юристов по обеспечению правоохранительной, правоприменительной,

профилактической и другой профессиональной деятельности. Исследования в области юридической психологии в свою очередь стимулируют развитие социальной психологии, обогащая ее знанием социально-психологических особенностей негативных социальных проявлений, социально-психологических характеристик функционирования специфической юридической системы.

Педагогическая психология исследует психологические основы обучения и воспитания и обеспечивает юридическую психологию знанием методов воздействия на правонарушителя в целях его перевоспитания, особенностей обучения студентов-юристов в вузе, подготовки их к дальнейшей профессиональной деятельности. В то же время данные, полученные юридической психологией, прежде всего о личности несовершеннолетних правонарушителей, методы их обучения и воспитания могут быть использованы в педагогической психологии (как в теории, так и в практике). Например, в общей педагогике и педагогической психологии используется методика А. Макаренко, созданная им в результате работы с несовершеннолетними и молодыми преступниками, беспризорниками.

Возрастная психология изучает закономерности психического развития человека, становление различных психических процессов и свойств личности на различных возрастных ступенях жизни человека: в детстве, отрочестве, юности, зрелости и старости. Привлечение юридической психологией данных этой науки позволяет более дифференцированно характеризовать психологические особенности правонарушителя, потерпевшего, свидетеля в зависимости от их возраста, вырабатывать достаточные и необходимые средства воздействия на них в целях обеспечения социалистического правосудия. В свою очередь юридическая психология обогащает возрастную психологию данными об особенностях и закономерностях отклоняющегося поведения лиц различных возрастных групп, что обеспечивает более полное и целостное представление о личности человека.

Медицинская психология, анализирующая особенности взаимоотношений врача и больного, проблемы психотерапии, психогигиены, и особенно связанная с ней патопсихология, которая исследует различные формы нарушения нормальной психической деятельности людей, снабжают юридическую психологию данными о психологических особенностях правонарушителей с психическими аномалиями. Полученные юридической психологией сведения о субъектах юрисдикционного процесса с психическими аномалиями, тенденциях совершения правонарушений этими лицами, специфике их поведения, перевоспитания и исправления в условиях изоляции могут успешно использоваться медицинской и патологической психологией в целях их лечения, социальной и психологической реабилитации.

Психология труда изучает психологические основы трудовой деятельности, профессионально важные качества личности применительно к той или иной специальности, проблемы профессиональной ориентации, профотбора, профподбора, научной организации труда и др. Связанная с ней инженерная психология исследует вопросы взаимодействия человека с машиной в процессе трудовой деятельности. Юридическая психология использует знания, полученные в этих отраслях, с целью изучения специфики труда юристов, обеспечения их психологическими знаниями для расследования правонарушений, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, в том числе в промышленности и на транспорте. Данные, полученные юридической психологией о психологических факторах правонарушений, совершенных в процессе производства или отправления профессиональных функций, могут успешно использоваться психологией труда и инженерной психологией для обеспечения безопасности трудовой деятельности, предотвращения происшествий, аварий, катастроф. <..>

<..> Таким образом, систему психологических наук и место в ней юридической психологии мы представляем не как сумму психологического

знания, приложенного к разнообразным сферам человеческой деятельности, и не только как процесс, имеющий «внешнюю» логику развития – деление психологии на отрасли или возникновение отраслей на стыке психологии и других сфер науки и практики, но прежде всего «внутреннюю» логику развития, под которой понимают закономерную эволюцию ее принципов, категорий, методологии, что является единым для всех отраслей психологической науки. Поэтому при целостном подходе к анализу развития психологии, ее отраслей, «внешняя» и «внутренняя» логика, хотя и обладают относительной самостоятельностью, видятся в единстве. Развиваясь, выделяя все новые отрасли психологического знания, психология в то же время остается единой наукой со специфическими, характерными лишь для нее особенностями, принадлежащим лишь ей категориальным, понятийным и методологическим аппаратом. Имея «свое лицо», психология в то же время входит в систему более высокого ранга – в систему науки в целом – как ее органическая составная часть. И в этой системе «внешняя» логика психологии как самостоятельной отрасли знания будет синтезироваться с «внутренней» логикой науки в целом как формы общественного сознания, служить инструментом, средством ее самопознания.

В то же время возможен и обратный процесс. Если рассматривать юридическую психологию как отрасль психологии (или как двуединую науку – в нашем понимании), то в рамках психологии ее собственная «внутренняя» логика будет выступать в определенном смысле как «внешняя» логика юридической психологии. Рассмотрение этой «внешней» логики юридической психологии и позволяет увидеть ее во взаимосвязях с юридической наукой как с одной из баз, на которой она возникает и развивается, и с отраслями юридической науки. <..>

<..> Уголовное право, изучая такие проблемы, как субъект и субъективная сторона преступления, вменяемость и вина, мотивы и цели преступления, совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения, беспомощное состояние потерпевшего, распределение ролей в

соучастии и другие, никак не может обойтись без использования юридической психологии. Собственно психология позволяет теоретически обосновать возраст, с которого наступает уголовная ответственность, применение вида и меры наказания и т. п. Разработка указанных вопросов в рамках науки уголовного права обогащает теорию юридической психологии, с одной стороны, и дает ей новые заказы, с другой, что, бесспорно, стимулирует ее развитие.

Криминалистика как комплексная прикладная юридическая наука о средствах, приемах, методах и организации раскрытия и расследования преступлений не может обойтись без применения психологии. Поскольку объектом изучения криминалистики является преступление как следствие деятельности человека и личность преступника, то, разрабатывая тактику и методику расследования преступлений, криминалистика максимально использует данные юридической, общей, социальной и других отраслей психологии. Глубокая разработка психологических основ оперативно-розыскной работы, предварительного расследования является важной задачей и криминалистов, и специалистов в области юридической психологии. Юридическая психология вооружает работников дознания, следователей, прокуроров, судей средствами воздействия на преступника и других участников процесса с целью побуждения к раскаянию и содействию в раскрытии преступления, создания отношений сотрудничества среди участников расследования и других причастных к нему лиц, обеспечения профилактического воздействия на них.

Знание особенностей интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер человека, сущности познавательных процессов, темперамента и характера и других проявлений личности, структуры деятельности человека помогает следователю или оперативному работнику раскрыть преступление, собрать доказательства, обеспечить привлечение виновного к ответственности. Здесь, как и в предыдущих случаях, невозможно четко

разделить сферы юридической психологии и криминалистики. Поэтому утверждение о том, что юридическая психология исследует закономерности психических явлений, имеющих место в своеобразных криминальных условиях и в сфере производства, исполнения наказания, а криминалистика разрабатывает рекомендации об использовании данных юридической психологии в раскрытии преступлений и совершенствовании своих методов и тактических приемов, представляются не совсем убедительными. <..>

<..> Криминология как наука, исследующая преступность, ее причины, личность преступника, пути и средства предупреждения и ликвидации преступности, нуждается в психологическом знании и находится в системной связи с юридической психологией. Названные науки используют достижения друг друга при совершенствовании своих понятийных аппаратов, расширении приемов и методов исследования. Понять и проанализировать черты личности преступника криминология может лишь применив инструментарий, позаимствованный у психологии. Благодаря этому она может дифференцировать личность в зависимости от ее криминальной зараженности или социальной деградации, проследить генезис трансформации законопослушного человека в преступника. <..>

<..> Юридическая психология связана и с такой классической прикладной наукой, как судебная психиатрия, которая изучает психические заболевания, болезненные состояния психики, врожденные отставания в психическом развитии для выяснения вопросов, возникающих в следственной и судебной практике, а также в ходе судебно-психиатрической экспертизы. У этих наук частично совпадает объект исследования: человек, его психика. Обе они обеспечивают юриспруденцию знанием, необходимым для развития последней в теории и практике. Имеется область познания, которая входит в предмет и одной, и другой науки – это проблемы правомерного и противоправного поведения лиц с отклонениями в психике, не достигающими уровня значимой психической патологии. Речь идет об акцентуациях личности (по К. Леонгарду) или акцентуациях характера (по

А. Личко), о невыраженной и легкой дебильности, невротических отклонениях в психике, психофизическом инфантилизме и некоторых других отклонениях психического развития или их проявлений. Вероятно, в перспективе эти вопросы станут предметом исследования специальной научной дисциплины, которая находится на стыке юридической психологии, судебной психиатрии и юриспруденции и может развиваться как судебная патопсихология. <..>

<..> Приведенные взаимодействия юридической психологии с психологическими и юридическими науками как базовыми, материнскими для последней не исключают ее взаимодействия, интегративно-дифференти вных контактов с философией и другими общественными, естественными и техническими науками. <..>

Костицький М. В. Становлення української юридичної психології та основні напрями її розвитку // Юридична психологія і педагогіка. – 2007. – №1. – С. 3-11

Юридична психологія як самостійна наука починає своє становлення в другій половині XIX століття. Вона інтенсивно розвивалася в Німеччині, Італії, Росії. В Україні розвиток юридичної психології цього періоду пов’язаний з іменами таких вчених, як Л. Владіміров, Л. Петражицький, О. Сікорський, які викладали в Харківському та Київському університетах.

Після 1917 року створюється низка науково-дослідних інститутів та лабораторій з вивчення злочинів і злочинця (в тому числі і психологічними методами). В 1924 році при юридичному факультеті Київського інституту народного господарства було організовано кримінальну клініку, де проводилися психологічні дослідження правопорушників. Подібні напрями розвивалися в Харківській та Одеській лабораторіях з вивчення злочинності і злочинця. В 1929 році вийшла монографія харківського вченого А. Брусиловського «Судово-психологічна експертиза». В наступному році

він виступив у Москві на секції із судової психології І-го Всесоюзного з'їзду по вивченню поведінки людини із засадничою доповіддю «Основні проблеми психології підсудного в кримінальному процесі».

Однак попри розвиток судової (юридичної) психології в окремих центрах чи окремими вченими відбувався потужний ідеологічний наступ на такі дослідження: в першому номері журналу «Революція права» за 1929 рік було опубліковано статтю партійного ідеолога С. Булатова «Відродження Ламброзо в радянській кримінології». Вона започатковувала тотальну ідеологічну та методологічну критику кримінологічних і психологічних досліджень злочинів і злочинців. Визнавалася лише одна причина злочинів – наростання класової боротьби. Після цієї публікації в секції держави і права Комуністичної Академії відбувся диспут, на якому вчені, критиковані в статті С. Булатова, розкаювалися і визнавали свої «методологічні помилки». Оргвисновки, типові для того часу, не забарилися. До 1931 року психологічні підрозділи з вивчення злочинів та злочинців було ліквідовано та докорінно реорганізовано. Довершила погром Постанова ЦК ВКП (б) «Про педологічні перекручення в системі Наркомосвіти» від 4 липня 1936 року, якою фактично заборонялися будь-які психологічні дослідження.

Відродження юридичної психології відбулося в середині 60-х років XX-го століття. І почалося воно із введення в навчальні програми юридичних вузів і факультетів нової навчальної дисципліни – психології (загальної і судової). За викладання цієї дисципліни взялися такі ентузіасти, як В. Гончаренко, А. Жалінський, В. Коновалова, З. Мітрохіна, М. Михеєнко, О. Слободяник, С. Тарарухін та інші.

У 1966 році В. Коноваловою було захищено першу комплексну (на стику криміналістики і психології) докторську дисертацію «Теоретичні проблеми слідчої тактики (пізнавальна функція логіки і психології)». В 1970 році ця авторка опублікувала монографію «Проблеми логіки і

психології у слідчій тактиці», а в 1978 році – «Психологія в розслідуванні злочинів».

У 1974 році виходить монографія С. Тарарухіна «Злочинна поведінка: соціальні і психологічні риси», а в 1981 році цей же автор спільно з А. Селецьким публікує монографію «Неповнолітні з поведінкою, що відхиляється».

У 1976 році комплексну докторську дисертацію (на стику кримінального процесу та психології) «Проблеми формування внутрішнього переконання судді» захистив Ю. Грошевий. В 1986 році він опублікував монографію «Професійна правосвідомість судді і правосуддя».

У 60-80 роках XX ст. А. Ароцкер, В. Гончаренко, Ю. Грошевий, А. Жалінський, В. Коновалова, М. Костицький, С. Тарарухін, А. Тузов та інші публікують низку статей з психології розслідування злочинів, окремих слідчих і судових дій, психології правосвідомості, профілактики злочинів тощо.

У 1981 році М. Костицький опублікував брошуру «Психологічні методи в боротьбі з правопорушеннями», а в 1985 році – брошуру «Судово-психологічна експертиза в кримінальному процесі», підготовлену в співавторстві з В. Нором. У 1987 році виходить монографія М. Костицького «Судово-психологічна експертиза», де обґрунтовується можливість психологічної експертизи не лише в кримінальному, а й в цивільному та адміністративному процесі.

У 1990 році В. Коновалова опублікувала перший в Україні навчальний посібник «Правова психологія», а М. Костицький – навчальний посібник «Використання спеціальних психологічних знань в кримінальному процесі».

У цей період проблеми юридичної психології стають предметом дискусії на серйозних наукових форумах. На II Всесоюзній конференції з експериментальної психології (м. Львів, 1988 р.) працювала спеціальна

секція з юридичної психології. Групи чи секції з юридичної психології працювали на І-му і ІІ-му Всеукраїнському з'їзді психологів (1990 і 1996 рр.).

У 1990 році докторську дисертацію на стику юридичної психології та кримінального процесу захистив М. Костицький. У цьому ж році він опублікував монографію «Вступ до юридичної психології: методологічні і теоретичні проблеми». Започатковується дослідження на стику теорії права, галузевих юридичних наук і психології (В. Оксамитний, О. Костенко та інші).

Група авторів з Української академії внутрішніх справ (В .Андросюк, Л. Казміренко, Г. Юхновець, В. Медведєв) у 1995 році видала курс лекцій «Професійна психологія в органах внутрішніх справ».

Накопичення досвіду викладання психології (загальної і судової), розширення наукових досліджень на стику психології і юриспруденції зумовили теоретичну і методологічну ревізію наявних напрацювань та зміну назви навчального курсу та й самої науки. На початку 90-х років XX століття для юристів і психологів у Львівському та інших університетах західного регіону України читається курс «Юридична психологія». У 1995 році М. Костицький підготував і опублікував авторську програму з цього курсу, що стала основою для підготовку паспорту наукової спеціальності 19.00.06 «Юридична психологія», по якій передбачався захист кандидатських і докторських дисертацій з юридичних і психологічних наук.

У 1995 році в Українській академії внутрішніх справ організовується перша в Україні кафедра юридичної психології, відкривається ад'юнктура (аспірантура) та спеціалізована рада із захисту дисертацій з юридичної психології.

Потреби юридичної практики в психологічному знанні зумовлюють необхідність викладання юридичної психології на психологічних спеціальностях майже в усіх вузах України. Ця дисципліна стає обов'язковою при підготовці юристів і психологів у вузах системи МВС.

У середині 90-х років створюється психологічна лабораторія в НДІ при Національній академії внутрішніх справ. У Київському інституті внутрішніх справ під керівництвом академіка В. Синьова започатковується і розвивається новий напрям юридичної психології – пенітенціарна психологія.

З цього часу в Україні підготовлено і захищено понад 40 кандидатських і докторських дисертацій з юридичної психології на здобуття наукового ступеня з юридичних і психологічних наук. У 1999 році дисертацію «Психологія професійної деформації працівників органів внутрішніх справ» на здобуття наукового ступеня доктора психологічних наук захистив В.Медведєв; у 2004 році дисертацію «Теоретико-психологічні засади управління персоналом органів внутрішніх справ» на здобуття наукового ступеня доктора психологічних наук захистив В. Барко; у 2007 році Л. Удалова захистила докторську дисертацію з юридичних наук на стику криміналістики і психології «Теоретичні засади отримання вербальної інформації у кримінальному процесі України». <..>

<..> Результати наукових досліджень у галузі юридичної психології реалізувалися не тільки в дисертаціях, а й в наукових статтях, виступах на конференціях і особливо в монографіях. У цей період виходять друком вибрані твори в 3-х томах С. Тарарухіна (Київ, 2004); «Психологія управління персоналом органів внутрішніх справ» В. Барка (Київ, 2003); «Судові дебати в кримінальному процесі: правові та психологічні проблеми» О. Загурського (Івано-Франківськ, 2005); «Теоретичні засади та організація психологічного тренінгу в органах внутрішніх справ» Л. Мороз (Київ, 2005); «Використання спеціальних знань справ судом при розгляді кримінальних справ про злочини проти життя, здоров’я та гідності особи» В. Кощинця (Івано-Франківськ, 2005); «Використання спеціальних психологічних знань у досудовому слідстві» В. Марчака (Чернівці, 2005) та інші. <..>

<..> Наукові напрацювання (дисертації, монографії, статті) дали змогу підготувати і опублікувати навчальні посібники і підручники з юридичної психології. <..> Важливим кроком забезпечення навчального процесу було опублікування у 2000 році першого в Україні підручника «Юридична психологія» за ред. Я. Кондратьєва. Підручник підготували професори В. Андросюк, Л. Казміренко, Я. Кондратьєв, М. Костицький, С. Тарарухін, Г. Юхновець. <..>

<..> 29-30 вересня 2006 року на базі Київського національного університету внутрішніх справ проведено Всеукраїнську науково-практичну конференцію на тему «Актуальні проблеми юридичної психології», де в низці доповідей і виступів піднімалися питання вдосконалення викладання юридичної психології, диференціації навчального матеріалу з цієї дисципліни для юристів і психологів, ув'язки юридичної психології як базового курсу з психологічними спецкурсами.

Огляд історії юридичної психології в Україні, своєрідний підсумковий аналіз розвитку цієї науки учасниками вищезгаданої конференції дає підстави стверджувати про наявність двох українських шкіл юридичної психології: київської та харківської. І хоча серйозні дослідження проводилися у Львові, Одесі, Ужгороді, Чернівцях, Івано-Франківську, Чернігові, все ж таки йдеться про проведення в цих регіонах важливих, але локальних наукових досліджень. <..>

РОЗДІЛ 2.
ПРАВОВА ПСИХОЛОГІЯ

Основні теми
і поняття розділу

Правова і протиправна поведінка
Правова соціалізація особистості та її основні чинники
Структура правосвідомості і деякі методи її дослідження
Правосвідомість і правова культура

Костицкий М. В.

Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. – К.: Вища школа, 1990. – – С. 141-145, 156-160

<..> С категорией «поведение» в юридической психологии и юриспруденции связан ряд понятий. <..> Прежде всего – правовое поведение как разновидность человеческого поведения, одно из выражений общественных отношений, в котором сплетаются фактическое и юридическое, волевое и эмоциональное, внутреннее и внешнее, осознанное и неосознанное. <..>

<..> Правовое поведение можно рассматривать в двух проявлениях:

а) как соответствующее праву – правомерное;

б) как не соответствующее праву – неправомерное, противоправное.

Третьего, нейтрального, варианта, нет, поскольку не может иметь место правовое поведение человека, выпадающее из системы его правовой оценки. Исходя из формулы правового государства – «разрешено все, что не запрещено законом», любое поведение человека в государственно-правовой сфере, если оно не запрещено, следует считать правомерным. Правда, о правомерности или неправомерности (в юридическом смысле) можно говорить лишь в рамках сферы государства и права. Поведение, регулируемое другими социальными нормами – моралью, традициями, обычаями, религиозными нормами, нельзя оценивать как правомерное или неправомерное. <..>

<..> Неправомерное, противоправное поведение – это поведение, нарушающее правовые запреты, причиняющие вред обществу и влекущее установленное законом воздействие со стороны государства. Юридическим аналогом понятия неправомерного или противоправного поведения является понятие «правонарушение». Правонарушения (деликты) дифференцируются на виды в зависимости от отрасли права, которой они урегулированы

(административные, цивильные, трудовые, экологические, уголовные преступления и др.). <..>

<..> При анализе правомерного, нормативного, противоправного и отклоняющегося поведения учитывается прежде всего соответствие или несоответствие социальной норме. Если этого достаточно в юриспруденции и социологии, то совершенно недостаточно в юридической психологии. В последней необходим еще анализ детерминирующих поведение факторов, мотивов, целей, других психологических характеристик правового, противоправного поведения. Но и этого недостаточно, ибо должно быть выяснено соответствие психологического восприятия «социальной патологичности», «нормативности», «правомерности» и т. п. объективно установленному в социальных нормах. <..>

<..> С категорией «личность» в юридической психологии связано понятие «правосознание», под которым понимают совокупность правовых идей и соответствующих им психологических форм, отражающих общественное бытие сквозь призму социальных отношений и воплотившихся в нормах права, выступающих практической стороной правосознания, правовых теорий, правовых представлений обыденного порядка, а также в групповых и индивидуальных правовых взглядах. <..>

<..> Категория «личность» является базовой для разработки понятий «личность юриста» и производных от него «личность следователя», «личность судьи», «личность адвоката», «личность прокурора». <..>

<..> Важной категорией, применяемой в юридической психологии, является «установка», как состояние готовности к активности, направленной на удовлетворение той или иной потребности. В психологии теорию установки разрабатывал Д. Н. Узнадзе, который экспериментально доказал наличие общепсихологической готовности к реализации актуальной в конкретной ситуации потребности (актуальной установки) и установил закономерности закрепления такой готовности при неоднократном повторении ситуаций, дающих возможность удовлетворить данную

потребность (фиксированную установку)... В установке аккумулируется прошлый опыт, который опосредует стимулирующее воздействие внешних условий и уравновешивает субъекта со средой.

С установкой связаны оценочные суждения и отношения: применительно к праву, его принципам, институтам, нормам, к правомерному или противоправному поведению окружающих и своему собственному. Пусковым механизмом реализации оценочных суждений и отношений является волевой компонент поведения и деятельности, тесно связанный с социальными установками. Динамика и направленность установок отличает их от оценочных суждений и отношений. Если объектом установки служат правовые ценности, то речь идет о правовых установках.

Совокупность установок образует ценностные ориентации, которые непосредственно формируют внутренний план, программу поведения и деятельности в жизненных ситуациях, урегулированных правом. Правовые установки, ориентации входят в правосознание, реализуются в правовой активности личности, ее правомерном или противоправном поведении. Прикладные исследования юридических психологов подтвердили гипотезу о принципиальных отличиях правосознания правонарушителей и законопослушных граждан, о существенной деформации у лиц с отклоняющимся поведением в сфере установок и ориентации, представляющих собой «общий центр», главный внутренний механизм регулирования социального поведения. <..>

<..> Установка взаимодействует с потребностями, интересами, чувствами, направленностью личности системно, а не линейно (в формально-логической зависимости). Поэтому и применительно к правовой и противоправной установке следует применять системный подход, что позволит более полно и глубоко познать как механизм правомерного, так и отклоняющегося поведения. <..>

Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В.

Юридическая психология: учебник. – Харьков: изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. – С. 60-91

<..> Социализация личности – это процесс ее формирования и становления, происходящий под воздействием различных социальных факторов (культурных, экономических, политических, классовых, моральных, правовых и др.). Человек не является пассивным объектом воздействия этих факторов, а вступает с ними в активное взаимодействие, направленность которого определяется обучением и воспитанием. В этом процессе происходит усвоение субъектом социальных эталонов поведения, выработанных данной социальной общностью, группой.

Важнейшим условием адаптации личности к жизни в социуме является правовая социализация, в которой происходит усвоение правовой культуры данного общества и на этой основе – формирование правопослушного поведения, соответствующего требованиям общества. Успешность правовой социализации личности определяется рядом условий.

1. Правовой культурой общества, которая является продуктом социально-исторического развития человечества в целом и отдельных его сообществ. Поэтому в связи с конкретными историческими, экономическими, классовыми особенностями определенного общества наблюдаются и различные уровни его правовой культуры. Эта структура складывается из составляющих: из племенных обычаев, которым вынужден подчиняться бессознательно каждый член этнической группы; традиций, которые складываются в конкретных сообществах и сословиях и которым обязан следовать каждый человек, желающий показать свою принадлежность к данной социальной группе (например, традиции дворянского поведения); требований, предъявляемых сообществом к своим приверженцам (например, религиозных заповедей разных конфессий); правовых законов (норм), в которых четко формулируются определенные нормы правопослушного

поведения и которые сознательно усваиваются гражданами (например, римское право). <..>

<..> Правовые нормы каждого общества отражают объективные закономерности его развития и функционирования и воплощают в себе его политические, экономические, государственные интересы. Правовая социализация индивида предусматривает его адаптацию к интересам данного общества, развития форм поведения, адекватных его нравственным ценностям. Принятые в обществе нормы права в значительной мере предопределяют характер правовой социализации личности.

2. Человек не пассивно приспосабливается к правовым нормам общества, поэтому в идентичных социальных условиях наблюдается значительный разброс от законопослушного до различных проявлений асоциального и девиантного поведения. Важнейшим фактором правовой адаптации личности является отношение субъекта к воспринимаемым правовым нормам общества. Это отношение зависит от того, насколько правовая структура общества предоставляет гражданам свободу выбора, возможности творческой деятельности, участия в различных сферах общественной жизни, удовлетворения личных потребностей и интересов, реализации своих жизненных перспектив. <..>

<..> Вера в существование в данном обществе социальной справедливости возникает у граждан при условии, что государство не только декларирует в своих законах права личности, но и создает реальные гарантии их соблюдения, предоставляя при этом равные возможности и перспективы успешной реализации своих прав. Законы демократического государства провозглашают не только права человека и гражданина, но и возлагают на него определенные обязанности по отношению к другим людям и обществу в целом. И субъект воспринимает эти требования как справедливые, если он убежден в справедливости общественного правопорядка и осознает, что выполнение предписанных законом и моралью требований (обязанности защиты отечества, уплаты налогов, охраны культурного наследия,

окружающей среды и др.) необходимо как для существования самого государства, так и для каждого гражданина, которому государство обеспечивает защиту его основных прав и свобод. <..>

<..> Нормативно-правовое поведение формируется при оптимальных соотношениях объективных и субъективных факторов социализации личности. При таких соотношениях наблюдается динамическое равновесие между интересами государства и граждан и на основе этого – социальная гармония как условие жизнеспособности и устойчивости данного общества.

Оценка правовой структуры общества как несправедливого порождает в людях фрустрационные состояния и на этой основе – социальную напряженность, конфликтность, формирование отклоняющихся (девиантных) и асоциальных (противоправных) форм поведения.

3. Система объективных правовых требований к индивиду всегда опосредована его личным опытом общения с другими людьми в социальных группах.

Социально-экономическая и политическая структура общества отражается в определенных правовых нормах, закрепляющих сложившиеся отношения между государством и его гражданами. Но практически каждый индивид включается в систему этих отношений через усвоение норм поведения в макро- и микрогруппах. Макрогруппы – это государственные структуры, политические, общественные организации, в которых деловые и межличностные отношения людей всегда строятся на определенных правовых основах, исторически сложившихся в данном обществе. Правовые нормы, утвердившиеся в макросреде, воздействуют на формирование правовых принципов малых контактных групп, примером которых может быть семья, учебный и трудовой коллектив, воинское и правоохранительное подразделение, спортивная команда и др. <..>

<..> В правовой социализации личности существенную роль играют отношения, складывающиеся между личностью и группой, коллективом. Взаимоотношения личности и группы представляются чрезвычайно

сложными. Для понимания и оценки этих взаимоотношений следует учитывать как свойства личности и ее статус в группе, так и состав, характер деятельности и уровень организации группы, сложившийся в ней психологический климат. Но, как правило, коллективное влияние группы на индивида всегда значительно результативнее, чем влияние индивидуальное. Именно в процессе совместной деятельности с партнерами и руководителями человек убеждается в реальной ценности и действенности правовых норм, декларируемых в государственных документах – Конституции, уголовном и гражданском кодексах, в зависимости от того, насколько он чувствует себя социально защищенным, в какой мере он может осуществить свои права личности и гражданина. <..>

<..> Правовая социализация личности имеет своим назначением формирование социально адаптированного нормативного поведения индивида. Однако такое поведение не является однозначным результатом воздействия на личность правовых социальных норм. Личность – субъект законно-исполнительного поведения, организация и саморегуляция которого опосредована развитием правового сознания.

Сознание – это высшая форма отражения мира субъектом, которая формируется в онтогенезе индивида на основе присвоения социального опыта, в процессе предметной и теоретической деятельности, общения и речевого взаимодействия. Сознание начинает развиваться на основе обобщения чувственных образов, возникающих при непосредственном восприятии индивидом объектов окружающей природной и социальной среды, и последовательно переходит на абстрактно-теоретический уровень, на котором субъект оперирует общими понятиями посредством знаково-речевых символов. <..>

<..> Особой сферой сознания личности является правовое сознание. Правовое сознание – это усвоенная субъектом система знаний, отражающих принятый в данном обществе правопорядок, и выступающая основой самоорганизации социально-нормативного поведения. <..>

<..> Активными формами воспитания правосознания являются сообщение индивиду информации о содержании и социальной ценности правовых норм, а также убеждение, которое обеспечивает сознательное усвоение индивидом сообщаемой ему правовой информации. На этом уровне формируется система правовых знаний, которая включает в себя представления о конкретных формах нормативного поведения и понятия об общих принципах его организации, т.е. происходит становление правового сознания. Правосознание – важнейшая сфера сознания и поведения личности, хотя оно не всегда связано с запоминанием всех правовых норм и статей уголовного и гражданского кодексов (это профессиональное качество юристов), но для каждого гражданина является обязательным знание основных конституционных прав и обязанностей. <..>

<..> Общественное правосознание – это отражение и принятие большинством граждан социально-правовых норм, принятых в данном обществе. Правовые нормы кодифицируются в утвержденных государством нормативных актах и становятся законами, обязательными для всех организаций и граждан. Знание всех законов и правовых государственных постановлений является профессиональной обязанностью юристов и других представителей правоохранительной системы. Граждане других профессий усваивают эти нормы права в процессе воспитания в семье, школе, в условиях правового просвещения. Если эти нормы отвечают интересам большинства граждан, то они и образуют сферы общественного правосознания. <..>

<..> Индивидуальное правосознание – это система правовых понятий и представлений, присущих каждому конкретному человеку. Однако индивидуальное правосознание не является простым отражением общественного правосознания. Отношения между ними достаточно сложны, так как индивидуальное правосознание формируется в условиях различного взаимодействия с законами и обществом в опыте каждого человека. Индивидуальное правосознание характеризуется, во-первых, уровнем

сформированности, который зависит от объема и глубины усвоения правовых норм: индивид может либо проявлять поверхностный уровень знания отдельных норм и проявлять пассивное подражательное поведение, либо проявлять высокий уровень правосознания на основе глубокого усвоения системы правовых понятий и соответствующей организации своих поступков.

Во-вторых, индивидуальное правосознание характеризуется уровнем значимости для личности конкретных правовых норм, их субъективной оценкой в связи с представлениями о социальной справедливости. В зависимости от конкретных условий взаимодействия индивида и общественно признанных правовых норм, личность может либо конформно адаптироваться к этим переменам, либо активно усваивать их, либо проявлять по отношению к ним явный негативизм и даже противодействие. Например, общепризнанное право на труд и его справедливую оплату в тех социальных условиях, где это право зачастую не реализуется, вызывает у многих граждан скептицизм и недоверие в отношении этих норм. <..>

<..> Если большинство граждан не принимают для себя отдельные законы как правильные и справедливые, то соответствующая негативная их оценка влияет на структуру общественного правосознания, постепенно стимулируя его деструкцию и перестройку.

Индивидуальное и общественное правосознания образуют единую социально-правовую сферу, активно влияя друг на друга и находятся в постоянном динамическом взаимодействии.

Бедь В. В.

Юридична психологія: навч. посіб. — 2-ге вид., доп. і переробл. — К.: МАУП, 2003. – С. 55-67

<..> Соціалізація особистості – це процес і результат засвоєння і відтворення людиною соціального досвіду, який здійснюється в ході діяльності й спілкування. З цього визначення випливає, що соціалізація є

двостороннім процесом, який включає в себе, з одного боку, засвоєння індивідом соціального досвіду (як соціальне середовище впливає на людину за рахунок її входження в систему соціальних зв'язків), а з другого – відтворення соціального досвіду (як сама людина впливає на середовище за рахунок власної діяльності). <..>

<..> Соціалізація особистості – процес багатогранний. Одним із основних його напрямів є правова соціалізація, під якою мається на увазі вироблення в ході освоєння соціального досвіду ціннісно-нормативної орієнтації особистості, за якою приписи суспільних норм сприймаються нею як власні життєві установки. Правова соціалізація як процес включає в себе:

а) засвоєння критеріїв оцінок юридично значущих ситуацій;

б) вивчення законів і соціальних вимог, які визначають міру можливої і належної поведінки в суспільстві;

в) усвідомлення своїх прав та обов'язків і способів їх реалізації;

г) оволодіння необхідними соціальними навиками шляхом навчання того, як користуватися правовими знаннями, вимогами, правилами. <..>

<..> Існують різні способи засвоєння норм права і правових цінностей у ході соціалізації особистості:

1) предметний спосіб. Засвоєння відповідного способу дій, шаблонів поведінки відбувається в процесі тієї чи іншої діяльності людини, її взаємодії з іншими людьми;

2) традиційний спосіб, коли людина, спостерігаючи дії і поведінку людей в різних ситуаціях, засвоює відповідні звички і шаблони поведінки в ситуаціях соціальної взаємодії, що найчастіше трапляється;

3) раціональний спосіб. У цьому разі людина дізнається про правові цінності, стандарти правової поведінки на уроках у школі, із бесід з іншими людьми, з книжок і по каналах засобів масової інформації. <..>

<..> Виділяють три основні стадії процесу соціалізації:

- дотрудова стадія охоплює період життя людини до початку трудової діяльності. Ця стадія поділяється на ранню соціалізацію (від народження

дитини до вступу до школи) і на весь шкільний період життя людини, її навчання в технікумі, коледжі, вищих навчальних закладах;

- трудова стадія включає період трудової діяльності людини;

- післятрудова стадія охоплює пенсійний період життя. <..>

<..> Основне завдання правової соціалізації – забезпечення правомірної поведінки особистості, що передбачає формування і розвиток у неї правосвідомості. У широкому розумінні слова під правосвідомістю розуміється весь правовий досвід поведінки особистості чи групи людей. Правосвідомість виступає як одна з форм суспільної свідомості, зміст і розвиток її обумовлені матеріальними і духовними умовами існування суспільства. Як орієнтовна основа правознавчих дій правосвідомість визначає поведінку людини в сфері найсуттєвіших соціальних відносин. Її основа – не стільки знання численних правових норм, скільки усвідомлення і прийняття соціальних цінностей, які знаходять своє відображення в праві. <..>

<..>До основних ознак правосвідомості можна віднести такі:

а) правосвідомість не лише відображає соціальну реальність, але й активно на неї впливає;

б) як механізм правосвідомості виступає мовно-розумова діяльність людей; саме друга сигнальна система відображає систему правових знань і понять, яка регулює суспільні відносини;

в) правосвідомість не може існувати без конкретного носія – людської особистості чи групи (категорія групової правосвідомості виникає тоді, коли за ознакою єдності усвідомлення своїх правових норм у суспільстві відбувається об’єднання людей у групи);

г) правосвідомість не лише відбиває правовий досвід особистості, а й мотивує її поведінку. Інакше кажучи, вона виконує функцію регулятора поведінки людей. <..>

<..> Сфера морально-правових відносин у людини безпосередньо пов’язана з поняттям соціальної справедливості, яке характеризує міру

можливостей для самореалізації особистості в цих суспільних умовах. Кожна людина звертається до цього поняття в ситуації зіткнення належного і бажаного. Соціальна несправедливість унеможливлює самореалізацію особистості (а це вищий рівень її соціалізації), звідки й виникає соціальна напруженість у вигляді агресивності, заздрощів та ін.

Справедливість – категорія морально-правової свідомості, поняття про належне, пов'язане з історично мінливими уявленнями про необмежені права людини. Вона містить вимогу відповідності між реальною значущістю відмінності індивідів (соціальних груп) і їхнім соціальним становищем, між їхніми правами й обов'язками, між діянням і віддачею, працею і винагородою, злочином і карою і т. п. Будь-яка невідповідність у цих співвідношеннях оцінюється людиною як несправедливість. <..>

<..> Кожна особистість включена залежно від видів діяльності та спілкування в різноманітні соціальні групи, в яких вона виконує певну соціальну роль. Соціальна роль не зводиться лише до правового статусу індивіда, вона характеризується як його певними правами і обов'язками, так і комплексом нормативних вимог до поведінки. Річ у тім, що формальна і неформальна соціальна група є носієм тих чи інших соціальних цінностей, норм поведінки, а також служить джерелом примусового впливу, спрямованого на забезпечення відповідності поведінки членів групи вказаним нормам. <..>

<..> Сім'ї, для яких характерні дефекти правової соціалізації, що провокують дитину (підлітка) на скоєння правопорушень і злочинів, кримінологи називають неблагополучними. Виділяють такі види неблагополучних сімей.

Криміногенна сім'я відрізняється тим, що її дорослі члени скоюють злочини. Злочинна поведінка батька чи старшого брата демонструє дітям (підліткам) зразки антигромадської поведінки, породжує внутрішньосімейні конфлікти і суттєво збільшує ймовірність здійснення злочину неповнолітніми.

Для аморальної сім’ї характерні пияцтво й алкоголізм її дорослих членів, систематичні конфлікти (скандали та бійки), розпусні дії батьків. Виховання в таких умовах дітей, як правило, деформоване (батьки залучають своїх дітей до випивки, застосовують до них тілесне покарання, часом навіть у жорстокій формі, та ін.). Такі сім’ї калічать дітей, формують психопатичні риси характеру, розвивають у них озлобленість і агресивність. Так формується потенційний правопорушник.

Проблемна сім’я характеризується суперництвом між батьками за головне становище в сім’ї, роз’єднаністю, ізоляцією між батьками і дітьми. Постійна атмосфера напруженості між батьками призводить до того, що дитина (підліток) прагне якомога менше перебувати вдома, втрачає емоційний контакт із батьками, виходить з-під соціального контролю дорослих. І в цьому разі створюються умови для криміногенного формування дітей (підлітків).

Неповна сім’я з дефектами в структурі часто створює певну складність у правовій соціалізації дітей і підлітків. Це пов’язано насамперед з тим, що дитина (підліток) відчуває емоційний дискомфорт, який виявляється в емоційному голоді, почутті власної неповноцінності, «ущербності».

Псевдоблагополучна сім’я відрізняється безперечним домінуванням одного з батьків, наявністю жорстоких стосунків між членами сім’ї, застосуванням насильства, фізичного покарання як основних методів виховання… Часті фізичні покарання призводять, по-перше, до появи у дитини (підлітка) дратівливості, озлобленості, агресивності, по-друге, до заниженої самооцінки особистості дитини (підлітка), по-третє, до втрати чуйності і здатності співпереживати іншим людям, по-четверте, до появи ворожості стосовно батьків. <..>

<..> Законослухняна поведінка індивіда формується соціальними устоями конкретного суспільства. Саме соціальне середовище створює передумови для реалізації тих чи інших правових норм. Законослухняна поведінка є результатом правової соціалізації, у ході якої відбувається

засвоєння особистістю моральних і правових заборон, соціальних стереотипів поведінки. Вона визначається почуттям соціальної відповідальності, соціальної справедливості, повагою до права. При формуванні особистості в нормальних умовах соціалізації правові заборони приймаються людиною і стають звичними нормами її поведінки. У неї розвивається механізм соціального саморегулювання, під яким розуміється звична готовність чинити і діяти в конкретній обстановці певним чином.

Що ж лежить в основі правового регулювання? Воно базується на співвідношенні прав і обов'язків особистості та суспільства. Повнота і ступінь реалізації прав багато в чому залежать від соціальних установок особистості, її ціннісних орієнтацій та інших психологічних явищ.

Отже, розвиток правосвідомості завжди зумовлений навколишнім соціальним середовищем. На його формування впливають численні фактори макросередовища (політика, економіка, ідеологія, культура та ін.) і мікросередовища, які переломлюються через конкретні умови життєдіяльності особистості. Регулятивна сторона правосвідомості пов'язана з інтересами і потребами особистості, а також із волею. Схильність людини дотримуватися в своїй поведінці загальноприйнятих у суспільстві норм, її готовність дати звіт за свої дії та вчинки пов'язана з соціальною відповідальністю. Її суть – зіставлення вчинків людей з тим, як вони повинні поступати за цих обставин. Особливо виділимо правову відповідальність як визначену законом міру обов'язкових вимог, які ставляться державою до кожного члена суспільства. Правова відповідальність — це примусовий спосіб впливу на поведінку тих осіб, які ухиляються від виконання основних вимог суспільства. <..>

<..> Виділяють такі групи умов дієвості правових норм:

1) макросоціальні умови (рівень соціально-економічного розвитку суспільства, правова система і культура, соціальні інститути, ідеологія і т. д.);

2) мікросоціальні умови (найближче оточення людини – формальні і неформальні малі групи);

3) особистісні умови суб'єкта, який реалізує право. <..>

<..> Суть і зміст правових норм визначаються характером економічних відносин, рівнем соціально-економічного розвитку суспільства. Ефективність правових норм залежить також від політичної стабільності держави, від роботи державних і суспільних інститутів, правової культури членів суспільства.

Істотно впливає на реалізацію правових норм громадська думка, під якою розуміється виражене у формі певних суджень, уявлень і оцінок ставлення соціальних груп до різних явищ чи проблем соціального життя, які стосуються загальних інтересів. Суспільна думка виникає як продукт усвідомлення назрілих і тих, що потребують розв'язання, соціальних проблем і проявляється в зіставленні, а іноді й у зіткненні різних поглядів і позицій щодо правового акта (закону), який обговорюється, в схваленні, підтримці чи, навпаки, запереченні тих або інших правових норм, які приймаються законодавцями. <..> Завдання законодавців – виявити міру погодження з основними положеннями нормативного акта тієї частини суспільства, інтересів якої він торкається. Цілком очевидно, що наявність погодження з правовим актом у суспільній думці, підтримка його громадянами країни створює сприятливі соціально-психологічні умови для його реалізації. І навпаки, якщо законодавці ігнорують суспільну думку, не прислухаються до неї і не враховують у своїй роботі, то прийнятий правовий акт виконуватиметься далеко не в кожному конкретному випадку. <..>

<..> Мікросоціальні умови пов'язані з найближчим оточенням людини, із тими, з ким вона безпосередньо контактує (формальні малі групи – сім'я, навчальний клас, робоча бригада, співробітники відділу фірми і т. д., неформальні малі групи – коло друзів, компанія відпочивальників у санаторії тощо). Основне призначення малої соціальної групи – цілеспрямоване регулювання міжособистісних відносин з метою реалізації інтересів групи. Маючи в наявності певні санкції (міри впливу), внутрішньогрупові стосунки впливають на поведінку людини. Якщо норми права схвалюються і

визнаються цією соціальною групою, то її члени свідомо дотримуються правових приписів. У цьому разі ефективність правореалізації підвищується за рахунок того, що соціальні норми, які склалися, самої групи доповнюють, закріплюють правові. Можливий варіант, коли в соціальній групі офіційні правові приписи не схвалюються, виникає спокуса їх порушити, але загроза покарання змушує людей цього не робити. <..>

<..> Досить важливу роль у механізмі антигромадської поведінки правопорушників відіграє конкретна життєва ситуація. Вона являє собою сукупність обставин життя особи, які сприяють виникненню в неї за певних умов рішучості вчинити суспільно небезпечне діяння. Володіючи невеликою протяжністю у часі й просторі, конкретні життєві ситуації характеризуються також різним ступенем їх психологічної напруженості, взаємозв'язком із соціальним середовищем і впливом на особистість правопорушника. На відміну від мотиву – внутрішнього спонукання, конкретна ситуація в усвідомленні особи виступає як привід, який потребує прийняття певного рішення. Багато спеціалістів зазначають, що вплив соціального середовища як життєвої ситуації носить актуалізований характер, оскільки особистість взаємодіє з ним у цей момент перед скоєнням злочину. У цьому, по суті, й полягає відмінність життєвої ситуації від несприятливих умов формування особистості, які володіють відносно великою протяжністю у часі та поступовим характером накопичення негативної інформації. <..>

<..> Мотиви правослухняної поведінки особистості різні:

а) переконаність у суспільній корисності вчинку, який здійснюється;

б) правовий обов'язок, обов'язок перед суспільством;

в) професійне почуття відповідальності;

г) практична корисність вчинку для інших людей;

ґ) стереотип, звична поведінка;

д) конформізм (підкорення більшості);

е) боязнь правової чи моральної відповідальності;

є) особиста користь від здійснення вчинку;

ж) егоїстичні інтереси;

з) негативні мотиви (помста, ревнощі та ін.), які реалізуються правомірними засобами. <..>

<..> Інтереси особистості і суспільства дуже різноманітні, і не всі взаємовідносини між членами суспільства піддаються правовій регламентації. Особливість правових норм полягає в тому, що вони відображають найсуттєвіші стосунки між людьми. <..>

<..> у ході соціалізації особистості відбуваються засвоєння людиною норм і цінностей соціального середовища, входження в нього і відтворення соціальних норм. Цей об'єктивний процес засвоєння соціальних функцій, ролей, норм, обов'язків і набуття навичок соціально значущої поведінки проходить на раціонально усвідомленому і емоційному рівнях шляхом формування індивідуального і засвоєння соціального досвіду. Він супроводжується взаємним впливом навколишнього середовища на особистість і – в порядку зворотного зв'язку – особистості на середовище та інших учасників суспільних відносин. Скоєння правопорушення, однак, свідчить про неефективність попередньої, до злочину, соціалізації, наявність дефектів у взаємодії з середовищем. Така неузгодженість у соціалізації виявляється часом у незначних за своєю соціальною значущістю проступках і антигромадських діях. Але, якщо залишати такі дії без коригування соціальним середовищем, це призводить до подальшого відсторонення особистості і формування в неї суб'єктивної готовності застосувати в критичних ситуаціях засвоєний нею протиправний варіант поведінки. <..>

Ратинов А. Р.

Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 201-214

<..> Право как система социального контроля осуществляет свою функцию, воздействуя на сознание людей, и в частности на ту его сферу,

которую именуют правосознанием, имея в виду все формы психического отражения правовой жизни общества. Если правосознание служит непосредственным проводником права в общественную практику, то надо полагать, что как надлежащее, так и отклоняющееся поведение детерминируется определенной совокупностью свойств и особенностей правового сознания. Сказанным определяется важность проблемы правосознания для управления социальными процессами, для ликвидации преступности как явления, органически чуждого нашему обществу. Тем самым получение надлежащей информации о содержании, состоянии и изменении правосознания различных слоев, групп и регионов является насущной практической потребностью и актуальной задачей психолого-правовых исследований… Правосознание входит в состав правовой культуры разных общностей, где оно только и может быть познано. <..>

<..> Различая в правовой культуре определенную деятельность и ее продукты, мы выделяем два вида проявлений правосознания. Во-первых, в поведении: это – правотворчество, правоприменительная и правоохранительная деятельность, законопослушное или противоправное поведение, правовое просвещение и воспитание, научно-правовая деятельность. Во-вторых, плоды этой деятельности, т. е. само право и его институты; директивные акты и научные труды; правовая документация (например, уголовные дела); произведения искусства и публицистики; вербальные проявления сознания как в официальном, так и в неофициальном общении (слухи, письма, дневники, и пр.). <..>

<..> По принципу обратной связи культурные формы проявления правосознания одновременно служат и средствами его формирования или деформации, источниками правового опыта, каналами распространения правовой культуры. Отражаясь в сознании, они отчасти целенаправленно, а большей частью стихийно формируют должные или искаженные взгляды, оценки, установки и т.п. Такая двойственность функций элементов правовой

культуры обязывает четко определять каждый раз, какую именно из них мы имеем в виду, рассматривая тот или иной культурно-правовой феномен. <..>

<..>Внешние на первых порах нормативы должного поведения под влиянием санкционирующего обучения (по принципу одобрение – порицание, успех – неуспех) и иных социальных воздействий интериоризуются, входят в сознание личности, оформляясь в определенную ценностно-нормативную модель поведения – продукт индивидуального опыта личности и коллективного опыта макро- и микросреды, воспринятого через образцы поведения и систему значений.

Усвоение правовых ценностей, правовых норм, стандартов правового поведения идет в течение всей жизни. Даже в самом раннем возрасте человек «с молоком матери» впитывает первые элементы правовой культуры. Он приобретает навыки и усваивает стандарты нормативного поведения, получает первые юридические представления из сказок, в ролевых играх приобретает понятия о функциях права и его представителей и постепенно формирует хотя и примитивную, детскую, но собственную картину правовой жизни. С возрастом, по мере расширения круга общения, усложнения деятельности и выполняемых ролей происходят интенсивное обогащение и развитие этой, равно как и иных, сфер сознания.

Ценностно-нормативная система личности служит внутренним механизмом управления социальным поведением. По мере ее обогащения и все более глубокой интериоризации она приобретает все большую самостоятельность и независимость от внешних воздействий, выполняя функцию своеобразного фильтра влияний объективных обстоятельств. Все большую роль играют факторы внутренней детерминации поведения. Человек уже не только и не столько приспосабливается к наличной обстановке, сколько подыскивает и преобразует ее в желательном для себя направлении в соответствии с собственной концепцией прав и обязанностей, возможных и ожидаемых санкций.

Вопреки обыденному представлению ни позитивные, ни негативные санкции сами по себе не в состоянии обеспечить выполнения должного и воздержания от запретного поведения, ибо между поведением и санкционированием нет механической связи типа «стимул – реакция». Нужно иметь в виду относительно автономный характер ценностно-нормативной сферы личности, ее конкретное содержание, характер усвоенных ценностей, норм, установок и ориентации, опосредовавших разные стороны социальной действительности, и в частности ее правовую сферу. Поэтому действенность санкций зависит как от их объективного характера (значения), так и, в большей мере, от их субъективного смысла.

Для правомерного поведения в большинстве случаев бывает достаточно усвоения правовых принципов и общих целей, направляющих поведение в законопослушное русло: например, понимание и признание необходимости охраны неприкосновенности жизни, здоровья, достоинства, свободы, имущества и иных естественных для нашего строя личных и общесоциальных ценностей.

Будучи интериоризованы, эти исходные правовые положения – правовая аксиоматика – служат ориентирами для правомерного поведения в конкретной жизненной ситуации, даже если субъекту и неизвестны существующая на этот случай конкретная юридическая норма и уголовно-правовой запрет (такое конкретное знание необходимо лишь для исключительных, атипичных ситуаций). <..>

<..> Изучение мотивации правомерного поведения также подтверждает, что ведущими стимулами являются согласие, одобрение, поддержка установленных правил и стойкая привычка их исполнения. Противоположная картина наблюдается при исследовании правосознания различных категорий преступников, для которых оказались характерными внутреннее неприятие правоохраняемых ценностей, негативное и отчужденное отношение к отдельным элементам правовой системы, а у рецидивистов – глобальная противоправная ориентация. <..>

<..> В структуру правосознания входят несколько видов оценочных отношений. Это, во-первых, отношения к правовым принципам, институтам и нормам; во-вторых, отношения к правонарушениям, т. е. к посягательствам на право-охраняемые ценности; в-третьих, отношения к правоохранительным органам и их деятельности; в-четвертых, отношение к своему правовому поведению (правовая самооценка). <..>

Вопленко Н. Н.

Правосознание и правовая культура. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2000. – С. 14-39

<..> Виды правосознания определяются его субъектами, носителями и творцами различных форм осознания правовой действительности. В этой связи выделяются три основных вида правосознания: *общественное, групповое* и *индивидуальное.* Подобное деление основывается на признаке различной степени социальной общности.

Общественное, или ***массовое,*** правосознание представляет собой наиболее абстрактное выражение правосознания вообще. Это исторически сложившаяся на основе общности культурно-национальных особенностей развития система правовых идей, взглядов, теорий, чувств, эмоций, настроений и переживаний, характерных для данного общества в целом. Это своеобразный симбиоз рационально-психологических воззрений и оценок права, свойственных данному народу, сформировавшихся во временных и государственных границах его конкретной истории. Очевидно, что показателями общественного правосознания являются: исторически сложившийся настрой данного общества по отношению к праву; национально-культурные оценки, в том числе «максимы, мифы и предрассудки» в воззрениях на право; культивируемая в обществе система правовых ценностей; характерные для данного общества правовые принципы и идеи, воплотившиеся в основных его учреждениях и институтах и т. д.

Несмотря на свой абстрактный характер, общественное правосознание всегда «заземлено» и генетически привязано к национально-историческим особенностям культуры, религии и социальной структуры конкретного государства и общества. И это позволяет нам говорить о российском правосознании, американском, немецком и т. д. И, следовательно, каждый государственно-организованный народ имеет свое социально неповторимое общественное правосознание. <..>

<..> ***Групповое*** правосознание представлено в макро- и микрогруппах, составляющих национальную, классовую, социокультурную, производственную структуру общества. Эта система правовых идей, теорий, взглядов, чувств и настроений, являющихся характерными для данных социальных общностей, выражающих их преимущественный настрой по отношению к праву, его коллективные оценки. Такое значение имеют правовые воззрения классов, наций, народностей, трудовых и даже временных коллективов, в которых сложилась некая психологическая общность оценок правовой действительности. Здесь следует подчеркнуть особую роль классового правосознания, представленного в виде правосознания рабочего класса, крестьянства, буржуазии и т. д. В истории общественного развития эти виды коллективного правосознания часто служили идеологическими источниками революционной ломки и реформ национальных правовых систем.

Не менее важную роль в жизни общества играет правосознание малых групп: трудовых коллективов, общественных организаций, учебных групп, пенсионеров и т. д. Оно представляет собой своеобразный идейно-психологический «срез» индивидуального и общественного правосознания в коллективной жизнедеятельности людей. Это сложившиеся на основе групповой сплоченности и общности интересов правовые взгляды и оценки правопорядка, законности, правосудия, правовых институтов и учреждений общества, культивируемые в данной группе. Из этого объективно сложившегося или сознательно сформированного комплекса правовых

воззрений и оценок члены группы черпают свои представления о праве, к этому «усредненному» правосознанию они прибегают для аргументации мотивов своего отношения к праву и своего поведения. <..>

<..> ***Индивидуальное*** правосознание, с одной стороны, есть конкретизированное выражение общественного и группового правосознания в мировоззрении отдельной личности, а с другой стороны, является индивидуально неповторимой, усвоенной индивидом суммой правовых знаний, идей и концепций, а также соответствующих правовых чувств, настроений и ориентаций, определяющих отношение конкретного человека к праву и правовой действительности. <..>

<..> Индивидуальное правосознание, безусловно, несет в себе общественное содержание, поскольку оно формировалось на основе общественного бытия и в определенной правовой атмосфере, создаваемой общественным сознанием и правовой жизнью эпохи. Вместе с тем в нем проявляются особенности воспитания и образования личности, индивидуальной и коллективной, опыт ее поведения в правовой сфере, субъективно сформировавшиеся взгляды, оценки и ориентации. Оно может быть масштабным и ограниченным, компетентным и обыденным, пробельным и деформированным, демонстрируя тем самым индивидуально неповторимый мир правовых ценностей отдельно взятой личности. <..>

<..> Если *общественное, групповое* и *индивидуальное* правосознание характеризуют его виды, то ***обыденное, профессиональное*** и ***теоретическое*** раскрывают уровни формирования и функционирования. Виды правосознания, таким образом, определяются субъектами, составляющими социальную структуру общества, в то время как уровни показывают степень и качество его сформированности. Точнее говоря, уровень правосознания определяется глубиной, полнотой и способом отражения правовой жизни в общественном сознании.

Обыденное правосознание представляет собой такую совокупность правовых взглядов и соответствующих им психологических форм, которые

непосредственно на базе повседневного опыта людей отражают общественное бытие и правовые явления. Основными его чертами являются: массовость, эмпирический характер и не всегда достаточная компетентность. Обыденное правосознание означает повседневное познание правовой действительности самыми широкими народными массами, коллективами и конкретными людьми. Это наиболее распространенные и первичные правовые воззрения людей на состояние законодательства, правосудия, законности и выражающие их оценочное отношение к правовой сфере общества. В этих представлениях о праве содержится как непосредственный правовой опыт народа, так и его иллюзии (мифы, легенды, предрассудки), и следовательно, наблюдается переплетение рациональных и психологических компонентов правосознания при преобладании роли последних. Именно здесь складываются и приобретают свою живучесть народные пословицы, выражающие повседневное отношение людей к праву. Художественное и народное творчество в обыденном правосознании может демонстрировать как меткость и глубину народного прозрения, так и ограниченность и некомпетентность суждений по вопросам правовой жизни: «Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых»; «Не принимай решения, выслушав только одну сторону»; «Людской суд – самый правый»; «Око за око, зуб за зуб»; «Закон – для богача, а наказание – для бедняка»; «Деньгам законы нипочем»; «Где права сила, там бессильно право» и др. Являясь выражением первичного эмпирического уровня отражения правовой действительности, обыденное правосознание выступает своеобразной идейно-психологической почвой, предпосылкой для формирования правосознания теоретического и профессионального. Исторически оно предшествует юридически грамотному, компетентному анализу правовой действительности и является для него питательной средой и одним из важнейших источников.

Теоретическое правосознание есть систематизированное концептуальное отражение закономерностей правовой жизни общества в

форме научных понятий и категорий. Это гносеологически более высокий уровень отражения в сознании людей правовой сферы, состоящий в стремлении не ограничиваться анализом и оценкой правовых явлений, а вскрыть их сущность. Отсюда теоретическое правосознание представлено правовой наукой и идеологией. Теоретическое осмысление права и его явлений выражается в системном характере научных знаний, в глубоком проникновении познания в сущность закономерных связей правовой жизни и стремлении вскрыть истину объекта исследования. Теория – это инструмент науки и, одновременно, довольно часто – служанка идеологии. Это средство придания авторитетности, убедительности формы научного познания и, вместе с тем, показатель высокого уровня идеологии. Теоретические знания о праве претендуют на истинность и, будучи составной частью идеологии, защищают и обосновывают классово-политические интересы в сфере правового регулирования. Теоретическое правосознание является продуктом научного поиска и характеризуется преобладающей ролью рациональных элементов над психическими. Его содержание, представленное в виде идей, понятий, научных конструкций, входит составным элементом в духовную культуру общества и наиболее ярко характеризует интеллектуальный мир правовой культуры.

С теоретическим правосознанием тесно связано, взаимодействует и взаимопересекается, но не совпадает правосознание ***профессиональное.*** Его можно определить как одну из коллективных форм правового сознания общества, выступающую в виде системы правовых взглядов, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной или практической подготовки. <..>

<..> В научной литературе отмечаются такие черты профессионального правосознания, как компетентность, ориентированность на реализацию правовых норм, связь с идеями справедливости и законности, политическая

зрелость, чувство профессионального долга и т. д. Знания о праве, навыки и умения юридической деятельности составляют основу правосознания юристов. Это профессиональная компетентность в сфере действующего законодательства и практики его реализации, выраженная в достаточно глубоких и, главное, профессионально необходимых знаниях о праве и закономерностях его бытия, позволяющих заниматься юридической деятельностью. Знания юристов в области права значительно полнее и детальнее, чем у других граждан, и достигают экспертного уровня. Следовательно, юрист – это эксперт в сфере правовой действительности и ему свойственно профессиональное умение выражать потребности правового развития общества в юридических понятиях и категориях, оценивать те или иные факты общественной жизни, поведения людей с точки зрения действующего законодательства. <..>

<..> Профессиональное правосознание юристов качественно отличается от правосознания других групп населения по объему и глубине политико-правовых знаний, навыкам и умениям анализировать правовые проблемы, решать поставленные жизнью юридические задачи. Однако внутренне его можно дифференцировать на отдельные разновидности, представленные в качестве правосознания следователей, судей, прокурорских работников и т. д. Такое видовое разделение определяется особенностями ролевого поведения работников различных юридических служб, то есть спецификой выполняемых служебных функций и сложившимися в этой связи стереотипами в оценках правовой действительности и методах и способах деятельности.

Профессиональное правосознание, таким образом, можно определить как *обусловленную спецификой социальной роли и юридической деятельности профессионально формируемую систему правовых идей, взглядов, чувств, ценностных ориентаций, определяющих образ жизни и мотивы поведения в служебной сфере представителей юридической профессии.* Известно, например, что в мышлении и деятельности

следователей часто преобладает обвинительный уклон, а сознание адвоката ориентировано на защиту интересов клиента, поиск ошибок и просчетов в деятельности государственных служащих с целью отстаивания своей позиции по юридическому делу. Думается, что видовые различия профессионального правосознания характеризуются особенностями сложившихся правовых установок у представителей типичных юридических профессий. <..>

<..> К ***позитивным*** элементам правосознания юриста относятся те идейно-психологические явления его мировоззрения, которые способствуют грамотному, высокопрофессиональному осуществлению его служебных функций. Это субъективно усвоенные правовые ценности личности, определяющие ее мотивационную сферу. К ним можно отнести: идеи законности, справедливости, гуманизма, чувство профессионального долга, ориентация на поиски истины и другие положительные качества профессиограммы юриста. Будучи системно взаимосвязанными, они в совокупности составляют блок профессионально необходимых качеств личности. <..>

<..> наряду с позитивными элементами структуры профессионального сознания, в нем обнаруживаются и проявляются элементы ***негативные.*** И это позволяет сформулировать понятие ***профессиональной деформации*** юриста. <..> Деформация правосознания выступает в виде искажения идейно-психологической структуры личности, определяющей ее негативный настрой в сфере права и конкретные акты неправомерного поведения <..> хотя абсолютно надежных и формализованных критериев определения «нормальности» правосознания нет, презумпция существования такого правосознания основывается на выявленных наукой и практикой фактах правового нигилизма, инфантилизма, пробельности, искаженности познавательной, мотивационной и поведенческой сферы личности. <..>

<..> ***Правовой нигилизм*** <..> выражается в неуважительном отношении к праву, в неверии в его общеполезную роль в социальной жизни и

отрицании ценности правового регулирования, высокомерно-пренебрежительное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, основополагающей идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей <..> в сознании «деформированного юриста» место идей следования профессиональному долгу, законности начинают занимать соображения о вредности и излишнем формализме правового регулирования, представления о возможности поставить на место права принуждение, целесообразность, принцип пользы и т. д. Отличительная черта подобного нигилизма в его внутренней субъективной аргументированности. <..>

<..> ***Правовой инфантилизм*** – это юридическое бескультурье, безграмотность и непрофессионализм, выражающийся в «зияющих» пробелах правового образования, в несформированности личности как профессионального работника. Он может объясняться как психологической и интеллектуальной неспособностью личности к восприятию правовых знаний (слабость памяти, рассеянность внимания, пассивность воображения, узость личных интересов и т. д.), так и быть результатом постепенной деградации личности. <..> Показателями подобного правосознания являются отсутствие целостности и системности правовых знаний, узкий горизонт профессиональных возможностей деятельности, своеобразное ремесленничество в практической работе, нетворческий характер и неряшливость в решении служебных задач. <..> Результатом правового инфантилизма являются ошибки, неряшливость и брак в работе, а иногда даже должностной произвол, основанный на незнании действующего законодательства и представлениях о своей служебной несвязанности правом. <..>

<..> ***Негативно-правовой радикализм*** <..> особое состояние профессионального правосознания, характеризующееся своеобразным «перерождением» идейно-психологической структуры личности и ее настроем, готовностью к решительным противоправным действиям.

Правовые знания и навыки деятельности здесь приносятся в жертву преступным целям. Искажение познавательной, мотивационной и поведенческой сфер личности достигает такого уровня, который сообщает правосознанию аномальный характер, ориентирует его на достижение преступных намерений. <..> Неуважение к праву у негативных радикалов трансформируется в противоправный умысел использовать должностное положение в личных корыстных, карьерных и иных антисоциальных целях. <..>

<..> можно выделить два фактора, управляющих его формированием. Это, во-первых, изначально сложившаяся «доюридическая» антисоциальная жизненная позиция как результат личного жизненного опыта. И, во-вторых, влияние на личность неблагополучной социальной микросреды, из которой она черпала негативный заряд знаний и практики. Одиозность негативно-правового радикализма требует от него постоянного лавирования, маскировки, ибо его антиправовая сущность очевидна и свидетельствует о необходимости устранения из сферы публичной деятельности. <..>

<..> ***Спекулятивно-правовой популизм*** как особая разновидность профессиональной деформации выражается в субъективном настрое должностного лица на внешнюю аффектацию своей личности и результатов деятельности, на подчеркивание исключительной значимости своего отношения к делу и стремления на этой основе укрепить свой социальный и служебный статус. Это идейно-психологическая готовность «работать на публику», искусственно рассчитывая на популярность собственных правовых воззрений и практических действий и выигрыш в мнениях и оценках других людей. <..> Это может быть как искусственная «игра» на отстаивании ведомственных, корпоративных интересов и связанных с ними льгот, прав и привилегий. В этом случае спекулятивно-правовой популизм выглядит как одно из проявлений стремления к бюрократической неуязвимости. Аналогичное значение имеет и так называемый «ведомственный патриотизм» в виде искусственного подчеркивания и

раздувания значимости сугубо ведомственных интересов и противопоставление их интересам общегосударственным. Такова сегодняшняя практика правотворческого закрепления льгот и привилегий за сотрудниками отдельных ведомств, подрывающая государственный бюджет. <..>

<..> ***Нравственно-правовой конформизм*** характеризует правосознание должностного лица, ориентирующегося в своей деятельности на образцы и стандарты ролевого поведения, культивируемого в данной социальной среде. <..> Нравственно-правовой конформизм в качестве деформации профессионального сознания юриста характеризуется пассивным восприятием правовой действительности, подлаживанием под сложившиеся стандарты нравственно-правового поведения, стремлением угодить коллегам по работе и начальству, некритическим отношением к маргинальным требованиям и актам практической деятельности. Это пассивная жизненная позиция в расчете на понимание и покровительство в трудовом коллективе. <..>

<..> ***Функции правосознания*** представляют собой основные направления его воздействия на социальную жизнь, в которых проявляется его сущность и социальное назначение. К числу таких функций следует отнести: ***познавательную, оценочную, регулятивную*** и ***воспитательную.***

Познавательная функция правосознания выражается в том, что оно служит объективным средством, исключительным инструментом отражения и осознания явлений правовой действительности. Через правосознание осуществляется повседневный (обыденный), профессиональный и научный анализ закономерностей правовой жизни общества во всех ее проявлениях, познается истинность самого права и способов правового регулирования, формулируются научно-практические знания о праве. Реальными инструментами познания мира правовых явлений выступают правовые идеи, понятия, гипотезы, теории, посредством которых осуществляется анализ юридической сферы, накапливаются и уточняются правовые знания. На основе правового познания происходит совершенствование действующего

законодательства, властное регулирование общественных отношений в рамках правоприменительной деятельности, а также саморегулирование гражданами своего поведения. <..>

<..> ***Оценочная*** функция правосознания выражается в его способности служить средством определения степени полезности правовых явлений для практической жизнедеятельности людей. Оценочный процесс осуществляется параллельно с познавательным и выглядит как измерение права и юридической деятельности через призму категорий правомерного и неправомерного, законного и незаконного, справедливого и несправедливого. Оценочная деятельность как бы придает законченный характер познанию права, нацеливает юридические знания на решение практических задач в соответствии с осознанными человеческими интересами. <..>

<..> Правосознание способствует формированию следующих основных видов оценочных отношений: а) к праву в целом (его принципам, нормам, институтам); б) к правовому поведению окружающих и к объектам деятельности (преступности, преступлениям, преступникам); в) к правоохранительным органам (прокуратуре, адвокатуре, суду, юстиции и т. д.); г) к своему собственному поведению (самооценка). Оценить право или нормативную ситуацию означает соотнести их со своими желаниями и настроениями, измерить собственным жизненным опытом и сформировать свое субъективное отношение. <..>

<..> ***Регулятивная*** функция правосознания является логическим продолжением и конкретизацией ценностно-ориентационного отношения субъекта к явлениям правовой деятельности. Ее содержанием выступает осознанное поведение личности в виде саморегулирования собственных поступков и совершения актов юридически значимой деятельности. <..>

<..> Разумеется, что регулятивный характер правосознания не тождествен регулятивности правовых норм. Последние являются продуктом государственной воли, являются обеспеченными средствами государственного принуждения и формально-определенными регуляторами

общественных отношений. Правосознание же действует на поведение людей через знания о праве, правовые ориентации и установки. Это своеобразное «предофициальное», или «доофициальное», регулирование человеческого поведения на основе информации об идейно-психологическом содержании права. Правосознание регулирует, но регулирует незаметно, вплетаясь в сознательно-волевую деятельность людей и управляя ею.

Воспитательная, или идеологическая, функция правосознания проявляется в том, что оно выступает элементом духовной культуры общества и личности, служит идейно-психологическим средством воспитания сознательного и ответственного отношения людей к жизни. Правосознание в различных его видах (индивидуальное, групповое, массовое) аккумулирует в себе идеи, взгляды, теории о политико-правовой действительности, пропагандирует правовые знания, а также может целенаправленно агитировать за определенные юридические ценности и стандарты поведения. Бесспорна и значима его роль в качестве средства сдерживания человеческого эгоизма и пропаганды правомерного образа жизни. Предупреждая о грядущих последствиях неправомерного поведения угрозой наказания, позволяя распознавать образ законного и незаконного, справедливого и несправедливого в сфере права, правосознание «подсказывает» и учит образцам и вариантам законопослушной деятельности. <..>

<..> Действительная роль правосознания в жизни общества выходит за рамки четырех рассмотренных его основных функций и проявляется также в правотворчестве, правовом прогнозировании, моделировании правовых ситуаций и т. д. И это еще убедительно подтверждает ту мысль, что правосознание является одной из важнейших сфер бытия права.

РОЗДІЛ 3.
ПСИХОЛОГІЯ ОСОБИСТОСТІ ПРАВОПОРУШНИКА

Основні теми
і поняття розділу

Методологічні питання психологічного вивчення особистості злочинця
Психологія особистості злочинця. Ціннісно-нормативний підхід
Психологічні питання деліктоздатності
Взаємодія об'єктивних і суб'єктивних чинників як причина злочинної поведінки
Злочин – вольовий акт людської поведінки
Кримінальне свавілля (соціопсихологія волі і свідомості злочинця)
Біосоціальні теорії причин злочинності
Соціальна типологізація особистості. Типологічні ознаки особистості злочинця
Психологія кримінальної поведінки
Психологічна характеристика особистості правопорушника з числа молоді, яка навчається
Агресія
Психологія вбивства

Антонян Ю. М.

Изучение личности преступника // Личность преступника как объект психологического анализа. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. – С. 27-35

<..> В настоящее время юридические науки «криминального» профиля и ряд пограничных наук все более полно охватывают многообразные связи и отношения личности преступника, ее проявления и социальные роли. В системе тех или иных связей и зависимостей личность преступника изучается то как объект воздействия среды – антиобщественного и социально полезного, то как субъект преступной деятельности, поведения, антиобщественного образа жизни, источник влияния на других людей, как субъект правоотношений. Исключительное значение имеет исследование особенностей личности, которые приводят к преступному поведению, каналов и путей формирования этих особенностей, форм и методов их выявления и устранения.

Подобного многообразия научных подходов к изучению личности преступника еще не знала история юридической науки. Для многих наук те или иные стороны личности преступника составляют, собственно, их предмет как науки. Более того, именно на базе особого внимания к этой разновидности личности и поиска наиболее эффективных путей воздействия на нее, в условиях растущей дифференциации специальных дисциплин и прогресса аналитических методов сформировались такие относительно «молодые» науки, как исправительно-трудовая психология и исправительно-трудовая педагогика.

Характерной чертой познания личности преступника является широкое использование достижений неюридических наук, в первую очередь философии, социологии, психологии, педагогики, экономики, этики, медицины, биологии, математики и соответственно появление работ, в

которых исследуются социологические, психологические и другие аспекты личности преступника. В условиях научно-технического прогресса и индустриализации, с ростом неосторожной преступности можно предвидеть широкое использование в будущем и технических наук в изучении данной проблемы.

В свою очередь многие неюридические науки проявляют интерес к личности преступника, особенно психиатрия, педагогика, психология. Все это, конечно, отражает общую ситуацию в науке, проявляющуюся в росте исследований пограничных проблем и взаимопроникновении наук. Вместе с тем изучение личности преступника должно оставаться прерогативой юридических наук, поскольку, во-первых, речь идет о правовом явлении. Во-вторых, юридическая психология, исправительно-трудовая педагогика, судебная психиатрия и судебная статистика хотя по своим предметам и относятся к другим отраслям научного знания, но, исследуя личность преступника, они тем самым «обслуживают» юридическую науку и юридическую практику. <..>

<..> Необходимость единого учения о личности преступника вызывается тем, что эта личность – единая целостная система, а данные отдельных наук в ней суть характеристики ее отдельных элементов. Конечной же целью познания этой разновидности личности является познание ее целостности, для достижения которой необходимо существенное описание новых качеств целого и изучение изолированных частей, чтобы затем перейти к специальным познавательным актам, имеющим фундаментальное значение. Одним из таких актов является рассмотрение личности преступника как предмета междисциплинарного юридического научного познания. <..>

<..> На наш взгляд, науки, изучающие личность преступника, достигли такого уровня, когда становится обязательным целостное раскрытие этого предмета научного познания, скачок к созданию его целостной познавательной картины. Такой скачок возможен лишь как диалектическая

интеграция и синтез множества аспектов, открытых в познаваемом явлении отдельными науками, изучающими его сквозь призму собственного предмета познания. Однако здесь предполагается не просто интеграция огромного количества информации о личности преступника, а интеграция, основанная на организации целенаправленного взаимодействия между различными областями знаний, и, следовательно, речь идет о сознательном регулировании самого процесса их взаимодействия. Это предъявляет новые требования к научной организации научных исследований проблемы личности. Саму же интегративность можно рассматривать как один из принципов ее целостного познания. <..>

<..> Междисциплинарное познание личности преступника, включающее в себя и эмпирические, и теоретические исследования, должно быть сосредоточено на закономерностях развития этой личности как особого общественного явления, как реально существующего процесса. Такое познание призвано использовать все то, чем располагает современная наука о человеке, и все то, что может быть использовано для всестороннего изучения данной разновидности личности. Оно призвано также обеспечить взаимодействие юридических наук «криминального профиля» и неюридических смежных наук, а также взаимодействие научных школ. Поэтому междисциплинарное исследование должно выполнять функцию сбора материалов, фактов, функцию их теоретического обобщения и анализа, функции прогнозирования и выработки практических рекомендаций.

Не исключено, что личность преступника как центр комплексного исследования явится прообразом (или первым этапом) координации исследований проблем преступности в целом ряде наук. В качестве же такого центра она представляет собой комплексную систему, включающую в себя иерархию подсистем первого, второго и т. д. порядка. За комплексную систему первого порядка можно принять и синтез наук вокруг одной крупной проблемы, например проблемы «общение преступников». Тогда в рамках этого синтеза могут образоваться комплексы второго порядка: «соучастие в

преступлении», «общение преступников в неформальных малых группах» и др. Теоретические принципы построения этих блоков, взаимодействие наук в рамках основного макрокомплекс должны стать предметом специального научного анализа. <..>

<..> личность преступника, которая, как и любая личность, постоянно изменяется и развивается в виде некоего пути. Этот путь весьма условно и относительно можно разбить на три «части»: 1) формирование личности преступника, личность в ее взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией до и во время совершения преступления; 2) личность преступника в процессе осуществления правосудия в связи с совершенным им преступлением; 3) личность преступника в период отбывания наказания.

При организации и осуществлении междисциплинарного изучения личности преступника необходимо иметь в виду возможности не только наук, уже участвующих в таком изучении, но и, разумеется, других наук. Здесь нам хотелось бы особенно подчеркнуть то обстоятельство, что целью междисциплинарного познания личностных особенностей преступников, как и исследования их отдельными науками, является разработка мер по профилактике преступного поведения, исправлению и перевоспитанию преступников, причем последнее, как известно, реализуется еще в процессе расследования преступлений. Следовательно, одним из важнейших аспектов междисциплинарного исследования является использование возможностей педагогики, психологии, социологии, техники, физиологии, генетики поведения, медицины, антропологии, демографии, этнографии и т. д. <..>

<..> Важной задачей междисциплинарного исследования личности преступника является раскрытие того главного звена, которое придает этой личности характер целостности. Целостность личности нельзя понимать как простое механическое перечисление всех ее определений, как сумму признаков <..> психологических, демографических, правовых и т. д. Подобное суммарное понимание, внешне претендующее на всестороннее рассмотрение, в действительности утрачивает понимание целостности.

Таким звеном является представление о личности вообще и о личности преступника в частности как о субъекте деятельности.

В самом деле деятельность является основанием личности. В деятельности человек выступает как личность, движимая определенными мотивами и преследующая какие-то цели, поэтому путь к познанию личности лежит через анализ ее деятельности. <…>

<..> Преступная деятельность как разновидность социокультурно направленной, активности человека, выражающейся в избирательном отношении к среде, представляет собой актуализацию нравственно-психологической деятельности, перевод соответствующих моральных ценностей из потенциального состояния нравственной нормы в поведенческое состояние. В этом своем качестве преступная деятельность в отличие от любой другой характеристики личности преступника исследуется всеми без исключения юридическими и смежными науками «криминального профиля».

Именно деятельность, ее психологические, социологические, правовые, этические и иные аспекты наиболее полно и глубоко характеризуют личность преступника, поскольку в деятельности раскрывается направленность этой личности, ее установки, нравственно-психологические особенности, правосознание. Деятельностный подход позволяет охватить разнообразные проявления личности преступника, в том числе и те, которые непосредственно не связаны с преступлением, но могут служить целям профилактики преступлений, исправления и перевоспитания преступников. Так как личность объективируется, проявляется лишь в деятельности (при всем том, что личность и деятельность не идентичны), изучение последней дает возможность на практике избежать нарушений законности, в том числе при осуществлении профилактики преступлений, включающей их прогнозирование, поскольку борьба с преступностью на индивидуальном уровне будет ориентирована на внешние деятельностные факты, т. е. только на поведение.

Исследование деятельности личности преступника должно, конечно, охватывать внешнюю и внутреннюю деятельность, важную для понимания преступного поведения, его классификации, индивидуализации наказания, профилактики преступлений и перевоспитания преступников. В этих целях должна изучаться преступная деятельность в целом, связанные с преступлением отдельные поступки, общение и образ жизни, внутренние психические процессы. Так, последние значимы для науки уголовного права, например, в связи с познанием субъективной стороны преступления, для криминалистики – в связи с разработкой проблем осуществления отдельных следственных действий, для исправительно-трудовой психологии и исправительно-трудовой педагогики в связи с разработкой эффективных мер исправления и перевоспитания осужденных. Для криминологии внутренние психические процессы также чрезвычайно важны, поскольку их исследование помогает уяснить их происхождение и влияние тех общественных связей, в которые включен человек.

Ратинов А. Р.

Методологические вопросы психологического изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника (Методы исследования): Сборн. науч. трудов. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1976. – С. 5-14, 20-21

<..> Психологическое изучение личности преступника является частью междисциплинарного исследования, проводимого в целях дальнейшего углубленного выяснения причин преступности, механизмов преступного поведения, классификации и типологии преступников для последующего совершенствования законодательства и практики его применения, дифференциации наказания и индивидуализации его исполнения, повышения эффективности воспитательно-профилактических мероприятий и деятельности следственных, судебных и исправительных учреждений.

Для этого должна быть получена динамическая характеристика всего

криминогенного ансамбля условий и свойств и на этой основе определена роль личностного фактора и его конкретное содержание в разных видах преступного поведения.

Решение этой исследовательской задачи опирается на марксистский принцип детерминизма, выраженный в формуле: «Внешние причины действуют, опосредствуясь внутренними условиями». Конкретизация этого принципа применительно к целям настоящего исследования требует детального уяснения того, какие именно предшествующие влияния и актуальные воздействия преломлялись в сознании личности и какие именно стороны сознания и в силу каких его особенностей опосредовали эти внешние причины и сформировали именно такой поведенческий акт. <..>

<..> Из концепции единства сознания и деятельности вытекает, что разные виды деятельности требуют преимущественного участия тех или иных психических свойств, а разные психические свойства наиболее успешно реализуются в соответствующих им видах деятельности. Отсюда следует, что *качественно различным видам преступной деятельности соответствует определенный и своеобразный комплекс психических особенностей личности преступника*. <..>

<..> Психологическими исследованиями установлено, что характерологические особенности личности участвуют в формировании индивидуального стиля поведения, не предопределяя фатально его социальной направленности. Сказанное позволяет сделать вывод, что индивидуально-психологические особенности, сами по себе не являясь причиной противоправного или правомерного поведения, участвуют в формировании способов его осуществления, Преступная же цель и общая направленность поведения задается на другом уровне и иной системой детерминант, которые носят исключительно социальный характер. Однако учитывая, что в структуре деятельности по мере протекания происходит постоянная смена значений цели и средства (способа), возникает необходимость более детального уяснения роли характерологических

особенностей человека в процессе целеполагания и формирования конкретного поведенческого акта применительно к разным категориям преступников. <..>

<..> Преступление как волевой и сознательный акт (иначе это не преступление) осуществляется во исполнение принятого решения. Принятие решения как процесс и само решение как его результат относятся к сфере умственной деятельности человека. Принятие решения можно считать интеллектуальной стороной мотивационного механизма, само же решение – мыслительной моделью будущего поведения. При этом объективная ситуация образует некоторое «поле» возможностей, которые оцениваются преступником для выбора предпочтительного варианта поведения.

Признание преступления сознательным поведенческим актом, реализующим принятое решение, дает основание предположить, что в той сфере, где происходит окончательное формирование внутреннего плана деятельности, таятся некоторые субъективные причины социально неадекватного поведения. Возможно, что разным видам противоправного поведения соответствуют своеобразные сочетания интеллектуальных качеств правонарушителей. <..>

<..> Отношение человека к самому себе выражено в «психологическом автопортрете» – определенном «Я-образе», который характеризуется самооценкой и вытекающими отсюда притязаниями субъекта на соответствующие отношение и положение в обществе. Существенный разрыв между самооценкой и оценкой, между притязаниями и статусом личности нарушает процесс социальной адаптации и приводит к конфликтам личности с окружением. Исходя из этого, рассмотрение механизмов отклоняющегося поведения всегда связывается с феноменом самооценки. В ней фокусируется психическое отражение всех объективных отношений и связей личности со средой. Через самооценку прощупываются установки и ориентации на определенные, значимые для личности системы ценностей.

При этом можно ожидать две тенденции неадекватности оценок и

самооценок.

Во-первых, завышенная самооценка и притязания личности, которые, не получая общественного признания и удовлетворения, приводят к отчуждению от общественной системы ценностей, толкают на поиски образа жизни и среды, обеспечивающих удовлетворение этих притязаний.

Во-вторых, заниженная самооценка и сниженные требования к себе толкают человека на путь наименьших трудностей. «Комплекс неполноценности» в порядке компенсации и гиперкомпенсации порождает антиобщественные поступки.

Естественно также предположить, что разным видам преступного поведения соответствует своеобразное содержание и специфические акценты в самооценках разных групп преступников.

Выделение этих групп опирается на результаты большего числа криминологических исследований, подтверждающих их социально-правовое своеобразие.

Ратинов А. Р.

Психология личности преступника. Ценностно-нормативный поход // Личность преступника как объект психологического анализа. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. – С. 27-33

<..> Антиобщественная направленность личности, как полагают некоторые авторы, не всегда является причиной преступности. Например, преступную небрежность, по мнению В. Н. Кудрявцева, нельзя считать свойством личности. Предлагаемая им концептуальная схема генезиса преступного поведения допускает мысль о возможности прямого действия жизненной ситуации в качество непосредственной причины преступления, без опосредования ее личностными свойствами субъекта. Между тем с психологической точки зрения ситуация – это определенное видение субъектом некоторого фрагмента действительности, в которой протекает его актуальная деятельность. <..>

<..> Переоценка мотивирующей (вернее, стимулирующей) роли криминальной ситуации проистекает из трактовки личности в качестве пассивного объекта социальных воздействий. Определение личности в терминах ролевой теории иногда сводится к совокупности социальных ролей, т. е. системе программ ожидаемого поведения, отвечающего положению человека в структуре той или иной социальной группы.

Механический перенос этих понятий на криминологическую почву приводит к пониманию личности преступника как субъекта, выполняющего соответствующую, извне навязанную и жестко запрограммированную роль. Подобное толкование представляется бесплодным. Оно превращает человеческую личность в набор социальных функций, вынуждаемых ситуациями и экспектациями. Деятельная сущность и вообще психологическое содержание личности при этом утрачиваются. <..>

<..> Наиболее общепризнанным или, вернее, наиболее совпадающим в различных теориях является понимание установки как укоренившихся структурных, диспозиционных свойств личности, предопределяющих постоянство внутренних переживаний и внешнего поведения. Являясь составной частью личности, они не исчерпывают ее в целом, поскольку личность обладает и другими социальными свойствами и образованиями. Отметим отличительные признаки установки, определяющие, на наш взгляд, ее природу:

а) благоприобретенный характер установки; своими корнями установка уходит в прошлый опыт личности, она приобретена в ходе взаимодействия человека с объектами природной и социальной среды, в практике общения, в процессе деятельности;

б) относительная устойчивость установки, зафиксированной прошлым образом действий и способом реагирования на ситуацию данного типа; вместе с тем установки обладают известной изменчивостью, способны перестраиваться, разрушаться, затухать в ходе и в результате деятельности;

в) направленность установки на какой-то определенный объект (явление, ситуацию); подобная соотнесенность с объектом, способным так или иначе служить удовлетворению какой-либо потребности (интереса, целей деятельности), отличает установку от иных свойств личности, которые не носят предметно-ориентированного характера;

г) обобщенность и дифференцированность установок; установки могут формироваться в отношении обширного множества объектов данного класса либо обладать большей или меньшей специфичностью вплоть до индивидуально определенного объекта человека, явления, ситуации;

д) установки способны иррадиировать и переноситься на другие объекты за отсутствием соответствующей установки на данный объект или класс объектов в результате его идентификации с объектом, ранее сформировавшим данную установку;

е) сформированные и зафиксированные установки продолжают свое существование латентно, активируясь при возникновении соответствующей потребности и ситуации ее удовлетворения, при встрече с соответствующим объектом;

ж) установка как избирательная ориентированность и предрасположенность человека предполагает наличие набора поведенческих альтернатив, т. е. готовых к реализации моделей или стереотипов внешнего поведения, обеспечивающих удовлетворение потребности в той или иной ситуации;

з) объект установки обладает определенным значением для субъекта, обусловленным прошлым опытом (системой ценностей) и содержанием актуальной деятельности; тем самым установка имеет ценностную природу (целевую или инструментальную);

и) множественность и вариабильность установок, которые валентны вещественным и идеальным объектам природной и социальной среды во всем их чрезвычайном многообразии;

к) двухмодальное содержание установок, которое в тенденциях принятия или отвержения и реализуется в активности двоякого рода: влечении или избегании. <..>

<..> Принимая решение о противоправном поведении, человек руководствуется более или менее сложной системой оценок, в которых можно выделить несколько взаимосвязанных групп:

а) ценность желательного результата преступного действия, т. е. цели преступления;

б) значимость ситуации и отдельных обстоятельств в качестве препятствующих, затрудняющих или способствующих достижению этой цели;

в) эффективность того или иного способа действия в данной ситуации как средства достижения желаемой цели;

г) вероятность и значимость нежелательных последствий совершения преступления. <..>

<..> Оценка вариантов преступного поведения проводится в рамках детерминирующих факторов, которые допускают разные способы действия. Попутно отметим, что в сложной структуре деятельности не всегда различают уровни детерминации самого преступления и способов его осуществления, т. е. операционального состава, «технологии». <..>

<..> В основе выбора способа действия также лежит предпочтение одних ценностей другим. Пренебрежение же свидетельствует об их незначимости или относительно малой значимости для субъекта в данный момент. Этим же объясняется факт неполного осознания отдельных обстоятельств и последствий деяния в некоторых видах преступного поведения. <..>

<..> Из предыдущего изложения следует неразрывная взаимосвязь и постоянное соотнесение друг с другом цели, ситуации, средств и последствий, итогом чего является принятие решения о совершении преступления или воздержании от него. Таким образом, решение есть

результат оценочной деятельности, в ходе которой происходит взаимовлияние, взаимодополнение, взаимоподкрепление, взаимопогашение, взаимоисключение разнообразных ценностей и, в конце концов, доминирование одной из них. В этом, как мы полагаем, сущность мотивационного механизма.

Поэтому в эмпирических целях задача изучения мотивационной сферы преступников и мотивов совершаемых преступлений может быть представлена как диагностика личностных ценностей, их иерархии и места в ней конкретных ценностей, во имя и за счет которых совершается преступление.

Костицкий М. В.

Психологические вопросы деликтоспособности // Проблемы совершенствования правового регулирования. – Вестник Львовского ун-та. Серия: юридическая. – Вып. 20. – Львов, 1981. – С. 99-106

<..> На современном этапе развития юриспруденции требуется теоретическое переосмысление некоторых институтов действующего права, в частности такого, как юридическая ответственность. В современных условиях среди функций юридической ответственности главную роль начинает играть превентивная функция как универсальная, базовая, неразрывно связанная с сущностью советской правовой системы. Предупредительная функция не подменяется, скажем, восстановительной функцией в гражданском праве или карательной в уголовном. Эти отраслевые функции остаются функциями второго порядка. Важным положением, на наш взгляд, является ориентация на комплексный подход в борьбе с правонарушениями, который состоит, с одной стороны, в единстве действий государственных и общественных органов и организаций, с другой – в решении задач борьбы с правонарушениями с применением достижений общественных и естественных наук.

Комплексный анализ правонарушения, юридической ответственности за его совершение предопределяет необходимость личностного подхода, однако не в виде простого перенесения психологических, социологических, педагогических и других знаний в юриспруденцию, а путем их синтеза на правовой основе, трансформации в право моментов, характеризующих личность.

Личность в психологии, например, анализируется как динамическая биосоциальная система со сложным единством черт, в целостности и взаимосвязях. Качественные или количественные изменения социальной или биологической подсистем влекут изменение личности в целом. При этом под социальной подсистемой, которая является определяющей, понимаются особенности проявлений в каждом человеке общественных закономерностей, характера социальной среды, морали, права и т. д. Иными словами, социальная подсистема личности – это проекция на индивидуальном уровне общественных отношений и установлений.

Биологическая подсистема характеризуется принадлежностью конкретной личности к *homo sapiens*, специфическими антропологическими, конституционными, физиологическими и другими особенностями. Изменение условий и характера жизни современного человека детерминировали ускорение его биологического созревания, особенно за последние 15-20 лет. Причины этого явления многосложны. Отечественные и зарубежные авторы указывают на решающую роль в этом процессе возрастающих показателей жизни, обучения, характера социальной среды.

Ускорение физического развития коррелируется с ускорением психического развития, которое предполагает достижение уровня самосознания, значительных показателей интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер в более раннем возрасте. Однако темп психического развития характеризуются более низким уровнем по сравнению с физическим развитием. Иными словами, психическое развитие не успевает за биологическим, хотя, повторяем, в связи с акселерацией период созревания

индивида сократился, а возрастная градация этапов становления личности изменилась. <..>

<..> представляют интерес два возрастных периода, выделенные в психологии: подростковый и ранний юношеский. Традиционным было отнесение к подростковому возрасту лиц 11-16 лет, а к раннему юношескому 15-18-летних.

Подростковый (переходной) возраст характеризуется бурным ростом и развитием организма, половым созреванием, формированием нравственных убеждений, мировоззрения, самооценки, потребности в самовоспитании, сознательного отношения к действительности. Умственное развитие подростка характеризуется накоплением систематизированных знаний, их связью с практической деятельностью и др. Однако подростковый возраст отличается и значительными трудностями. Отражение действительности, понимание других людей и взаимоотношения с ними связаны с существенными ошибками в познавательных процессах и поведении подростка, которые могут в конечном итоге приобретать форму упрямства, негативизма, лживости, агрессивности. Эти моменты в совокупности с другими факторами могут выступать в качестве причин и условий поведения, отклоняющегося от социальных норм.

В раннем юношеском возрасте достигается физическая, психологическая и социальная зрелость, которая делает человека вполне способным к самостоятельной социально полезной деятельности. Этот возраст характеризуется широтой и разносторонностью интересов, умственная деятельность приобретает самостоятельный и творческий характер.

В связи с акселерацией границы подросткового и юношеского возраста сместились на год-полтора вниз. Одновременно с ускоренным физическим и психическим развитием подростков и молодежи наблюдается противоположный процесс – ретардация в отношении ограниченного круга лиц: отставание физического и психического развития в среднем на два года

против нормы. Акселерация и ретардация особо четко проявляются в подростковом периоде.

Рассмотренные объективные процессы имеют важное юридическое значение. Ведь эти общие закономерности изменения формирования личности в одинаковой мере проявляются как в отношении законопослушных лиц, так и делинквентов, (правонарушителей) и должны учитываться при применении юридической ответственности.

Юридическая ответственность (в данной статье речь идет о внедоговорной ответственности) базируется на правоотношениях и имеет единую правовую природу независимо от регулирующей ее отрасли законодательства. Предпосылкой юридической ответственности является состав правонарушения, в который включается объект, субъект, объективная и субъективная стороны. В одних отраслях, например в уголовном праве, четко выделены все эти составные части в других, например в административном, некоторые из них (субъективная сторона и объект) выводятся за пределы условий ответственности и присутствуют как бы само собой разумеющееся.

Чтобы субъект правонарушения мог нести ответственность, он должен обладать правосубъектностью, включающей деликтоспособность. Определяющими ее показателями являются достижение лицом определенного возраста и вменяемость.

В юриспруденции отсутствует единый подход к определению возраста, с которого наступает ответственность. По действующему законодательству гражданско-правовая деликтоспособность наступает с 15 лет, в трудовом праве – с 16 лет (когда трудовой договор заключается с 15-летним, то с момента заключения договора), в уголовном праве – с 14 и 16 лет. <..>

<..> Специалисты сходятся на том, что в основе возрастной градации деликтослособности лежит не просто достижение определенного физического возраста, но возможность отдавать отчет в своих действиях и

руководить ими. Такой подход к деликтоспособности идентичен определению вменяемости, поскольку она определяется в зависимости от способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Деликтоспособность, по нашему мнению, включает биологический и психологический показатели. При этом, как указывалось выше, уже в биологическом показателе присутствует социальный фактор, психологический же вне социального вообще не существует. <..>

<..> Нельзя согласиться с мнением ученых, объясняющих возрастную градацию в уголовном праве тем, что деликтоспособность с 14 лет за некоторые преступления устанавливается в связи с очевидностью общественной опасности, которую несовершеннолетние, как правило, осознают. Трудно, однако, вообразить, что 14-летний делинквент осознает характер своих действий, причиняя телесные повреждения, в том числе и легкие с расстройством здоровья (часть первая статьи 106 УК), но не осознает и не понимает причиняемых им побоев, истязаний или легких телесных повреждений без расстройства здоровья. Результаты психологического анализа, проведенного социальными психологами, показывают, что общественная опасность асоциального поведения понимается и осознается уже с восьмилетнего возраста.

Несовершенство концепции возрастной градации деликтоспособности еще больше проявляется при анализе асоциального поведения, порождающего правоотношения, регулируемые различными отраслями права.

Непонятно, почему несовершеннолетний, достигший 14 лет, несет уголовную ответственность за убийство, телесные повреждения, хищение личного и общественного имущества и т. д., но не может нести материальной ответственности за вред, причиненный этими преступлениями. Таким образом, за одно и то же деяние, повлекшее различные правовые последствия субъект несет ответственность более тяжкую, но не несет более легкой. Бесспорным является мнение, что

уголовная ответственность самая радикальная и тяжкая. На практике могут встретиться случаи, когда суд, учитывая возраст несовершеннолетнего, незначительную общественную опасность содеянного, применяет к делинквенту меры воспитательного характера, но не освобождает его от обязанности возместить вред, причиненный асоциальным поведением. Лицо освобождается от более тяжкой ответственности, но не освобождается от более легкой.

Самым простым и, на первый взгляд, логичным следствием изложенного выше было бы предложение о введении единого возраста деликтоспособности, например, с 15 лет. Ведь к этому возрасту человек получает минимум знаний о дозволенном и недозволенном, вырабатывает собственную оценку общественных предписаний и т. п. Но такое решение было бы неверным и невозможным без учета анализа еще одной составной части правонарушения – субъективной стороны, в которую входят вина, мотивы, цели, установки и др. Данная составная часть правонарушения в достаточной мере разработана в уголовном и гражданском праве и, по нашему мнению, общетеоретические результаты таких разработок могут быть применены в отношении юридической ответственности в целом.

Субъективная сторона правонарушения, ее элементы свидетельствуют о степени общественной опасности правонарушения, характеризуют субъект правонарушения, помогают более правильно определять меры, необходимые для реализации функций юридической ответственности. Учет субъективной стороны помогает установить проявление личностных особенностей субъекта в конкретном правонарушении.

Если показатели, характеризующие субъект правонарушения – это определенная потенциальная возможность осознавать и руководить своими действиями, то субъективная сторона – реализация этих показателей. Анализ субъективной стороны с учетом лишь формы вины, как это имеет место в гражданском праве, в отрыве от мотивов, целей, установок, дает далеко не полную картину проявления личности правонарушителя в конкретном

правонарушении. Отсюда невозможность правоприменительного органа определить единственно верную меру воздействия.

Системный подход к установлению элементов, входящих в такие составные части правонарушения, как субъективная сторона и субъект правонарушения, позволяет установить психологическую готовность лица к несению юридической ответственности. Личностный подход требует установления психологической готовности не некой абстрактной личности, а конкретного лица, совершившего конкретное правонарушение. С учетом изложенных выше психологического и правового аспектов вопроса можно подчеркнуть, что психологическая готовность к юридической ответственности в среднем наступает в 14-15 лет, а колебания в одну или другую сторону в связи с акселерацией и ретардацией достигают 1-2 лет. Иными словами, в одних случаях такая психологическая готовность может иметь место в возрасте около 13 лет, в других – лишь около 17 лет.

В последнее время эти обстоятельства в значительной мере учитываются в уголовном праве. Так, в практике судов Львовской области, трибуналов ПрикВО имели место случаи назначения судебно-психологической экспертизы в отношении лиц с проявлениями олигофрении на стадии дебильности, психофизиологического инфантилизма, логопатии, педагогической запущенности для установления соответствия их уровня интеллектуального развития паспортному возрасту. По нескольким делам эксперты-психологи давали заключение об отставании психического развития и вытекающих отсюда последствий (недопонимание и неполное осознание своих действий). Суды, соглашаясь с выводами экспертиз, применяли к правонарушителям, как правило, меры, не связанные с уголовным наказанием.

Мы полагаем, что эта практика, а также наличие в уголовном законодательстве норм, устанавливающих значительно меньшее наказание в случае совершения преступлений в состоянии сильного душевного волнения (физиологического аффекта), предусмотренных статьями 95, 103 УК,

являются подтверждением существования в уголовном праве института «уменьшенной вменяемости». Конечно, лицо, отстающее в интеллектуальном развитии или находящееся в состоянии физиологического аффекта, осознает свои действия в момент совершения правонарушения и может руководить ими в значительно меньшей мере, нежели лицо с развитием интеллекта в пределах нормы. <..>

<..> По нашему мнению, при четко установленном верхнем пороге возрастной границы ответственности единой для всех видов правонарушений в законодательстве, следует предусмотреть промежуточный возрастной период «уменьшенной вменяемости», в котором вопрос об ответственности лица должен решаться в каждом отдельном случае полномочным органом с обязательным привлечением в качестве консультантов специалистов или экспертов-психологов, педагогов или психиатров.

Тарарухин С. А.

Взаимодействие объективных и субъективных факторов как причина преступного поведения // Вибрані твори. – Ч. 1: Мотивація злочинної поведінки. – К.: НАВСУ, 2004. – С. 37-42

<..> К рассмотрению субъективных факторов, порождающих конкретные преступления, ученые подходят с различных позиций. А. А. Герцензон делит непосредственные причины конкретных преступлений на три группы: материальные, идеологические и социально-политические. Им подчеркивается важность изучения психологической характеристики преступников – их интеллектуального и морального уровня, правосознания, мотивов поведения. Необходимость исследования психологической характеристики преступников, особенно мотивации, отмечается и другими авторами. По мнению В. Н. Кудрявцева, непосредственной причиной преступления следует считать неблагоприятное нравственное формирование личности в результате взаимодействия психофизиологических особенностей

и внешней среды, а также взаимодействие личности и конкретной жизненной ситуации, в которой человек находился непосредственно перед совершением преступления. Объективно существующие причины, в том числе экономического порядка, действуют через многие другие, не исключая и социально-психологические, факторы. И. И. Карпец полагает, что задачи криминологии в изучении личности преступника можно сформулировать как выяснение взаимодействия преступника и окружающих его людей, их взаимного влияния. Это – сложная психологическая проблема, связанная с решением основных криминологических проблем.

Пытаясь конкретизировать общую формулу о пережитках прошлого в сознании как причины совершения преступления, некоторые криминалисты считают, что они выражаются в искажении индивидуального правового сознания, которое может захватить как правовое мировоззрение субъекта, так и его правовую психологию (пробельность правового сознания и правовой инфантилизм). Другие усматривают причины совершения преступлений в индивидуализме, проявляющемся в корыстном отношении к социалистической собственности, карьеризме и других подобных явлениях. Пережитки пришлого иногда отождествляются с антиобщественной установкой личности, а антиобщественную установку некоторые авторы рассматривают в самих антисоциальных взглядах, навыках и привычках и объявляют ее единственной предпосылкой любого преступления.

На наш взгляд, все перечисленные факторы, взятые изолированно, не могут объяснить природу любого преступления. Даже индивидуализм, наиболее полно отражающий сущность пережитков прошлого, вовсе не обязательно порождает преступление.

Деформация социальных свойств личности, приводящая к преступному поведению, происходит постепенно. Поведение личности детерминировано социальной средой, но влияние среды не может быть сведено к простой проекции «среда – поведение». Для того, чтобы объективные причины

начали действовать, они должны не только пройти через сознание личности, но и вызвать определенные мотивы конкретных преступлений.

При рассмотрении причин совершения конкретного преступления основное внимание обычно уделяется внешним факторам вне их связи с постоянно изменяющимися свойствами и качествами самой личности. Последние относятся к условиям развития причинной связи. Между тем, при разрешении проблемы причинных зависимостей в области социальных явлений важно на основе совокупного восприятия того или иного явления выделить ту его часть, которая определяется как его внешней, так и внутренней природой. Понятие причины здесь должно пониматься как взаимодействие внешнего и внутреннего. Даже в случае одностороннего воздействия одного явления на другое причина в своей сущности является результатом такого взаимодействия. Тем более это относится к многозначной причинной связи, обусловливающей совершение преступления.

Однако объяснение совершения преступления только одновременным воздействием внешних и внутренних факторов не исчерпывает проблемы причинности в криминологии. Преступление само по себе оказывает обратное воздействие на личность, разрушая ее социальные качества, а сам преступник – носитель пережитков прошлого в их крайнем выражении оказывает пагубное воздействие на окружающих. Помимо этого, имеет место взаимодействие и отдельных частей объективных и субъективных факторов. Так, во взаимодействие вступают структурные подразделения социальных свойств личности, получившие неправильное развитие, и совокупность различных сочетаний объективных факторов, существующих вне личности.

Как известно, при многозначности причинной связи та или иная причина не порождает следствия с неизбежностью, для этого необходимо определенное сочетание условий. Условия, так же как и причины, существуют объективно. Они воспринимаются субъектом, и в одних случаях используются при совершении преступления, в других – не замечаются либо воспринимаются искаженно, бывают, что они оказываются даже мнимыми,

но, совершая преступление, субъект принимает их в расчет. Иногда неблагоприятные условия совершения преступления игнорируются либо преодолеваются им при осуществлении намеченной цели.

Если взаимодействующие части объективных и субъективных факторов в их совокупности не совпадают, причинная связь не получает своего развития, в чем и проявляется неполнота причин. Вне влияния причин и условий друг на друга вряд ли можно говорить о причинной зависимости между явлениями. В этом случае мы можем констатировать лишь возможность влияния какого-то явления (например, объективных условий), а не его прямое воздействие на развитие причинной связи. Если учесть, что при определенных обстоятельствах условие может переходить в причину, а причины выступать в качестве следствия, то их раздельное рассмотрение также представляется невозможным.

Социальное становление человека неотделимо от складывающихся его индивидуально его отношений с окружающей средой, с другими людьми, с обществом в целом. В силу объективных и субъективных причин человек иногда может оказаться в условиях отчуждения или изоляции от нормальных связей и отношений, что сопровождается деформацией нравственного сознания и обычно предшествует становлению на преступный путь.

Отчуждение от нормальных связей и отношений чаще всего вызывается социальной неприспособленностью индивида к сложившимся условиям жизни и их изменению, неуспехом в определенном виде деятельности, негативизмом по отношению к окружающим, эгоистическими устремлениями и другими факторами. Естественное стремление к общению у таких людей может получить неправильное разрешение и привести к установлению контактов с неблагоприятной средой, которая завершает деформацию социальных свойств личности.

Для большинства правонарушителей характерна неприспособленность к общественно полезному труду (к учебе и усвоению знаний, к трудовым усилиям и социальной активности), к выполнению элементарных правил и

норм социалистического общежития, нравственных, моральных и правовых требований. При изучении лиц, совершивших преступления, особенно из числа молодежи, обращает на себя внимание отсутствие у них устойчивых воззрений, что выражается почти в полной зависимости поведения от случайно сложившихся ситуаций, в неумении управлять собой, в стремлении получать удовлетворение своих, в том числе и низменных, потребностей и желаний тут же, немедленно, в какой бы форме это ни выржалось. Нежелание сообразовать свои личные потребности с общественными требованиями, сочетающееся с неуважением к труду и примитивностью потребностей и интересов, с искаженным, неадекватным восприятием наиболее существенных, социально значимых элементов общественной жизни, отражает определенную ценностную ориентацию личности.

Такая ориентация обычно является как прямым следствием неправильного или порочного воспитания, так и результатом переоценки ценностей под непосредственным воздействием неблагоприятной среды (например, преступной группировки). При переоценке ценностей в отрицательном направлении происходит как бы замещение ценностной ориентации высшего типа другой – низшей, более примитивной направленности, когда общественно значимые ценности и оценки вытесняются иными ценностями, не имеющими общественного значения. Изменение ценностной ориентации такого рода порождает внутреннюю неустроенность личности, ощущение неприспособленности к нормальному образу жизни и выполнению социально значимых обязанностей. Социальные свойства и качества личности при этом обесцениваются, личность постепенно деградирует.

Регресс личности в общем виде можно охарактеризовать как все более откровенное проявление ничем не сдерживаемых примитивных потребностей, запросов и интересов. Повторяясь в сходных ситуациях в конкретных действиях и поступках и превращаясь постепенно в привычку, они занимают все большее место во внутреннем мире человека, вытесняя

социально значимые интересы и устремления. Можно предположить, что сначала появляется интерес к совершению преступления, а при повторении преступных актов, продолжении преступной деятельности интерес переходит в склонность. Но это упрощенный подход к рассмотрению мотивационной сферы преступного поведения. На самом деле он гораздо сложнее.

Противоречивость и неразвитость мировоззрения, непоследовательность в оценке событий, явлений окружающей действительности, складывающихся в жизни ситуаций и затруднений, искаженный характер нравственных понятий и представлений особенно ярко проявляется у преступников-рецидивистов, живущих в мире противоестественных идей, представлений, принципов, воровских и других преступных традиций, сознательно противопоставляющих себя окружающим, обществу в целом, Они руководствуются в жизни и в отношениях с другими людьми небольшим количеством противоречивых сведений и правил, кое-как усвоенных путем воспитания, подчиняясь традициям и примитивным воззрениям микросреды, которая их окружает, о существующей действительности. В результате преступной деятельности, общения в преступной среде и психологической изоляции от общественно полезных связей и отношений у некоторых из них вырабатываются довольно четко выраженные склонности к такой деятельности и даже ее идеализация. Может быть сформирован и ложный идеал антиобщественного, преступного содержания.

Таким образом, при анализе условий развития личности правонарушителей прослеживаются, прежде всего, нарушения в системе формирования их социального облика. Это выражается в разрушении социально полезных связей и отношений; снижении требовательности к своему собственному поведению и поведению окружающих; инертности по отношению к проблемам политического и социального характера; безразличии к общественно полезной деятельности и даже враждебности к

ней; в утрате стремления к самосовершенствованию и проявлению социальной активности.

При изучении причин совершения конкретного преступления вряд ли можно претендовать на учет всех внешних и внутренних (субъективных) факторов, имеющих отношение к данному явлению. Тем более, что поведение человека детерминируется, кроме того, его собственными возможностями предвидения последствий и избирательность поведения во многом зависит от предвосхищения развития событий субъектом, принявшим решение действовать определенным образом в создавшейся ситуации. Очевидно, из всей цепи многозначной причинной связи необходимо выбрать только те группы факторов, которые в сходных ситуациях (типичных или атипичных для данной личности) могут оказаться достаточными для формирования антиобщественного поведения. Объективный критерий выбора из бесконечных условий конечного множества, необходимого для наступления такого следствия, не может быть произвольным, в противном случае набор факторов может оказаться случайным, не находящимся в причинной зависимости от изучаемого явления. Отбор факторов на определенном уровне взаимодействия личности с окружающей средой должен основываться, по нашему мнению, прежде всего применительно к нормальной социализации личности, соответствующей даному возрасту, с установлением отклонений в ее развитии и формировании и определением нарушения компонентов социализации: несформированности социальных свойств и качеств личности, разрушения общественно полезных связей и отношений, утраты перспектив в общественно полезной деятельности и т. п.

Для раскрытия условий нравственного формирования личности и мотивации преступного поведения имеет значение проникновение в сферу так называемой «предкриминальности». Изучение поведения субъекта не только в момент, но и до совершения преступления дополнительно характеризует степень его общественной опасности и дает возможность

проследить изменения личностных свойств и мотивации поведения, приводящих к совершению преступления, или сделать обоснованный вывод, что преступление для данной конкретной личности является случайным явлением, противоречащим ее общественно полезной направленности.

Возможно несколько путей изучения личности и поведения. Наиболее целесообразным представляется путь изучения от явления к сущности, от внешнего к внутреннему. Такой подход наиболее полно обеспечивает раскрытие изменений социальных и других свойств личности, проявляющихся в мотивации отдельных поступков и поведении в целом, и дает возможность сочетать социально-психологическую характеристику личности и поведения с ее уголовно-правовой и криминологической оценкой, которая должна включать: 1) уголовно-правовой анализ совершенного преступления, 2) демографические и иные сведения, относящиеся к обычной характеристике субъекта и дающие материал для изучения конкретных условий формирования его социальных и других качеств и свойств, 3) учет реальных возможностей субъекта верно оценить ситуацию, сложившуюся в момент совершения преступления, его эмоциональное состояние, проявление направленности сознания и воли в конкретном волевом акте (преступлении).

Особое значение имеет раскрытие мотивационной стороны совершенного преступления, отражающей не только социальные, но и другие особенности личности, проявляющиеся в преступлении.

Тарарухин С. А.

Преступление – волевой акт человеческого поведения // Вибрані твори. – Ч. 1: Мотивація злочинної поведінки. – К.: НАВСУ, 2004. – С. 49-54

<..> Степень осознанности поведения и уровень мотивации в каждом преступлении связаны с психологическими категориями – «желания» и «хотения», обозначающими разные ступени формирования побуждения к совершению единого волевого акта. В осознанных побуждениях к

совершению конкретных волевых актов опосредуются социальные свойства и качества личности.

Обычно осознание побуждения появляется не сразу. При развитии сложного волевого акта в осознанные побуждения перерастают наиболее элементарнее побуждения – влечения и желания. По мере осознания желание переходит в хотение, порождающее высшую форму побуждений – стремление. Стремление к совершению конкретного волевого акта формируется в сознании в том случае, когда пути и средства достижения цели будущих действий найдены, а намерения четко определились.

Однако не каждое преступление характеризуется эволюцией побуждений, их переходом от одной ступени к другой. Преступление может быть порождено осознанным стремлением к действию непосредственно, когда на влечение, ни желание ему не предшествовали (например, превышение пределов необходимой обороны). С другой стороны, влечения и желания не всегда превращаются в стремления к совершению волевого акта в силу их внутреннего отбора, а также избирательности поведения в целом. Побуждения низменного порядка могут подавляться субъектом, как противоречащие его собственным нравственным идеалам и мировоззрению либо из-за боязни ответственности и т.п. при совершении преступления, побуждения могут переплетаться в различных сочетаниях, по разному осознаваться и даже определять друг друга.

Некоторые побуждения (например, основанные на чувствах) могут быть не осознаны вовсе, но и они влияют на развитие волевого акта. В тех случаях, когда поведение вызывается непосредственно чувствами и эмоциями, может иметь место состояние так называемого аффекта. Однако ситуационность аффективных поступков не исключает ни сознания, ни воли индивида, ни направленности совершаемых действий, хотя они и выступают здесь в притупленном виде. Источниками побуждений в преступлениях, совершаемых в состоянии аффекта, обычно бывают злоба, ненависть, обида и другие чувства, порождающие чувство гнева.

В одном и том же волевом акте иногда проявляется одновременно несколько мотивов. Это становится возможным, когда они не противоречат друг другу. Мотивы, действующие в противоположных направлениях, приводят к замешательству и отказу от осуществления волевого акта в данный момент. При наличии нескольких мотивов, согласованных между собой, основное содержание и направленность поведения определяются одним доминирующим мотивом, а остальные играют роль побочных, сопровождающих основной мотив. Волевой акт не может быть осуществлен, если сознанием субъекта не отобран доминирующий мотив, соответствующий цели совершаемых действий. С этой целью должны совмещаться и все другие мотивы, вызывающие единый волевой акт. Если такое совмещение отсутствует, волевой акт становится невозможным.

Таким образом, в качестве внутренней причины любого преступления предстают побуждения личности, опосредованные сознанием. <..>

<..> В основе сложных форм поведения лежат вероятностно детерминированные процессы переработки получаемой информации, необходимой для выполнения поведенческого акта. Поток информации активно перерабатывается в сознании субъекта. При этом из множества вариантов поведения субъект избирает одно, соответствующее, по его мнению, сложившейся ситуации и представляющее для него действительное или мнимое значение в данный момент. Принцип значимости поступка для индивида является основополагающим для избирательности поведения.

Преступлений не бывает вынужденных, так как обладая способностью к избирательности поведения, сознанием и волей, индивид всегда может воздержаться от антиобщественного поведения, а если те или иные действия совершаются вынуждено вследствие стечения крайне неблагоприятных обстоятельств, уголовная ответственность, как правило, исключается.

Ответственность за поведение предполагает, с одной стороны, наличие вариантов поведения (объективный фактор), а с другой стороны – осознание

этих возможностей и свободный выбор именно данного, а не иного поведения (субъективные условия).

Выбор соответствующего поведения зависит от сформированности социальных свойств индивида, степени осознанности социально значимых потребностей и предъявляемых требований. Некоторая категория лиц, оказавшись перед альтернативой выбора поступка, предпочитает преступный путь удовлетворения своих потребностей и интересов. Одни из них игнорируют предъявляемые требования, другие не придают им значения, третьи их осознанно не выполняют. Во всех перечисленных случаях проявляется снижение или отсутствие социального критерия оценки общественной опасности совершаемых действий. Чем глубже социальная деформация личности, тем ниже социально значимый критерий избирательности поведения.

В этой связи заслуживает особого рассмотрения вопрос о так называемой борьбе мотивов, которая, по мнению ряда авторов, является необходимым компонентом сложного волевого акта. Так, И. Г. Филановский отмечает, что мотивация общественно опасного поведения – сложный психологический процесс, во время которого происходит борьба между социально полезными и социально опасными мотивами. Сам факт совершения преступления свидетельствует о том, что социально опасные мотивы одержали в этой борьбе верх.

Костенко А. Н.

Криминальный произвол (социопсихология воли и сознания преступника). – К.: Наукова думка, 1990. – С. 75-77

<..> обмен потребительными стоимостями, порождая определенную дифференциацию участия в нем, тем самым задает пределы и условия феноменологии воли в виде произвола, в том числе криминального произвола, для тех, кто в этой форме обмена участвует. Это означает, что данное состояние обмена потребительными стоимостями определяет и

обусловливает качественно и количественно проявления произвола, в том числе криминального, в данной общности людей: какие и сколько могут быть и должны быть совершены безнравственные поступки, преступления, самоповреждения и т. д. От чего же зависит: 1) кто именно проявит свою волю в виде произвола совершением безнравственных поступков, кто – преступлений, кто – самоповреждений и т. д.? 2) каких именно? 3) как именно?

Это зависит от двух факторов: от индивидуальности человека – врожденной и приобретенной, от существующих в среде условий для проявления такой индивидуальности. Через упомянутые два фактора и задает данный обмен потребительными стоимостями пределы и условия феноменологии криминального произвола, т. е. качественного и количественного разнообразия преступлений в данном обществе. Проявляя свою свободу воли в виде совершения этого разнообразия преступлений, преступники таким образом участвуют в обмене потребительных стоимостей в задаваемых этим обменом пределах и условиях. Вне пределов и условий, задаваемых этой формой обмена, никакое преступление не может быть совершено.

В соответствии с социопсихологическим методом, основанным на «законе часов», можно сделать следующие выводы.

1. Феноменология произвола в данном обществе, т. е. качественное и количественное разнообразие проявлений свободы воли в виде произвола людьми, организованными в данное общество, существует в пределах и условиях действующего в этом обществе обмена потребительными стоимостями.

2. Действующий в данном обществе обмен потребительными стоимостями предполагает соответствующую дифференциацию участия людей в этом обмене.

3. Феноменология произвола данного человека, т. е. качественное и количественное разнообразие проявлений свободы воли в виде произвола

данным человеком, существует в пределах и условиях его дифференцированного участия в обмене потребительными стоимостями, которое зависит от: а) индивидуальности человека – врожденной и приобретенной; б) существующих в среде условий для проявления данной индивидуальности. <..>

<..> Прежде всего, нужно отметить, что формы проявления свободы воли в виде произвола в данном обществе и данного человека связаны между собой как сообщающиеся сосуды и поэтому для них верным является закон сообщающихся сосудов. Применительно к феноменологии произвола этот закон, очевидно, имеет следующий вид. Если в данном обществе число лиц, участвующих в обмене потребительными стоимостями, постоянно, то и общее число проявлений произвола во всех его формах – тоже число постоянное.

Это значит, что если, например, уменьшается число преступлений в данном обществе, то должно увеличиться число проявлений произвола в других формах: в форме безнравственных поступков, самоповреждений (самоубийство, пьянство, наркомания, мистика) и т. д. И наоборот, если указанное число увеличивается на определенную величину, то на такую же величину уменьшается число проявлений произвола в других формах. Этот же закон относится и к феноменологии произвола у данного человека. Так, например, если человек, проявлявший ранее свой произвол в форме преступлений, прекращает их совершать, но продолжает участвовать в обмене потребительными стоимостями, то он должен будет проявлять свой произвол в других формах: безнравственных поступках, самоповреждениях и т. д.

В силу закона «сообщающихся сосудов», уменьшение под давлением различных средств числа проявлений произвола в одной форме приводит всего лишь к увеличению проявлений произвола в других формах. И таким образом в данном обществе сохраняется постоянным общее число проявлений произвола в различных формах, если остается постоянным число

лиц, участвующих в обмене потребительными стоимостями. В соответствии с этим же законом есть единственный путь, чтобы уменьшить общее число проявлений произвола, а не перегонять его из одного сосуда в другой, – уменьшить число лиц, участвующих в обмене потребительными стоимостями, вовлекая их в обмен меновыми стоимостями, т. е. в предпринимательство. Это же относится и к феноменологии произвола данного человека – его можно избавить от всех форм проявления произвола, не перегоняя произвол из одного сосуда в другой, только в том случае, если он перестанет участвовать в обмене потребительными стоимостями и станет участвовать в обмене меновыми стоимостями. «Сообщающимися сосудами» являются не только криминальный произвол и некриминальный произвол (безнравственные поступки, самоповреждения и т. п.), но и различные формы того и другого. Так, например, если государство направит свои усилия на борьбу с одной какой-то формой преступности, то уменьшение числа преступлений в этой форме должно привести к увеличению других форм преступности, а также других, непреступных форм проявления произвола.

Поэтому, разрабатывая стратегию и тактику борьбы с преступностью, нужно учитывать закон «сообщающихся сосудов». Опыт показывает, что если число лиц, участвующих в обмене потребительными стоимостями не уменьшается, то усиление борьбы с пьяной преступностью приводит к росту непьяной (трезвой) преступности и других форм проявления произвола.

Кузнецова Н. Ф.

Биосоциальные теории причин преступности // Проблемы криминологической детерминации. – М.: МГУ, 1984. – С. 44-56.

<..> Центральным понятием *клинической криминологии* является категория «опасного состояния» личности преступника как причины преступлений. Впервые оно было сформулировано итальянским криминологом Гарофало (1880 г.) и трактовалось им как изменчивая и

внутренне присущая определенным лицам склонность к совершению преступлений. <..>

<..> С научных позиций «комбинации опасного состояния» как причины преступлений умозрительны и априорны. Никакими убедительными статистическими данными они не подтверждены. Критерии опасного состояния расплывчаты и произвольны. <..> Теория опасного состояния не объясняет (и даже не ставит такой задачи) причин преступности в обществе. В то же время она может служить основой для применения к лицам превентивных «мер безопасности», способствуя разрушению буржуазной законности.

Фрейдистские теории причин преступности получили распространение с начала нашего столетия под влиянием учения Зигмунда Фрейда. Суть его теории состоит в том, что человек с рождения биологически обречен на постоянную жестокую борьбу антисоциальных глубинных инстинктов агрессивных, половых, страха – с моральными установками личности. <..>

<..> Критики З. Фрейда обоснованно отмечали его «беспринципный эклектизм». В работах фрейдистов логическая, экспериментальная или статистическая аргументация заменяется умозрительными рассуждениями, подменяющими действительные тенденции развития личности и генезиса ее поведения абстрактными, произвольно сконструированными схемами и символами. <..> Психологизация социального, биологизация психического, натурализация человеческого являются тремя главными ошибочными постулатами фрейдизма. <..>

<..> *Теория психопатологических причин* преступности. Ее основной тезис: преступник – всегда психопатическая или умственноотсталая личность. Представители социологического направления буржуазной криминологии обоснованно критикуют эту теорию за расплывчатость самих понятий «психопатическая» и «умственно отсталая» личность. <..>

<..> *Теория близнецов* пытается путем сопоставления пар идентичных

(монозиготных) близнецов с неидентичными (дизиготными) близнецами показать, что идентичные близнецы намного чаще совершают преступления, имеют так называемое конкордантное поведение, чем неидентичные близнецы. И здесь выводы строятся на совершенно незначительном в количественном отношении материале и не различают соотношение влияния биологических и социальных факторов. <..>

<..> Не более доказательна и *хромосомная теория*. По мнению ее сторонников, нарушения в хромосомном наборе у мужчин всегда способствуют психопатизации личности и ее криминальной агрессивности. Некоторые авторы прибегли даже к реанимации расистских концепций и стали утверждать, что «хромосома преступности» более распространена среди желтых рас, чем среди белых. <..>

<..> В основе *теории конституционального предрасположения* лежат взгляды Э. Кречмера (1924 г.), который обосновывал связь между строением тела и психологическими чертами личности. Отсюда, по его мнению, и антисоциальное поведение обусловливается физической конституцией человека.

Кречмерианство было воспринято рядом американских биосоциологов, например У. Шелдоном. По соотношению мышечной, жировой и костной ткани он подразделял людей на три соматических типа, которым, по его мнению, соответствуют три вида темперамента и характера. От отрицательных черт характера Шелдоном проводится причинная связь с преступностью.

Фокс В.

Введение в криминологию. – М.: Юридическая литература, 1960. – С. 9-10

<..> Американская криминология восприняла и развила разработанную французским социологом Э. Дюркгеймом теорию аномии. Состояние аномии означает упадок общественной морали, отсутствие общепринятых норм

поведения, социально-политическую дезорганизацию общества. В ее мертоновском, американском, варианте теория аномии вскрывает свойственный буржуазному обществу конфликт между целями, к которым оно побуждает стремиться своих членов, и легальными возможностями достижения этих целей, которые оно им предоставляет. Концепция Р. Мертона и результаты дальнейших исследований в этом направлении являются своеобразным подтверждением марксистско-ленинской трактовки буржуазного общества как общества, в котором существует одно только формальное равенство, лишь усиливающее неравенство фактическое. В условиях конфликта между нормативно определенными целями и средствами их достижения преступность оказывается способом преодоления фактического неравенства.

Концепция Р. Мертона, как и другие буржуазные социологические концепции, имеет ограниченный характер. Р. Мертон пытается объяснить преступность в одном ряду с такими явлениями, как уход от жизни или «мятеж» против существующего правопорядка. Все это, по его мнению, результат того, что индивид не может добиться успеха в рамках конкретной нормативной структуры целей и средств. <..>

<..> Одна из наиболее известных американских криминологических теорий – это теория дифференцированной связи, созданная Э. Сатерлендом, который показывает, как индивид становится преступником в условиях, когда преступность уже существует, но не объясняет причин возникновения преступности как явления. Его основное положение заключается в том, что преступному поведению учатся. И сама эта теория, и результаты ее обсуждения в американской научной литературе снова приводят к выводу о социальной обусловленности преступности в буржуазном обществе. Согласно Э. Сатерленду, преступное поведение есть следствие того, что в окружении индивида оценки, благоприятствующие нарушению закона, преобладают над оценками, благоприятствующими его соблюдению. <..>

<..> Едва ли не самая новая американская криминологическая теория –

теория стигматизации – утверждает, что никакое поведение не является преступным само по себе и не обладает свойствами, которые бы принципиально отличали его от других форм поведения. Преступное деяние является таковым в силу реакции на него со стороны законодателя, полиции и судов. Именно такая реакция, как утверждает эта теория, создает преступление и преступника посредством отрицательной официальной оценки, или стигматизации, то есть клеймения определенного деяния и совершившего его лица. Теория стигматизации обращает внимание на тот факт, что процесс взаимодействия индивида с системой уголовной юстиции оказывает на него не положительное, а отрицательное влияние, изменяя в худшую сторону его представление о самом себе, формируя настоящего преступника, активно противостоящего официальному обществу с его законами и моралью. Этот процесс достигает кульминации в американской тюрьме, где, как показывает В. Фокс на материале жизнеописаний преступников и эмпирических исследований, формируется преступное сообщество, как правило, не поддающееся исправительному воздействию.

Закалюк А. П.

Соціальна типологізація особистості. Типологічні ознаки особистості злочинця // Курс сучасної української кримінології. Т. 1. – К.: Видавничий дім «Ін Юре», 2007. - С. 245-260

<..> Приступаючи до висвітлення цього питання, слід, по-перше, підкреслити, що мова йде саме про **соціальну** типологізацію. По-друге – це визначення критерію типологізації, тобто з'ясування, який саме елемент особистості може бути підставою (критерієм) її соціальної типологізації. І по-третє – спрямування типологізації згідно з метою, заради якої вона проводиться. Наразі такою метою є визначення типових ознак та соціального типу особистості злочинця. Методологічно це означає, що типологізацію потрібно послідовно проводити за необхідними рівнями, визначати їх підстави, утворювані на кожному рівні типи та підтипи (їх різновиди)

особистості, доки не будуть отримані типологічні підстави виділення соціального типу особистості злочинця з його типовими ознаками.

Для пошуку критеріїв соціальної якості особи насамперед слід виключити з елементів її структури природні, біологічні особливості людини: нейрофізіологічні, рефлекторні, генотип, його стандарти та матриці, тип вищої нервової діяльності, темперамент тощо, а також емоційно-вольові властивості особи, які переважно формуються також на природній основі. Усі вони не є визначальними щодо змісту та системи соціальних особистісних відносин і діяльності, а позначаються лише на їхній динаміці, урівноваженості, формі.

Аналогічно, очевидно, слід зробити і з **рисами характеру,** які, безперечно, пов'язані зі змістом особистості, проте переважно впливають на те, **яким** чином проявляє себе особа, та не пояснюють, **що і чому** вона це робить, **куди** спрямовує свою активність. Одні й ті самі риси характеру проявляються у вчинках різного соціального змісту та значення (суспільно прийнятного і неприйнятного) і не можуть бути критеріями соціально типової характеристики особистості. <..>

<..> Поява у процесі, що збуджує особу до діяльності певного змісту, пов'язана з виникненням **потреб.** Саме через потреби індивідуальне детермінується соціальним, зовнішня обумовленість переходить у внутрішню. Проте наділення потреб властивостями сутнісної (типової) характеристики особистості викликає заперечення. Воно залишає без відповіді ряд питань: чому одні потреби задовольняються, а інші – ні; від чого залежить цей процес; як впливають на нього способи, засоби останнього, їх суспільна прийнятність? Кожний з елементів збуджуючого процесу, що перебувають між потребою і рішенням, у сукупності здатні суттєво змінити вплив потреби, скорегувати доцільність її задоволення.

В окремих працях перебільшена головна роль у збудженні до діяльності відводиться **інтересам або цілям.** Проте вони самі залежать від

змістовної соціальної характеристики особистості, від її інших змістовних елементів і не можуть бути її універсальними критеріями. <..>

<..> У значенні показника відповідності особистості суспільним інтересам та вимогам, у нормально соціалізованих осіб вона суспільно прийнятна. За дефектів соціального розвитку, які виявляються через суспільно пасивну або антисуспільну поведінку, спрямованість особистості зазвичай *суспільно неприйнятна (антисоціальна)*. Нагадаємо, що термін «соціальний» тут вживається у значенні «пов'язаний із суспільством (соціумом)», а не як антитеза терміну «індивідуальний».

У кримінології категорія антисуспільної (антисоціальної) спрямованості давно вживається для узагальненої характеристики особистості злочинця, а також осіб, які вчиняють інші неправомірні або аморальні вчинки. <..>

<..> Розглянемо детальніше процес такої типологізації особистості. При цьому за підставу диференціації візьмемо саме спрямованість особистості. Перед тим нагадаємо поняття типології, типового, типу особистості. <..> **Типове** <..> це передусім не всяке загальне і подібне, а лише таке, що містить цілісну, системоутворюючу характеристику, відображує особливу загальну якість. Такою є типова ознака. Диференціація предметів за типовою ознакою називається **типологізацією.** Підставою будь-якої їх класифікації є будь-яка загальна для них ознака. **Типологізація – особливий вид класифікації, підставою якої є лише типова ознака.** Групи предметів, які утворюються внаслідок типологізації, мають певну систему, єдиний принцип утворення, єдину особливу якість, згідно з якою вони становлять свою окрему **типову групу.** Разом з тим, ця **сукупність предметів, що іменується типом –** не тотожність, а узагальнена ймовірнісна модель із загальними типовими рисами. Набір утворених у такий спосіб типів предметів складає їх **типологію.**

Виникає питання, в якій послідовності проводити типологізацію, щоб визначити тип особистості, яка нас цікавить, тобто особистості злочинця.

Філософія вчить, що будь-який об’єкт реальної дійсності характеризується передусім своєю **сутністю,** її складовими; далі її **явищем,** тобто проявленням сутності зовні та **їх діалектичною взаємодією.** Звідси *першим рівнем соціальної типологізації особистості за ознакою її спрямованості (як інтегрованої характеристики) слід визнати рівень диференціації особистості за сутністю,* тобто за відповідністю відображення у її спрямованості соціальної сутності суспільства. За цією підставою особистість усіх членів суспільства поділяється на два великих типи – *тип особистості із суспільно прийнятною спрямованістю та тип особистості із суспільно неприйнятною спрямованістю.* Можна передбачити, що до останнього, а це покаже послідуюча типологізація, належатиме й особистість злочинця.

Другий рівень типологізації особистості пов’язаний з тим, що спрямованість особистості будь-якого типу, у тому числі суспільно неприйнятного, є неоднаковою за різними ознаками: об’єктом спрямованості, її інтенсивністю, стійкістю, глибиною. На цьому рівні типологізація також є сутнісною, але остання береться за певною конкретною ознакою виявлення. Результатом типологізації на цьому рівні є отримання комплексу різних наборів типів особистості, диференційованих за різними ознаками спрямованості у межах одного з типів першого рівня. Пояснимо це на прикладі. Так, особистість суспільно неприйнятного типу (суспільно неприйнятної спрямованості), що виділена на першому рівні типологізації, під час типологізації на другому рівні, наприклад, за об’єктом, сферою такої спрямованості, дає змогу виокремити типи особистості суспільно неприйнятної спрямованості до таких об’єктів, як праця, суспільно корисна діяльність, культура, інші члени суспільства, моральні, правові норми. Виділені у цей спосіб типи особистості вказують сферу, в якій визначається дефіцит соціальної спрямованості, її суспільна неприйнятність. Таким буде, наприклад, тип особистості суспільно неприйнятної спрямованості до праці, або до інших членів суспільства, правових норм тощо.

Якщо цей самий тип особистості суспільно неприйнятної спрямованості типологізувати на цьому ж другому рівні за іншою ознакою, наприклад, **інтенсивністю спрямованості,** отримаємо типи особистості з пасивною, більш та менш активною суспільно неприйнятною спрямованістю. Типологізація за ознакою **стійкості** останньої визначить типи особистості зі стійкою та нестійкою суспільно неприйнятною спрямованістю. Особистість злочинця залежно від відповідних ознак її дозлочинної діяльності може належати до кожного зі згаданих типів особистості суспільно неприйнятної спрямованості, диференційованих за ознаками сфери спрямування, інтенсивності або стійкості останньої.

Особливе значення для розкриття сутнісного змісту особистості, яка нас цікавить (тобто злочинця), має типологізація на цьому другому рівні за ознакою **міри (глибини) суспільно неприйнятної спрямованості.** <..> Значущість у кінцевому підсумку визначається належністю об'єкта (предмета) до головних умов життєдіяльності. Цей різновид сутнісної типологізації вже, певною мірою, через реальне виявлення особистості взаємопов'язаний з типологізацією останньої за соціальним виявом сутності, тобто діяльністю, що, як далі побачимо, проводиться на третьому рівні. Під час типологізації за мірою (глибиною) суспільно неприйнятної спрямованості утворюються декілька типів особистості, які значно розрізняються.

Перший тип такої особистості відрізняється тим, що його суспільно неприйнятна спрямованість не є глибокою, виразною, тобто вона обумовлює поведінку, що не збігається з інтересами, нормами суспільства, як правило, моральними, але не має чітко виявленого негативного ставлення до нього та не спричиняє йому суттєвої шкоди. Тип особистості з таким різновидом її суспільно неприйнятної спрямованості отримав у літературі умовну назву **асоціального.**

Другий різновид глибини суспільно неприйнятної спрямованості має місце, коли вона та спричинена нею поведінка не лише суперечать інтересам, нормам суспільства, але й завдають їм шкоди. Проте остання не торкається

головних умов суспільного буття, їй відповідає тип особистості, який, щоб відділити від асоціального, назвемо **антисоціальним** або **антисуспільним.** Тобто тут виділяється тип особистості, суспільно неприйнятна спрямованість якої має за цією термінологією антисуспільну сутність.

Третій різновид типу особистості суспільно неприйнятної спрямованості спричинює поведінку, свідомо спрямовану проти однієї або декількох головних умов суспільного буття та завдає їм суттєвої шкоди, що є для суспільства значно небезпечним. Звідси тип особистості цього різновиду спрямованості називають **суспільно небезпечним.** Зрозуміло, що спрямованість особистості суспільно небезпечного типу є безумовно суспільно неприйнятною, крайній різновид якої вона складає, а також антисуспільною з більш виразною антисуспільністю – суспільною небезпечністю. Особистість злочинця, пошук типу та змісту якої ведеться через цю типологізацію, взагалі може належати до будь-якого з названих трьох типів: з асоціальною, антисуспільною, суспільно небезпечною спрямованістю. Проте через те, що це є особистість особи, що вчинила злочин, можна стверджувати, що за незначним винятком (вчинення злочину через необережність, в умовах крайньої необхідності тощо) вона має належати до суспільно небезпечного гину. Таким чином, за результатами другого рівня типологізації маємо можливість констатувати виділення в особистості суспільно неприйнятного типу її типового різновиду — особистості, що має суспільно небезпечну спрямованість, тобто **особистість суспільно небезпечного типу.** <..>

<..> Для визначення типу особистості, яка представляє для нас інтерес, тобто особистості злочинця, необхідно продовжити типологізацію особистості суспільно небезпечного типу. Зокрема провести її **залежно від характеру та ступеня ймовірності прояву (реального чи передбачуваного) суспільної небезпечності особистості.** Як бачимо, підставою цієї типологізації спрямованості особистості є вже не стільки сутність останньої (вона визначена як суспільно неприйнятна та суспільно

небезпечна), скільки її прояв та ймовірність прояву. Тим самим цей рівень типологізації є перехідним від другого (сутнісного) до третього (за явищами). Типологізація, проваджувана за такою підставою, дає змогу виокремити в особистості суспільно небезпечного типу такі різновиди (підтипи) залежно від вияву спрямованості: **некримінальний,** коли спрямованість особистості виявляється в антигромадських, але незлочинних, можливо адміністративно-караних проявах, що малоймовірно можуть перетворитися у кримінально-карані; **передкримінальний** з таким самим характером прояву, але з достатньою вірогідністю перетворення його у кримінальний; **кримінальний** – після вчинення злочину, підтвердженого вироком суду; **посткримінальний** – під час відбування покарання або після звільнення з установ виконання покарання (незалежно від зняття або погашення судимості) у разі вчинення нового умисного злочину, який є свідченням того, що суспільна небезпечність особистості не зменшилася порівняно з кримінальним різновидом, а навпаки зросла, перетворила останній у поглиблено-кримінальний. Кримінальний різновид особистості, що належить до суспільно небезпечного типу, сутнісно утворює **тип особистості злочинця,** а поглиблено кримінальний – **злочинця-рецидивіста.**

Нормативно-предметне уявлення про тип особистості злочинця отримуємо **на третьому рівні соціальної типологізації особистості, яка проводиться за її діяннями, різними ознаками останніх.** Однією з таких ознак є **соціально-нормативна оцінка діянь.** Беручи цю ознаку як підставу подальшої типологізації особистості з суспільно неприйнятною спрямованістю, що має асоціальний, антисуспільний та суспільно небезпечний різновиди, диференціюємо її на такі типи: з аморальною поведінкою – **особистість суспільно неприйнятної спрямованості аморального типу,** з протиправною поведінкою – **особистість такої самої спрямованості протиправного типу** або коротко – **особистість правопорушника,** зі злочинною поведінкою – **особистість злочинця.**

Завершуючи соціальну типологізацію особистості з метою визначення

типу особистості злочинця та його типових ознак, можна визначити, що особистість злочинця за своєю сутністю належить до типу особистості, яка має суспільно неприйнятну та антисуспільну спрямованість, та найчастіше до суспільно небезпечного підтипу цього типу особистості, а за своїм проявом (реальним або ймовірним) – до кримінального різновиду останнього. *Таким чином, соціально-типовими ознаками особистості злочинця є її суспільна неприйнятність, антисуспільна спрямованість, суспільна небезпечність, а типовою кримінально-правовою ознакою особи з такою особистістю – вчинення злочину.*

З огляду на наведену типологізацію ще раз зазначимо неприпустимість застосовувати терміни «особистість злочинця», «особа злочинця» до вчинення особою злочину, а точніше – до підтвердження останнього обвинувальним вироком суду і не лише тому, що особа ще не визнана винною у вчиненні злочину, а й через те, що зміст особистості злочинця є антисуспільним і суспільно небезпечним, як правило, у значно більшій мірі, ніж в осіб з аморальною чи протиправною, але незлочинною поведінкою. Спрямованість особистості останніх згідно з наведеною типологією належить до суспільно небезпечного типу, але не кримінального, а передкримінального різновиду. Зв’язок особи останнього типового різновиду з особою злочинця полягає у тому, що від першої через її антигромадську або протиправну (некримінальну) поведінку досить ймовірно прогнозується вчинення злочину. <..>

<..> Структуру особи злочинця слід будувати з дотриманням названих загальних принципів структуризації, на підставі уявлення про структуру особи загалом та з розумінням необхідності визначення її таким чином, щоб була відображена детермінуюча роль кожного її елемента (груп елементів), а також предметне значення останнього (або останніх) і його специфіка в якості об’єкта запобіжного впливу. Остання вимога ніби «прокладає місток» між детерміністичним значенням елемента структури особи злочинця та його місцем у системі об’єктів запобігання злочину.

З огляду на наведені передумови пропонується структура особи злочинця, що складається з дев'яти блоків (груп) ознак, у тому числі:

а) три відображають соціальну характеристику особи злочинця (її особистість):

- ознаки формування, соціалізації особи;
- ознаки соціального статусу та соціальних ролей;
- безпосередні ознаки спрямованості особистості;

б) п'ять – біосоціальні, що включають:

- демографічні ознаки, які мають соціальне і психологічне значення;
- психофізіологічні особливості, у тому числі генетичного походження;
- показники фізичного стану здоров'я;
- показники психічного стану здоров'я;
- індивідуальні психологічні риси.

Окремий блок (дев'ятий) містить ознаки, пов'язані з вчиненням злочину особою. Цей блок є єдиним, що має специфічну структуру порівняно зі структурою особи загалом. Він відображує специфічно-типову ознаку типу особи злочинця, що пов'язана із вчиненням останнім злочину. В інших блоках специфічна належність ознак до структури особи злочинця реалізується через кількісне (більше чи менше) представлення відповідних ознак у структурі якоїсь особи. При цьому певні кількісні показники обумовлюють формування відповідних інтегрованих якісних ознак цього типу особи, зокрема антисуспільної та суспільно небезпечної спрямованості її особистості, що є важливими типовими ознаками особи злочинця.

Розглянемо згадані блоки структури особи злочинця та їх складові ознаки. Розкриваючи цю структуру, почнемо з тих елементів, які мають першорядне значення у детермінації злочину. Такими є елементи особистості особи, її соціальні якості, що відіграють головну змістовну роль у її спрямованості. Сюди слід віднести наступні блоки:

1. Ознаки формування, соціалізації особи.

1.1. Освіта: її рівень, профіль, у тому числі загальний рівень та

спеціальний профіль.

1.2. Наявність спеціальності (професії).

1.3. Відомості про риси, набуті у батьківській сім'ї, у тому числі соціальні риси та характеристики самих батьків, їх ставлення та участь у формуванні та вихованні особи, наявність у батьків антисуспільної поведінки, аморальних вчинків, алкоголізму, наркоманії, фізичних чи психічних вад; тривалість перебування особи у батьківській сім'ї після народження, причина вибуття з сім'ї; риси, звички, моральні вимоги, набуті у сім'ї.

1.4. Ознаки, риси, звички, досвід, набуті у звичному мікросередовищі (у дитинстві, юнацтві, нинішній час), у тому числі у безпосередньому оточенні в сім'ї, за місцем проживання, місцем проведення вільного часу; загальні соціальні та соціально-психологічні ознаки звичного мікросередовища.

1.6. Характер (зміст) занять у вільний час, культурні потреби, інтереси, їх задоволення.

1.7. Участь у діяльності об'єднань громадян.

2. Ознаки соціального статусу та соціальних ролей.

2.1. Соціальне становище, рід занять, характер виробництва (навчання).

2.2. Сімейний стан, наявність дітей, можливостей та засобів їх утримання, навчання, виховання, ставлення до долі дітей, тривалість перебування в сім'ї, відносини між подружжям.

2.3. Соціальні житлові умови, їх придатність для нормального проживання.

2.4. Належність до соціальних груп суспільно прийнятної спрямованості, у тому числі за інтересами, умовами життя, іншою необхідністю.

2.5. Належність до груп асоціальної або антисуспільної спрямованості. Характер занять, діяльності групи, мотиви участі, належності: інтереси, потреби, залежність; роль у групі, тривалість перебування, негативні

наслідки, у тому числі суспільні оцінки; корегуючий вплив, притягнення до відповідальності (адміністративної, кримінальної), покарання, умови його відбуття, вплив, соціальні наслідки.

2.6. Соціальні плани (перспективи) особи на майбутнє: наявність, предметність, заходи практичного здійснення, суспільна прийнятність, умови та ймовірність здійснення, можливі соціальні наслідки для оточення, особи.

3. Безпосередні ознаки спрямованості особистості.

3.1. Потреби, інтереси, соціальні цінності в основних сферах життєдіяльності: сім'я, навчання, праця, культура, відносини між людьми, ставлення до них, загальнолюдських цінностей, норм моралі, права.

3.2. Діяльнісні прояви в основних сферах життєдіяльності суспільства: зміст, спрямованість, результати, суспільне ставлення, оцінки, заохочення.

3.3. Асоціальні або антисуспільні потреби, інтереси, цілі, діяльнісні прояви: зміст, спрямованість, мотиви, форми реалізації, соціальні результати, соціальна оцінка, ставлення до неї.

Із зазначених вище положень відомо, що до структури особи належать не лише елементи, які мають соціальні якості (походження, зміст). До неї входять і елементи природного походження, які у особи – учасника суспільних відносин більшою чи меншою мірою набувають соціального значення, впливають або принаймні мають кореляцію із суспільними проявами особи, її соціальними якостями. Ознаки цієї частини структури особи називають **біосоціальними.**

1. Демографічні ознаки, що мають соціальне і психологічне значення:

1.1. Стать.

1.2. Вік.

2. Психофізіологічні особливості: реакції, адаптації, моторики, тип вищої нервової діяльності, особливості темпераменту, мислення, у тому числі вади, психофізіологічні риси, що мають генетичне походження.

3. **Показники фізичного здоров'я.**

3.1. Загальний стан, фізичні вади, що безпосередньо впливають на можливості соціальної адаптації, розвитку, діяльності.

3.2. Хронічні захворювання соматичного типу.

3.3. Захворювання, що є наслідком антисоціальної (аморальної) поведінки: алкоголізм, наркоманія, венеричні захворювання, ВІЛ – СНІД.

4. Показники психічного здоров'я: патологія, що виключає осудність; аномалія (відхилення), що її обмежують, аномалії в межах осудності.

5. Індивідуальні психологічні риси

5.1. Риси характеру, в тому числі негативні та суспільно небажані (неприйнятні), зокрема грубість, нечесність, агресивність, ліноцтво, злобність, жорстокість, нахабство, користолюбство, скаредність, цинізм, егоїзм, мстивість, боягузтво, замкненість, зверхність. Позитивні та суспільно бажані риси: комунікабельність, доброта, довірливість, сміливість, чесність, відсутність користолюбства.

5.2. Вольові якості, у тому числі: інертність, властивість підпадати під чужий вплив, млявість, рішучість, наполегливість, здатність підкорювати своєму впливу та ін.

5.3. Емоційні риси, у тому числі: бурхливість, неурівноваженість, дратливість, образливість, байдужість, черствість, соромливість, ревність, чуйність, незворушність.

6. Ознаки, пов'язані із вчиненням особою злочину. У більшій мірі це кримінально-правові ознаки самого злочину. Проте, оскільки він вчинений певною особою, а ознаки мають особисту належність, характеризують індивідуальний механізм його вчинення і певним чином саму особу, вони мають також кримінологічне значення.

6.1. Ознаки складу злочину, об'єктів посягання, суспільна небезпечність останніх (за системою Кримінального кодексу); способи досягнення злочинної мети; мотиви, що спонукали особу до вчинення злочину, його конкретні результати, у тому числі заподіяна ним шкода; вина і роль особи у злочинному діянні, форма останнього (індивідуальна, групова,

організована) та ін.

6.2. Ознаки ставлення особи до вчиненого, у тому числі до доказів, потерпілого, завданої шкоди, призначеного покарання.

6.3. Інші кримінально-правові ознаки: наявність колишніх судимостей; характеристика (кваліфікація) злочинів, за які особа була раніше засуджена; відбуття покарання за попередніми. <..>

Блэкборн Р.

Психология криминального поведения. – СПб.: Питер, 2004. – С. 83-90.

<..> Как преступления, так и преступники неодинаковы, и их классификация проводится для достижения трех основных целей. Первая из них – информационная поддержка *управленческих* решений в пенитенциарной системе. Чтобы обеспечить максимальную общественную безопасность, внутреннюю безопасность для персонала и заключенных и бесперебойную работу исправительных учреждений, необходимо распределять заключенных по исправительным заведениям разного типа в соответствии с их возрастом, полом, степенью опасности, длительностью срока заключения или потребностями в образовании и обучении. Кроме того, характеристики преступников учитываются при предсказании их опасности и их реакций на условно-досрочное освобождение. Вторая цель – это информационная поддержка *режимных* (treatment) решений, т. е. для каждой категории преступников необходимо подобрать условия содержания, в которых наиболее вероятно успешное решение таких задач, как надзор, обучение или реабилитация. Третья цель – использование классификации для *теоретического понимания*, например, при создании причинных теорий, объясняющих преступления определенной категории или описывающих правонарушителей. Маловероятно, что какая-либо классификация одинаково хорошо служит всем трем упомянутым целям, поэтому оценивать ее следует с точки зрения основной цели, для которой она предназначена.

Хотя многие теоретики и исследователи по-прежнему пользуются грубой дихотомией «делинквент» / «неделинквент» или «преступник» / «законопослушный гражданин», большинство исследователей осознают необходимость снижения неоднородности изучаемых правонарушителей. Во многих исследованиях проводятся прагматические разграничения преступного поведения на основе его очевидных измерений (dimensions), таких как частота совершения (рецидивист или совершивший одно преступление), степень тяжести (наличие или отсутствие жертвы преступления), мотивы (корыстные или агрессивные) или объект (преступления против собственности или против личности). <..>

<..> Некоторые социологические классификации распределяют преступников по категориям в соответствии с социальными паттернами, связанными с совершением преступлений. *Системы криминального поведения* (Sutherland, Cressey, 1970; Clinard, Quinney, 1973) описывают преступные действия с точки зрения их интегрирования в социальные традиции, объединяющие индивидуумов, с которыми идентифицирует себя преступник. <..> С системами криминального поведения связана концепция *ролевой карьеры,* разграничивающая криминальные роли в соответствии с преступным поведением, обстановкой, в которой оно демонстрируется, криминальной карьерой и аттитюдами преступника к себе и к роли. Гиббонс (Gibbons, 1965) выделяет 9 типов ролевых карьер несовершеннолетних делинквентов и 15 – взрослых преступников, в том числе такие типы, как профессиональные воры, угонщики автомобилей ради удовольствия прокатиться (*automobile joyrider),* буйные психопаты, совершающие оскорбление действием *(psychopathic assaultist),* и лица, совершающие ненасильственные половые преступления. <..>

<..> Психологи, пытающиеся уменьшить степень неоднородности преступников, обычно избегают формально-юридического подхода. Типы преступников выделяются на основе атрибутов, которые не присущи исключительно правонарушителям, но у преступников наблюдаются все же

сравнительно чаще, чем у законопослушных граждан, причем особое внимание уделяется различиям в реакциях индивидуумов на конкретные формы управления или лечения (treatment) (Warren, 1971; Palmer, 1983; Sechrest, 1987; Andrews, Bonta & Hoge, 1990). Некоторые криминологи относятся к таким типологиям с подозрением из-за их явной «клинической» ориентации и близости к психиатрическим классификациям. <..>

<..> *Классификации, получаемые теоретически*

Авторы, принадлежащие к психодинамической школе, разграничивают классы преступников на основе бессознательной мотивации и дефицитов в психической организации. Маршалл (Marshall, 1983) объединил ранее существовавшие типологии, выделив следующие основные делинквентные типы: нормальный член делинквентной группировки, невротический, психопатический и психотический типы. Хотя первые три типа встречаются во многих классификациях преступников, психодинамические типологии, как правило, основаны на данных об отдельных случаях и не апробированы в исследованиях. <..>

<..> *Уровень межличностной зрелости*

Салливан, Грант и Грант (Sullivan, Grant & Crant, 1956) предложили стадиальную теорию, основанную на неофрейдистских и социально-психологических теориях. В этой теории перцептивное развитие рассматривается с точки зрения растущей вовлеченности индивидуума в отношения с другими людьми и социальными институтами, сопровождающейся все более дифференцированным восприятие мира, себя и других. <..>

<..> *Модель концептуальных уровней* берет начало в теории концептуальных систем Харви, Ханта и Шродера, которая имеет одинаковое теоретическое происхождение с теорией И-уровней. Она также предполагает, что социализация проходит через стадии повышения когнитивной сложности в межличностной ориентации, но выделяет четыре уровня:

1) эгоцентрический (конкретное мышление, ориентированный на себя (*«me» – oriented);*

2) ориентированный на нормы (некритичный, ищущий принятия);

3) независимый (исследующий, ассертивный, ориентированный на собственное *Я («I» – oriented);*

4) взаимозависимый (когнитивная сложность, ориентированный на «мы» (*«we» – oriented).*

Хотя есть доказательства наличия неорганизованного, примитивного концептуального уровня у делинквентов (Hunt, Hard, 1965), система скорее применяется в целях дифференцированного обращения с правонарушителями, чем для причинного объяснения. <..>

<..> *Эмпирические классификации*

Эмпирические подходы опираются на определение измерений посредством факторного анализа *пунктов* поведенческих опросников, оценки по которым получены на множестве индивидуумов, или на выявление типов посредством кластерного анализа *индивидуумов,* оцененных по множеству пунктов опросников или сконструированных на их основе измерений. Впрочем, в одном из ранних исследований проводился кластерный анализ пунктов (характеристик), выделенных из описаний случаев 500 «проблемных детей», наблюдавшихся в детской психологической клинике (Hawitt, Jenkins, 1946). Были выделены четыре кластера: «несоциализированное агрессивное поведение», «социализированная делинквентность», «чрезмерная заторможенность» и «физическая недостаточность». <..>

Костицкий М. В., Настюк М. И.

Психологическая характеристика личности правонарушителя из числа учащейся молодежи // Особенности правонарушений учащейся молодежи. – Львов: ЛГУ, 1983. – С. 42-49

<..> Важное значение в формировании личности правонарушителя

играет социальная среда, накладывающая отпечаток на его духовный облик, но вместе с тем в каждом правонарушении проявляются индивидуальные психологические особенности. <..>

<..> в психологическом плане правонарушители какими-то специфическими особенностями, характерными только для них, не отличаются. У них проявляются особенности, характерные для возрастной группы, представителями которой они являются. Различия между законопослушными и правонарушителями из числа учащейся молодёжи имеют место больше в социальной и социально-психологической сфере, нежели в психологической.

С другой стороны, некоторые индивидуальные психологические особенности, связанные с проявлением психических аномалий (акцентуаций, неврозов, психопатий), могут носить определяющий в правонарушении подростка или юноши характер.

Рассмотрим психологические особенности, характерные для лиц в возрасте 15-25 лет. В этот период, особенно в нижних его границах, прослеживается бурное физическое и психическое развитие, их взаимосвязь и взаимообусловленность проявляется как ни в каком другом возрасте. В зависимости от проявлений этого развития выделяют несколько возрастов или периодов. Первый, подростковый, или отроческий, длится от 11 до 16 лет. Он характеризуется, прежде всего, биологическим развитием, половым созреванием, параллельно с которым достигается зрелость и других биологических систем организма. Подростковый этап в социальном плане – это продолжение первичной социализации, усвоения социального опыта и знаний. В этом возрасте все лица данной категории, в основном, находятся на иждивении родителей или государства. Ведущей деятельностью является общеобразовательная, реже – профессионально-техническая учеба. Социальный статус подростка мало чем отличается от детского возраста. В психологическом плане лица этого возраста крайне противоречивы. Для них характерны максимальные диспропорции в уровне и темпе развития,

обусловленные биологическими факторами. В этот период формируется чувство взрослости – главное психологическое новообразование, проявляющееся как новый уровень притязаний, предвосхищающий будущий статус, которого подросток еще не достиг. Это обстоятельство во многом – причина типичных возрастных конфликтов, их отражение в сознании подростка. Умственное развитие подростка характеризуется накоплением систематизированных знаний, их связью с практической деятельностью и др. Однако отражение действительности, понимание других людей и взаимоотношения с ними связаны с существенными ошибками в познавательных процессах и поведении подростка, которые могут в конечном итоге приобретать форму упрямства, негативизма, лживости, агрессивности.

Асинхронность психического и физического развития может проявляться в том, что один подросток внешне выглядит как взрослый, другой – как ребенок. Могут быть значительные внутренние диспропорции развития, т.к. одни и те же биологические системы созревают в разное время. Еще больше вариаций в психическом развитии: в одних ситуациях подросток может вести себя как взрослый, в других – как ребенок. Наблюдается диспропорция в социальном и физическом возмужании. Последнее происходит значительно быстрее, чем социальное. Возросли сроки обучения, позже начинается самостоятельная трудовая деятельность. Указанные сложности и противоречия могут приводить подростка к конфликту с родителями, учебным коллективом, педагогами, с нормами морали и права.

Второй период – юношеский возраст – длится от 15 до 18 лет. Он проявляется как промежуточный между детством и взрослостью. В этот период завершается физическое созревание. Подавляющее большинство девушек и значительная часть юношей вступают в этот период почти сформированными физически. Природа в этот период «совершает» многочисленные «доделки», устранение диспропорций, порожденных неравномерностью созревания. К концу этого периода завершаются

основные процессы биологического созревания. Дальнейшее развитие уже можно рассматривать как относящееся к циклу взрослости.

Неоднородным является и социальное положение юношеского возраста. Оно выступает завершающим этапом первичной социализации. Подавляющее большинство юношей и девушек еще учатся. Хотя они и принимают участие в общественно полезном труде во время каникул, третьего трудового семестра, но главное в этой трудовой деятельности не ее прямые результаты, а воспитательный эффект для учащейся молодежи. Главной социальной задачей юношеского возраста выступает выбор профессии. Общее образование заканчивается, оно развивается и дополняется теперь специальным и профессиональным. Уже по окончании восьми классов многие делают выбор остаться в школе, поступить в ПТУ, техникум или пойти работать и совмещать учебу с работой.

По окончании средней школы жизненные пути молодых людей еще более дифференцируются со всеми их социально-психологическими последствиями. Возможность выбора социальной роли значительно расширена. Это может быть продолжение учебы, самостоятельная трудовая деятельность, занятие спортом, музыкой, художественной самодеятельностью, общественной деятельностью и др. В этом возрастном периоде молодые люди, особенно девушки, готовят себя к семейной жизни. Количество браков, в которых состоят молодые люди 16-19 лет, постоянно возрастает.

Социальные и биологические особенности, промежуточное общественное положение определяют психологические особенности юношеского возраста. Для многих юношей характерными являются унаследованные от подросткового возраста проблемы: стремление освободиться от авторитета взрослых, требование автономии, противопоставление, порой негативизм и др. Одновременно стоит, одна из главных для юношеского возраста задача – социального и личностного самоутверждения. Сущностью ее является не обособленность от внешнего

мира, а определение своего места в нем. Это стимулирует дифференциацию умственных способностей, развитие интегративных механизмов самосознания, выработку мировоззрения и активной жизненной позиции, психосексуальной ориентации.

Самоопределение в юношеском возрасте тогда является окончательным, когда оно апробировано на практике.

Остаточные явления, характерные для подросткового возраста, нереализованное стремление к самостоятельности, поиски себя и сложности самоопределения, возрастающие социальные и личные потребности и отсутствие объективной возможности их немедленного удовлетворения могут вместе с другими факторами, выступать детерминатами противоправного поведения.

Третий возрастной период длится примерно с 18 до 25 лет и определяется как поздняя юность или начало взрослости. Человек в этом возрасте является взрослым и в биологическом, и в социальном отношении. Общество продолжает его воспитывать в различных формах, особенно если в этом периоде он продолжает учебу. Но он уже не столько объект социализации, сколько ответственный субъект общественно-производственной деятельности. Ведущей деятельностью в этом возрасте для определенной части молодежи остается учеба, но для большинства – труд с дифференциацией профессиональных ролей. Социально-психологические особенности представителей этой группы определяются не столько возрастом, сколько профессиональным и социальным положением. Образование, которое продолжает часть молодежи этой группы, в основном носит профессиональный и специальный характер. Учеба в вузе, техникуме рассматривается как особый вид трудовой деятельности. Со временем молодые люди этого возраста приобретают материальную независимость от родителей, создают собственные семьи. Именно на этот возрастной период приходится больше всего браков. Как в юношеском возрасте остаются подростковые проблемы, так и в ранней взрослости остаются проблемы

юношеского возраста. Это особенно касается учащейся молодежи, которая еще зависима от родителей и для которой материально сложно создать собственную семью, решить проблему жилья и др.

Возрастные особенности правонарушений, характерные для первых двух периодов на этом этапе почти не действуют. Но в отношении учащейся молодежи еще могут проявляться остаточные явления юношеского возраста, которые, прорастая на благоприятной асоциальной почве, облегчают совершение правонарушений. <..>

<..> в развитии молодых людей особенно в подростковом и юношеском возрасте, прослеживается процесс акселерации, ускорения физического и в некоторой мере психического развития, что снизило на год-полтора границы этих возрастов. Но одновременно наблюдается и противоположный процесс – ретардация: отставание физического и психического развития в среднем на два года против нормы. Эти обстоятельства могут проявляться и в современных правонарушениях, когда 13-14-летний может осознавать характер своих противоправных действий, предвидеть последствия, полностью руководить своими действиями. Однако могут иметь место ситуации, когда человек в 15-16 лет в силу задержки развития этого сделать не может, хотя законом для него и презюмируется такая возможность. С акселерацией сопряжен ряд социально-психологических проблем – разрыв между ранним физическим созреванием и социальной зрелостью, дифференциация одной возрастной группы на акселератов, ретардантов и таких, кто развивается в пределах нормы. Это в свою очередь создает трудности для адаптации, что служит еще одним звеном в цепочке противоправного поведения. Указанное объективное обстоятельство, соединенное с неправильным, ущербным воспитанием, приводит к патохарактерологическому развитию части подростков и юношей. Среди них можно выделить «эмоционально неустойчивых», «аутичных, пассивных» и «психопатов» (Селецкий А. И., Тарарухин С. А., 1981).

Группу «эмоционально неустойчивых» составляют подростки и юноши, жизнь которых проходит в отягощенных условиях внутрисемейного воспитания. Причиной эмоциональной неустойчивости является рано начавшееся неблагоприятное эмоциональное развитие ребенка. Эмоциональные реакции не имеют, конечно, самодовлеющего значения в психике. Но эмоция, будучи своеобразной формой психического отражения действительности, играет важную роль во взаимодействии организма со средой, личности с социальным окружением. Эмоциональные свойства отражают отношение человека к миру и самому себе, к трудовой деятельности, эффективность познания и общения.

В эту группу входят не только нелюбимые, внебрачные дети и сироты, но и подростки и юноши, живущие в атмосфере внутрисемейных неурядиц и конфликтов с окружающей средой, в среде родителей, взрослых, злоупотребляющих алкоголем, не имеющих нужного минимума педагогических знаний и навыков воспитания детей, использующих «недозволенные приемы» воспитательного воздействия на ребенка. К упомянутой сборной группе относится «порывистый» тип трудновоспитуемого, характеризующийся сопротивляемостью режиму, учебе в школе и ПТУ, склонностью к неадекватным реакциям, импульсивностью и серьезным отклонением в поведении. Тип «опасливый», для которого характерным является неумелое и боязливое приспособление к требованиям общественной среды, сопровождающееся мучительными переживаниями и постоянной тревогой по поводу нереализованных желаний быть деятельным. Промежуточный «порывисто-опасливый» тип школьника и учащегося также обусловлен патогенным характером внутрисемейных отношений и ненормальными отношениями с окружающей средой вообще. В одних случаях такой подросток или юноша неразборчив в своих потребностях, интересах и поступках, стремительно их реализует, а в других он обнаруживает беспомощность активного самоутверждения, боязлив и

тревожен, поэтому сравнительно легко попадает под влияние сверстников и взрослых с антиобщественной направленностью.

Сборную группу «аутичных, пассивных» составляют подростки и юноши, жизнь которых также проходит в весьма неблагоприятном окружении, но которые, кроме того, в силу личностных проявлений (неуспеваемость в школе, училище, техникуме, второгодничество и т.п.) утратили веру в свое будущее и находятся не в эпизодическом, а постоянном состоянии фрустрации. Сюда относится также тип «отсталого» с временной задержкой соматопсихического развития (ретарданта), поведение которого характеризуется аффективной неустойчивостью, невротическими реакциями и отсутствием утилитарного аспекта в правонарушениях. Тип «эмоционально тупого», характеризующегося не только антипатичностью и эмоциональным безразличием, черствостью и холодностью даже по отношению к близким и родителям, но и склонностью к садистским поступкам, лишенным логики и здравого смысла. Тип подростка, «склонного к побегам и к бродяжничеству», представляет собой личность, характеризующуюся серьезными противоправными действиями.

Тип «забитого и угрюмого» подростка и юноши характеризуется тем, что он поддается внушению, воздействию со стороны других (гиперсуггестивностью) в области асоциального поведения. В школе – это переросток, подвергающийся насмешкам, бесхарактерный, с замедленной оценкой ситуаций и реакций на них, систематически неуспевающий, второгодник с утратой интереса к учебе.

У типа «озорник с выраженной асинхронией развития» повышен фон настроения с дурашливой расторможенностью, а в антисоциальном поведении много театральности и бутафории с притязанием на признание престижа среди сверстников, склонностью к риску и созданию конфликтной ситуации.

Отдельно следует упомянуть тип «избалованного» подростка и юноши, часто единственного сына (или дочери), воспитанного в интеллигентной

семье. Он эгоистичен и тщеславен, характеризуется чрезмерной претенциозностью, «все знает и видит насквозь». Уже с ранних лет такой подросток, юноша стремится стать в центре всеобщего внимания и восхищения, когда же среда не признает его притязаний, он готов к различным выходкам. В дошкольном возрасте родители восхищаются его преждевременным умственным развитием («рассуждает, как взрослый»), но в последующем развитии он не оправдывает возлагавшихся на него надежд. Нравственные установки такого типа воспитаны родителями с раннего детства путем захваливания, потакания любым прихотям, пренебрежения к правилам поведения в семье. В дальнейшем же он и общественные норм, взаимоотношения в коллективе воспринимает с позиций модели выработанной в своей семье.

Третью, особую, группу лиц с патохарактерологическим развитием, балансирующих между нормой и патологией, составляет группа «психопатов и биологически неполноценных». К ней относятся подростки и юноши, на развитие которых вообще и противоправное поведение в частности, кроме указанных выше неблагоприятных социальных факторов, большое влияние оказывает неполноценная биологическая почва. Речь идет о наследственном отягощении, патологии внутриутробного развития, остаточной аномалии вследствие перенесенной в раннем детстве черепно-мозговой травмы, инфекции, интоксикации и др. У таких лиц, во-первых, прослеживаются чрезмерные эмоциональные и волевые нарушения, во-вторых, при формально сохраненных психологических компонентах интеллекта (память, объем знаний, умение оперировать изолированными понятиями) отмечается неполноценность понятийных суждений и умозаключений, некритическое отношение к ситуации и самому себе.

В этой группе правонарушителей выделяется тип «органического психопата», характеризующегося специфической манерой поведения с преобладанием импульсивных разрядов и примитивных влечений. На фоне усиления низших влечений отклоняющееся поведения этого типа становится

массивным, слабо регулируемым интеллектуализацией. Тип «чрезмерно возбудимого психопата» склонен даже при незначительном усложнении жизненной ситуации к стремительным вспышкам гнева и неадекватным реакциям. Лица этого типа чрезмерно самоуверены и высокого мнения о себе. Для типа «истерического психопата» характерны чрезмерная эмотивность и эффективность логики, рисовка и фальшивость, неуживчивость, шаткость установок и дезорганизаторские тенденции. Тип «аффективно-неустойчивого психопата» характеризуется беззаботностью и легкомыслием, склонностью к стремительной реализации минутного влечения и импульсивностью действия с отсутствием чувства вины и стыда. Тип «псевдолога», то есть патологического лгуна, фантаста, отличаетсякорыстолюбием, стремлением к самопоказу, игнорированием истины, грубым эгоизмом. Типу «параноидного психопата» присущи предвзятое, тенденциозное истолкование окружающего, подозрительность, высокое мнение о себе, чрезмерная чувствительность к мнимой и действительной обиде, что приводит к постоянному недовольству, озлобленности и конфликтам. К этой же сборной группе относятся «атипичный дебил» и «инфантильный дебил».

Приведенные патохарактерологические особенности формирования личности части подростков и юношей проявляются в совершенных ими правонарушениях. Больше всего такие проявления, как детерминанты противоправного поведения, когда речь идет об учащейся молодежи, обнаруживается у учащихся ПТУ и старших школьников. Количество правонарушителей из числа студенческой молодежи с патохарактерологическими отклонениями незначительно. Это объясняется, в определенной степени, коррекцией поведения и личности, наступающей с возрастом, более высокими требованиями при отборе в вузы и техникумы, куда указанные лица, в силу неполучения надлежащих знаний в средней школе, попасть не могут, а также большим позитивным воздействием

студенческой среды на личность и коррекцией в этой среде патохарактерологических отклонений.

Бэрон Р., Ричардсон Д.

Агрессия. – СПб, Питер, 1997. – С. 194-209

<..> Обусловлено ли личностными характеристиками то, что одни люди имеют склонность к совершению актов агрессии, а другие – нет? Простые наблюдения приводят к заключению, что да, обусловлено. Большинство из нас могут вспомнить среди своих знакомых лиц, которые из-за необычно высоких или низких «точек кипения», резкого или мягкого стиля поведения и других факторов казались особенно склонными или же, напротив, не склонными к агрессивным действиям. Короче говоря, черты характера, похоже, играют важную роль в определении вероятности того, станут ли определенные лица агрессорами или жертвами.

Какие же характеристики являются ключевыми? Какие черты и склонности дают нам возможность говорить о предрасположенности личности к совершению или не совершению агрессивных поступков? Информация, которую мы могли бы получить, важна по нескольким причинам. Во-первых, знание того, какие черты характера ассоциируются с высоким или низким уровнем агрессии, может способствовать пониманию агрессивного поведения в целом и содействовать созданию всеобъемлющих и точных теорий человеческой агрессии. Во-вторых, информация о чертах человеческого характера, обусловливающих склонность к агрессии, может иметь большое практическое значение для прогнозирования тенденций к прямой агрессии и выработки мер по предотвращению или контролю агрессии. <..>

<..> Хотя «здравый смысл» предполагает наличие прочной прямой связи между различными чертами личности и агрессией, на самом деле такую взаимосвязь зачастую очень трудно продемонстрировать. Во-первых, во многих случаях ситуационные факторы <..> оказывают на агрессию

большее воздействие, нежели различные черты личности. Другими словами, индивиды действительно различаются по своей склонности к агрессии, но эти различия подавляются мощными ситуационными переменными. К примеру, почти все индивиды, даже «горячие головы», необычайно склонные к агрессии, могут воздержаться от подобного поведения в присутствии полиции. Напротив, почти все, даже те, чей характер почти никогда не давал возможность приобрести опыт агрессивных действий, могут вести себя именно так, если, проходя службу в армии, получают соответствующий приказ от командира.

Во-вторых, показать связь между специфическими личностными чертами и агрессией трудно потому, что критерии определения этих черт не удовлетворяют желаемым требованиям надежности или валидности. До известной степени такие способы не в состоянии оценить не только интересующие нас, но и другие черты личности. В исследовательский процесс поэтому вкрадывается ошибка. Благодаря такому оценочному «шуму» нелегко разглядеть связь между исследуемыми чертами личности и ее агрессией. <..>

<..> Задаваясь вопросом о том, на каких ступеньках лестницы, ведущей к агрессии, находятся ситуационные и личностные переменные, следует заметить, что большинство социальных психологов отдают пальму первенства ситуационным факторам, то есть подчеркивают роль социальных, ситуационных и средовых факторов, как это было представлено в первых главах данной книги. Утверждается, что только при отсутствии этих факторов или при их минимальном влиянии на передний план действительно выходят личностные переменные (Larsen, Coleman, Forbes & Johnson, 1972).

В целом мы согласны с этим заключением, но мы видим, что появляются все новые данные, свидетельствующие, пожалуй, о некоторой шаткости приведенного выше предположения. Поскольку наши знания о личности растут, становится все более очевидным, что личностные

характеристики зачастую *могут* играть важную роль в формировании наблюдаемого поведения (Clarke & Hoyle, 1988). Более того, многие исследователи сообщают о том, что подобные факторы часто играют роль посредника по отношению к ситуационным факторам: иными словами, определенная ситуация может по-разному интерпретироваться лицами с различными чертами характера, и в результате реакция на ситуацию может оказаться диаметрально противоположной (Buss & Cantor, 1989). Таким образом, вопрос «что важнее» – личностные или ситуационные детерминанты поведения – становится совершенно неуместным. Более важной нам видится задача объединения этих двух групп факторов, для того чтобы расширить наши знания и возможность прогнозирования различных сторон поведения. <..>

<..> А теперь перейдем ко второму вопросу – к изменяемости личностных черт. У нас сложилось впечатление, что для многих термин *личность* ассоциируется, кроме всего прочего, с понятиями *неизменность, отсутствие альтернативы* и *неизбежность.* Другими словами, многие люди считают, часто безоговорочно, что личностные черты, раз сформировавшись, не изменяются, да и, возможно, не могут изменяться. На самом же деле подобные предположения совершенно неверны. Вопреки общепринятому представлению, люди все-таки меняются на протяжении жизни, и такие перемены включают изменения в личностных характеристиках, хотя они могут оставаться стабильными в течение длительного времени. Но в нашем контексте стабильный отнюдь *не означает неизменный:* все большее число данных свидетельствует о том, что модель поведения по типу «А», тревога, локус контроля – все они могут меняться по мере приобретения нового опыта или после прохождения тренинга, специально разработанного для их изменения. <..> К тому же он свидетельствует о *возможности* изменения таких наклонностей, а также черт, лежащих в их основе, то есть факт, что определенные черты имеют отношение к агрессии, не может сам по себе быть причиной для пессимизма.

Напротив, перемены возможны, и это обстоятельство позволяет нам закончить ободряющими словами <..>: агрессия определенно *не* является неизбежным и неминуемым результатом человеческой природы.

Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 56-58

<..> Какое-либо изменение окружающих условий, даже ничтожное само по себе, может полностью вывести из равновесия врожденные механизмы поведения. Они настолько неспособны быстро приспосабливаться к изменениям, что при неблагоприятных условиях вид может погибнуть. Между тем, изменения, произведенные самим человеком в окружающей среде, далеко не ничтожны. Если бесстрастно посмотреть на человека, каков он сегодня (в руках водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе инстинкт агрессии – наследство человекообразных предков, с которым его рассудок не может совладать), трудно предсказать ему долгую жизнь. Но когда ту же ситуацию видит сам человек – которого все это касается – она представляется жутким кошмаром, и трудно поверить, что агрессия не является симптомом современного упадка культуры, патологическим по своей природе.

Можно было бы лишь мечтать, чтобы это так и было. Как раз знание того, что агрессия является подлинным инстинктом – первичным, направленным на сохранение вида, – позволяет нам понять, насколько она опасна. Главная опасность инстинкта состоит в его спонтанности. Если бы он был лишь *реакцией* на определенные внешние условия, что предполагают многие социологи и психологи, то положение человечества было бы не так опасно, как в действительности. Тогда можно было бы основательно изучить и исключить факторы, порождающие эту реакцию. Фрейд заслужил себе славу, впервые распознав самостоятельное значение агрессии; он же показал, что недостаточность социальных контактов и особенно их исчезновение («потеря любви») относятся к числу сильных факторов, благоприятствующих агрессии. <..> Из этого представления, которое само по

себе правильно, многие американские педагоги сделали неправильный вывод, будто дети вырастут в менее невротичных, более приспособленных к окружающей действительности и, главное, менее агрессивных людей, если их с малолетства оберегать от любых разочарований (фрустраций) и во всем им уступать. Американская методика воспитания, построенная на этом предположении, лишь показала, что инстинкт агрессии, как и другие инстинкты, спонтанно прорывается изнутри человека. <..>

<..> Существует совершенно ошибочная доктрина, согласно которой поведение животных и человека является по преимуществу *реактивным,* и если даже имеет какие-то врожденные элементы – все равно может быть изменено обучением. Эта доктрина имеет глубокие и цепкие корни в неправильном понимании правильного по своей сути демократического принципа. Как-то не вяжется с ним тот факт, что люди от рождения не так уж совершенно равны друг другу и что не все имеют по справедливости равные шансы превратиться в идеальных граждан. К тому же в течение многих десятилетий *реакции*, рефлексы были единственными элементами поведения, которым уделяли внимание психологи с серьезной репутацией, в то время как спонтанность поведения животных была областью «виталистически» (то есть несколько мистически) настроенных ученых.

Антонян Ю. М.

Психология убийства. – М.: Юрист, 1997. – С. 146-162

<..> Речь пойдет о типологии убийц, что позволит дать более точное описание их отдельных разновидностей, более глубоко познать причины совершения этих преступлений. Их причины невозможно объяснить, если представлять всех убийц на одно лицо.

Типология преступников, и в частности убийц, давно привлекает к себе внимание. Еще в XIX веке Э. Ферри предложил свою группировку преступников, назвав ее классификацией. Прежде всего он выделил помешанных преступников, пояснив, что существуют душевнобольные,

совершающие такие деяния, которые при совершении их здоровыми людьми признаются преступными. Разумеется, такой категории преступников (среди них Э. Ферри особо выделял убийц) быть не могло, поскольку он имел в виду невменяемых.

Вслед за ними им была названа категория прирожденных преступников, к которым автор отнес «людей диких и жестоких, ленивых и плутоватых, которые не способны отличить убийство, воровство, вообще преступление от любого честного ремесла, т.е. людей, действующих под давлением непреоборимых прирожденных импульсов». Как известно, современная наука отрицает существование прирожденных преступников, а те ученые, которые придерживались этой доктрины, не смогли привести никаких веских аргументов и ее пользу. Не могут этого сделать и сейчас, причем даже в отношении убийц, которые всегда были излюбленным объектом внимания для всех сторонников теории прирожденного преступника.

Третью категорию преступников Э. Ферри определил как привычную, характеризуя их тем, что они с раннего возраста всецело предаются преступлению, приобретают к нему «хроническую привычку и делают из нее настоящую профессию». Среди них убийцы встречаются редко, поскольку профессиональных убийц очень мало, зато среди следующих двух групп, выделенных этим автором – преступников по страсти и случайных преступников, – их более чем достаточно. Преступники по страсти – это люди, «прошедшая жизнь которых безупречна, люди сангвинического или нервного темперамента и с повышенной чувствительностью». Они без колебания признаются в своей вине и часто так раскаиваются, что покушаются на самоубийство. <..>

<..> Группа советских криминологов, опубликовавших в 1971 году коллективную монографию «Личность преступника», вопрос о типологии убийц решила на удивление просто, По их мнению, существуют три группы убийц.

Первая группа («злостные») – это те, которые уже совершали преступления и административные правонарушения, тунеядцы и пьяницы. Вторую, полярную первой, составляют так называемые «случайные» убийцы. К ним относятся лица, которые раньше, как правило, вели честный трудовой образ жизни и не проявляли никаких признаков антиобщественной направленности. Совершению убийств ими способствует стечение неблагоприятных обстоятельств (неправомерное поведение потерпевших, неблагоприятные бытовые условия детоубийц и т. д.). Третья группа, конечно же, промежуточная, и в нее входят лица, не имеющие достаточно четких признаков злостного или случайного преступника или имеющие отдельные признаки обеих групп. <..>

<..> Типологию личности убийц можно, конечно, осуществить и по их поведению, но поведение и личность – не одно и то же, в нем, естественно, выражается личность, но далеко не вся, причем и в самом акте убийства. Поэтому, я полагаю, наиболее значима типология, дающая объемное представление о человеке, его наиболее значимых чертах, позволяющая приблизиться к пониманию субъективных причин убийств. <..>

<..> Каждому выделенному типу дано название, отражающее ведущее психологическое свойство.

Возбудимый тип. У представителей этого типа ярко выражены социальная активность и стремление к лидерству, но им все-таки не свойственна четко выработанная жизненная позиция. У них зафиксированы повышенная эмоциональная возбудимость и склонность к накоплению аффекта. Они вспыльчивы, долго помнят нанесенную действительную или мнимую обиду, агрессивны, вспышки ярости возникают легко и по любому незначительному поводу. В этом состоянии поведение может становиться неуправляемым и они способным совершать грубые акты насилия. Поэтому совершаемые ими преступления отличаются крайней жестокостью.

Постоянно накопляемые отрицательные эмоциональные переживания могут непосредственно реализовываться в поведении в виде аффективной

агрессии, сопровождающейся сужением сознания и резким двигательным возбуждением. По определению российского психиатра А. Е. Личко, их можно сравнить с разрывом парового котла, который прежде постепенно и долго закипает. Повод для взрыва может быть случайным, сыграть роль последней капли.

Поведение таких убийц в большей степени определяется не благоразумием или логическим взвешиванием своих поступков, а влечениями и побуждениями, понять смысл и содержание которых они обычно не в состоянии. Сила влечений проявляется в особой манере алкоголизации: когда таким людям хочется выпить и есть возможность достать спиртные напитки, они не думают об опасности острого опьянения и его последствиях, могут пить «до отключения», в результате часто не контролируют свои действия во время опьянения, что потом удивляет их не меньше, чем окружающих.

Неуправляемый тип. Убийцы, относящиеся к этой категории, по некоторым психологическим особенностям сходны с возбудимым типом и являются его разновидностью. Но их специфика заключается в том, что по сравнению с «возбудимыми» те же личностные свойства выражены у них более ярко, и это соответствующим образом отражается на поведении, которое приобретает как бы импульсивный характер. У них, как и у «возбудимых», выражено стремление к доминированию, которое они склонны реализовать и насильственным путем. Но все-таки они редко становятся лидерами, поскольку не могут прогнозировать свое и чужое поведение, подавлять собственные эмоции, быть хитрыми и расчетливыми.

Представители этого типа импульсивны, и импульсивность является их ведущим личностным свойством, что выражается в неожиданных и кратковременных аффективных взрывах. Они несдержанны и склонны поступать по первому побуждению под влиянием внешних обстоятельств или собственных эмоций. Их крайняя вспыльчивость и агрессивность активно питаются социальной запущенностью, несформированностью

нормативной системы, в первую очередь нравственной, а низкий интеллектуальный уровень предопределяет содержание интересов.

Они конфликтны: в местах лишения свободы такие убийцы выделяются тем, что нагнетают вокруг себя «грозовую атмосферу», постоянно допускают нарушения: притесняют других осужденных, недобросовестно работают, провоцируют конфликты, активно участвуют в драках. Самые суровые наказания редко оказывают на них воспитательное воздействие, в беседах же игнорируют любые доводы и аргументы.

Решающим для поведения названных лиц, как и у предыдущего типа, является не благоразумие, а неконтролируемые побуждения. Они находятся во власти своих влечений и стремления время от времени разряжать накопившийся аффект. Поэтому их поведение носит импульсивный характер, что дает основание говорить о них, как об источнике повышенной опасности и высокой вероятности рецидива насилия.

Упорный тип. Ведущее свойство убийц этого типа – повышенная устойчивость аффективно окрашенных переживаний, что может выражаться: в честолюбии, стремлении к повышению собственной значимости; в повышенной восприимчивости, болезненной обидчивости и легкоуязвимости; в ригидности (застреваемости), что у них проявляется в малой подверженности воздействию различных «сбивающих» факторов в поведении; в целеустремленности, при которой любая цель, имеющая к ним отношение, может стать сверхцелью; в злопамятности, накоплении обид; в устойчивости образовавшейся жизненной позиции и склонности к прямолинейности, решительности в поступках.

Честолюбие и целеустремленность порождают среди убийц данного типа тенденцию к лидерству. Но в отличие от «возбудимых» и «неуправляемых», такие преступники имеют четко выбранную жизненную позицию, склонны к прямолинейности и завышенной оценке собственной личности. У них черно-белое восприятие мира, в связи с чем категоричность в высказываниях и поступках, значительные затруднения в коррекции своего

поведения в соответствии с новыми обстоятельствами. Целеустремленность и тенденция делать, цель сверхцелью дает им возможность бросать на ее достижение все свои силы и энергию. Если это делается для того, чтобы захватить лидерство в группе, всех, кто этому сопротивляется, может ожидать жестокая расправа. Они чаще всего вполне подходят для роли лидера и успешно справляются со своими обязанностями.

Основой упорного типа личности является повышенная стойкость аффекта, его представители дольше, чем другие люди, помнят нанесенную обиду, особенно когда оказываются затронутыми их самолюбие и гордость. Поэтому их характеризуют как злопамятных, болезненно обидчивых и мстительных людей, для которых характерны такие побуждения, как месть, ревность, «борьба за справедливость». Например, Р. постоянно подозревал свою жену в супружеской неверности, следил за ней, устраивал ей «проверки». За несколько месяцев до преступления застал ее у подруги с неким К. , которого посчитал ее любовником, за что избил ее. После этого постоянно устраивал дома скандалы, бил, если она приходила поздно; однажды во время очередной ссоры, которая происходила на кухне, схватил нож и нанес жене смертельное ранение.

Активный тип. Основной личностной характеристикой убийц этого типа является повышенная активность, которая выражается в постоянно приподнятом фоне настроения и оптимизме, разнообразии интересов, постоянном стремлении к перемене деятельности, что обеспечивается присущей им способностью переключаться с одного объекта на другой и приспосабливаться к новой ситуации. При стремлении к острым ощущениям и риску у них ослаблено чувство ответственности, низкий самоконтроль переплетается с лекомыслием.

Это люди, которые хотят получить от жизни прежде всего удовольствие, отсюда тенденция потакать своим прихотям и влечениям. В поисках удовольствия они теряют грани между дозволенным и недозволенным, что часто приводит к нарушениям закона. То, что

препятствует удовлетворению чрезмерной жажды удовольствия, может быть ими уничтожено, в том числе путем убийства, тем более, что они любят риск и острые ощущения.

Следует отметить также, что преступники, принадлежащие к активному типу, очень общительны, всегда на виду, не обидчивы, настроение чаще всего хорошее и приподнятое. Если бывают вспышки раздражения, то они проходят, как правило, быстро и бесследно. Им свойственна переоценка своей личности, они много обещают, но делают гораздо меньше, так как слишком быстро переключаются на другое, отвлекаются и не могут долго заниматься одним и тем же делом.

Переоценка своей личности одним из своих последствий имеет то, что они редко раскаиваются в совершенном убийстве.

Демонстративный тип. Поведение представителей этого типа определяется, прежде всего, сильным стремлением любым путем выделиться, добиться восхищения, удивления собой, почитания. Они любят быть в центре внимания, очень высоко оценивают себя, и самое страшное для них – остаться незамеченными. Чтобы добиться признания, они могут охотно идти на ложь, придумывать о себе разные небылицы и причем делать это таким образом, что у собеседника часто даже не возникает сомнений в их правдивости. Это люди, которые способны лгать, иногда даже не осознавая, что лгут. Они обладают богатой фантазией, склонны к позерству, могут совсем «забыть» о том, чего не желают знать.

Многие из них даже отличаются неплохими актерскими способностями, могут вживаться в роль, умеют улавливать настроение окружающих и подделываться под них. Любят рассказывать о себе невероятные истории, всячески приукрашая свою роль.

Они могут признаться в совершенном убийстве, если это произведет впечатление или само преступление демонстрирует, по их мнению, какие-то их сильные стороны, например, характер, физическую силу, ловкость, но при этом они некритичны к себе. Свойственная им необдуманность поступков

часто проявляется и в совершенном преступлении, что повышает возможности их установления и задержания. Эмоции таких людей поверхностны, что в немалой степени объясняет отсутствие сопереживания потерпевшему.

Безвольный тип. Основной личностной характеристикой таких убийц является недостаток волевых качеств, поэтому их часто называют безвольными или слабовольными. Подобное личностное качество особенно отчетливо выступает в сферах учебы, труда, исполнения обязанностей и долга либо достижения целей. Они обладают повышенной подчиняемостью, и именно по этой причине совершение ими убийств (как и других преступлений) есть следствие подчинения групповому давлению. При этом не обязательно, чтобы другие члены группы тоже обвинялись бы в данном преступлении, они вполне могут остаться в тени.

Тяга к удовольствиям, бездумность, с одной стороны, и повышенная тенденция к подчинению, с другой стороны, приводят их к нарушениям правил поведения. В местах лишения свободы «безвольные убийцы», привлеченные уголовной «романтикой», тянутся к группам с отрицательной направленностью. Но трусость и недостаточная инициативность не позволяют таким людям добиться авторитета, поэтому лидеры указанных групп используют их для выполнения мелких поручений или в качестве объекта скрытой гомосексуальной жизни.

Представители «безвольного» типа обычно живут настоящим и безразличны к своему будущему, не строят планов, не мечтают о какой-либо профессии. Интеллектуальный уровень у них низкий, что в немалой степени связано с такими их личностными свойствами, как безволие и отсутствие инициативы. Возникает впечатление, что им просто «лень подумать», а поведение целиком определяется жаждой сиюминутного удовольствия. В сложных ситуациях они иногда бывают нерешительны и робки, внешне часто производят впечатление запуганных, боязливых, тревожных и беззащитных людей.

В общении с ними трудно рассчитывать на постоянство или верность слову, тем более при отсутствии у них устойчивых интересов и привязанностей, а также при предрасположенности к наркотизации и алкоголизации.

Демонстративно-застревающий тип. Этот тип убийц вызывает особый интерес, представляя собой сочетание уже рассмотренных выше демонстративного и упорного (застревающего) типов личности. Иными словами, у таких лиц максимальная ориентация на внешние обстоятельства переплетается с устойчивостью в достижении цели. Если, например, они стремятся к лидерству, а это бывает часто, то бросают все силы на то, чтобы добиться этого. Отличаются чрезмерным честолюбием, жестокостью, повышенной ранимостью в отношении всех воздействий, затрагивающих их личность, что объясняет совершение ими убийств. Но злопамятности в той форме, которая свойственна чисто застревающему типу, у них нет, что обусловлено хорошо развитым механизмом вытеснения психотравмирующих воздействий.

Поведение «демонстративно-застревающих» убийц достаточно гибкое, в нем проявляется способность к реагированию в соответствии с изменениями внешней ситуации. Многие обладают артистическими способностями, могут неплохо сыграть принятую на себя роль, что также определяет гибкость их поведения. Умеют подчинить себе других людей и направлять их поведение на достижение моих личных и корпоративных целей, но только в той степени, в какой они совпадают с их личными интересами. В данном случае эгоизм, свойственный застревающей личности, усиливается эгоцентризмом демонстративной личности. <..>

РОЗДІЛ 4.
ПСИХОЛОГІЯ ПРОЦЕСУАЛЬНОЇ І НЕПРОЦЕСУАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Основні теми і поняття розділу

Можливості та межі справлення психологічного впливу у правоохоронній діяльності

Тактика спілкування слідчого з учасниками окремих слідчих дій

Сучасні концепції застосування тактики психологічного впливу на досудовому слідстві

Критерії допустимості психологічного впливу на досудовому слідстві

Розпізнання неправдивих показань і подолання установки на них

Тактика і психологія допиту

Структурно-психологічний аналіз професійної діяльності оперативного співробітника

Предмет і система оперативно-розшукової психології

Психология спілкування в оперативно-розшуковій діяльності

Використання оперативними підрозділами відомостей про конфлікти в злочинному середовищі

Вимоги до психологічних особливостей осіб, яких залучають до виконання завдань оперативно-розшукової діяльності

Андросюк В. Г., Казміренко Л. І.

Можливості та межі справлення психологічного впливу у правоохоронній діяльності // Юридична психологія та педагогіка. – 2008. – № 2. – С. 84-87

Механізм психологічного впливу слід розуміти як процедуру вибору того чи іншого методу і варіанту поведінки та процес проходження впливаючого стимулу від суб'єкта до об'єкта і зворотного зв'язку між ними. Його структура складається з таких чинників:

1) особливості особистості працівника – достатня розвиненість пізнавальної, емоційної та вольової сфери; здатність діагностувати індивідуальні особливості та емоційний стан партнера з спілкування; знання і вміння вибирати необхідний метод впливу та грамотно його застосовувати;

2) специфіка об'єкта впливу як конкретної соціальної одиниці (підозрюваного, обвинувачуваного, свідка, потерпілого, малої групи) особливості мотивації, наявність інтелектуально-пізнавальних передумов для здійснення своїх прагнень, емоційно-вольові якості, знання та використання сталих стереотипів поведінки;

3) особливості каналу проходження стимулів від суб'єкта до об'єкта та реалізації обраного методу – вміння розпізнавати та впливати на психологічні бар'єри («фільтри»), що виникають у процесі психологічного впливу. Найбільш поширеними серед них є:

мотиваційний – небажання чи незацікавленість у спілкуванні внаслідок упередженості, страху осуду чи помсти з боку певних осіб (родичів, співучасників злочину тощо), небажання розголосу події чи інтимних сторін життя;

- інтелектуальний – помилкове сприймання особливостей особистості партнера з спілкування (темпераменту, характеру, освіченості та ін.) та різна

«мова спілкування», розбіжності у розумінні одних і тих самих обставин через різний рівень освіченості, обізнаності у питанні;

- емоційний – негативне ставлення до конкретного працівника чи міліції у цілому, недовіра, агресивність;

- вольовий – небажання чи неможливість подолання своїх поведінкових установок і стереотипів, небажання підкорятися чужій волі чи неможливість відмовитися від вже раніш обіцяного.

Лише після подолання зазначених бар'єрів психологічний вплив стає принципово можливим, а вибір методу надалі залежить від позиції особи, яка стала об'єктом уваги. <..>

<..> Цілком природною є зацікавленість оперативних працівників та слідчих щодо ознак, за якими можна вирізнити винного від невинного не тільки за психофізіологічними реакціями, але й за більш складними формами поведінки. У зв'язку з цим О. Р. Ратінов наводить такі ознаки, на які з тактичних міркувань слід звертати увагу під час проведення допиту:

а) реакція на пряме обвинувачення. Невинний відразу відповідає запереченням; винний тримається обережно і чекає, щоб допитуючий виклав усі свої міркування;

б) повторна заява про невинність. Невинний намагається довести це активно, постійно звертаючись до окремих питань і обставин справи, посилаючись на факти, свідків і т. ін.; винний найчастіше поводиться пасивно, обмежується простими запереченнями, без докладних висловлювань, відповідає коротко, неточно, загально;

в) повторне звертання до конкретних пунктів обвинувачення. Невинний постійно повертається до цих пунктів, спростовуючи найбільш важливі обставини; винний не тільки намагається уникати повернення до критичних запитань, але й при постановці прямого запитання прагне відсторонити значущі обставини на другий план, знаючи, що дискусія може торкнутися ще більш неприємних деталей і погіршити його становище;

г) пряма вказівка на зв’язок між злочином і звичайною поведінкою винного. Невинний доводить, що злочин несумісний із його звичайним способом життя, вихованням, характером, темпераментом, положенням у суспільстві; винний рідко посилається на подібні аргументи;

д) острах ганьби. Невинний найбільш гостро переживає наслідки обвинувачення з огляду на моральний осуд, його турбує думка керівників і друзів, становище родини; винного хвилює, переважно, відповідальність. <..>

<..> Основою для створення новітніх розробок щодо психологічного впливу, які дозволяли б діагностувати тип поведінки потенційного учасника правопорушення за відсутністю вагомих доказів, можуть стати вже достатньо напрацьовані у спеціальній літературі системи ознак неправди, закономірний прояв яких має місце у визначених ситуаціях. Зокрема, наголошується на таких ознаках неправдивих показань:

- повідомлення різної, нерідко суперечливої інформації щодо одного й того ж факту;

- невизначеність, неконкретність інформації;

- «проговори» щодо конкретних фактів та обставин події, що вказують на поінформованість, яка заперечується допитуваною особою;

- збідненість емоційного тла свідчень, їх схематичність, загальність;

- настійливе підкреслення своєї добропорядності та незацікавленості у кінцевому результаті;

- ухилення від відповідей на прямі запитання. <..>

<..> Опитуваний суб’єкт, як потенційно причетний до досліджуваної події, може знаходитися у невизначено широкій сфері пошуку, що не перешкоджає досягненню мети кожної бесіди-опитування. На момент початку такої бесіди працівник, який проводить опитування, ймовірно має справу з трьома типами ситуацій.

У першій ситуації наявне *обмежене (вичерпне) коло осіб,* в якому перебуває відповідний суб’єкт. Наприклад, певна кримінальна подія відбулася у визначеному просторі, й всі особи, які підлягають опитуванню, у

цей часовий термін перебували у межах однієї території, але залишається нез'ясованим, хто з них є конкретним винуватцем.

У другій ситуації зона пошуку представлена *відносно визначеним колом осіб,* утвореним суб'єктами, які задовольняють ознакам потенційно винної особи. Ці ознаки не настільки визначені, як у попередньому випадку. Добір осіб для опитування здійснюється дещо інакше – за переліком ознак, що дозволяють звузити це коло. Це обмеження можна обґрунтувати відносною наближеністю суб'єктів до місця події, до використаних знарядь і засобів, предметів посягання, поінформованістю, необхідною для вчинення дій, ознаками зовнішнього вигляду, наявністю фізичної можливості й мотиву вчиненого і т. ін. Такі ознаки визначаються на основі первинних даних про подію.

У третій ситуації дефіцит вихідних даних обумовлює наявність *невизначеного кола осіб.* Інформаційна невизначеність обмежує можливості конкретизації цього кола за ознаками, що відповідають ймовірному злочинцю. Осіб, які підлягають бесіді-опитуванню на конкретний момент, може бути замало або забагато, причому в останньому випадку вони опитуються різними працівниками. <..>

Лукашевич В. Г.

Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: учебное пособие. – К.: НИ и РИО КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989. – С. 54-59

<..> Получение информации методом допроса – это управляемый процесс общения, в котором, в известной мере условно, можно назвать пять стадий (этапов), образующих собственно структуру тактики общения, а именно:

1) прогнозирование и планирование предстоящего общения;

2) установление психологического контакта;

3) обмен речевой (и иной) информацией для достижения намеченной цели допроса;

4) окончание допроса (выход из общения);

5) мысленный разбор (анализ) хода и результатов допроса.

Подготовка к допросу – исключительно важная стадия, от проведения которой во многом зависят его ход и результаты.

В процессе подготовки решаются четыре основные задачи: 1) определяются цели допроса; 2) осознается собственная роль следователя в нем; 3) определяются тактические и психологические методы допроса (средства достижения цели); 4) прогнозируется поведение допрашиваемого лица.

Информационную базу для решения названных задач подготовительного этапа составляют материалы возбужденного уголовного дела и оперативно-розыскные данные, собранные по расследуемому событию, которые исследуются в трех основных направлениях: а) изучение лиц, которых предстоит допросить; б) анализ фактических данных и собранных по делу доказательств; в) изучение структуры общения интересующих нас лиц.

Прогнозирование при допросе происходит по трем основным направлениям: 1) прогнозирование следователем собственных действий и поведения; 2) прогнозирование, а затем организация и направление действий других участников допроса; 3) предвидение возможных путей противодействия со стороны допрашиваемых лиц.

Психологический контакт – это образное выражение, обозначающее взаимопонимание, доверие и желание двух лиц общаться друг с другом. Это форма взаимоотношения лиц, обменивающихся информацией в деятельности.

Психологический контакт следователя с подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим – это специфическая форма взаимоотношений представителя государства, которому поручено расследование, с названными

лицами. Психологический контакт следователя с участниками уголовного процесса строится, с одной стороны, на нормах уголовно-процессуалыюго закона, а с другой – на научных положениях криминалистики, судебной психологии, логики и теории управления деятельностью.

Обобщая сказанное, можно назвать наиболее общие способы установления психологического контакта:

1) создание надлежащей обстановки допроса;

2) допрос наедине;

3) корректное поведение следователя как представителя государства, выполняющего важные общественные функции;

4) демонстрация непредвзятого отношения к допрашиваемому, возбуждающих интерес к следователю как партнеру по общению;

5) демонстрация умения выслушать до конца, не повышать тон;

6) проведение предварительной беседы на отвлеченную тему;

7) обращение к логическому мышлению;

8) разъяснение целей и задач допроса;

9) создание обстановки, возбуждающей интерес к результатам допроса.

При установлении психологического контакта нельзя допускать:

1) длительного ожидания допроса;

2) проявления излишней заинтересованности, сожаления;

3) обещаний невьполнимого, использования лжи, призывов к действиям, противоречащим нормам морали, и т. п.

Деятельность следователя по установлению психологического контакта можно разделить на три относительно самостоятельных этапа (стадии).

1. Предшествующая общению стадия, которая складывается из:

а) прогнозирования процесса установления психологического контакта в ходе подготовки к допросу;

б) создания обстановки, облегчающей установление контакта.

2. Начальная стадия общения, состоящая из приемов, направленных на:

а) проявление внешних коммуникативных свойств в начале невербального (неречевого) общения;

б) изучение психического состояния, отношения допрашиваемого к начавшемуся общению.

3. Стадия последующего общения, связанная с поддержанием психологического контакта и преодолением негативной позиции. Она включает:

а) действия по ликвидации помех в общении;

б) тактические приемы, направленные на возбуждение интереса к развитию начавшегося общения и его продолжения в будущем.

Управление процессом получения информации от человека невозможно без критической оценки ее достоверности. Следователь должен все время оценивать поступающую информацию и корректировать ход допроса. Можно для этого использовать следующие тактические приемы, которые позволяют разоблачать ложь либо заблуждения допрашиваемого в ходе свободного рассказа:

1) оценка общей правдоподобности показаний;

2) установление возможности непосредственного восприятия фактов лицом, дающим о них показания;

3) проверка внутреннего соответствия отдельных частей показания;

4) проверка соответствия показания другим доказательствам;

5) личное наблюдение за дающим показания лицом.

В криминалистике и судебной психологии уделяется достаточное внимание психологическим процессам, связанным с формированием показаний, и стадиям, через которые оно проходит. Обращается также внимание на то, что эти показания должны быть субъективно правильно восприняты, адекватно расшифрованы, осознаны следователем и трансформированы в протокольную запись. Все это призвано способствовать предупреждению субъективных ошибок и повышает степень надежности получаемой информации.

Для выработки решений в условиях конфликта, когда интересы следователя и допрашиваемого не совпадают и замысел их неясен, прибегают к специальным приемам из теории игр, главной идеей которой является так называемый «принцип минимакса», т.е. выбор решения, гарантирующего определенный результат при любых, даже самых неблагоприятных условиях. Криминалистов в теории игр интересует раздел о конфликтных ситуациях, разрабатывающий приемы выбора разумного поведения участников конфликта.

Частным приложением этой теории к практике построения тактических приемов допроса, получившей некоторое освещение в криминалистике, является теория рефлексивных игр. Имитация мыслей и действий противника и принятие собственных действий на этой основе в психологии называется рефлексией, а процесс передачи информации одним лицом для действий второго – рефлексивным управлением. Сущность рефлексии в том, что каждый из партнеров строит прогностическую модель о действиях хода противника и с учетом этого выбирает оптимальное поведение для своих действий. <..>

<..> Негативная позиция допрашиваемого может проявляться в даче заведомо ложных показаний или умолчании известных фактов. Соответственно этому необходимо применять тактические приемы, направленные на: 1) выяснение мотивов ложных показаний; 2) стимулирование положительных личных качеств; 3) установление в показаниях противоречий, разоблачающих ложь.

Мотивы дачи ложных показаний свидетелями:

а) боязнь испортить отношения с другими лицами, проходящими по делу, боязнь мести со стороны подозреваемого или обвиняемого;

б) стремление скрыть свои собственные неблаговидные поступки, аморальное поведение, трусость;

в) стремление выгородить подозреваемого или обвиняемого или смягчить его вину в силу родственных, дружеских отношений или из

корыстных соображений, либо, наоборот, усугубить вину этих лиц из мести, ревности или иных низменных побуждений;

г) ошибочная оценка своих действий в момент расследуемого события как преступных и стремление скрыть их или описать иначе;

д) нежелание в последующем выступать в качестве свидетеля, опознающего или участника иного следственного действия, быть вызванным в суд и т. п.

Мотивы дачи ложных показаний потерпевшим:

а) боязнь мести со стороны преступника или лиц, с которыми он связан;

б) дружеские в прошлом, родственные или семейные отношения, преступная связь с подозреваемым или обвиняемым;

в) стремление преувеличить причиненный преступлением ущерб как из чувства мести, так и из корысти и иных низменных побуждений;

г) стремление преуменьшить причиненный ему преступлением материальный ущерб, чтобы скрыть источник приобретения утраченных ценностей;

д) стремление скрыть собственное неблаговидное поведение;

е) скептическое отношение к возможности органов дознания и следствия раскрыть преступление, обеспечить возмещение материального ущерба, обеспечить личную безопасность потерпевшего.

Мотивы дачи ложных показаний подозреваемым и обвиняемым:

а) желание избежать ответственности за содеянное или преуменьшить свою вину либо понести наказание не за совершенное, а за менее тяжкое преступление – действительное или мнимое;

б) желание выгородить соучастников или смягчить их вину в силу дружеских, семейных или родственных связей, из корыстных побуждений;

в) стремление оговорить соучастников из мести или в целях обеспечения собственной безопасности в будущем;

г) стремление оговорить себя в силу болезненного состояния психики либо исходя из желания попасть в особые условия жизни – по причинам семейного, служебного и иного характера либо из бахвальства и т. п.

Эффективность использования следователем приемов убеждающего воздействия во многом зависит от предварительного анализа показаний допрашиваемого, в ходе которого выявляются их внутренние противоречия, а также противоречия с другими материалами дела, что служит в дальнейшем аргументационной базой названного метода. Однако проверка показаний и изобличение допрашиваемого во лжи является длительным и трудоемким процессом, для облегчения которого необходимо применять различные тактические приемы. Приведем некоторые из них.

1. Умалчивание отдельных известных следствию обстоятельств и проявление интереса к мелким, второстепенным фактам, что создает у допрашиваемого преувеличенное представление об осведомленности следователя.

2. Создание условий, при которых у допрашиваемого создается мнение, что следствие располагает всем объемом доказательств по данному делу, факту. Это достигается: а) постепенным предъявлением проверенных доказательств, между которыми требуется установить связь; б) умалчиванием до определенного времени известных фактов; в) постановкой вопросов о второстепенных деталях; г) предъявлением главного доказательства; д) временным оставлением допрашиваемого в неведении относительно действий следователя, планов других участников преступной группы и т. п.

3. Применение тактических комбинаций, построенных на последовательности задаваемых вопросов, предъявлении доказательств, материалов дела, аудио- видеозаписи, использование эмоционального состояния и постановки неожиданных, так называемых «вопросов в лоб».

4. Демонстрация следственных и научно-технических возможностей расследования. Его сущность заключается в демонстрации (показе)

допрашиваемому возможностей объективного установления каких-либо скрываемых им обстоятельств независимо от его показаний путем проведения в дальнейшем определенных следственных действий или использования научных методов расследования и проведения различных видов экспертиз. Это достигается: а) осмотром в ходе допроса вещественных доказательств с участием лица, дающего ложные показания; б) разъяснением ему возможностей назначенной или предполагаемой к назначению экспертизы.

При постановке вопросов надо соблюдать следующие тактические правила, основанные на общих требованиях формальной логики.

1. Вопрос должен быть конкретным и касаться одного какого-нибудь обстоятельства. Формулировка вопроса должна предполагать развернутый ответ и не таить в себе двусмысленности.

2. Избегать вопросов, на которые можно дать предположительный ответ.

3. Заранее продумать последовательность постановки вопросов с тем, чтобы один вопрос вытекал из другого и являлся его логическим продолжением.

4. Не подчеркивать вопросы, особенно интересующие следователя, и показывать допрашиваемому, какое значение придается ответам именно на них.

5. Нельзя задавать допрашиваемому наводящие и улавливающие вопросы, т. е. такие, которые прямо или косвенно подсказывают определенный ответ.

В криминалистике в зависимости от целей вопросы делят на: основные, дополнительные, уточняющие, напоминающие, детализирующие и контрольные.

Основные вопросы направлены на выяснение предмета допроса. Содержание вопросов и выбор момента их постановки определяются конкретными обстоятельствами дела, планом допроса.

Дополнительные вопросы ставятся для выяснения фактов, упущенных допрашиваемым в свободном рассказе. Цель их – выяснить обстоятельства, которые, по мнению следователя, могут или должны быть известны допрашиваемому.

Уточняющие вопросы направлены на конкретизацию показаний о тех или иных фактах. Они всегда касаются существа сообщаемых сведений: а) размеров и расстояний; б) времени и места; в) признаков лиц и предметов; г) суммы, веса и количества; д) цвета и формы; е) содержания каких-либо сообщений и т. п. Уточняющие вопросы нередко используются для проверки и оценки показаний, разоблачения лжи.

Напоминающие вопросы ставятся для выяснения сопутствующих фактов или событий, интересующих следователя, но о которых допрашиваемый забыл рассказать.

Детализирующие вопросы не связаны с сущностью выясняемого и имеют своей целью получение сведений для проверки показаний, этим они отличаются от уточняющих, связанных с сущностью выясняемого.

Контрольные вопросы направлены на проверку полученных данных, выяснение источников получения свидетелем сведений о фактах, сопоставление с фактами, точно установленными по делу.

В структуре психических отношений следователя с допрашиваемым особое место следует отвести тактике выхода из общения как важнейшей предпосылке его развития в будущем. Допрос следует заканчивать так, чтобы 1) установившийся в процессе его проведения психологический контакт с допрашиваемым не был нарушен (чтобы при последующих допросах не надо было начинать все сначала), 2) допрошенное лицо в будущем «желало» встречи со следователем или, по крайней мере, относилось к ней без предубеждения. <..>

Сокиран Ф. М.

Сучасні концепції застосування тактики психологічного впливу на досудовому слідстві: монографія. – К.: НТВ Правник, 2002. – С. 36-39

<..> уявлення про сутність психологічного контакту є далеким від дійсно психологічного розуміння цього явища, якому необґрунтовано надається яскраво виражене однобічне соціально-етичне забарвлення. Про який контакт може йти мова, якщо слідчий намагається проникнути в думки і почуття допитуваного, а сам у той же час приховує свої почуття і думки? Чому в цьому спілкуванні передбачається збудити довіру допитуваного до слідчого за відсутності такої довіри у слідчого до допитуваного? Про який контакт (навіть у моральному відношенні) може йти мова, якщо він забезпечує «розвиток спілкування в потрібному напрямі»? До речі, кому цей напрям потрібен: слідчому чи допитуваному? Але ж це ні що інше, як упередженість і нехтування об'єктивністю. Крім того, здається сумнівним, що знайдеться хтось, хто сказав би, що потрібне йому у конкретний момент є правильним.

Ці всі запитання не потребують роздумів над змістом відповіді – вона може бути лише негативною. Критиковане тлумачення психологічного контакту може призвести до його розуміння, як відносин взаємних поступок, послуг і поблажок, що має бути виключено слідчим з арсеналу засобів досягнення істини у справі. <..>

<..> можна констатувати, що поняття психологічного контакту як збудження мотивації щирого каяття або громадянського обов'язку (окремі випадки дуже обмежені) просто заслонило розмаїття способів встановлення взаємовідносин. Між тим психологічний контакт є видом спілкування, що полягає в обміні інформацією при двосторонній готовності до сприйняття і розуміння співрозмовниками один одного. Тому поняттям психологічного контакту безпосередньо охоплюється і проникнення «у думки і почуття» допитуваних, вплив на мотиваційну сферу учасників слідчої дії і тактика регулювання інформаційного обміну між слідчим і допитуваним.

Психологічний контакт як вид спілкування передбачає різні види взаємодії і, перш за все, об'єднання та конкуренцію. Слід усвідомити принципове положення, що встановлення психологічного контакту є обов'язковим атрибутом будь-якого спілкування під час проведення слідчих дій. Проте – це не просто тактичний прийом, а система тактичних і психологічних прийомів, психологічних способів спілкування, взаємний вплив (прогнозований, випадковий) природжених і набутих психічних якостей слідчого та інших учасників слідчої дії. З цих позицій можна констатувати, що встановлення психологічного контакту є початковим етапом впливу, який має розгортатися з волі слідчого у процесі проведення слідчої дії і розслідування в цілому для встановлення істини і розв'язання задач кримінального судочинства.

Вся система прийомів психологічного впливу спрямована саме на те, щоб за наявності психологічного контакту і на його основі досягти правдивих і адекватних свідчень та дій від осіб, які створюють або приховують правду. Саме тому можна і треба говорити про зміну розумових задач, про вплив на мотиваційні та морально-вольові сфери, проникнення слідчого в духовний світ співрозмовника та створення ним уявлення про поінформованість у деталях справи, переконання обвинуваченого (або іншого учасника) говорити правду агітаційними, емоційними засобами або логікою представлених доказів. Звичайно, рішення говорити правду може визріти у обвинувачуваного і на початковій стадії впливу – у процесі встановлення психологічного контакту (так само, між іншим, як ще до початку спілкування зі слідчим) але це – окремий випадок, який лише підтверджує правило. Тим більше, що початкове рішення про щире каяття нерідко надалі змінюється і тоді здійснюється в повному обсязі психологічний вплив.

Серед засобів психологічного впливу, які в загальному вигляді ґрунтуються на переконанні та примушенні (у рамках закону) і які завжди у різному співвідношенні містять елементи того й іншого, особливе місце

посідають прийоми злочинної обізнаності, що мають велику ефективність у виявленні, збиранні й використанні доказів. Це поняття ми розглянемо поряд з рекомендаціями відносно так званих тактичних «хитрощів» і «пасток». Питання про застосування останніх є суперечливим у юридичній літературі, багато авторів заперечує їх правомірність при одержанні доказової інформації.

Очевидно, що перш за все слід розібратися у змістові та тлумаченні вживаних понять. Найкращий шлях до цього – звернутись до філологічних тлумачень, як найбільш чистих від професійних жаргонів. У 2-томному Словнику української мови «хитрість» тлумачиться як дія з хитрістю, вигадування чогось хитромудрого, винахідливого; пастка – хитрий маневр, прийом для заманювання противника в невигідне, небезпечне становище.

Отже, навряд чи знайдуться підстави докоряти працівникам слідства і дізнання за винахідливість, хитромудрість та вправність. Навпаки, очевидно треба заохочувати такі якості фахівців, які тяжко працюють в умовах дефіциту інформації, дезінформації та прямої протидії. Безумовно, ми на цьому особливо наголошуємо, якщо ці позитивні якості реалізуються в межах закону і норм етики.

Єдине, що можна закинути не на користь названих прийомів, – це їх двозначна назва, яку слід розглядати як прояв професійного жаргону і вилучити з офіційного та наукового вжитку. Застосування цих термінів призводить до спотворення змісту пропонованих ефективних тактичних прийомів і вводить в оману опонентів, особливо процесуалістів. Думки про заміну цих термінів висловили багато авторів.

Ми пропонуємо ці прийоми назвати так: виявлення «злочинної обізнаності» (психологічний експеримент для визначення злочинної обізнаності).

Наше тверде переконання, що значна частина психологічних прийомів впливу, які особливо позначаються на практиці, а в літературі часто є не зовсім вдалими визначеннями і цілком прийнятними та ефективними. Це

стосується перш за все, прийомів, спрямованих на зміну задач мислення у тієї чи іншої особи, виявлення слідів минулих афектів шляхом введення у спілкування асоціативних образів і понять (виявлення так званої винуватої обізнаності та формування в учасників слідчої дії уявлення про більшу поінформованість слідчого, ніж це є насправді). Такого ґатунку вплив має виключно вибіркову дію, він повністю індиферентний по відношенню до невинних осіб та осіб, які не мають відношення чи то до справи, чи то до окремих її обставин. Все це є підставою для віднесення таких прийомів до розряду законних. Якщо цей вплив створює для дійсно винної особи психологічний дискомфорт, який сприяє виникненню потреби для певної, найсприятливішої для зізнання поведінки, то усі заперечення виглядають штучними і необґрунтованими.

Такою потребою може стати і визнання своєї дійсної вини, але це зовсім не означає, що обвинувачений (про нього, головним чином, йдеться в наукових судженнях з цього приводу) не зможе й далі відстоювати свою, на його думку, найкращу позицію (заперечення вини, відмова від дачі свідчень тощо). Це також не виключає можливості самообмови, або самообмова однаково може виникнути як через допустимий психологічний вплив з боку слідчого, так і без нього. Мотивація самообмови вимагає окремого вивчення. У будь-якому випадку, як було зазначено, вона менш за все детермінована психологічним впливом з боку слідчого у рамках судової етики і закону.

Всі без винятку слідчі, з якими нам доводилось спілкуватись, підтримують позицію відносно меж і змісту психологічного впливу в кримінальному судочинстві.

Враховуючи викладене вище, можна констатувати, що психологічний вплив у різних формах виявлення і як самостійний прийом проведення слідчої дії і як складова частина тактичного прийому, а також і як напрям діяльності слідчого у розв’язанні окремих задач розслідування, – є постійно діючим джерелом формування тактичних рекомендацій і неодмінним

структурним компонентом тактичних прийомів і операцій процесуального та допоміжного (оперативного) характеру.

Це дозволяє нам зробити висновок, що психологічний вплив, який застосовується слідчим у процесі розслідування і трансформований у тактичні прийоми, є обов'язковим суттєвим елементом криміналістичної (слідчої) тактики. <..>

Гончаренко В. Г., Гончаренко С. В.

Критерії допустимості психологічного впливу на досудовому слідстві // Вісник Академії адвокатури України, число 3 (19), 2010. – С. 108-111

<..> Процес юридичного регулювання найрізноманітніших відносин, що виникають в суспільстві, на певних етапах обов'язково включає в себе безпосереднє або опосередковане спілкування людей, які так чи інакше пов'язані цими відносинами і наділені визначеними права і обов'язками. Вся діяльність юридичних органів і посадових осіб, яка спрямована на захист права, має єдину психологічну природу і в принципі однаковий механізм комунікації, а тому психологічним атрибутом і юридичною умовою є спілкування осіб, яке в кожному конкретному випадку неодмінно набуває вигляду взаємодії.

Всі роботи теоретиків і практиків дають підстави визначити психологічний вплив на досудовому слідстві як комплекс прийомів, які застосовуються в процесі передачі, опрацювання та використання доказової інформації, викликаючи відповідну реакцію, що дозволяє діагностувати психічний стан особи, контролювати хід її думок, ставлення до певних фактів для зміни для зміни її поведінки в напрямі одержання правдивої і повної інформації. Цей вплив у всіх ситуаціях досудового слідства спрямовується на винайдення способів подолання негативів психологічних настанов і поведінки для одержання бажаних об'єктивних відомостей про факти, що цікавлять слідство в межах встановленого законом предмета доказування.

Встановивши наявність у судочинстві різноманітних психологічних впливів і особливо необхідності й можливості цілеспрямованих і дозованих актів впливу на учасників процесу з боку слідчого як важливих і органічних елементів тактики його діяльності в зусиллях, спрямованих на одержання адекватної доказової інформації, ми повинні пильну увагу звернути на правомірність такого впливу в офіційній діяльності слідчого, допустимість його з боку закону і норм загальнолюдської та професійної етики. Зрозуміло, природні психологічні впливи не потребують нормативного врегулювання (та це й неможливо зробити), а от цілеспрямований адресний вплив слідчого на різних осіб в межах досудового провадження справи, безумовно, вимагає чіткого законодавчого забезпечення, оскільки тут йдеться про можливі навмисні чи мимовільні утиснення непорушних прав і свобод людини.

Науковці єдині в своєму прагненні поставити всі прийоми цілеспрямованого впливу на особу в судочинстві під контроль закону за умови повної поваги до прав і законних інтересів громадян, будь-яке порушення, навіть з посиланням на доцільність, визнавати необґрунтованим, а одержані з порушеннями фактичні дані вважати неприпустимими в доказуванні.

Свого часу І. Ф. Пантелєєв висловив вельми привабливу думку, що вплив на психіку людини, спрямований на створення найбільш сприятливих умов для протікання психічних процесів, підтримання активних психічних станів і виявлення позитивних психічних якостей, у кримінальному судочинстві є цілком правомірним і корисним. На його думку, саме ці ознаки позитивного психологічного впливу на людину відрізняються від психічного насильства.

Наведена сентенція могла б претендувати на визначення критерію допустимості психологічного впливу, проте позитивний вплив на психіку людини і виявлення позитивних психічних якостей особи можуть привести до обману з боку допитуваного – явно негативного результату, наприклад, у разі виникнення «благородного» бажання обмовити себе на користь близької

людини. Водночас цілком законні тактичні прийоми у вигляді раптового обшуку або негайного після затримання допиту ніяк не сприяють створенню найбільш прийнятних умов для протікання психічних процесів у обвинувачених і затриманих. Більше того, такі цілком законні дії в дійсності створюють несприятливі для протікання психічних процесів умови, викликаючи у названих осіб хвилювання, розгубленість і навіть страх. Між тим, ні у законодавця, ні у слідчого не виникає потреба попередити про майбутній обшук або дати затриманому перелік запитань, які будуть поставлені йому на першому допиті, аби психічні процеси у них протікали у більш-менш сприятливих умовах. Таким чином, І. Ф. Пантелєєву не вдалося добитися встановлення критерію допустимості психологічного впливу шляхом відносно конкретного перерахування прийомів або утвердження загального позитивного напряму прийнятних меж впливу, бо в його рекомендаціях немає теоретично однозначної і достатньо загальної принципової ознаки допустимості.

Отже, офіційно встановлений критерій допустимості тактико-психологічних прийомів можна на принциповому рівні сформулювати так: «Дозволяється застосовувати будь-які психологічні впливи, за винятком насильства, погроз та інших незаконних заходів». Законодавець до числа заборонених прийомів прямо не відносить, наприклад, обман, а визначення таких недозволених прийомів серед «інших» цілковито відносить до компетенції слідчого, а потім – учасників судового розгляду в процесі оцінки доказів, що, на наш погляд, є неприпустимим з двох причин. По-перше, в літературі під іншими незаконними заходами пропонують розуміти обман, підказки, обіцянки пом’якшити покарання, погрозу розповісти компрометуючі допитуваного відомості, звільнити з-під варти після дачі бажаних слідчому свідчень, дозволити побачення з рідними, приниження гідності допитуваного, розрахований на виснаження допитуваного тривалий допит, пред’явлення фальшивих доказів, постачання наркотиків, частування спиртним тощо. Але – це лише коментар, з яким вправі не погодитись особа,

котра застосовує закон, оскільки підставою застосування є внутрішнє переконання особи, її добра чи зла воля, а не прямий припис закону. На практиці (і в теорії) одні й ті ж заходи можуть бути витлумачені в одних випадках як допустимі, а в інших – як незаконні, що вочевидь не зміцнює законність судочинства.

По-друге, якщо у законі говориться про незаконні заходи, то вони повинні бути перелічені і пояснені в самому законі, причому з вказівкою на пряму заборону, інакше за визначенням «інші незаконні заходи» може в принципі ховатися все, що здасться даній особі у конкретній ситуації незаконним. Неважко побачити, що невизначена заява про неприпустимість застосування якихось заходів знаходиться в прямому протиріччі з доктриною нашого кримінального права про відповідальність за прямо передбачені законом заборони.

Дотично до проблеми допустимості психологічних засобів у слідчій тактиці є дискусія щодо так званих «слідчих хитрощів» та «слідчих пасток», про які не згадував з науковців-криміналістів хіба що лінивий. Окремі автори, які представляють науку кримінального процесу, «хитрість» і «пастки» розглядають, в основному, як обман, етичну неохайність і навіть як фальсифікацію доказів. Навряд чи можна заперечувати неприпустимість таких прийомів. Але відомий мовознавець О. М. Ушаков вкладає в слова «хитрість», «хитрий», «хитрувати» зовсім інший, соціально цілком моральний сенс –«кмітливість; винахідливий, вправний в чому-небудь; мудрувати, вигадувати щось винахідливе, хитромудре». Але чи знайдуться підстави докоряти працівникам слідства за винахідливість, хитромудрість та вправність?

Навпаки, очевидно треба заохочувати такі якості фахівців, які тяжко працюють в умовах дефіциту інформації, потоків дезінформації та прямої протидії. Безумовно, якщо ці позитивні якості реалізуються в межах закону і норм етики. До цього можна додати висловлювання О. Я. Баєва, який пише, що слідчі хитрощі як способи вирішення конфліктів слідчим не можуть

вплинути на позицію особи, яка не володіє шуканою інформацією, не містять в собі насильства чи обману, є морально допустимими і не вимагають встановлення якихось особливих критеріїв застосування.

Практика застосування законів та будь-яких інших нормативних актів свідчить, що переважна більшість аномалій у правозастосовній діяльності виникає через несистемність та колізійність правових норм, їхню теоретичну необґрунтованість. Особливо це стосується правил побудови дефініцій, якими є гіпотези (диспозиції) правових норм. Хиби такого роду формулювань часом так спотворюють сенс нормативного акта, що унеможливлюють однозначне його тлумачення, створюючи підґрунтя для правозастосовного свавілля.

Очевидно, для випадків вирішення питання про допустимість впливу слід встановити загальний теоретичний критерій, який відповідав би високим науковим вимогам. В психології, наприклад, таким критерієм визначається можливість для людини, на яку здійснюється вплив, зробити альтернативний і вільний вибір варіантів поведінки, вчинків, утворення висновків.

На підставі проведеного нами аналізу можна зробити висновок, що критерієм допустимості психологічного впливу на досудовому слідстві є можливість або неможливість свободи вибору особою своєї позиції у спілкуванні, висловлювань, вчинків, поведінки, якщо певні обмеження прямо не передбачені законом. <..>

Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.

Распознание ложных показаний и преодоление установки на них // Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 1996. – С. 218-223

<..> Центральную проблему допроса и расследования в целом составляет распознание ложных показаний и преодоление установки на них допрашиваемого лица. Однако ни особых методов психодиагностики, ни экспресс-диагностики лжи не существует. Не являются надежными

индикаторами лжи и психосоматические реакции – тремор конечностей, частота дыхания и пульса, пересыхание полости рта, сужение или расширение сосудов, проявляющееся в побледнении или в покраснении кожи лица. Не удается диагностировать ложь и по признакам речи – паузам, интонациям, лексическим особенностям.

Ложь – это средство управления поведением других людей путем их дезинформации. Однако ложь не «явление в себе», она распознаваема. В сознании лжеца «конкурируют» две сферы возбуждения – очаг чувственно бедных ложных конструкций, тормозимый субъектом, и непроизвольно функционирующий очаг живых образных представлений подлинного события.

Лицо, противодействующее следствию и дающее заведомо ложные показания, вступает со следователем в противоборство, прогнозирует его возможные действия, пытается осуществить рефлексивное управление деятельностью следователя, оценивает, как эти показания воспринимаются и используются им. Следователю как бы предлагаются основания таких решений, в которых заинтересован допрашиваемый. При этом можно выделить два варианта ложных показаний – ложь активную и пассивную.

При активной лжи допрашиваемый стремится создать целостную псевдомодель события, увязать его элементы, выдумать причинно-следственные связи, соотнести их с определенным местом и временем. Однако ряд повторных детализирующих вопросов неизбежно ведет к вариациям вымысла, к расстыкованности отдельных узлов псевдомодели события. Причем чем меньше правды в показаниях, тем успешнее их изобличение

Большую сложность представляют случаи, когда допрашиваемый, хорошо знающий обстоятельства дела, вводит в подлинную модель события лишь отдельные ложные детали.

Стереотипные, заученные ложные показания выдают себя *косной неизменяемостью*, тогда как образные представления характеризуются

соответствующей динамикой. Одна и та же стереотипная речевая формулировка в показаниях нескольких лиц, как правило, свидетельствует о сговоре в даче ложных показаний. Иногда лгущий утрирует свое «незнание», что также изобличает его. Кроме того, он не осведомлен, как продвигается расследование, какими доказательствами располагает следствие.

Преодоление установки допрашиваемого лица на дачу ложных показаний требует от следователя анализа мотивов лжи и прогнозирования тех побуждений, которые могут привести к «раскрытию» данной личности, анализа тех ситуаций, в которых человек делает откровенные признания Он должен также определить границы зоны контроля (какая истина скрывается, камуфлируется ложными утверждениями).

Поскольку в сознании лгущего конкурируют две психические модели – модель подлинных событий и псевдомодель, он постоянно находится в состоянии повышенного психического напряжения. Это обусловливает и определенные срывы-проговорки.

Диагностируя ложность показаний, следователь может избрать ту или иную тактику, в частности:

- изобличить допрашиваемого при его первых попытках ввести следствие в заблуждение;

- позволить допрашиваемому дать ряд ложных показаний и затем изобличить в совокупности.

Выбор соответствующей тактической позиции связан с личностными качествами допрашиваемого, его моральной сензитивностью – чувствительностью к разоблачающим действиям следователя. Уличение во лжи должно использоваться для побуждения допрашиваемого к правдивым показаниям. Однако изменение ложных показаний на правдивые – это психологически трудный процесс, связанный с мотивационной переориентацией, ломкой сложившегося стереотипа, эмоциональным напряжением, с более или менее продолжительным внутриличностным

конфликтом Своевременное определение этого состояния, аргументированное убеждение такого лица в целесообразности перехода от лжи к правде – одна из тактических задач следователя.

При решении тактических задач неизбежны определенные жесткие способы психического воздействия, ставящие поведение противодействующего лица в рамки, ограничивающие его решения.

Приемы преодоления противодействия следствию, как правило, рассчитаны на развитие критического мышления допрашиваемого, на его внутренний анализ хода следствия. Иногда подозреваемый (обвиняемый) может в своей прогностической деятельности отстать или «забежать» вперед, предвосхитить успехи следствия, которые в действительности еще не достигнуты. Подведение обвиняемого к такому отражению действительности в тактических целях непредосудительно и непротивоправно. Это составляет основу успешного тактического взаимодействия с ним.

Допрашиваемое лицо должно быть подготовлено к осознанию бессмысленности своего противодействия. Все разнообразие психических приемов воздействия должно осуществляться в пределах одной допустимой формы – в форме убеждения, которое связано с сознательным изменением позиции противоборствующего лица на основе получения им информации, раскрывающей неправильность ранее сформированных позиций. При этом, конечно, логика убеждающего воздействия не должна противоречить его эмоционально-импрессивной стороне воздействия.

Правомерным считается любой тактический прием психического воздействия, если он не направлен на вымогательство показаний.

Все приемы психического воздействия можно разделить на три группы:

- приемы, содействующие распознанию ложности показаний;
- приемы преодоления лжи и получения правдивых показаний;
- приемы оказания мнемической помощи.

Внутри этих групп возможна дополнительная классификация. Так, приемы психического воздействия на противодействующее лицо с целью изменения его позиции и получения правдивых показаний могут быть подразделены на следующие подгруппы:

- приемы, основанные на использовании отдельных психологических качеств личности допрашиваемого;

- приемы, основанные на доверии допрашиваемого следователю;

- приемы осведомления допрашиваемого о наличии значительной достоверной доказательственной информации;

- приемы повышенной эмоциональной насыщенности, связанные с предъявлением неожиданной информации, вызывающие острые эмоционально-волевые состояния.

Оценка показаний подозреваемых и обвиняемых. Показания подозреваемых и обвиняемых могут быть истинными или ложными, полными или частичными. Наряду с правдивыми показаниями иногда сообщаются искаженные сведения по отдельным обстоятельствам (например, могут быть неточно указаны объем похищенного имущества, места хранения, искажены обстоятельства нанесения телесных повреждений и т. п.). Нередко большая часть вины переносится на соучастников.

Критерием полноты и достоверности показаний подозреваемого или обвиняемого является сообщение ими фактов, которые могут быть проверены Истинное признание в отличие от ложного имеет больший объем доказательств и большие возможности проверки. Ложное показание, ложное признание, самооговор схематичны, бедны по своей фактологической структуре Ложное признание часто дается под психическим воздействием других заинтересованных лиц. «Следы» такого воздействия можно обнаружить по нехарактерным для конкретного лица выражениям, речевым оборотам и т. д.

Особенности допроса свидетелей. Наиболее психологизированными моментами допроса свидетелей являются оценка истинности их показаний,

диагностика ложности показаний, преодоление лжесвидетельства, оказание ммемической помощи. При этом не могут допрашиваться в качестве свидетелей лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Распознать мотивы лжесвидетельства и принять соответствующие меры – одна из основных задач следователя. Мотивами заведомо ложных показаний могут быть:

- личная заинтересованность свидетеля (корысть, зависть, ненависть, мстительность, самовыгораживание);

- ложно понятые чувство дружбы, родственные обязанности;

- чувство сострадания к обвиняемому или потерпевшему;

- понуждение заинтересованных лиц.

Наиболее часто заведомо ложные показания даются с целью освобождения виновного от уголовной ответственности или смягчения его наказания, а также по понуждению заинтересованных лиц.

При даче ложных показаний, с одной стороны, имеет место определенный внутриличностный мотивационный конфликт, с другой – свидетель постоянно должен тормозить вербализацию образов действительности, опасаться проговорок, создавать схематичные образы, удерживать в памяти их конструкцию. При этом происходит постоянное конфликтное взаимодействие подлинного и ложного.

Вымышленные образы не соответствуют тем или иным критериям реальности. Если правдивые показания основаны на образах, которые несут избыточную информацию и позволяют осуществить многостороннее «вычерпывание» информации, то ложные, базируясь на вымышленной схеме, информативно ограничены, они не имеют первосигнальной полноты, разносторонности. Отсюда затверженность, заученность, ригидность, непластичность ложных показаний, их эмоциональная индифферентность.

В правдивых показаниях очень часто встречаются неточности, некоторые неясности и даже несоответствия. В тщательно продуманных ложных показаниях обычно все хорошо подогнано, состыковано (конечно, в меру интеллектуальных способностей того или иного лица). Ложь, как отмечалось выше, может быть активной и пассивной (умолчание). В последнем случае следователь должен напомнить свидетелю, что он не только несет за это уголовную ответственность, но и наносит вред правосудию и обвиняемому, так как скрываемые им обстоятельства могут иметь не только обвинительное, но и смягчающее ответственность значение. Существенно также уличение свидетеля в противоречиях, ознакомление его с некоторыми имеющимися в деле доказательствами.

Психология допроса несовершеннолетних. Особенности психики несовершеннолетних связаны с ограниченностью их жизненного опыта, знаний и представлений, с недостаточной сформированностью адаптивных поведенческих навыков.

Потребность в самоутверждении – одна из ведущих потребностей развития подростка. Ее реализация может осуществляться в рамках контактной малой группы (в компании), что иногда порождает ряд негативных явлений. Поэтому включение подростка в многообразные социальные группы, в широкие социальные связи – одна из основных мер предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних.

Подросток активно ищет референтную группу, друзей и товарищей и, найдя их, стремится самоутвердиться. Нередко такое «самоутверждение» и делает его «трудным».

Повышенная конформность, суггестивность, групповая зависимость, подверженность поведения особым подростковым стереотипам, негативизм, демонстративная независимость, бравада, зависимость от референтной группы, повышенная подражательность кумирам, склонность к рискованным действиям, недостаточный социальный самоконтроль – основные психологические особенности подросткового возраста.

У подростков меньший объем восприятия и долговременной памяти, они менее точно отражают пространственные качества объектов – их величину, удаленность, конфигурацию, цветовые оттенки, чаще, чем взрослые, допускают ошибки в определении продолжительности временных периодов, иногда искажают последовательность событий.

Недостаточная сформированность понятийной сферы нередко приводит к неправильному употреблению понятий. Неточные показания несовершеннолетних иногда обусловлены подражательностью, стремлением говорить «как надо». В ложных показаниях подростки чаще допускают противоречия, несоответствия, не продумывают деталей «легенды».

Для установления коммуникативного и психологического контакта с несовершеннолетним необходимо предварительно ознакомиться с условиями его жизни, особенностями воспитания, интересами, социальными связями и т. д. Необходимые характерологические сведения следователь может получить из бесед с родителями, от инспекторов детской комнаты милиции, участковых инспекторов.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) целесообразно проводить в кабинете следователя. Соответствующей строгостью и официальностью подчеркивается важность и значимость расследования для несовершеннолетнего. При этом детализирующие, уточняющие и контрольные вопросы должны отличаться краткостью, предельной доступностью.

Допрос несовершеннолетнего должен продолжаться не более одного часа. При допросе несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, присутствие педагога обязательно. Педагог дает необходимые консультации для определения формы постановки вопросов, установления психологического контакта с подростком.

При необходимости оценки способности несовершеннолетнего правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать о

них показания, его возможности полностью осознавать значение своих действий назначается судебно-психологическая экспертиза.

Диагностируя ложность показаний, следователь должен установить их мотивы (чувство ложного товарищества, стыда, страха, возникшего в результате угрозы и запугивания заинтересованного лица, неприязнь к следователю, советы близких). Наряду с воздействием на мотивационную сферу подростка следователь использует и допустимые приемы психического воздействия – демонстрацию своей информационной осведомленности, предъявление доказательств, развенчание соучастников и т. п.

В ходе допроса следует придерживаться ряда педагогических требований: не фиксировать внимание несовершеннолетнего на обстоятельствах, которые могут нанести вред его воспитанию, пресекать жаргонные и нецензурные выражения, не допускать циничных оценок, проявлений вульгарности и развязности. В то же время речь самого следователя должна быть предельно корректной. При этом допустимы ирония, меткие, острые определения, высоко ценимые подростками. Необходимо также быть вежливым и проявлять уважение к личности несовершеннолетнего. Недопустимо панибратство, заискивание и т. д. <..>

Бахін В. П., Весельський В. К.

Тактика допиту: навч. посіб. – К.: НВТ Правник, 1997. – С. 42-47

<..> Розслідування злочинів – це збирання, аналіз і використання інформації для розв’язання завдань кримінального судочинства. Це потребує від слідчого творчого підходу і особливого вміння, насамперед, з урахуванням сучасних умов боротьби із злочинністю. <..> Успіх допиту передбачає встановлення психологічного контакту з допитуваним. Під психологічним контактом розуміється встановлення такої атмосфери спілкування слідчого і допитуваного, яка забезпечить готовність і бажання

обмінюватись інформацією, сприймати її, прислуховуватись до доказів співрозмовника. <..>

<..> Створення такої обстановки потребує від слідчого визначеної лінії поведінки і дій, які включають знання, розуміння і використання наступних чинників:

а) особливості характеру і поведінки допитуваного;

б) коло його життєвих інтересів і проблем, які обумовлені його участю в кримінальному судочинстві;

в) характер взаємовідносин з рідними, близькими та особами, які беруть участь у розслідуванні справи;

г) рівень правової обізнаності допитуваного;

д) наявність чинників, які заважають дачі свідчень (особиста зацікавленість, страх помсти тощо).

Врахування вказаних обставин дозволяє слідчому досягнути психологічного контакту і, навпаки, їх ігнорування призводить до загострення обстановки допиту і навіть до відмови від спілкування.

Для формування психологічного контакту потрібно застосовувати обов’язкові елементи допиту (наприклад, заповнення анкетно-біографічної частини протоколу) та спеціальні прийоми (наприклад, бесіда на відволікаючу тему). Засвідчення особи та опит про анкетні дані слідчі часто називають формальністю, саме в такій формі сповіщаючи допитуваного про її необхідність і нерідко також формально будуючи цю частину допиту: запитання – відповідь – записування. А робити це на першому допиті слід, використовуючи формальні запитання для виявлення інтересу і уваги до співрозмовника та його проблем. Бесіда на абстрактну тему може мати різну мету:

а) скласти уявлення про допитуваного (риси характеру, рівень розвитку, можливі реакції на різні тактичні прийоми);

б) надати можливість допитуваному заспокоїтись, коли обставини справи і прибуття на допит вивели його з рівноваги і заважають нормальній

розмові (це може мати місце, якщо слідчий не має наміру скористатися фактором раптовості, наприклад, при затриманні на місці злочину);

в) відволікти його увагу від теми, на яку допитуваний не бажає вести розмову (щоб надалі в іншій формі чи при інших обставинах повернутися до неї).

Виявлення інтересу до справи і проблем допитуваного буде основою для досягнення психологічного контакту. Саме на цій основі виникає розуміння та прихильність до людини, яка продемонструвала своє добре ставлення і зацікавленість. Елементами цього є:

1) поінформованість про справи допитуваного і розуміння хвилюючих його проблем;

2) неупереджене ставлення і довіра допитуваного;

3) вміння вислухати допитуваного, особливо у тих випадках, коли йому необхідно «виговоритися» і за зовнішньо непричетними до справи обставинами виступає те, що хвилює допитуваного і що може пояснити мотиви та переконання його дій та поведінки;

4) звернення до логіки мислення і оцінки свідчень допитуваного;

5) використання особистих якостей допитуваного (гордості, честолюбства, хвалькуватості тощо);

6) опис (роз'яснення) ситуації, в якій знаходиться допитуваний, та шляхи виходу із неї. Цей засіб необхідний тоді, коли особа:

а) не орієнтується в ситуації, яка склалася, і не бачить виходу, який його задовольнить;

б) неправильно оцінює ситуацію, яка склалася, і відповідно не бачить можливості виходу з неї;

в) правильно оцінює ситуацію, але не бажає що-небудь вживати для її розв'язання, в тому числі, у найбільш сприятливій для нього формі.

В перших двох випадках цей прийом, як правило, буває результативнішим, оскільки слідчий розкриває допитуваному те, що він зовсім не бачить або неправильно оцінює. Метою вказаного прийому є не

просто «розкрити очі» допитуваному, а допомогти йому зрозуміти що для нього найбільш прийнятне. Наприклад, впевнення у недоцільності відмови від показань і дачі неправдивих показань повинне будуватися не на простому поясненні «поганої поведінки», а на реальному відображені негативних сторін такого розвитку ситуації, зокрема, для цього допитуваного:

а) фіксація у протоколі допиту факту відмови чи дачі неправдивих показань буде свідоцтвом відсутності каяття і, виходячи з цього, відсутності пом'якшуючих обставин;

б) бажання вигородити своїх співучасників може призвести до того, що вони випередять його з правдивими свідченнями і їх позиція буде краще оцінена у порівнянні з допитуваним;

в) його відношення до співучасників не відповідає характеру їх відношення до нього як у період злочинної діяльності, так і в процесі розслідування злочину, тощо.

Запитання за своїм змістом і спрямованістю розподіляються на:

а) доповнюючі, коли необхідно розвинути те, про що розповів допитуваний;

б) уточнюючі, пов'язані з необхідністю впевнитися в точності повідомленого;

в) контрольні, спрямовані на перевірку точності повідомленої інформації.

Тактичні прийоми протидії слідству. Особа, що протистоїть слідчому, може використовувати різноманітні прийоми для досягнення мети, протилежної меті слідства. Цією метою може бути наступне:

а) ухилитися від відповідальності (підозрюваний, обвинувачений) чи від участі в розслідуванні (свідок, потерпілий);

б) ввести в оману слідчого (надання неправдивих свідчень);

в) завадити розслідуванню (відмова від участі в проведенні слідчих дій, розголошення слідчої таємниці, вплив на інших учасників розслідування тощо);

г) отримати необхідну інформацію від слідчого тощо.

При виявлені прийомів допитуваного, спрямованих на отримання інформації від слідчого, тактика дій останнього може полягати в таких варіантах загального підходу:

а) зовсім не дати зрозуміти про помічене;

б) здійснювати кроки, які свідчать про те, що слідчий піддався на цей прийом («клюнув на наживку»);

в) пряме і відкрите реагування на здійснену спробу наприклад, заявою: «Ваша цікавість у цьому плані, поки що, не може бути задоволена», «Якщо Вас що-небудь цікавить, краще запитати про це прямо» тощо).

В окремих випадках, коли слідчий припускає чи стикається з відмовою підозрюваного від дачі показань або повідомленням неправдивих, він може застосовувати маскування цілей допиту, як в цілому (що конкретно його цікавить на даному допиті), так і стосовно окремих обставин розслідуваної події. Перше може досягатися темою допиту, відсутністю акцентування на тому, що цікавить, місцем проведення допиту тощо.

1. Створення враження поінформованості слідчого про обставини злочину.

2. Обмовка та її використання.

3. Використання злочинної поінформованості.

4. Використання раптовості під час допиту

а) часу, коли які-небудь заходи здійснюються у той момент, який є для допитуваного несподіваним;

б) участь у допиті певних осіб, поява яких або надання якими свідчень є для допитуваного несподіваними;

в) проведення заходів, характер яких невідомий або несподіваний відносно конкретної ситуації;

г) місця проведення слідчої дії.

5. Викриття неправдивих свідчень. Неправдивість свідчень може бути встановлена слідчим за такими ознаками:

а) суперечність іншим даним по справі;

б) наявність внутрішніх протиріч у самих свідченнях;

в) змальовування подій, особливо віддалених у часі, з надзвичайною точністю;

г) співпадання до найменших деталей свідчень декількох допитуваних, що звичайно говорить про змову;

д) відсутність неістотних подробиць;

е) різне пояснення одних і тих же обставин на різних допитах;

є) наполегливе, неодноразове повторення допитуваним за власною ініціативою якихось тверджень;

ж) припущення обмовки;

з) наявність виразів і категорій, які не відповідають рівню освіти та розвитку допитуваного, тобто він говорить «з чужих слів»;

і) приховування фактів, які добре відомі допитуваному;

к) замовчування про те, що повинен знати допитуваний при певних обставинах (його зв’язки, характер обстановки, в якій він знаходився, тощо).

До тактичних засобів виявлення та викриття неправдивих показань належать:

1) деталізація показань;

2) проведення повторного допиту, що дозволяє виявити розходження, які неминучі при створенні вигаданих подій та наповнення їх обставинами, що конкретизують ці події;

3) з’ясування контрольних даних, які дають можливість перевірити правдивість повідомленого;

4) допущення легенди, тобто вислуховування всього неправдивого повідомлення без виказування сумнівів та недовіри, щоб, по-перше,

створити враження, що легенда прийнята, по-друге, отримати досить широку базу для наступної перевірки та викриття;

5) покладання краю брехні на початковому етапі допиту, коли для її спростування є достатні дані;

6) виявлення зацікавленості до незначних другорядних фактів та замовчування про інші, відомі слідству обставини (своєрідний резерв слідчого), що породжує вагання допитуваного та, можливо, перебільшене уявлення про інформацію, якою володіє слідчий;

7) створення враження поінформованості слідчого про обставини скоєння злочину;

8) викладення слідчим ймовірного ходу подій;

9) використання темпу постановки запитань: а) швидкий – перешкоджає можливості обмірковування неправдивих відповідей та збільшує емоційне напруження, яке сприяє появі обмовок, б) сповільнений – дозволяє забезпечити деталізацію фактів та усунення від висвітлення «слабких місць» у показаннях;

10) спростування неправдивого алібі;

11) емоційний експеримент, який полягає у використанні емоційних реакцій та переживань допитуваного;

12) початок допиту з обставин (епізодів), найбільш відомих слідчому та підкріплених доказами;

13) запрошення до участі в допиті авторитетних для допитуваного осіб (окрім малолітніх), чия присутність може завадити наданню неправдивих показань;

14) застосування аудіо- і відеозапису для забезпечення повноти фіксування повідомлюваного допитуваним та спростовування заяв про помилкове здійснення протоколювання показань, а також з метою впливу, що стримує зміну зайнятої позиції. <..>

Коновалова В. О., Шепітько В. Ю.

Психологія допиту // Юридична психологія: підручник. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Х.: Право, 2008. – С. 195-202

<..> Мета допиту полягає в отриманні інформації, що сприяє встановленню істини у справі. Тут функції психології пов'язані з трьома процесами, що зумовлюють зрештою обсяг і рівень пізнання при допиті. До них належать: а) діагностика особи допитуваного; б) система психологічних прийомів, що сприяють отриманню інформації; в) оцінка інформації, що отримана під час допиту, з позицій її вірогідності та доказового значення.

Важливість діагностики психологічного статусу допитуваного визначається тим, що отримання й оцінка інформації багато в чому залежать від знання психічних особливостей допитуваного, які сприяють встановленню з ним психологічного контакту і визначенню системи прийомів, що може бути найбільш ефективною для отримання показань.

Допит – це процес спілкування, в якому слідчий повинен зберігати ініціативу в регулюванні процесу обміну інформацією. Отримання інформації під час допиту має свої особливості, зумовлені процесуальним становищем допитуваного, його позицією, зацікавленістю в результатах справи, індивідуальними особливостями особи та деякими іншими обставинами.

Допит може бути розглянутий як інформаційний процес, що має властиву йому структуру. Характеризуючи інформаційну структуру допиту, необхідно відзначити її багатоелементність і складність. Інформація у процесі допиту може бути класифікована за видами. Так, за *суб'єктом допиту* її можна поділити на такі види: 1) інформація, що виходить від слідчого; 2) інформація, що виходить від допитуваного; 3) інформація, що виходить від інших осіб, які беруть участь у допиті. Ці види інформації взаємопов'язані та взаємозалежні. Однак кожний із зазначених видів інформації має відносну самостійність та відповідну структуру.

Інформація, що виходить від слідчого, може бути класифікована за різними підставами. Важливе значення має класифікація цього виду

інформації за її *функціональним призначенням.* Поділ інформації за цією підставою дає змогу виокремити такі її види: 1) комунікабельно-забезпечувальна (використовують для забезпечення успішного проведення допиту та встановлення психологічного контакту з допитуваним); 2) субстанціональна (спрямована на з'ясування основних відомостей у справі, що відображається у постановці запитань, які визначаються предметом допиту); 3) спонукальна (вико забув важливі для справи обставини або відмовився від їх викладу); 4) викривальна (покликана виявити та викрити неправдиві дані в показаннях допитуваного); 5) коригувальна (дає змогу уточнити показання або виявити й усунути викривлення, які є наслідком добросовісної помилки свідка або обвинуваченого).

Інформація, що виходить від допитуваного, може бути класифікована за такими критеріями: 1) за характером вираження: змістовна (відомості, які повідомляються допитуваним у процесі допиту), паралінгвістична (жести, міміка, рухи тіла, звукові явища, які супроводжують мову людини), мімічна (мімічні прояви, безпосередньо не пов'язані з мовою допитуваного), конклюдентна (рухи, жести, вказування на щось, з яких можна зробити висновок про наміри особи або її ставлення до чогось), така, що відображає психофізіологічні реакції (почервоніння або збліднення шкіри обличчя, тремтіння рук, спітніння та ін.); 2) за характером виявлення (така, що вільно викладена та викладена із спонуканням); 3) за характером відображення дійсності (така, що відповідає дійсності, й така, що не відповідає їй).

Система тактико-психологічних прийомів, що сприяють отриманню інформації. Тактико-психологічні прийоми, що сприяють отриманню інформації в процесі допиту, класифікуються на кілька типів відповідно до тих завдань, що перед ними ставляться: а) ті, що актуалізують у пам'яті забуте; б) спрямовані на встановлення мотивації показань; в) такі, що сприяють викриттю винного; г) ті, що сприяють виявленню неправди; ґ) такі,

що усувають конфліктні ситуації і сприяють встановленню психологічного контакту.

Під час допиту використовуються різні тактичні (тактико-психологічні) прийоми: постановка тих чи інших запитань, пред'явлення речових і письмових доказів оголошення показань інших осіб, допит на місці події, роз'яснення суті наслідків вчиненого злочину, переконання в необхідності надання допомоги органам розслідування тощо.

Існує певна *класифікація запитань***,** що використовуються у процесі допиту. За своєю *спрямованістю* запитання поділяються на *основні* (спрямовані на з'ясування основних відомостей у справі) і *додаткові* (спрямовані на з'ясування фактів, пропущених допитуваним у вільній розповіді). Відповідно до *цільового призначення* запитання можуть бути: *уточнювальними* – спрямовані на найповніше і найточніше з'ясування питань, що мають значення для справи; *нагадувальними* – переслідують мету оживити пам'ять допитуваного, викликати ті чи інші асоціації (наприклад: «Що Ви робили після дня народження? В якому місці Ви гуляли?»); *контрольними* – спрямовані на перевірку даних, що були повідомлені допитуваним, з'ясування джерел одержання фактів.

У процесі допиту як тактичний прийом застосовується пред'явлення доказів. Сутність пред'явлення доказів на допиті полягає в демонстрації змісту і значення наявної в розпорядженні слідчого доказової інформації для впливу на допитуваного з метою: надання допомоги. Існують різні способи пред'явлення доказової інформації. Доцільною є класифікація способів пред'явлення доказів за такими підставами.

1. За характером використання доказів у розслідуванні:

а) пред'явлення доказів на одному допиті;

б) пред'явлення доказів під час кількох допитів цієї особи.

2. За характером взаємозв'язку доказів у кримінальній справі:

а) роздільне пред'явлення одиничних доказів;

б) пред'явлення комплексу взаємозалежних доказів;

в) пред’явлення всієї системи доказів.

3. За характером демонстрації доказів на допиті:

а) згадування про наявні докази на допиті;

б) перерахування доказів, що мають місце, із зазначенням джерел їх походження;

в) показ доказів допитуваному не повністю, мимохідь;

г) надання допитуваному можливості розглядати, вивчати докази;

ґ) підкреслена демонстрація ознак пропонованого об’єкта, що пред’являється.

4. За характером послідовності пред’явлення доказів:

а) пред’явлення доказів у послідовності «зростання сили»;

б) пред’явлення доказів у послідовності «зменшення сили».

5. За характером додаткових умов, які посилюють вплив на допитуваного доказів, що пред’явлення:

а) несподіване пред’явлення доказів;

б) пред’явлення доказів після попереднього з’ясування обставин, які пов’язані з ними;

в) пред’явлення доказів і роз’яснення їх значення у кримінальній справі;

г) використання науково-технічних засобів для роз’яснення допитуваному особливостей доказів, що пред’являються;

ґ) супроводження пред’явлення доказів описом передбачуваного перебігу розслідуваної події та її обставин.

Використання тактичних прийомів у процесі допиту повинно мати не хаотичний характер, а логічну доцільність їх реалізації. Тактичні прийоми можуть бути упорядковані відповідно до ситуації допиту. Види *типових ситуацій допиту:* 1) повідомлення правдивих показань; 2) добросовісна помилка допитуваного; 3) суперечності у показаннях допитуваного; 4) відмова від давання показань; 5) повідомлення неправдивих показань.

Побудова і використання систем тактичних прийомів допиту залежить не лише від ситуаційної зумовленості, а й від мети допиту, його виду, процесуального становища допитуваного та інших чинників.

Можна також запропонувати *системи тактичних прийомів (тактичні комбінації),* що мають на меті: 1) встановлення психологічного контакту з допитуваним; 2) спонукання його до давання показань; 3) уточнення показань і усунення в них суперечностей; 4) актуалізація забутого в пам'яті допитуваного; 5) викриття неправди; 6) усунення перекручень при добросовісній помилці допитуваного та ін.

Психологічні прийоми, що сприяють *виявленню неправди в показаннях свідка або обвинуваченого,* трансформуються в систему тактичних прийомів допиту, пов'язаних із постановкою уточнюючих, деталізуючих і контрольних запитань. Виявлення неправди в показаннях зазвичай відбувається при зіставленні останніх із версією розслідування і системою доказів, зібраних у справі. Рідко неправда охоплює всі пункти предмета допиту. Зазвичай неправдиві повідомлення звернені до окремих фактів і обставин і, як правило, пов'язані з позицією допитуваного, його ставленням до осіб, притягнутих як обвинувачені, до свого становища в справі, до результату розгляду справи у суді. Тому неправду можна виявити у тому разі, коли слідчий досить підготовлений до допиту, орієнтується у доказах, зібраних у справі.

Важливо зазначити, що при неправдивому висловлюванні порушується його послідовність, а самі порушення характеризуються появою пауз. Ця вказівка має істотне значення для діагностики неправди слідчим, оскільки неправда, як уже зазначалося, найчастіше трапляється при повідомленні окремих обставин. Ось чому при одержанні показань необхідно відразу зіставляти інформацію, що подається, з тією, що вже існує. У цьому разі постановка запитань, спрямованих на деталізацію повідомленого, є одним із ефективних засобів виявлення неправди, що може мати місце в самому процесі допиту, а також при подальшій перевірці повідомлених даних.

У виявленні неправди одну з головних ролей відіграє постановка контрольних запитань, підставою для формулювання яких є дані, зібрані у справі, а також обставини, відносно яких слідчий має точні відомості. Постановка таких запитань порушує систему викладання, продуману допитуваним, який говорить неправду, і дає змогу виявити її під час допиту, ґрунтуючись на виявленні суперечностей у показаннях, які не може пояснити допитуваний. Контрольні запитання за своїм характером спрямовані головним чином на встановлення відповідності дійсності показань, що даються в процесі допиту. Тому їхньою головною функцією є виявлення неправдивої інформації. Постановка контрольних запитань, пов'язаних із уже зібраними у справі даними, спростовує неправду, оскільки спричиняє оголошення додаткової інформації, яка об'єктивно відображає відомості щодо встановлюваних фактів або обставин. Важливе значення в процесі виявлення неправди в показаннях має пред'явлення речової інформації. У цій якості речова інформація руйнує продуману допитуваним логіку неправди і змушує його шукати нові пояснення чи відмовлятися від повідомленого через його очевидну необґрунтованість.

Тактико-психологічні прийоми, що *усувають конфліктні ситуації і спрямовані на встановлення психологічного контакту,* також мають на меті одержання інформації в процесі допиту. Отриманню інформації сприяє певний емоційний фон – важливий компонент психологічного контакту, який повинен бути створений слідчим. Такий фон створюється насамперед: прагненням об'єктивно, неупереджено з'ясувати всі обставини у справі; інтересом до одержуваної інформації, доброзичливим ставленням до допитуваної особи; орієнтацією останньої на систему цінностей, що становлять суспільну значущість (боротьба зі злочинністю, викриття обвинуваченого, каяття як усвідомлення й засудження вчиненого). Перелічені орієнтири є й основою для встановлення психологічного контакту.

Психологічний контакт – це найбільш сприятлива психологічна атмосфера допиту, що позитивно впливає на взаємодію та взаємини між учасниками, це певне налаштування на спілкування. Психологічний контакт при допиті передбачає можливість виникнення двох його рівнів: 1) коли допитуваний бажає давати показання; 2) коли допитуваного змушують до цього. Такий контакт може йти з наростанням, а може згасати, може раптово виникнути і також раптово зникнути.

Психологічний контакт завжди має двосторонній характер, його встановлення і підтримання залежать як від слідчого (судді), так і від допитуваного, хоча ініціатива має належати слідчому. Існує двосторонній контакт, в якому допитуваний відчуває, що він становить для слідчого певний інтерес.

Встановлення психологічного контакту вимагає від слідчого знань психології допитуваного. Він повинен враховувати його індивідуально-психологічні особливості, типологічні якості, психічний стан на момент допиту, життєвий досвід та ін.

Тактичні прийоми, спрямовані на встановлення психологічного контакту з допитуваним, ґрунтуються на використанні даних психології, логіки та інших наук. У цьому відношенні певний інтерес становлять способи привертати увагу людей, запропоновані Д. Карнегі. Він рекомендує шість способів: 1) виявляти щирий інтерес до інших людей; 2) усміхатись; 3) пам’ятати, що для людини звук її імені – найсолодший і найважливіший звук людської мови; 4) бути хорошим слухачем; заохочувати інших розповідати вам про себе; 5) вести розмову у колі інтересів вашого співрозмовника; 6) давати людям відчути їх значущість і робити це щиро. Банальність деяких прийомів очевидна, однак це не позбавляє їх практичного значення при певній інтерпретації.

Відповідно до мети і процесуального становища допитуваного можуть бути названі тактичні комбінації (системи прийомів):

1) *така, що сприяє адаптації до обстановки допиту й усуненню небажаних станів психіки допитуваного:* щодо обвинуваченого (підозрюваного) – уточнення анкетно-біографічних даних; бесіда на сторонню тему або на тему, що цікавить, але не належить до предмета допиту; демонстрація слідчим поінформованості про обставини життя допитуваного, його потреби, інтереси; щодо свідка (потерпілого) – повідомлення про мету допиту; бесіда на сторонню тему або на тему, що цікавить, але не належить до предмета допиту; переконання у не відворотності покарання злочинців;

2) *така, що стимулює настанову на потребу в спілку ванні:* щодо обвинуваченого (підозрюваного) – роз'яснення допитуваному суті процесуального становища; демонстрація перспектив ситуації, що склалася; роз'яснення значення щиросердості каяття, інших пом'якшуючих обставин; використання позитивної оцінки окремих якостей особи допитуваного; щодо свідка (потерпілого) – переконання в необхідності надання допомоги органам розслідування; роз'яснення суті наслідків учиненого злочину чи можливості їх виникнення у майбутньому; перегляд фотознімків (предметів), пов'язаних із вчиненим злочином та його наслідками; використання позитивної оцінки окремих якостей особи допитуваного.

Конфліктна ситуація виникає в тому разі, якщо інтереси сторін, які спілкуються, мають різну мету. Така ситуація часто виникає в процесі допиту осіб, які не бажають давати показання, викривляють у показаннях дійсність, висувають припущення, які за своїм характером спростовують версію слідчого.

У встановленні психологічного контакту в конфліктній ситуації велике значення має рефлексивне управління, мета якого охоплює найближчий (власне встановлення контакту) і перспективний (одержання інформації і допитуваного) план. Ключем до встановлення психологічного контакту є визначення мотиву показань, що даються допитуваним. Це дає слідчому змогу у багатьох випадках зрозуміти його психологічну налаштованість і

спрямувати її в необхідне русло шляхом роз’яснення важливості одержуваної від нього інформації, етичних вимог до допитуваного в зв’язку з його роллю у відправленні правосуддя, розкритті та попередженні злочинів. <..>

Доспулов Г. Г.

Психология допроса на предварительном следствии. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 56-62

<..> Всякая коммуникация, всякое общение есть прежде всего психическое воздействие на собеседника. Допрос как взаимодействие следователя с допрашиваемым также предполагает психическое воздействие. Воздействовать на допрашиваемого – это значит вызвать у него нужное чувство, стремление и действие, убедить и побудить думать и поступать так, как это необходимо в интересах правосудия. Такое воздействие в ходе допроса осуществляется с помощью тактических приемов.

Психическое воздействие на допрашиваемого – это не давление на допрашиваемого, не вымогательство от него «нужных» (угодных) показаний. Правильно применяемые тактические приемы обладают избирательным действием только в отношении лиц, либо испытывающих трудности в воспроизведении ранее воспринятого материала, либо дающих заведомо ложные показания или отказывающихся от дачи показаний. Применение насилия, угроз или иных незаконных действий может породить чувство страха, сильной обиды, гнева или озлобленности. Под влиянием этих сильных чувств снижается уровень сознания или оно сужается и допрашиваемый может оказаться неспособным к объективной оценке явлений. Кроме того, человеку в таком состоянии легко внушить сведения, не соответствующие действительности.

Таким образом, сущностью тактических приемов допроса является психическое воздействие, которое они оказывают на свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Каждый тактический прием допроса имеет свои характерные особенности. Они возникают из своеобразного сочетания двух элементов: а) особенностей создаваемой тактической ситуации и б) содержания тех реакций, которыми отвечает допрашиваемый, переживая какое-то чувство, сообщая определенные сведения, изменяя мотивы поведения, борясь со своими недостатками.

В любом тактическом приеме можно выделить: психологические и логические компоненты, а также средства его применения. Психологическими компонентами тактического приема является само воздействие на психику допрашиваемого; логическими – определенные закономерности мышления, используя которые, следователь конструирует и применяет тактический прием; средствами применения – инструменты, посредством которых тактический прием осуществляется.

Тактические приемы допроса подразделяются на группы:

- тактические приемы, используемые в кооперативных ситуациях;

- тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством;

- тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством.

Каждая группа тактических приемов имеет свои закономерности и механизмы воздействия.

Кооперация при допросе характеризуется согласованным взаимодействием следователя и допрашиваемого, между которыми существует психологический контакт.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством, строятся на том, чтобы убедить допрашиваемого в необходимости пересмотреть свою позицию, противоречащую задачам правосудия. Они должны оказать воздействие на мыслительные процессы допрашиваемого, главным образом путем логического обоснования необходимости дать правдивые показания или выполнить другие действия.

Тактические приемы, предназначенные для использования в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством, применяются тогда, когда допрашиваемого нужно не столько убедить, сколько переубедить в необходимости дать правдивые показания. Воздействие на процессы мышления, эмоции и волю допрашиваемого в этих случаях будет более сильным, вызывающим стресс, фрустрацию.

Различие между элементами действительности, используемыми в кооперативных и конфликтных ситуациях, состоит в том, что первые оказывают воздействие на память добросовестного допрашиваемого, чтобы облегчить припоминание забытого, а вторые – на мыслительные, эмоциональные и волевые процессы недобросовестного допрашиваемого, чтобы побудить его дать правдивые показания.

Тактические приемы, используемые в благоприятных ситуациях допроса

1. Смежность. Всякое запоминание предполагает возникновение соответствующих психических явлений, называемых ассоциацией. Ассоциация представляет собой основанную на нервно-мозговых процессах связь между отдельными психическими актами (представлениями, мыслями, чувствами). Благодаря этой связи один психический акт следует за другим психическим актом, с ним связанным, т. е. смежным.

2. Сходность. Этот прием используется для актуализации в сознании допрашиваемого имеющих значение для дела, но забытых представлений, мыслей, чувств путем предъявления ему не относящихся к делу раздражителей (предметов, понятий и т. и.). Следователь при этом опирается на сходство – изоморфизм (сходство по форме) нервных связей, которые вызываются предъявляемым сходным объектом.

3. Контрастность. Этот прием основан на использовании временных связей в памяти допрашиваемого, включающих представления о контрастирующих, противоположных объектах. Благодаря образованию подобной ассоциации напоминание об одних предметах, явлениях, мыслях

может приводить к припоминанию других представлений, мыслей, предметов с противоположными признаками.

4. Разобщение (дизассоциация). Все описанные выше тактические приемы построены на использовании так или иначе ассоциативных связей. В противоположность им тактический прием «разобщение» (дизассоциация) основан на разъединении образовавшихся при восприятии связей, вычленении отдельных признаков и свойств выясняемого объекта из возникшего ассоциативного ряда для усиления одного за счет другого. Допустим, образ предмета образовался в результате ассоциации зрительно-осязательно-слуховых ощущений (человек держал вещь, издававшую звук). Чтобы вызвать более ясное и точное представление о поверхности вещи, допрашиваемому предлагается мысленно в представлении разобщить эти три ощущения для усиления осязательного ощущения как бы за счет зрительного и слухового.

5. Перифраза. Допрашиваемый, по требованию следователя воспроизводя сведения, которыми он обладает, может пользоваться категориями или выражениями, подсказанными ему другими людьми или самим следователем, задающим вопросы, повторяет их в виде перифразы (другими словами).

6. Наглядность. Этот прием применяется тогда, когда допрашиваемый затрудняется выразить словами те или иные свойства, признаки предмета, явления. Предъявляемые для наглядности шкала цветов, рисунки, модели могут помочь ему назвать то, что интересует следователя.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях с нестрогим соперничеством

1. Беседа. Сущность этого приема заключается в том, что следователь, беседуя с допрашиваемым перед допросом или в ходе допроса, проводит разъяснительную работу. Беседа, основанная на строгом учете индивидуальных особенностей допрашиваемого, может иметь целью завоевать расположение допрашиваемого, призвать его к даче правдивых

показаний, побудить допрашиваемого продумать и оценить свое поведение на допросе, пересмотреть свою позицию и т. д.

2. Снятие напряжения. Нередко во время допроса допрашиваемый не отказывается от дачи показаний, но из-за переживаемого напряжения не может связно и последовательно передать допрашивающему информацию. В силу этого допрашиваемый находится в состоянии напряжения, сдержан в своих ответах и старается разгадать «ход», намерения следователя.

3. Настройка. Этот прием заключается в установлении эмоционального контакта с допрашиваемым.

4. Использование положительных свойств личности допрашиваемого.

5. Создание «незаполненности». Этот прием применяется в тех случаях, когда следователь имеет ряд данных, которые проливают свет на отдельные эпизоды преступления или факты, но еще не ясна полная картина интересующего его события, факта. Поэтому следователь, на основании имеющихся у него данных, которые не оспариваются допрашиваемым, вместе с ним прослеживает логику события, факта и показывает ему отдельные «незаполненные места», предлагая объяснить их. Эти подчеркнутые следователем «незаполненные места» и неясности вызывают у допрашиваемого естественное желание «заполнить» их. Пытаясь освободиться от нелогичности, допрашиваемый на вопросы следователя дает пояснения и приводит события, факты в соответствие с логикой и действительностью.

6. Пресечение лжи. Потеряв надежду на возможность дезинформировать следователя, изобличенный фактами, допрашиваемый часто переходит от лжи к правде.

7. Выжидание. Учитывая колебания допрашиваемого, следователь, сообщая определенную информацию, умышленно «закладывает» в его сознании основания, обеспечивающие победу полезных мотивов, и затем делает перерыв в допросе, выжидая, пока допрашиваемый сам не откажется от антиобщественных мотивов, побуждавших его к даче ложных показаний.

Тактические приемы, используемые в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством

1. Допущение легенды. Нередко следователь, зная либо догадываясь о том, что недобросовестный допрашиваемый дает ложные показания, предоставляет ему возможность изложить ее, чтобы он вошел в противоречие со своими же прежними утверждениями или твердо установленными по делу фактами. При этом следователь внимательно слушает допрашиваемого, делает вид, что верит его показаниям. Дав возможность допрашиваемому высказать все, что ему вздумается, и зафиксировав это в протоколе, следователь разрушает легенду, разоблачая ложь. Застигнутый врасплох и не подготовленный к конструированию новой лжи, допрашиваемый вынужден перейти к откровенности.

2. Вызов. Чтобы допрашиваемый принял вызов и согласился на логическую «дуэль», следователь преднамеренно акцентирует внимание на некоторых слабо доказанных местах обвинения или на не бесспорно установленных фактах, которые допрашиваемый в состоянии легко опровергнуть. Когда допрашиваемый таким путем втягивается в рассуждения, то следователь сообщает ему уже существенные для дела факты, т. е. моменты обвинения, которые подкреплены доказательствами. Допрашиваемый, полагая, что может «разбить» и опровергнуть эти факты, так же как и предыдущие, пытается справиться с новыми логическими положениями следователя, но это для него оказывается невозможным, и у допрашиваемого возникает фрустрационное состояние. Не будучи способным преодолеть состояние растерянности, подозреваемый (обвиняемый) сообщает то, что имело место в действительности.

3. Внезапность. В то время, когда допрашиваемый дает ложные показания, ему вне связи с темой разговора внезапно задается вопрос или предъявляется доказательство, о наличии которого у следователя он не знал. Это разрушает заготовленную допрашиваемым систему ложных ответов и вызывает стресс: он затрудняется связать внезапно предъявленный материал

с тем, что он до этого придумал, и потому не может быстро подготовить очередной ложный ответ.

4. Последовательность. Последовательно и систематически в нарастающем порядке следователь предъявляет допрашиваемому доказательства, подробно разъясняя значение каждого из них в смысле ответственности за преступление или за укрывательство. Таким образом, дав ему «прочувствовать» силу собранных доказательств (в целом и каждого в отдельности), продемонстрировав степень расхождения его показаний с тем, что уже выяснено по делу, следователь убеждает допрашиваемого в бесплодности попыток продолжать лгать.

5. Отвлечение внимания. Чтобы усыпить «бдительность» допрашиваемого, следователь не акцентирует внимания на том главном вопросе, по поводу которого ему важно получить правильные показания, а как бы «растворяет» его в числе других вопросов, не имеющих в данном случае существенного значения. Так отвлекается внимание допрашиваемого от основного факта, который важно установить следователю. В такой обстановке допрашиваемый становится менее осторожен в изложении обстоятельств, относящихся к главному вопросу, и вопреки своим желаниям дает по нему правильные и обстоятельные показания.

6. Форсированный темп. Навязывая допрашиваемому активность, следователь берет инициативу в свои руки, опережает ход его мыслей, не давая возможности для размышления и уловок. Поступление обильной информации от следователя исключает замедление ответов и использование выдуманной лжи. Возбуждение, напряженность заставляют допрашиваемого отступать от заранее продуманных ответов и исключают возможность пауз для обдумывания новой ложной информации. Отвечая в форсированном темпе, допрашиваемый оказывается вынужденным рассказать о том, что он знает относительно интересующего следователя факта.

7. Замедленный темп. Следователь замедляет темп допроса, снова и снова предлагая дополнить, разъяснить, уточнить интересующие его

обстоятельства. Этим следователь добивается от допрашиваемого подробных и четких показаний.

8. Инерция. Это своеобразный прием, сущность которого сводится к тому, что следователь, беседуя с допрашиваемым, незаметно переводит разговор на отвлеченные темы в сферу существа выясняемого факта. Свидетель (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), увлеченный рассказом о постороннем, нейтральном, при умелом направлении разговора «по инерции» проговаривается о том, что собирался утаить от следователя.

9. Использование «слабых мест» личности. Под «слабым местом» личности следует понимать такие особенности психики допрашиваемого, используя которые можно добиться правильных, правдивых показаний на допросе. «Слабым местом» лица может быть склонность к переживаниям, вспыльчивость, скептицизм, тщеславие и т. п. Так, в запальчивости и гневе допрашиваемый порой может рассказывать о том, чего не сообщил бы в обычном состоянии.

10. Создание напряжения. Подобное состояние следователь создает, вызывает путем напряжения эмоциональной сферы допрашиваемого, напоминанием об отвратительности совершения преступления, разъяснением недостойности поведения на допросе и т. д.

11. Создание определенного представления об осведомленности следователя. Этот прием состоит в том, что следователь в ходе допроса преднамеренно сообщает допрашиваемому отдельные факты или сведения. Поразившись знанию следователем таких подробностей преступления, допрашиваемый может прийти к выводу, что тому известно многое, и начинает давать правдивые показания. Следователь, прибегая к указанному, приему, должен использовать только такие данные, которые связаны с фактом, о котором умалчивает допрашиваемый. Используемые сведения должны быть абсолютно точными, иначе, сообщив допрашиваемому неверные сведения, следователь рискует показать свою неосведомленность и

потому только укрепит решимость допрашиваемого давать ложные показания.

12. Повторность. Человек, однажды дав ложные показания, старается придерживаться их и на повторном допросе. Однако он неизбежно забывает какие-то подробности первоначальных ложных показаний, оказывается не в состоянии повторить их на втором допросе с такой же точностью. В лучшем случае допрашиваемый схематически перескажет то, что говорил в первый раз, и, вероятнее всего, будет дополнять и заменять одни детали описания обстоятельств другими. Допрашивая такого субъекта повторно, следователь получает возможность, во-первых, выяснить в показаниях те места, где более всего имеется отклонений от первоначального варианта, во-вторых, составить суждение о степени правдоподобности показаний и, в-третьих, уличить допрашиваемого во лжи, используя противоречия показаний. <..>

Цветков В. Л., Шевченко В. М., Шаматава Н. Е.

Структурно-психологический анализ профессиональной деятельности оперативного работника // Психология оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – С. 56–61

<..> Оперативно-розыскная деятельность[1] сотрудников уголовного розыска может рассматриваться в трех аспектах: во-первых, как вид профессиональной деятельности; во-вторых, как выполнение функциональных, служебных обязанностей; в-третьих, как определенный уровень профессионального мастерства, от которого зависит эффективное либо неэффективное выполнение служебной деятельности.

Стратегической целью ОРД является защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Оперативная деятельность может быть отнесена к разряду психологически сложных видов

[1] Далее – ОРД

профессиональной деятельности, которая не может быть четко и однозначно регламентирована инструкциями и позволяет каждому сотруднику реализовать некий индивидуальный стиль деятельности. Более того, можно предположить, что именно в таких профессиях залогом успеха являются самостоятельно вырабатываемые способы реализации своих индивидуальных особенностей при достижении профессионального результата.

Деятельность сотрудников уголовного розыска включает в себя: изучение оперативной обстановки, разработку плана специальных мероприятий, участие в операциях по задержанию вооруженных преступников, работу с представителями общественности, что предъявляет определенные требования к их профессиональной подготовленности.

В связи с этим повышенная психическая напряженность сотрудников непосредственно отражается на их профессиональной готовности в процессе выполнения служебной деятельности. На первый план выступают функции психологической готовности сотрудника, его нервно-психическая и эмоционально-волевая устойчивость, а также физическая работоспособность, которые позволяют ему оптимально выполнить поставленную задачу.

На втором плане находится воздействие специфических эмоциогенных факторов на деятельность сотрудников оперативных аппаратов, среди которых ведущая роль принадлежит высокой ответственности, недостатку актуальной информации при избытке вспомогательной информации, дефициту времени.

Работа в уголовном розыске характеризуется чрезвычайным разнообразием решаемых задач, спецификой которых являются неизвестность или высокая степень неопределенности самих объектов розыска, преодоление сопротивления отдельных лиц и преступных группировок.

Вследствие этого возникает необходимость использования профессионально-психологических знаний и умений в сфере ОРД:

– оперативного мышления для построения оперативно-информационных моделей ситуаций;

– аналитико-рефлексивной деятельности, характеризующейся изучением проверяемых лиц и лиц, проходящих по делу, а также воздействием на них;

– психологических методов и средств получения оперативной информации;

– антиципации в процессе выдвижения версий и планировании ОРД;

– разнообразных мотивировок и ролей с целью обеспечения скрытности проводимых мероприятий.

Кроме того, в процессе решения служебных задач оперуполномоченный часто вынужден оказывать специфическое психологическое воздействие на различные категории граждан для получения оперативной информации в процессе опроса свидетелей, экспертов, потерпевших, подозреваемых и др.

Таким образом, анализ решаемых задач свидетельствует о ее социально-психологическим своеобразии.

Нормативность деятельности субъектов ОРД формирует и развивает их правосознание, социально ориентированную мотивацию, нормативность поведения.

Наличие властных полномочий у оперативников накладывает отпечаток на их личность и поведение. В процессе использования таких полномочий, безусловно, затрагиваются интересы и права граждан, юридических лиц, организаций, что требует от сотрудников знания психологии личности, профессиональной этики, умения прогнозировать оперативно-тактические ситуации и поведение субъектов. Актуальность рассматриваемого элемента определяется также тем, что превышение сотрудником властных полномочий негативно отражается на его авторитете, имидже, отношении к нему лиц, с которыми он общается, может повлечь нарушение межличностного взаимодействия.

Конфиденциальность отношений, конспиративность общения субъектов ОРД. Конфиденциальность и конспиративность влияют на индивидуально-психологические характеристики оперативников (повышают уровень тревожности, эмоциональной напряженности, активности психических познавательных процессов, вызывают психическую и физическую утомляемость, негативные состояния стресса, подавленности, депрессии, фрустрации и т.д.).

Разнообразие ролевого поведения субъектов ОРД предполагает частую смену оперативниками открытых и вымышленных социальных ролей, изменения межличностных коммуникаций, тактик взаимодействия с окружающими, что требует развития у них умений и навыков вхождения в роль (часто криминальной направленности), перевоплощения, пластичности познавательных психических процессов и других психологических характеристик.

Экстремальный, эмоционально насыщенный характер ОРД определяется факторами, сопровождающими ОРД: большой объем специфических действий при остром дефиците информации и времени; профессиональный риск, связанный с выполнением оперативных заданий; активное противодействие преступников; высокий эмоциональный фон оперативный интерес, и др.

Все это способствует развитию устойчивых негативных психических состояний, появлению невротических реакций, психопатических и функциональных расстройств. Сегодня около 60% всех заболеваний сотрудников носят психосоматический характер.

Творческий характер деятельности субъектов ОРД обусловлен разнообразием ситуаций, возникающих в процессе её осуществления, что представляется весьма сложным. Поэтому оперативник осуществляют планирование и прогнозирование тактики и линии поведения по нескольким направлениям.

Самостоятельность, персональная ответственность оперативников за результаты труда, судьбу граждан, с которыми они работают. Поведение оперативников развивается и формируется в соответствии с рекомендациями профессиональной этики, с учетом психологических характеристик их личностных свойств и качеств.

ОРД протекает в режиме состязательности, противодействия проверяемых, противоборства с преступной средой. Состязательность предполагает умение «переиграть» преступников, документировать их поведение и преодолеть психологическое воздействие. Противодействие – это осуществление проверяемыми различных специальных мероприятий, провокаций в отношении оперативников с целью обеспечения безопасности лица. Нередко подобное противодействие создает реальную угрозу здоровью и жизни оперативник ков, увеличивает степень их профессионального риска. Поэтому необходимо уделять значительное внимание формированию у оперативников волевых качеств, психологической готовности к выполнению оперативных заданий, артистизма при исполнении вымышленных криминальных ролей.

Противоборство с преступной средой имеет значительную специфику в ОРД по сравнению с противоборством в следственной работе, наиболее близкой к ОРД по своим психологическим особенностям. Следователь в уголовном процессе всегда выступает как официальное лицо, обладающее определенными властными полномочиями. Он вступает в непосредственный контакт с преступником, как правило, после его задержания, причем в условиях, обеспечивающих безопасность следователя. А субъекты ОРД зачастую общаются с преступником в реальных жизненных ситуациях, полных постоянного риска, несущих непосредственную угрозу для их жизни и здоровья.

Указанные социально-психологические особенности ОРД взаимосвязаны; изменение их содержания влияет не только на характер

социальной роли, линию поведения, но и на их психологические характеристики.

Условно профессиональную деятельность оперуполномоченного оперативных подразделений можно разделить на ряд составляющих:

– межличностная коммуникация – опросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, беседы с экспертами, дача показаний в суде, работа с информационными источниками;

– работа с документацией, в том числе ознакомление с материалами по уголовным делам и оформление текущей документации;

– оперативно-розыскные мероприятия. <..>

Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К., Шумилов А. Ю.

Психологическая характеристика оперативников и конфидентов // Оперативно-розыскная деятельность: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 218–220

<..> Повышение эффективности ОРД, профессионализма ее субъектов предусматривает не только совершенствование нормативно-правовой базы, организации и тактических приемов, но и активизацию «человеческого фактора» – психологических характеристик оперативников и конфидентов. Такая активизация предполагает всестороннее изучение их индивидуально-психологических особенностей, свойств и качеств, соответствующих ОРД. Важным шагом в этом направлении является создание психологического портрета личности участников ОРД, адаптация существующих и подготовка новых методик, позволяющих определить критерии и выработать модель психологической пригодности к этому специфическому виду деятельности, совершенствовать отбор оперативников и конфидентов на основе анализа и оценки психологических факторов. В юридической психологии имеются попытки осуществления анализа структурных элементов следственной, прокурорской, судебной, юрисконсультской, пенитенциарной деятельности. Однако ОРД является специфическим видом человеческой деятельности и

имеет неповторимые особенности, влияющие на содержание ее подструктур. Классифицируя деятельность сотрудников подобным образом, целесообразно использовать методолого-теоретический подход.

Существуют следующие группы профессионально значимых психологических характеристик: развитые коммуникативные качества и умения; развитые волевые качества; внимание и наблюдательность; развитые интеллектуальные качества; профессиональная память; высокая профессиональная мотивация и социальная адаптация; эмоциональные особенности; наличие привычек и моторные свойства. Наиболее актуальными группами профессионально значимых психологических характеристик участников ОРД являются коммуникативные качества и умения, волевые качества, внимание и наблюдательность и интеллектуальные качества, наименее актуальными – привычки и моторные свойства.

Развитые коммуникативные качества и умения – это способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия; умение слушать собеседника; умение согласовывать свое поведение с действиями других участников ОРД; способность разумно сочетать деловые и личные контакты с окружающими; способность к быстрому установлению психологических контактов с новыми людьми; умение быстро найти нужный тон, целесообразную форму общения в зависимости от психического состояния и индивидуальных особенностей собеседника. К отрицательным коммуникативным качествам и умениям относятся замкнутость, повышенная сосредоточенность на своих проблемах, переживаниях, отсутствие навыков установления психологического контакта и доверительных отношений.

Развитые волевые качества – это уравновешенность и самообладание в конфликтных ситуациях, осторожность, серьезность, решительность, настойчивость. Волевыми качествами, негативно влияющими на ОРД, являются неуравновешенность, легкомыслие, нерешительность.

Внимание и наблюдательность – это оперативная наблюдательность, способность быстро переключать внимание с одного вида деятельности на другой, подмечать изменения в окружающей обстановке, не сосредоточивая сознательно на них внимания. К отрицательным качествам относятся невнимательность, неустойчивость, рассеянность внимания и др.

Развитые интеллектуальные качества – это знание преступных традиций, обычаев, жаргона, фамилий, имен, кличек судимых лиц, криминальных «авторитетов»; сообразительность; способность оценивать и анализировать оперативную ситуацию, изменения оперативной обстановки; умение выбрать из большого объема оперативной информации ту, которая необходима для решения данной задачи; умение оказывать внушающее воздействие; умение убеждать; способность анализировать изменяющуюся оперативную ситуацию, делать для себя соответствующие выводы; умственная работоспособность; умение выделять главное; актерские способности (представлять и переживать вымышленную социальную роль, вживаться в нее, перевоплощаться, использовать мимические и пантомимические средства, выражения и т.д.). Отрицательно влияют на развитие интеллектуальных качеств отсутствие знаний о криминальном опыте и актерских способностей у конфидентов, низкая умственная работоспособность и сообразительность.

Профессиональная память – это способность точно воспроизводить информацию в нужный момент; легко запоминать словесно-логический материал (термины, цифры, фамилии); точно передать однажды услышанное; запоминать внешность и поведение человека; запоминать цвет, форму, величину, движение, расположение объектов, предметов; запоминать и своевременно воспроизводить мельчайшие детали ситуации общения, по которым впоследствии можно составить целостный образ. Отрицательно оцениваются низкий уровень развития долговременной словесно-логической и наглядно-образной памяти, а также отсутствие стремления к ее совершенствованию.

Высокая профессиональная мотивация – это правдивость, смелость, энергичность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность. Профессиональная непригодность к поисковой деятельности может детерминироваться лживостью, скептицизмом, грубостью, неисполнительностью.

Эмоциональные особенности: эмоциональная устойчивость при принятии ответственных решений; умение преодолевать чувство страха и неопределенности; устойчивость к стрессу.

Моторные свойства – это работоспособность, активность, высокая моторная реактивность (быстрая реакция на внезапное зрительное впечатление посредством определенных движений). Затрудняют реализацию моторных функций медлительность, пассивность, торопливость. <..>

Синилов Г. К.

Предмет и система оперативно-розыскной психологии // Введение в оперативно-розыскную психологию: лекция. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. – С. 14–20

<..> Если предмет теории оперативно-розыскной деятельности определяется как наука, исследующая закономерности механизма совершения преступлений и противодействия криминальной среды, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, оценки и использования фактических данных о них, разрабатывающая правовые, организационные, методологические и тактические основы по эффективному применению оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью, то предмет оперативно-розыскной психологии не может выходить за эти рамки. Однако сущность исследуемых ею закономерностей составляет самостоятельную специфичность, что представляется целесообразным рассмотреть по следующим их признакам.

Интегративный и дифференционный характер предмета оперативно-розыскной психологии заключается в системе знаний, находящихся на стыке

правовых (юридических) и психологических наук, а точнее на стыке теории оперативно-розыскной деятельности и юридической психологии. <..>

Поэтому нельзя согласиться с появившимися в последнее время её наименованием – «Психология ОРД». Такое название частной теории ОРД и ранее применялось, однако оно не получило поддержки во многих научных исследованиях и было заменено термином «оперативно-розыскная психология». Возвращаться повторно к дискуссии по этому вопросу представляется нецелесообразным. В оперативно-розыскной психологии исследуются объективные закономерности возникновения и развития тех групп явлений, отношений, фактов которые определяют применение, прежде всего, негласных сил, средств и методов воздействия на криминальную среду. Для разработки научно-обоснованных рекомендаций по повышению их эффективности теория ОРД привлекает готовые психологические знания или использует специальные психологические методы для изучения соответствующих типовых, повторяющихся и устойчивых признаков механизма действия преступников и адекватного реагирования субъектов ОРД. Значит, ведущую интегративную функцию в данном случае выполняет не психология, а оперативно-розыскная наука.

Последняя, объединяя юридические и психологические признаки, может и должна понимать свой предмет, как результат их интеграции, с другой стороны – она отграничивает их по родовому признаку той науки, которую призваны обеспечивать психологические знания. Не случайно отпочковавшиеся отрасли знаний от предметов юридических наук и общей психологии называются: криминальная, исправительная, юридическая психология. Поскольку конечная цель ОРП совпадает с юридической психологией – содействие достижению формирования правового государства и гражданского общества на основе раскрытия закономерностей и влияний юридико-психологической реальности общественных отношений и разработки мер по их оптимизации, первичность этих закономерностей основывается на предметах юридических наук, а дифференцированные

знания из психологии обеспечивают их оптимальное применение в оперативно-розыскной деятельности.

Очевидно, что сложно-структурное содержание этих знаний будет адекватно ОРД, если будут определяться именно аналогичной отраслью науки, а именно оперативно-розыскной психологией. Отсюда формируются и основные задачи оперативно-розыскной психологии:

– исследование фактического состояния общественных отношений субъектов оперативно-розыскной деятельности с гражданами и криминальной средой для объективной оценки оперативно-розыскных зависимостей в борьбе с преступностью и разработки научно обоснованных юридико-психологических рекомендаций по их совершенствованию;

– содействие профессионально-психологическому развитию личности субъектов оперативно-розыскной деятельности в соответствии с решением правоохранительных функций;

– разработка психологически обоснованных рекомендаций по установлению доверительных отношений с лицами, вовлеченными в оперативно-розыскной процесс предупреждения и раскрытия неочевидных тяжких и особо тяжких преступлений, разрешения проблемных и конфликтных ситуаций, возникающих при этом и другие.

Как видим, оперативно-розыскная психология по своим целям и задачам является прикладной, практически ориентированной, как и теория оперативно-розыскной деятельности, отраслью научного знания. Оперативно-розыскная психология – это наука, изучающая психические явления и процессы, проявляемые в условиях исполнения оперативно-розыскной функции защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Она исследует их механизмы и закономерности и разрабатывает научно-обоснованные рекомендации субъектам оперативно-розыскной деятельности по повышению их профессиональной деятельности.

Современная оперативно-розыскная психология, какой она проявлялась в 90-е годы XX столетия и продолжающая развиваться с

началом XXI века, представляет собой достаточно разветвленную систему научного знания. Её структуру составляют разделы:

– уже сложившихся психолого-розыскных категорий, как-то: психограммы субъектов оперативно-розыскной деятельности, методов их обучения и воспитания, социально-психологической мотивации, конфиденциального сотрудничества граждан и структуры установления доверительных отношений во взаимоотношениях «оперативный сотрудник – лицо, оказывающее конфиденциальное содействие ему – лицо, проверяемое или разрабатываемое по подозрению в совершении преступлений», их ролевого поведения и общения и другие;

– активно продолжающие свое развитие психолого-правовые исследования: обоснования ее предмета, методологии и частно-научных методов оперативно-розыскной психологии; организации и проведения психологической реабилитации субъектов оперативно-розыскной деятельности, развитие эмоционально-волевых качеств для психологической включенности в оперативно-розыскные отношения и т.д.;

– начинающие свое развитие или объективно подлежащие включению в систему предмета оперативно-розыскной психологии, составляющие направления ее развития на перспективу. <..>

Черепанов В. В.

Психология общения в оперативной работе // Труды Всесоюзного НИИ МВД СССР. – № 42. – С. 15–23

<..> Общение занимает важное место в оперативной работе. В процессе общения собирается значительная часть оперативно значимой информации, координируются действия различных субъектов оперативной работы, оно определяет психологический климат в коллективе органа внутренних дел.

В любом общении можно выделить три основные стадии:

– установление контакта,

– достижение целей общения,

– окончание общения.

Установление контакта – важнейшая из них, она во многом определяет эффективность общения. Наиболее распространено понимание психологического контакта как доверительных отношений, характеризующихся симпатией и бесконфликтностью. Разумеется, установление таких отношений является оптимальным результатом, вместе с тем это не всегда возможно в остроконфликтных ситуациях, столь характерных для оперативной работы. Однако даже в ситуации взаимной враждебности партнеры могут делиться информацией, хотя в этих случаях враждебность сказывается на ее существе и эмоциональной окраске. Поэтому более верным нам кажется понимание психологического контакта как отношений, характеризующихся готовностью я желанием вступить в общение вне зависимости от его результатов. При этом не следует смешивать стадию установления контакта и стадию достижения целей общения, каждая из которых имеет свои особенности и свои тактические приемы. Для того чтобы у собеседника возникло желание участвовать в общении, необходимо затронуть его интересы и потребности. В психологических исследованиях выделены и изучены различные виды потребностей. В оперативной работе в первую очередь целесообразно использовать: потребность в борьбе с преступностью; потребность в самосохранении; потребность в общении.

Выбор тактического приема установления контакта зависит как от особенностей личности собеседника, так и от специфики деятельности того или иного субъекта оперативной работы. При общении, например, с опасным преступником вряд ли стоит рассчитывать на то, что у него выражена потребность в борьбе с преступностью. <..>

<..> Установление контакта – необходимое условие эффективности общения. Однако контакт – не самоцель, на основе его должны быть достигнуты определенные результаты.

Тактические приемы, применяемые для реализации целей общения, можно схематично представить следующим образом:

– информирование собеседника о целях общения, мнимых или реальных;

– создание у него желания сообщить те или иные сведения или совершить определенные действия;

– переключение разговора на конкретные события, интересующие субъекта оперативной работы;

– преодоление при необходимости противодействия собеседника.

Выбор того или иного вида общения зависит от специфики деятельности субъекта оперативной работы и от конкретной ситуации. Оперативный работник может провести как скрытый, так и гласный опрос граждан. В одних случаях работник, например, может сообщить истинную или мнимую цель в начале беседы. Иногда это делается не сразу: разговор начинается с несущественных вопросов, отвечая на которые опрашиваемый не понимает, зачем его вызвали; ситуация неопределенности порождает высокую эмоциональную напряженность. Информирование затем опрашиваемого о мнимой цели беседы приводит к тому, что он успокаивается, начинает отвечать на вопросы и сообщает нужные сведения, зачастую не сознавая этого.

Важное место в общении отводится тактическим приемам, направленным на создание у собеседника желания и готовности совершить действия, соответствующие целям общения. Для этого цели общения (мнимые или реальные) связываются с потребностями собеседника.

Так, один из приемов основан на ограничении возможностей удовлетворения тех или иных потребностей собеседника. Используя его при общении в камере, агент, уличив разрабатываемого в сообщении ложных сведений, отказывается, например, разговаривать с ним пли даже обвиняет его в сотрудничестве с органами внутренних дел. При применении данного тактического приема в разведывательном опросе оперативные работники

зачастую используют сведения об антиобщественном, предосудительном (с точки зрения морали) поведении собеседника, о его неблаговидных поступках, не влекущих уголовной ответственности.

Другой тактический прием предполагает такое психологическое воздействие, при котором в процессе общения потребности собеседника частично удовлетворяются. Например, при разведывательном опросе граждан с выраженной престижной потребностью подчеркивают большое значение сообщаемых ими сведений, отмечают, что вследствие тех или иных обстоятельств либо личных качеств именно они могут помочь в розыске опасного преступника, и т. д.

При разработке этих тактических приемов большое внимание следует уделять вопросу их допустимости, правомерности психологического воздействия, оказываемого на собеседника.

В юридической литературе широкое распространение получило понимание правомерного воздействия, согласно которого правомерное воздействие отличается от психического насилия наличием у подвергающегося воздействию лица свободы выбора той или иной позиции. Правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретных действий, не вымогает показаний того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредствованно приводит его к выбору определенной линии поведения. Такое понимание правомерного воздействия, на наш взгляд, может быть использовано в оперативно-розыскной деятельности.

Важное место в общении занимают тактические приемы, направленные на преодоление противодействия собеседника. Следует отметить, что приемы имеют многоцелевое назначение и используются не только в указанных случаях, но и для преодоления противодействия собеседника. В зависимости от преобладающего метода воздействия можно выделить приемы, основанные на убеждении и на внушении.

Иногда бывает труднее исчерпать тему разговора, чем начать саму беседу: собеседнику еще хочется поговорить о чем-то своем, наболевшем; поэтому заканчивать ее нужно не сразу даже если цель уже достигнута, чтобы не затруднить дальнейшего общения с опрашиваемым (разрабатываемым). Кроме того, он может догадаться, какие сведения представлял оперативный интерес, что приведет к расшифровке цели разговора.

Однако это не относится к случаям, когда в дальнейшем необходимо, чтобы у собеседника осталась высокая эмоциональная напряженность. В подобных ситуациях разговор целесообразно оборвать неожиданно. <..>

Бараненко Б. І.

Використання оперативними підрозділами відомостей про конфлікти в злочинному середовищі // Психологія оперативно-розшукової діяльності: навч. посіб. / [за ред.: Е. О. Дідоренка, Я. Ю. Кондратьева]. – Луганськ: РВВ ЛАВС, 2003. – С. 130–134

<..> проблема вивчення конфліктних явищ, які відбуваються в злочинному середовищі, має не тільки теоретичне, але й доволі актуальне практичне значення. Так, торкаючись пізнання конфліктів, що виникають в організованих злочинних групах і злочинних організаціях, слід відзначити, що вони вже самі по собі, за певного розвитку подій, ведуть до підриву цілісності цих формувань, втрати серед їх учасників взаєморозуміння, виникнення між ними антагонізму, ворожнечі тощо, які, дедалі загострюючись, здатні привести до зруйнування вказаних формувань.

Ці закономірності однозначно можуть бути використані в ОРД, насамперед із метою оперативно-профілактичного роз’єднання злочинних формувань, викриття їх, розкриття вчинених ними злочинів й ін.

Використання конфліктологічних знань в ОРД передбачає не тільки все те, що пов’язане з виникненням і перебігом конфліктів у злочинному

середовищі, але й з наявними в ньому особливими способами їх урегулювання.

У контексті цього, заслуговує на увагу поняття «управління конфліктами» у злочинному середовищі. Під ним розуміється контролювання розвитку конфлікту внутрішніми або зовнішніми силами: як правило, лідерами злочинних формувань і злочинними авторитетами. Головне тут – стримування конфлікту, недопущення його ескалації.

Постає необхідність у з'ясуванні способів вирішення конфліктів, суть якого полягає в усуненні або мінімізації проблем, які розділяють сторони, а також у досягненні компромісу (згоди між ними). Існують певні технології здійснення цього, перш за все переговори конфліктуючих сторін, застосування силових методів, а також втручання третьої сторони (третейських суддів).

Управління конфліктами та їх позитивне вирішення в злочинних формуваннях є прийнятною формою впливу лідерів на суперечні сторони та врегулювання (нехай і примусового) суперечностей міжособистісного чи внутрішньогрупового характеру. Але це найбільш характерне для організованих злочинних груп безпосередньої контактної взаємодії або злочинних організацій з виразною підлеглістю по вертикалі всіх їх структурних ланок.

У конкуруючих же між собою злочинних групах і організаціях міжгрупові конфлікти вирішуються головним чином шляхом «розборок», які нерідко закінчуються озброєними сутичками, а отже, взаємним знищуванням злочинними формуваннями одне одного.

Своєчасне отримання оперативними працівниками інформації про хід урегулювання конфліктів у злочинному середовищі дозволяє розумно втручатися в ці процеси, скеровуючи їх у напрямку, необхідному для виконання завдань ОРД.

Практичне значення пізнання конфліктів у злочинному середовищі також полягає в тому, що:

– конфлікти відіграють важливу інформаційну функцію для ОРД, бо вони є носіями відомостей про істотні суперечності в зазначеному середовищі, їх сторони та займані ними позиції;

– у певних оперативно-тактичних ситуаціях конфлікти можуть бути використані як необхідні умови для встановлення оперативного контакту з об'єктами оперативно-розшукового інтересу та подальшого конструктивного розвитку взаємодії з ними.

Наприклад, якщо таким об'єктом обирається особа, яка перебуває в гострому конфлікті зі своїми кримінальними спільниками чи з лідером злочинного формування з приводу надмірної жорстокості їхніх злочинних дій, то можливо розраховувати на контакт, оскільки в таких випадках люди завжди сподіваються на розуміння своїх особистих позицій, спонукань, переживань і відповідну зовнішню підтримку;

– конфлікт, що виник у злочинному формуванні, може слугувати інструментом психологічного впливу з боку оперативного працівника на конфліктуючі сторони, зокрема шляхом конструктивних переговорів з окремими учасниками цього формування, переконання їх у небажаності подальої діяльності, посилення руйнівних процесів у злочинному середовищі тощо;

– завдяки пізнанню особливостей перебігу конфліктів в організованих злочинних групах і злочинних організаціях може бути встановлено найбільш слабку ланку, яку варто враховувати при виборі тактики реалізації оперативних справ, розробленні комбінацій із затримання злочинців й ін.

Окремо слід розглянути можливості використання конфліктів за допомогою штучного їх утворення в злочинних формуваннях під час проведення стосовно них відповідних оперативно-розшукових заходів. Тоді конкретний конфлікт набуває характеру стимульованої (з боку оперативного підрозділу) події з метою цілеспрямованого, оперативно необхідного впливу на об'єкт оперативної розробки: наприклад, зіткнення членів групи в результаті компрометування окремих із них, створення обстановки недовіри

до лідера групи чи інших її членів шляхом розповсюдження стосовно них певної дезінформації тощо. Але розглянутий вище захід може бути доцільним і потрібним лише для роз'єднання організованої злочинної групи, розвінчання авторитету її лідера, виведення з-під його впливу окремих осіб й ін., і проводитися він має тільки в рамках окремо розробленої оперативної комбінації.

Об'єктивне пізнання оперативними співробітниками ОВС конфліктів, що відбуваються в злочинному середовищі, у тому числі причин їх виникнення, специфіки перебігу та способів розв'язання є важливим складовим компонентом психологічного забезпечення ОРД, оскільки це не тільки дає зазначеним підрозділам надзвичайно цінну психологічну інформацію про об'єкти оперативної розробки, але й озброює оперативних працівників ефективним психологічним інструментарієм, необхідним для здійснення позитивного впливу на ці об'єкти. <..>

Охріменко І. М.

Вимоги до психологічних особливостей осіб, яких залучають до виконання завдань оперативно-розшукової діяльності // Науковий вісник Київськ. нац. ун-ту внутр. справ. – 2007. – № 6, ч. 1. – С. 147–152

<..> Цілком логічно, що особи різняться одна від одної особливостями поведінки. Така індивідуальність виявляється у своєрідному вираженні почуттів, неоднаковій реакції на зовнішні подразники, різному ставленні до оточення. Перебіг психічних процесів особистості зумовлюється наявністю в людини відповідного типу темпераменту. Властивості темпераменту визначають динаміку психічної активності особи, що виступає функціональною ознакою для виділення особливої підструктури особистості.

Ефективність діяльності залежить від поєднання суб'єктивних та об'єктивних чинників. Так, розглядаючи особливості кожного типу темпераменту людини в поєднанні зі специфікою та можливими результатами самої вивідувальної діяльності, можна стверджувати, що особи

з різними типами темпераменту можуть по-різному виявляти себе в цьому специфічному виді діяльності. На нашу думку, досить складно визначити тип нервової діяльності, найбільш оптимальний для продуктивної роботи такого типу. Проте лінія та манера поведінки особи може залежати не лише від особливостей типу, але й від станів нервової діяльності, викликаних певними впливами оточення, а також від обставин, що склалися (труднощі, проблеми, екстремальні ситуації тощо). Наприклад, ситуації підвищеного ризику розшифрування та необхідність вивідувального спілкування можуть викликати навіть у спокійної та врівноваженої особи з флегматичним типом темпераменту періодичні емоційні сплески. У свою чергу, у холерика через тривалі труднощі розвідувальної діяльності та відсутність можливості надавати оперативно значущу інформацію може виникнути відчуття невпевненості, пригніченості. Таким чином, основною детермінантою для вияву властивостей темпераменту, які визначають динаміку психічної діяльності особи в цілому, є емоції (емоційна сфера особистості) та досвід як загальножиттєвий, так і професійний. Тому для працівника оперативного підрозділу виправданим, на нашу думку, є приділення уваги психологічним особливостям особи на момент її вивчення та встановлення психологічного контакту, адже під виглядом активної та цілеспрямованої може приховуватися така, що лише зовнішньо виявляє свою активність і придатність до такої взаємодії.

Життєві позиції особи (потреби, інтереси, переконання), що склалися під впливом зовнішніх умов життя (особливості виховання, умови життєдіяльності тощо), можна опосередковано діагностувати через вияви характеру. Характер являє своєрідну систему якостей людини, що сформувалися в процесі відображення життя та діяльності. Формуванню особистих та ділових якостей особи сприяють особливості емоційно-вольової, мотиваційної, комунікативної та інтелектуальної сфер, психічні властивості особистості тощо. Тому, з нашого погляду, розглядати зазначені

якості доцільно з урахуванням індивідуальності особи та її психологічних характеристик.

Особливості негласної діяльності суб'єкта пов'язані з відповідними вольовими зусиллями, які, на нашу думку, можуть формувати індивідуальні морально-вольові якості – своєрідний кістяк характеру людини. В оточенні кримінального елементу зазначені якості можуть сприяти доведенню дій таємного характеру до завершення та виконанню завдання в цілому, особливо, якщо особа перебуває в стані психологічної напруги, втоми, під впливом негативних емоцій. Саме тому для дій в екстремальних умовах конфіденційної взаємодії, викликаних труднощами виконуваного завдання, особі бажано мати такі якості, як самостійність, рішучість, впевненість у собі, наполегливість при доведенні справи до кінця (сильна воля), вміння володіти собою. Дійсно, у середовищі осіб, що становлять інтерес для оперативного підрозділу, такий помічник може почувати себе одиноко, напружено, тому врівноваженість, емоційна стійкість та володіння собою не дозволять йому психологічно «здатися».

Отже, прояви емоційно-вольової сфери особистості є прогностичними щодо ефективності інформативної роботи, тому дослідження зазначених характеристик виправдано здійснювати до моменту залучення особи до відповідної діяльності. Це дозволить передбачити настання деяких небажаних наслідків безпосередньо в процесі виконання завдань оперативного характеру.

Переконання суб'єкта, набуті протягом життя, можуть сформувати відповідне ставлення до виконуваного завдання чи доручення оперативного характеру та майбутньої діяльності в цілому. Переконаність у суспільній корисності та необхідності вивідувальної діяльності може також розвивати в нього такі якості, як принциповість і цілеспрямованість. Принциповість формується, як правило, через особисті переконання (помста, неприязнь тощо), а цілеспрямованість може стати чинником певного стимулювання (подяка за успішно виконане завдання, відповідне грошове заохочення та ін.).

Ініціативність суб'єкта як особистісна якість, на нашу думку, є також проявом емоційно-вольової сфери – адже вона полягає в його схильності до самостійних активних дій.

Відповідну роль у встановленні довірчих відносин відіграє фактор об'єктивності та відкритості особи при повідомленні відомостей оперативного характеру (зокрема, уникнення випадків приховування певної інформації у власних інтересах).

Відповідна розумова діяльність негласного працівника дозволяє аналізувати одержану інформацію (доволі часто значний її обсяг) та виокремлювати з неї відомості, що становлять оперативний інтерес. Тому, на нашу думку, такий суб'єкт потребує наявності в нього відповідних особистих якостей інтелектуальної сфери, таких як, виваженість, неупередженість, розумова кмітливість. Притаманна негласному працівнику виваженість дає йому можливість реально оцінювати всі обставини, які він безпосередньо сприймає. Неупередженість допомагає правильно зрозуміти події та факти, що мають місце. Кмітливість як розумова характеристика передбачає здатність особи швидко сприймати й оцінювати становище, орієнтуватися в ситуаціях, що передбачають швидкоплинність обстановки, а також на їх основі виявляти факти, які становлять інтерес для оперативного підрозділу міліції.

Специфіка роботи самого працівника передбачає необхідність відповідної зорової, слухової, дотикової активності, тому що процес одержання інформації включає, як правило, безпосередній контакт з об'єктом оперативної уваги (особи, документи, події тощо). Психічне відображення дійсності може впливати на формування відповідних особистісних якостей. Так, поєднання особливостей перебігу процесів відчуття, сприймання та уваги сприяє формуванню такої якості, як спостережливість, яка полягає в здатності особи як довільно, так і позадовільно помічати певні професійно значущі ознаки, деталі, звертати увагу на дрібниці, подробиці тощо. Досить розвинена позадовільна увага сприяє підвищенню пильності, що визначає

здатність особи виділяти малопомітні ознаки матеріальних предметів, документів, поведінки осіб, які на перший погляд не становлять інтересу, але насправді мають значущість.

Процес запам'ятовування в негласного працівника пов'язаний із відбиттям у свідомості значного обсягу інформації. Процес фіксації оперативно значущої інформації здійснюється здебільшого за досить стислі терміни, тому потребує досить швидкого запам'ятовування. Крім того виправданою властивістю пам'яті особи є якість збереження відомостей оперативного характеру для максимально точного їх відтворення.

Уява – важливий та необхідний для діяльності суб'єкта конфіденційної взаємодії психічний процес, адже розвідувальній діяльності досить часто притаманний дефіцит інформації про наявний стан подій чи явищ.

У формуванні особистих та ділових якостей особи, які впливають на ефективність такої діяльності, велике значення має її особистий досвід (життєвий, професійний, злочинний тощо). Досвід як окрема підструктура особистості об'єднує знання, навички, звички. Елементи досвіду формуються в результаті прояву зазначених вище психічних процесів. Тому його можна розуміти як своєрідну «надбудову» всієї сукупності психічних пізнавальних процесів, серед яких провідне місце, безсумнівно, посідає пам'ять. <..>

Александров Д. О., Андросюк В. Г., Казміренко Л. І.

Сутність і методи психологічного впливу в оперативно-розшуковій діяльності // Психологічне забезпечення оперативно-службової діяльності працівників міліції (у двох частинах). Професійно-психологічна підготовка працівників оперативних підрозділів. – Ч. 1: навч.-метод. посіб. – К.: Нац. акад. внутр. справ України, 2003. – С. 57–67

<..> Оперативна діяльність працівників завжди так чи інакше потребує психологічного впливу на людей: йдеться про розкриття чи розслідування злочинів, про затримання злочинця, про реалізацію інших оперативних заходів по забезпеченню правопорядку. Зрозуміло, що не може бути якихось

загальних рекомендацій та рецептів, який саме метод психологічного впливу потрібно використовувати в даній ситуації або ж які методи найбільш придатні для даної особи.

Коли ми говоримо про психологічний вплив, то маємо на увазі, передусім загальні правила й принципи застосування конкретних методів, відправні положення цієї проблеми та деякі найбільш загальні питання щодо механізмів впливу.

Слід зазначити, що існує ряд принципів, без урахування яких цілі впливу в процесі здійснення контактної взаємодії не можуть бути досягнуті.

1. Необхідно забезпечити психічну активність особи, на яку воно спрямоване. Вплив тільки в тому випадку буде результативним, якщо він активно сприймається, спонукає активну психічну діяльність.

2. Вплив повинен здійснюватися з урахуванням конкретних особливостей особистості. Для того, щоб досягти результатів, треба враховувати, що психологічний ефект кожної зовнішньої дії на особистість завжди обумовлений історією її розвитку, її внутрішніми закономірностями. Серед таких індивідуальних особливостей, насамперед, варто враховувати тип темпераменту, оскільки особи з різним типом темпераменту по-різному можуть сприйняти однаковий вплив. Методи психологічного впливу лише тоді будуть давати необхідний результат, коли в процесі їхнього застосування постійно враховуються всі зміни особистості: не тільки сукупність психічних властивостей і якостей взагалі, але й психічний стан особи даної конкретної миті.

3. Вплив повинний здійснюватися з урахуванням сукупності конкретних фактів, обставин, що служать базою для виникнення певної спрямованості розумових процесів у особи, на яку впливають.

4. Для здійснення впливу необхідно знати загальні закономірності психіки людини, загальні закономірності засвоєння нею інформації, особливостей її сприйняття в процесі спілкування, чинників, що впливають

на активізацію процесу засвоєння інформації та хід мислення, впливи емоційних процесів на розумові при реалізації впливу.

5. При плануванні впливу повинна бути виявлена і врахована вся структура впливу на дану особистість.

6. Позитивне сприйняття впливу обов'язково повинно стимулюватися.

7. Процес впливу, його елементи, зворотна реакція особи, на яку впливають, повинні заздалегідь плануватися і прогнозуватися.

8. Вплив у всіх випадках не повинен порушувати права особи, на яку впливають.

9. При впливі обов'язково враховуються ті зовнішні умови, у яких він здійснюється. Зовнішні умови повинні допомагати досягненню цілей впливу. Необхідно в усіх випадках знати, передбачати ті умови, що здатні забезпечити результативність застосування психологічних методів впливу.

10. Вплив завжди повинний бути комбінованим, реалізовуватися з урахуванням можливих змін, формування певного стану особи, на яку він спрямований.

У найбільш загальному вигляді методами психологічного впливу слід вважати: переконання, навіювання, наслідування. Кожен із них передбачає застосування сукупності засобів і прийомів, доцільність яких визначається перерахованими вище чинниками.

Переконання здійснюється в словесній формі та ґрунтується на логіці, а вплив на відчуття та емоції мають тут другорядне значення. Активними є обидві сторони, тобто процес переконання являє собою явну або приховану дискусію, метою якої є досягнення єдності поглядів. Для того, щоб переконання було максимально ефективним, слід дотримуватися наступних правил.

1. Вірити в істинність того, у чому переконуєш інших, інакше фальш легко вловлюється співрозмовником за невербальними ознаками (інтонація голосу, виразу обличчя, жестикуляція).

2. Повно розкрити усі сторони питання, що обговорюється.

3. Врахувати індивідуальні особливості тих, кого переконують: їх віку, статі, рівня розвитку тощо.

4. Бути максимально логічним та доказовим; переконає лише той, хто має «залізну» логіку.

5. Використовувати як загальні положення, так і конкретні (краще – добре знайомі) факти та приклади.

6. Бути емоційним та таким, що пробуджує співпереживання.

На відміну від переконання, при навіюванні активною є одна зі сторін, інша – має якомога менш критично сприймати те, що говориться. Навіювання є бездоказовим та не аргументованим, тому велике значення тут має особистість особи, що його здійснює (авторитет, престижність). Воно здійснюється в категоричній словесній формі, причому велике значення тут має впливає дефіцит часу та психічний стан того, хто є об'єктом впливу: якщо особа збуджена та терміново шукає вихід з важкого становища, вона в цю мить легко піддається навіюванню та готова хапатися за першу-ліпшу пораду. Навіювання має широке застосування в психотерапії, тому в людей іноді існує помилкове уявлення, що ним може займатися лише особа, обдарована особливими якостями. Це не так, оскільки його ефективність найбільшим чином залежить від рівня інтелектуального та емоційно-вольового розвитку.

Наслідуванню легко піддаються вразливі та безвольні люди, з недостатньо розвиненим самостійним мисленням, а також ті, хто перебуває під впливом групових або масовидних явищ.

Окремо слід зупинитися на засобах маніпулятивної поведінки, використання яких є досить розповсюдженим у професійному спілкуванні працівника оперативного підрозділу.

Маніпулятивна поведінка – такий спосіб організації відносин, коли один учасник прагне досягти своєї мети за рахунок іншого, причому таким чином, щоб останній не усвідомив, що його поведінка насправді зумовлена (провокована) ініціатором взаємодії.

Основними правилами застосування маніпулятивних засобів у професійному спілкуванні є:

– щоб маніпулювати іншими, потрібно навчитись розпізнавати їх маніпуляції;

– маніпулювання слід застосовувати лише тоді, коли інші засоби досягнення мети виявились неефективними;

– потрібно знати, які маніпулятивні прийоми застосовують представники злочинного світу, але це не означає, що ними можна користуватись самому;

– перед тим, як маніпулювати співбесідником, продумайте можливі варіанти «виходу з ситуації».

Важливим моментом маніпулятивної поведінки є спонукання партнера по спілкуванню до мимовільного реагування у вигляді неконтрольованих висловлювань, зміни експресії мови, психофізіологічних реакцій на спеціальним чином подані стимули.

Зазначені методи й засоби психологічного впливу дуже ефективні, здатні здійснити сильну корекцію особистісних рис та поведінки особи, що становить оперативний інтерес. Звичайно, вони не вичерпують всього розмаїття психологічного впливу, але надають досить повне про нього уявлення. Їхня цінність полягає в тому, що вони застосовуються в процесі звичайної, природної бесіди. Якщо вони «вмонтовані» в тканину вашої поведінки майстерно, то залишаються непоміченими. <..>

Ронин Р.

Теория и практика результативного общения // Своя разведка : практ. пособие. – Минск : Харвест, 1998. – С. 46–47

<..> Должное взаимодействие с интересующим человеком складывается из индивидуальных контактов, пользу от которых удается приумножить через их рациональную организацию.

Общение является результативным при том условии, что оно подчинено достижению ряда целей, например таких как:

– изучение психологии объекта;

– диагностика объекта;

– установление более тесных контактов;

– обеспечение сотрудничества;

– обсуждение конкретной проблемы;

– получение нужной информации;

– передача своей фактуры, или дезинформации;

– убеждение в чем-то;

– принуждение к чему-либо.

В ходе полноценного взаимодействия можно выделить перетекающие друг в друга фазы, включающие:

– предварительную подготовку;

– начало разговора с обеспечением подходящего психоэмоционального настроя собеседника;

– проведение своей темы и направление беседы в предусмотренном направлении;

– завершение диалога с закреплением достигнутого результата.

На этапе предварительной подготовки занимаются:

– прояснением того, что нужно достичь в результате разговора, отмечая предпочтительный максимум и приемлемый минимум;

– получением изначальной информации (о партнере и затрагиваемой проблеме);

– обдумыванием тактики контакта (сообразно с психологией объекта и иными действующими здесь факторами);

– обрабатыванием выигрышных компонентов общения (выбор подходящего момента, места, обстановки и обстоятельств свидания).

Начало разговора с поддержанием соответствующего эмоционального настроя у визави строится на пресечении негативных эмоций и отбрасывании

всевозможных барьеров, затрудняющих необходимое взаимопонимание. Негативные реакции собеседника засекают по различным внешним проявлениям (резкости фраз, зажатости поз, узости зрачков) и снимают различными психологическими приемами (выбором особо действующих слов, мимикой, телесным копированием).

Проведение избранной темы и подстройка беседы к колебаниям диалога опираются на исходную тактику с постоянным наблюдением за различными (жесты, выражения лица, взгляд) реакциями партнера и коррекцией, исходя из них, своего последующего поведения.

Завершение беседы с закреплением достигнутого результата подразумевает, что данный акт общения скажется необходимым образом на мышлении и поступках собеседника, не заставив его поменять суждение об оппоненте на негативное.

РОЗДІЛ 5.
ПЕНІТЕНЦІАРНА ПСИХОЛОГІЯ

Основні теми
і поняття розділу

Класифікація зсуджених
Сутність засобів виховного впливу на засуджених в установах виконання покарань
Особливості організації індивідуальної виховної роботи з різними категоріями засуджених
Адаптація засуджених до умов позбавлення свободи
Соціально-психологічна характеристика спільноти засуджених
Психологічні особливості засуджених, обумовлені їх віком і статтю

Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.

Общая классификация осужденных // Исправительно-трудовая психология; под ред. Платонова К. К. – М.: изд-во Акад. МВД СССР, 1974. - С. 79-95.

<..> Изучение осужденных предполагает их классификацию как необходимое условие педагогической деятельности. Для того, чтобы правильно выбрать меры исправительно-трудового воздействия в целях возвращения осужденного на честный путь жизни, надо, во-первых, знать отклонения, которые привели его к совершению преступлений, и определить программу его исправления и перевоспитания; во-вторых, определить, какого рода воздействию он должен быть подвергнут в целях достижения наиболее эффективных изменений в его личности. Решению этих вопросов способствует классификация осужденных по группам на основе социально-правовых характеристик.

Задача построения общей классификации осужденных является делом весьма сложным. С одной стороны, понятием «осужденный» охватывается большой круг людей, совершивших разнообразные преступления и отбывающих уголовные наказания, а с другой – за одинаковыми преступлениями в смысле их юридической квалификации стоят весьма различные по степени криминальной зараженности и личностным качествам люди. Никак нельзя, например, одинаково перевоспитывать особо опасного государственного преступника и исправлять человека, отбывающего наказание за неумышленное преступление. Точно так же различной будет программа исправления несовершеннолетнего осужденного, совершившего кражу под влиянием преступной группы, боявшегося прослыть трусом, и перевоспитания человека, сделавшего воровство источником своего существования. <..>

<..> Существует социально-правовая классификация осужденных, данная в законе в связи с определением порядка применения уголовного наказания, а также его исполнения. Критерии этой классификации следующие: возраст, пол, вид и тяжесть совершенного преступления, общественная опасность личности преступника, количество судимостей, состояние его здоровья. Она является основой распределения осужденных по ИТУ, определения объема кары и общих мер исправительно-трудового воздействия. Однако эта классификация не полностью удовлетворяет потребности психологического и педагогического изучения личности осужденного.

В истории психологии предпринимались попытки дать психологическую классификацию личности преступника. Одним из первых проделал эту работу русский психолог А. Ф. Лазурский. Хотя в классификации А. Ф. Лазурского допускаются элементы биологизации и психологизации личности преступника, она имеет определенное познавательное значение, поскольку в психологических характеристиках преступников обобщается большой фактический материал и отражаются в какой-то мере отклонения в поведении человека, которые могут служить предпосылкой правонарушений. Интересную попытку классификации личности преступников предпринял С. В. Познышев. Исходя из соотношения личностных особенностей (эндогенных факторов) и внешних обстоятельств (экзогенных факторов), толкнувших субъекта на преступление, он делит преступников на два основных типа: эндогенных и экзогенных.

Эндогенные преступники – лица со сформировавшейся психической конституцией (взглядами, убеждениями, характером, способностями и т. п.), предрасположенные к известным видам преступной деятельности: они сами ищут условия и обстоятельства, чтобы реализовать свой преступный замысел. Высшей степенью предрасположения к совершению преступления обладают преступники-профессионалы. Основной признак профессионального преступника – склонность к удовлетворению своих

потребностей посредством совершения правонарушения, образующая как бы «установку» его личности на определенное преступление.

В зависимости от соотношения эмоций и рассудка в реализации преступного замысла эндогенные преступники, в свою очередь, делятся С. В. Познышевым на:

- различные категории импульсивных преступников, которые испытывают чувство удовольствия от самого процесса совершения общественно опасных деяний (к ним относятся лица похотливые, всецело отдающиеся мимолетным низменным наслаждениям, руководствующиеся самолюбием и тщеславием, стремящиеся к развлечениям и т. п.), эмоциональных преступников, совершивших преступления, главным образом, для удовлетворения внезапно возникшего сильного чувства (аффекта), не умеющих и не желающих управлять своим поведением;

- расчетливо-рассудочных преступников, которых толкает на преступление не порыв чувства, не стремление к мимолетным чувственным наслаждениям, а представление известной связи совершаемого преступления с их общей целью – достижением известного служебного, социального, имущественного, семейного положения и т. п.

Экзогенные преступники – это лица, совершившие преступления вопреки своим расчетам и ожиданиям. Обстоятельства так резко и быстро изменились, что под давлением их человек не удержался на пути честной трудовой жизни и совершил преступление. Экзогенные преступники характеризуются пониженным коэффициентом сопротивляемости неблагоприятным внешним обстоятельствам. <..>

<..> Для каждого из этих типов и подтипов, как справедливо считал С. В. Познышев, необходима своя особая пенитенциарно-воспитательная система, в основу которой должно быть положено знание их особенностей и планомерное наблюдение за эффективностью воздействия на них различных мер. Если у эндогенных преступников необходимо разрушить предрасположенность к преступной жизни, т. е. изменить взгляды,

убеждения, характер, то экзогенных преступников следует подготовить к уверенному преодолению неблагоприятных воздействий внешних обстоятельств, воспитывать у них самостоятельность и ответственность за свое поведение.

По богатству собранного материала классификация С. В. Познышева и сейчас не утратила своего научного значения. Ряд современных исследователей разрабатывает классификации преступников исходя из характеристики направленности их личности. Так, Г. М. Миньковский берет за основу типологии ступенчатое различие направленности, ориентации личности (включая систему установок) как адекватное выражение социально-демографической, нравственно-психологической и правовой ее характеристик.

Исходя из этого, он выделяет четыре типа несовершеннолетних правонарушителей, для которых преступление является:

- случайным, противоречащим общей направленности личности;

- возможным с учетом общей неустойчивости направленности личности, но ситуативным с точки зрения повода и ситуации;

- результатом общей отрицательной ориентации личности, обусловливающей выбор среды, времяпрепровождения и непосредственного варианта действий при наличии подстрекательства, примера преступного поведения и т. п.;

- результатом преступной установки личности, включающей активный поиск, организацию повода и ситуации для преступных деяний. Данная классификация в основе своей применима и по отношению к взрослым правонарушителям. <..>

<..> А. М. Яковлев делит преступников на социальные типы, исходя из особенностей взаимодействия личности со средой. Это взаимодействие характеризуется степенью «отчуждения» или степенью «включения» личности в социальную среду. Там, где позиции, установки и ценности

личности совпадают с позициями, установками и ценностями окружающей ее социальной среды (адекватны), там налицо «норма» поведения человека.

При нестойком отчуждении от социальной среды можно говорить о «социализированном» преступнике, т. е. человеке, чья характеристика личности не расходится в целом с нормами нашего общества. Противоположный тип преступника представляет человек, как бы полностью «заменивший» свою связь с общественными ценностями на систему преступных, аморальных позиций и установок. Это «антисоциальный» тип преступника. Промежуточную позицию занимают «асоциальные» преступные типы. Представители этого типа не отождествляют себя ни с ценностями и моралью общества в целом, ни с антисоциальными «цінностями» групп правонарушителей.

Таким образом, классификация осужденных на социальные типы, предложенная А. М. Яковлевым, носит социально-психологический характер. В соответствии с ней перевоспитание преступника – это прежде всего изменение системы его общения с окружающей средой на основе глубокого и прочного усвоения личностью социальных норм поведения и отношения к окружающей действительности.

Несомненный интерес для работников ИТУ представляет классификация, разработанная А. Г. Ковалевым. В ее основу положена степень криминальной зараженности личности правонарушителя. В соответствии с этим выделяются:

- глобальный преступный тип, т. е. асоциальная личность с полной преступной зараженностью, с отрицательным отношением к труду и другим людям, не мыслящая иной жизни, кроме преступной. Все помыслы представителей этого типа направлены на осуществление преступлений, их воля тверда и не неколебима в осуществлении задуманных уголовных деяний, совершение преступлений им приносит удовлетворение. Этот тип включает различные подтипы: похотливого растлителя и насильника, казнокрада, бандита и т. д.;

- парциальный преступный тип – это лицо с частичной криминальной зараженностью, его личность раздвоена, в ней уживаются черты нормального социального типа и черты преступника. Он с уважением относится к авторитетным людям, имеет друзей, интересуется событиями общественной жизни, читает газеты, посещает музеи и театры, но вместе с тем систематически совершает преступления, имеет много судимостей. Большинство таких лиц совершают преступления в виде хищения общественной и государственной собственности, кражи личной собственности граждан, спекуляции или мошенничества и т. п.;

- предкриминальный тип. К нему относятся лица с такими морально-психологическими свойствами, при наличии которых эти лица, попав в определенную ситуацию, неизбежно совершают преступления.

Разновидности этого типа (подтипы) следующие: чрезвычайно эмоционально-возбудимый, с недостаточным самообладанием, совершающий в определенных ситуациях хулиганские действия, убийства или тяжкие телесные повреждения в состоянии ревности, гнева и т. п.; легкомысленный лентяй, весьма податливый на соблазны, который любит хорошо пожить, не утруждая себя.

А. Г. Ковалев считает, что указанные типы являются основными, с ними чаще всего можно встретиться в исправительно-трдовых учреждениях, хотя они не содержат всех возможных криминальных отклонений личности, ведущих к преступлениям. Немало совершается преступлений вследствие недостаточной предусмотрительности или стечения обстоятельств. Эти преступления также социально опасны и наказуемы, но люди, их совершившие, вряд ли могут быть отнесены к криминальным типам. Вместе с тем определение типов дает известную ориентировку в степени криминальной зараженности осужденных и в направлении работы по их перевоспитанию.

Глобальный криминальный тип, полагает А. Г. Ковалев, создается в хронических, т. е. устойчивых, отрицательных условиях жизни семьи с

конфликтными отношениями между родителями и родителями и детьми, способствующими формированию у последних озлобленности, грубости, бессердечия; дополнительной причиной может быть отягощение развития личности алкогольной наследственностью или другими условиями внутриутробной жизни. Парциальный преступный тип формируется в результате противоречивого воздействия на личность двух различных общностей: а) школы и предприятия, где формируются и развиваются качества советского человека и б) уличной компании, где мелкое воровство рассматривается как нечто «героическое», или семьи, где дети на примере старших усваивают противоправные пути личного обогащения. Влияет и обыденное мнение, распространенное среди некоторых граждан, о том, что не зазорно «брать» у государства, которое «богато и не обеднеет». Предкриминальный тип вызревает в связи с недостатками воспитания устойчивых нравственных начал и воли, а также с некоторой природной неуравновешенностью.

По сравнению с рассмотренными выше, классификация А. Г. Ковалева проведена по другому основанию, охватывает все категории осужденных и имеет педагогическую направленность. При этом классификация осужденных по формам антиобщественной направленности личности полностью вписывается в классификацию А. Г. Ковалева.

На наш взгляд, однако, следует уточнить классификацию, данную А. Г. Ковалевым. Всех осужденных по степени криминальной зараженности лучше разбить на криминальный, предкриминальный и нонкриминальный типы.

В свою очередь, криминальный тип целесообразно делить на следующие подтипы: глобальный преступный подтип, совершенное деяние которого полностью соответствует общественной опасности личности, ибо оно является результатом преступной установки, включающей активный поиск и организацию ситуаций для совершения преступлений. По доминирующей преступной установке представителей этого типа можно

подразделить на убийц, грабителей, разбойников, бандитов, насильников и т. п., однако они способны на совершение любого из этих преступлений; парциальный криминальный подтип, поведение которого лишь частично соответствует принятым социальным нормам, а преступление является результатом односторонней антиобщественной направленности личности и избирательной преступной установки, включающей (как и у глобального типа) активный поиск и организацию ситуаций для совершения только однотипных преступлений. Они совершают или убийство, или грабеж, или насилие, или мошенничество и т. д. <..>

<..> Что касается предкриминального типа, то совершенное им деяние не всегда соответствует личности правонарушителя. Хотя оно обусловлено аморальной направленностью личности, педагогической запущенностью, но у данного типа отсутствует криминальная установка. Ситуативная установка на совершение преступления проявляется при стечении обстоятельств, под влиянием группы, подстрекательства, под воздействием примера преступного поведения и т. п. Указанный тип можно разделить на: а) легкомысленных самонадеянных лиц, не желавших предвидеть последствия своего поведения; б) чрезмерно эмоционально-возбудимых (аффективных); в) слабовольных и слабохарактерных. <..>

<..> К нонкриминальному типу относятся осужденные, преступление которых противоречит общей положительной направленности, положительным качествам, ориентации личности, общественно ценным личностным установкам. Осужденных этого типа подразделяют на: а) лиц, недостаточно предусмотрительных и осторожных; б) лиц, совершивших преступления в связи со стечением обстоятельств. Каждый из этих подтипов также классифицируют по видам совершенных преступлений. <..>

<..> Важно уметь осуществлять психологический анализ указанных типов. Наконец, нельзя противопоставлять обобщенное изучение личности осужденного индивидуальному изучению. Познание общего возможно лишь через глубокое проникновение в отдельное. Результаты же обобщения не

подменяют данных о личности конкретного осужденного во всем его неповторимом своеобразии, а способствуют его изучению. <..>

Любченко В. М.

Сутність засобів виховного впливу на засуджених в установах виконання покарань // Проблеми пенітенціарної теорії і практики: Бюлетень Київського інституту внутрішніх справ. – № 5. – К.: РВВ Київського інституту внутрішніх справ, 2000.– С. 140-144

<..> У ст. 7 Виправно-трудового кодексу України визначені засоби виховання та перевиховання: режим, суспільно корисна праця, виховна робота, загальноосвітнє та професійно-технічне навчання. <..>

Аналізуючи природу перелічених засобів ресоціалізації засуджених, можна зробити висновок, що засіб є видом діяльності як суб'єкта, так і об'єкта виховного процесу.

У кримінально-виконавчому законодавстві України зазначено, що режим є засобом ресоціалізації. Поняття режиму визначається як встановлений законом та відповідними нормативними актами порядок виконання та відбування покарання у вигляді позбавлення волі. Дійсно, режим визначає правила поведінки співробітників та засуджених, норми і порядок забезпечення засуджених харчуванням та одягом, предметами першої необхідності, виконання санітарно-гігієнічних правил, санкції за невиконання цих правил та інше.

Однак, формуванню особистості сприяє не наявність самих правил, норм поведінки, а діяльність суб'єкта і об'єкта пенітенціарного впливу щодо виконання цих правил, тобто вимог, встановлених режимом.

Аналіз виховної функції режиму показує, що формування якостей особистості в світлі вимог режиму відбувається в процесі діяльності засуджених: спочатку щодо засвоєння цих вимог режиму, а також в процесі дій щодо їх виконання, потім в процесі спілкування засуджених із співробітниками установи, іншими особами в середовищі засуджених. Це

також стосується і діяльності співробітників установ виконання покарань[2] щодо створення умов виконання вимог режиму. <..>

<..> Отже, у виправно-трудовому кодексі визначення засобу ресоціалізації засуджених, який пов'язаний з поняттям режиму, необхідно сформулювати не як режим відбування покарання, а як організацію та виконання режимних вимог співробітниками УВП, а також засудженими, що відбувають покарання. Основним засобом виправлення і перевиховання Кримінально-виконавчий кодекс визначає суспільно корисну працю. <..>

<..> Розглядаючи сутність праці щодо застосування її до кримінально-виконавчого процесу, можна зробити висновок, що такий засіб, як суспільно корисна праця є сферою діяльності, яка спрямована на зміну та пристосування навколишнього середовища, в тому числі створення певних видів продукції на виробництві в колонії (виробнича праця). Праця засуджених як діяльність може бути спрямована на покращення їх умов життя – благоустрій території, житлових приміщень, ремонт і виробництво інвентарю та інше. Цей процес охоплює не тільки безпосередньо засуджених, які залучаються до вищеназваної діяльності, але і співробітників УВП, які мають організовувати роботу засуджених. <..>

<..> Отже, суспільно корисна праця як засіб впливу на засуджених за своїм змістом є певним напрямком діяльності співробітників УВП і засуджених, в процесі виконання якої мають формуватися такі якості особистості засуджених, які відповідають вимогам суспільства.

Засобом виправлення і перевиховання, який визначений кримінально-виконавчим законодавством, є виховна робота з засудженими. <..>

<..> По суті, виховна робота – це діяльність суб'єкта педагогічного процесу, який спрямований на проведення заходів, що сприяють духовному, фізичному розвитку особистості засуджених. Вона містить в собі організацію та проведення заходів щодо правового, етичного, світоглядного, культурно-масового, фізкультурно-оздоровчого та інших напрямків виховної роботи.

---

[2] Далі – УВП

Разом з тим у проведенні виховних заходів в УВП, поряд з діяльністю співробітників колонії, передбачається участь засуджених, тобто їх діяльність в процесі реалізації цих заходів. <..>

<..> Взагалі навчання є планомірним і систематичним процесом передачі та засвоєння знань, вмінь, навичок. Це процес двосторонній, він передбачає діяльність вчителя та учня. В умовах місць позбавлення волі формування адекватної соціальної особистості не можливе, якщо відсутнє розуміння закономірності розвитку суспільства, сутності та необхідності для кожного члена спільноти норм і правил, які визначені мораллю та правом, як інструментом захисту людини. Це завдання має вирішити загальноосвітнє навчання. Стрижнем його є діяльність вчителя в рамках загальноосвітньої школи, консультаційного пункту, інших видів навчання. Разом з тим такий вид впливу на засуджених не може бути ефективним без активного включення в навчальний процес засудженого, який навчається. <..>

<..> Професійно-технічне навчання не можливе без активної практичної діяльності того, хто навчається вмінням і навичкам, які необхідні фахівцю. Професійно-технічне навчання може бути ефективним не лише завдяки діяльності викладача, воно передбачає також активну діяльність учня. Поряд з цим особливе значення професійно-технічного навчання в діяльності викладача полягає не тільки у формуванні професійних знань, вмінь, навичок, але й поваги учня до обраного фаху, впевненості в тому, що цей фах допоможе забезпечити його соціально корисне життя після звільнення.

Аналіз сутності та змісту засобів виховного процесу в установах виконання покарання переконливо показує, що вказані в законі засоби є напрямком діяльності співробітників і засуджених в рамках закону, в процесі якої формується особистість засудженого, як майбутнього члена суспільства, здатного виконувати вимоги закону та забезпечувати в його рамках своє життя.

Таке бачення сутності засобів виховного впливу повністю підтверджується положеннями психології та педагогіки про формування особистості індивіда, як соціального суб'єкта, в процесі діяльності. В цьому плані треба згадати вислів великого педагога А. С. Макаренка: «Спробуйте серйозно, щиро, палко задатися метою виховати мужню людину. В такому випадку не можна обмежуватись душеспасенними балачками. Не можна, тому що результат вашої чутливої совісті в цьому випадку зрозумілий: ви виховаєте цинічного спостерігача, для якого чужий подвиг – тільки об'єкт для здивування, розважальний момент. <..>

<..> Враховуючи викладене, пропонується таке визначення засобів виховного впливу: засобом виховного впливу на засудженого в умовах установ виконання покарання в місцях позбавлення волі є напрямок діяльності співробітників УВП та засуджених, яка сприяє формуванню соціально адекватних якостей у осіб, що відбувають покарання. <..>

Синьов В. М., Радов Г. О., Кривуша В. І., Беца О. В.

Особливості організації індивідуальної виховної роботи з різними категоріями засуджених // Педагогічні основи ресоціалізації злочинців. – К.: МП «Леся», 1997. – С. 119-188, 223-257

<..> Складність процесу переорієнтації засобів виховного впливу на засуджених у бік прогресивної педагогіки співробітництва, подальша гуманізація виконання покарання у вигляді позбавлення волі вимагають розробки науково обгрунтованих програм перевиховання засуджених, побудови стосовно різних їх категорій відповідної стратегії виховно-профілактичних заходів.

Сучасна пенітенціарна наука здатна запропонувати практиці якісно нові, апробовані підходи до реалізації мети кримінально-виконавчого законодавства і, перш за все, мети ресоціалізації особистості засудженого. Тут слід зазначити, що в усіх цивілізованих країнах ефективність пенітенціарних установ багато в чому визначається активним

запровадженням методів психолого-педагогічного впливу на особистість засудженого.

Великого значення у цьому відношенні набуває педагогічно грамотне використання індивідуального та диференційованого підходу до засудженого, що є основою індивідуальної роботи співробітників установ виконання покарань.

Під *індивідуальною виховною роботою* треба розуміти систему цілеспрямованих психолого-педагогічних заходів, сукупність форм, методів і прийомів безпосереднього або опосередкованого впливу на конкретну особистість засудженого з урахуванням його індивідуально-психологічних особливостей та ступеню педагогічної занедбаності.

До основних напрямків індивідуальної роботи співробітників установ належать такі напрямки: вивчення особистості за допомогою різноманітних методик; визначення методів і прийомів психолого-педагогічного впливу на неї та їх реалізація. Загальновідомо, що вивчення засуджених передбачає їх класифікацію як необхідну умову педагогічної діяльності, як основу диференційованого підходу до їх перевиховання. На базі класифікації можна розробляти типізовані та індивідуалізовані програми їх перевиховання, визначати оптимальний перелік засобів виховного характеру для досягнення позитивних змін в особистості засудженого.

Проте, класифікація засуджених – не самоціль, а лише інструмент в руках вихователів УВП, дякуючи якому індивідуальний підхід до особистості в процесі її перевиховання стає більш обгрунтованим та усвідомленим. Тому підхід до кожної особистості має бути і диференційованим, що враховує її типологічні особливості, й індивідуальним, враховуючим особливості психологічної структури особистості.

У цьому відношенні найбільш значущою у виховній діяльності УВП є розроблена професором В. П. Дєєвим *класифікація засуджених за спрямованістю особистості* як системою потреб, потягів, переконань,

ідеалів, інтересів, прихильностей, світогляду, які визначають вибірковість ставлення індивіду до оточуючого світу, його життєвих планів, перспектив діяльності. Згідно з нею ми можемо диференціювати засуджених на осіб зі стійкою позитивною, стійкою негативною, пристосовницькою та нестійкою (чи суперечливою) спрямованістю особистості. В процесі педагогічної діяльності із засудженими, коли мова йде дійсно про ресоціалізацію особистості, головне завдання полягає в тому, щоб змінити спрямованість особистості, зробити систему її моральних, правових, ідейних переконань відповідною прийнятим у суспільстві нормам і цінностям. Володіння цією класифікацією дозволяє забезпечити правильність вибору стратегії та тактики індивідуального впливу на особистість, прогнозувати її поведінку як у період відбування покарання, так і після звільнення з УВП.

Усіх засуджених, що відносяться до групи осіб зі стійкою позитивною спрямованістю, можна поділити на дві підгрупи: засуджені з умовно-колективістською спрямованістю та позитивні одинаки. У роботі з засудженими, які мають *умовно-колективістську спрямованість*, важливо навчати їх виконанню громадських доручень, способам впливу на людей; постійно контролювати їхню поведінку та діяльність; виявляти справжні мотиви вчинків; створювати спеціальні ситуації, які вимагають підпорядкованості позитивній колективній думці; продумано застосовувати заохочення; проявляти обґрунтованість та принциповість у використанні при необхідності засобів осудження, примусу; забезпечувати особисту захищеність позитивних засуджених від шантажу, погроз з боку негативних елементів та їхніх угрупувань, закріплення та стабілізацію позитивних особистісних властивостей для перетворення їх у свідомі саморегулятори соціально значущої поведінки в будь-яких умовах. <..>

<..> Педагогічну роботу з засудженими зі стійкою негативною спрямованістю (схильних до негативної групової діяльності, негативних індивідуалістів) та з пасивною негативною спрямованістю слід проводити в плані переорієнтації їхніх асоціальних поглядів і прагнень, формування

позитивних інтересів, ідеалів, близьких та віддалених життєвих планів. Варто врахувати наявність та необхідність активізації у них тих чи інших позитивних індивідуально-психологічних чи соціально-психологічних особливостей. <..>

<..> Активні *негативні індивідуалісти* з їхньою відособленістю, злобою, дефіцитом міжособистісного спілкування потребують прояву особливої зацікавленої, співпереживаючої уваги, тобто вони покращують свою поведінку, переосмислюють свої позиції, якщо співробітники установи виявляють до них співчуття, людяність, емпатійне відношення. Цих засуджених варто включати до передових бригад, закріплювати за ними шефів-наставників, долати їхній виражений дефіцит спілкування, відновлювати соціально корисні зв'язки та перспективи. Саме такі засоби допомагають ізолювати засудженого від негативного впливу. <..>

<..> Засуджені зі *стійкою пристосовницькою спрямованістю* є найскладнішою, з педагогічної точки зору, категорією, що вимагає постійного посиленого контролю за їх поведінкою. Це зумовлено складністю розпізнавання стосунків таких осіб з оточуючими.

Засуджені цієї групи свідомо приховують свої справжні погляди та переконання, пристосовуються з метою отримання якоїсь користі. Така лицемірна позиція може стати причиною багатьох конфліктів в УВП, якщо співробітникам не вдасться виявити справжню сутність цих засуджених. Тому в першу чергу потрібно аналізувати їхні стосунки з іншими засудженими, використовуючи для діагностики пристосовництва метод узагальнення незалежних характеристик, співставляти думки різних співробітників УВП про конкретну людину, результати спостережень, індивідуальні бесіди. Корисним тут може бути надання засудженому досить відповідального доручення, виконання якого дозволяє виявити його внутрішню сутність, а також аналіз того, як засуджений не тільки виконує, а й береться за таке доручення. Важливо створювати спеціальні ситуації з

метою визначення домінуючих поглядів та мотивів. Звичайно, ця категорія осіб не повинна бути допущеною до активу засуджених.

Засуджені з *нестійкою (або суперечливою) спрямованістю* особистості проявляють низьку самостійність у виборі способів поведінки, яка значною мірою залежить від того, під чиїм впливом на даний момент знаходиться засуджений. Низький рівень моральної свідомості примушує засуджених бути ближче до середовища негативно спрямованих осіб, залежати від його впливу. Тому вихователям УВП слід нейтралізувати цей фактор, замінити його постійним позитивним впливом оточуючих. Перевиховання цієї категорії засуджених пов'язане з необхідністю врахування таких полярних характеристик спрямованості особистості, як позитивне ставлення до праці і одночасно з тим морально-вольова слабкість характеру, невміння розбиратися в друзях, схильність знайти покровителя серед «авторитетних» правопорушників.

У роботі з цими засудженими принципового значення набуває формування у засуджених розуміння та почуття особистої відповідальності за власні вчинки, стійкості життєвої позиції, здатності свідомо керувати своїми діями, забезпечення стабільних контактів з позитивними особами та постійний контроль за їхньою поведінкою. Головний елемент переорієнтації їх спрямованості, як свідчить практика роботи УВП, полягає в організації колективної діяльності засуджених у поєднанні з контролем, переконанням та примусом. Крім того необхідно розробити систему індивідуальних бесід з метою зміни їхніх негативних установок. Важливу роль у цьому відіграє індивідуальне шефство, усунення життєвої безперспективності та формування впевненості в собі, своїх силах.

Такою є, в основному, методика застосування заходів психолого-педагогічного впливу на засуджених з урахуванням спрямованості їхньої особистості. Слід також зазначити, що методи виховання ефективно впливають на особистість лише тоді, коли для кожної переліченої групи визначається своя підсистема педагогічних прийомів, які передбачають чітке

дозування переконання та примусу, доручення та контролю з урахуванням індивідуально-психологічних особливостей особистості.

Візьмемо іншу *класифікацію засуджених за силою особистісних властивостей і спрямованістю соціальних установок,* в основу якої покладені критерії соціальної небезпеки, ставлення до відбування покарання, рівень правосвідомості та моральної занедбаності. Згідно з нею, всіх засуджених можна поділити на ряд характерних типів. Перший тип – засуджені з позитивними соціальними установками, сильним типом особистості та об'єктивними задатками лідерства. Характерні риси представників цього типу: досить високий рівень інтелекту, що дозволяє здійснювати надійний контроль над емоціями; висока стійкість особистості; розвинуте почуття соціальної чуйності; товариськість, здатність до адаптації в колективі; позитивне ставлення до праці; низький рівень ворожості стосовно оточуючих; мінімальний рівень алкогольних змін психіки особистості.

Другий тип – засуджені з потенційно позитивними установками, слабким типом особистості, без виявлених задатків лідерства. Характерні риси представників названого типу в основному співпадають з рисами попереднього типу. Відмінність полягає в наявності помітної моральної залежності від чужих точок зору, в завищеній оцінці власних якостей.

До третього типу відносяться засуджені, що не мають чітко виявлених психологічних якостей. Слід зазначити, що третина з них характеризується наявністю психічних відхилень від норми. Це проявляється у викривленому сприйнятті дійсності, психопатичних аномаліях, ідеях переслідування, що, за певних умов, може викликати неадекватні реакції аж до криміногенних.

Четвертий тип – засуджені, що мають негативні соціальні установки, слабкий тип особистості без виявлених задатків лідерства. Для них характерна наявність стійких та яскраво виявлених психічних відхилень від норми, які ускладнюються значним рівнем алкогольних змін особистості, погано стримуваною імпульсивністю поведінки, ворожістю, агресивністю

стосовно оточуючих, завищеною оцінкою власних якостей, надмірним властолюбством, тенденцією ухилятися від праці, схильністю до порушення існуючих соціальних норм, нездатністю врегульовувати конфліктні ситуації, цинізмом, упередженістю до оточуючих.

П’ятий тип – засуджені, що мають негативний комплекс соціальних установок, сильний тип особистості з об’єктивними задатками лідерства. Їм властиві такі риси, як збентеженість проблемою власного авторитету, егоїзм аж до егоцентризму, стійка схильність до порушення існуючих соціальних норм, підвищена збудливість. <..>

<..> На базі цієї класифікації передбачається лінія поведінки представників заданих типів. Так, дня першого найбільш імовірна роль позитивного лідера, потенційного керівника громадських формувань засуджених, який, скоріш за все, сам твердо стане на шлях виправлення та поведе цим шляхом інших за умови керівництва з боку адміністрації.

Для представників другого типу підходить роль рядових членів активу засуджених, які чесною працею та позитивною поведінкою доводять своє виправлення. Вони, скоріш за все, після звільнення будуть поводитися згідно із законами та нормами. Методика впливу на засуджених третього типу аналогічна тій, яка застосовується до засуджених з нестійкою спрямованістю особистості. До представників четвертого типу відносяться найбільш небезпечні в криміногенному відношенні засуджені, психічно неврівноважені, вони не здатні об’єктивно, критично оцінювати явища дійсності, керуються в поведінці викривленими неформальними нормами. В умовах установи виконання покарання вони відіграють роль виконавців задумів негативних лідерів. Корекція їх поведінки можлива лише за умови суворого контролю з боку адміністрації та активу засуджених, постійного поєднання засобів переконання та примусу. Засуджені п’ятого типу полярні засудженим першого типу. Це негативні лідери, чиї здібності та прагнення дозволяють їм впливати на частину засуджених, насаджувати в установі «кримінальні традиції», активно протидіяти адміністрації установи.

Зважаючи на їхні стійкі асоціальні якості, корекція їхньої поведінки повинна здійснюватися за спеціальними програмами перевиховання. <..>

<..> Таким чином, на основі виділених типів з'явилась можливість розробити загальні рекомендації, що дозволяють зробити більш вірогідним прогноз індивідуальної поведінки в період відбування покарання, намітити доцільний комплекс засобів виправного впливу, а також припустити успішність формування корисної спрямованості особистості.

Прикладне значення для практичних працівників УВП має і *класифікація засуджених за загальнохарактерологічними особливостями.* У більшості засуджених під впливом провідних мотивів, соціальних цінностей середовища, норм моралі, права, освіти, звичок виробляється тип поведінки, що характеризується різними ознаками. Внаслідок багаторазового обстеження різних груп засуджених вдалося в залежності від їх характеру та поведінки виділити дванадцять типів особистості: «актор», «гравець», «панікер», «інтриган», «резонер», «біла ворона», «прожектер», «зануда», «тюхтій», «нитик», «сутяжник», «вигнанець». Найбільш поширеними поміж засуджених є такі типи, як «актор», «гравець», «резонер», «сутяжник», «біла ворона», «нитик». Охарактеризуємо деякі з них.

Структура характеру *«актора»* – нестабільна. Йому властива швидка зміна бажань, захоплень, спрямованості поведінки. Ставлення особистості до себе, до вимог режиму та середовища нестійке. У міжособистісних стосунках найбільш яскраво виявляються демонстративні риси, брак природності у спілкуванні компенсується награвaністю. Схильність до рухливості емоцій помилково може розцінюватися як чутливість, «театральний» стиль мислення; за всією яскравістю, ефектністю та театральністю частіше всього приховується особистість егоїстична, незріла, така, що не має твердих поглядів і переконань. <..>

<..> *«Резонери»* характеризуються жорстко схематичним мисленням, вкрай формалізованим, яке завжди впорядковане в причинно-наслідковому відношенні. Сформовані принципи непохитні, висновки погано кориговані,

логічні побудови вкрай формальні. Судження таких осіб часто розходяться з ділом. Там де потрібно прийняти швидке рішення, вони пропонують поміркувати. Такі засуджені погано уживаються, їм притаманні формальний підхід не лише до оточуючих, а й до справи в цілому, фіксація на дрібницях та прагнення підвести під них теоретичну базу. Відстоювання власних інтересів вважається суспільною нормою поведінки. Таких засуджених не терплять в загоні внаслідок їхньої нав'язливої схильності до міркувань. <..>

<..> «Гравець» в умовах УВП має вигляд натури вольової, яка ні за яких обставин не втрачає самовладання. Цього він досягає ціною постійних внутрішніх зусиль, побудови складної системи саморегуляції та психологічного захисту. Такий засуджений може справляти враження людини зухвалої, навіть нахабної, що є проявом компенсаторної поведінки. За подібними рисами приховуються внутрішні суперечності складної натури. Коли психологічний захист ламається, а система саморегуляції виявляється нездатною, то відразу ж виявляється справжня слабкість цього типу. Вихователям УВП слід сприймати цих осіб такими, якими вони виглядають зовні, але при цьому пам'ятати, що їхня поведінка є наслідком великих прихованих зусиль. Прямий злам стереотипів поведінки, що склалися, небезпечний, бо може викликати психічні перевантаження. У цьому випадку, якщо засуджений продовжує захищати свою внутрішню позицію, він переходить в ранг важковиховуваних, і відновлення його соціально корисних якостей вимагатиме в подальшому значно більших зусиль. У таких засуджених необхідно підтримувати особистісний статус шляхом включення до різних секцій, призначення днювальними чи бригадирами. Доцільно залучати їх до участі у художній самодіяльності та занять спортом.

Характеру *«сутяжника»* властива прямолінійність, некоригованість та жорсткість суджень і установок. Ці основні характерологічні риси пронизують мислення, прагнення, ціннісні орієнтації. Людина з таким характером при наявності певного культурного рівня незамінна в багатьох сферах праці й спілкування. В умовах УВП може бути добрим керівником

самодіяльних організацій, бригадиром. За несприятливих умов середовища виявляє себе як суб'єкт, що постійно конфліктує. Правильність його поведінки багато в чому залежить від стану загальної організованості в УВП, загоні, бригаді, тобто від «зовнішнього» порядку. «Вибухи» з боку представників цього типу можливі скоріш як відповідь на якесь безладдя чи несправедливість. Начальник загону, працівники режимної служби повинні вимагати від них відповідальності, єдності слова й справи. Ці засуджені мають бути постійно зайняті справою, що вимагає скрупульозності, жорсткої організованості і дозволяє не поспішати з результатом. З них виходять добрі нарядчики, днювальні, майстри, механіки.

Знання співробітниками УВП класифікації засуджених допомагає правильно враховувати характерологічні особливості засуджених, вміло використовувати позитивні риси при вирішенні питань працевлаштування, організації спільностей засуджених, педагогічно грамотно вести стосовно них індивідуальну виховну та профілактичну роботу. Вирішенню цих завдань сприятиме й знання *класифікації засуджених за насильницькі злочини.* Тут виділяються такі типи засуджених за провідними особистісними властивостями та характеристиками, характерними ознаками поведінки: збуджений, некерований, впертий, активний, демонстративний, безвільний.

Засуджені, що відносяться до *збудженого типу,* мають яскраве прагнення до лідерства, намагаються ствердити себе в групах негативної спрямованості. Вони не схильні до тонкого розрахунку, не вміють прогнозувати наслідки своєї поведінки. Симпатією та авторитетом серед інших засуджених не користуються, бо жорстоко поводять себе з тими, хто їм не підкоряється, погрожують їм фізичною розправою, часто створюють конфліктні ситуації. Усе це зумовлено такими їхніми особистісними властивостями, як підвищена емоційна збудливість, запальність, схильність до накопичення афекту. Довго пам'ятають образу, агресивні спалахи люті виникають у них легко та за щонайменшого приводу. У цьому стані їхня поведінка стає некерованою і вони здатні вчинити грубі акти насилля. <..>

<..> Засуджені, що відносяться до *некерованого типу* особистості, за деякими своїми психологічними особливостями близькі до збудженого типу. Проте у них ті ж особистісні властивості виражені яскравіше, і це позначається на поведінці, яка набуває імпульсивного характеру. Прагнення до домінування призводить до того, що вони з готовністю виконують доручення лідерів груп негативної спрямованості, що пов'язані з насильницькими діями стосовно інших засуджених. Самі ж вони, як правило, не стають лідерами негативних груп, бо не вміють підпорядковувати свою поведінку інтересам групи, нездатні гальмувати власні емоції, бути хитрими. <..> Таким чином, засуджені некерованого типу являють собою джерело підвищеної небезпеки в плані можливості здійснення насильницького злочину в період відбування покарання. Тому рекомендується встановлювати за ними особливий контроль та здійснювати спеціальні корекційні та профілактичні заходи. Особливо важливо створювати ситуацію невідворотного покарання за щонайменші порушення режиму.

Впертий тип особистості відзначається такими рисами, як честолюбство та цілеспрямованість. У залежності від своїх поглядів та переконань вони прагнуть зайняти керівне становище в групі з негативною спрямованістю чи в громадських формуваннях засуджених. Проте, на відміну від «збуджених» такі засуджені мають чітку життєву позицію, виявляють впертість у відстоюванні власних поглядів, схильні до прямолінійності та завищеної самооцінки. У судженнях вони категоричні, у вчинках – рішучі. У поведінці керуються девізом «мета виправдовує засоби». Використовуючи свої організаторські здібності, можуть створювати негативні угруповання. їм також притаманні такі риси, як надмірна підозрілість, недовірливість, обережність, злопам'ятність, мстивість.

Якщо засуджені впертого типу мають позитивну спрямованість, то адміністрації установи доцільно спиратися на їхні організаційні здібності та цілеспрямованість. Як свідчить практика роботи УВП, вони непогано

виконують обов’язки бригадира, майстра, керівника секції самодіяльних організацій чи громадських формувань засуджених.

Засуджені цього типу, але з негативною спрямованістю, особливо лідери, важко піддаються індивідуальному впливові. Звичні засоби тут виявляються малоефективними, тому для їх перевиховання необхідні спеціальні програми корекції поведінки. <..>

<..> Стягнення на засуджених впертого типу з педагогічної точки зору доцільно накладати через певний період після скоєння ними порушення режиму утримання. Практика переконує, що відстрочка покарання впливає на них не менш ефективно, ніж саме покарання, бо афекти, які виникають у таких осіб, довго тримаються і мають тенденцію до акумуляції.

Що стосується виховного впливу на засуджених *демонстративного* типу особисті, то стиль індивідуальної роботи з ними повинен носити рівний та спокійний характер. Для них бажано підбирати такі сфери діяльності, в яких вони змогли б виявити прагнення виразити себе, бути в центрі уваги. їм, наприклад, підходить робота в культурно-масовій секції, художній самодіяльності, де вони можуть знайти застосування своїм артистичним здібностям і отримати визнання. Не слід залучати їх до роботи, пов’язаної з керівництвом людьми (бригадир, майстер, старший днювальний тощо) з причини важкості адаптації цієї категорії засуджених до колективу та надмірної фіксації на власній персоні. Не рекомендується довіряти їм роботу, що пов’язана з матеріальною відповідальністю у зв’язку зі слабким самоконтролем та схильністю в критичних ситуаціях до нервових зривів. На цих засуджених позитивно впливають моральні заохочення за успіхи в праці та побуті. Якщо ж їм оголошується догана, то небажаним є широке інформування про це мікросередовища засуджених, щоб не дати демонстративному типові можливості виділитися. Деколи, щоб звернути на себе увагу інших, вони готові стати на шлях злісних та систематичних порушень режиму. Ефективним способом впливу на цю категорію осіб є моральний примус, що полягає в колективній оцінці вчинків засудженого та

вимозі припинити негідну поведінку під загрозою зміни його соціально-психологічної позиції в колективі. <..>

<..> І, нарешті, остання категорія засуджених цієї класифікації, що відносяться до *безвольного* типу особистості. Брак вольових якостей у них особливо проявляється у навчанні, праці, досягненні життєвих цілей. Вони легко підпадають під вплив інших засуджених. Потяг до задоволення штовхає їх до порушення правил поведінки, що побутують у середовищі засуджених. Безвольні засуджені тягнуться до груп негативної спрямованості, проте боягузтво, брак ініціативи не дозволяє їм здобути авторитету в їхньому середовищі. Тому лідери негативних груп використовують таких осіб для виконання різних доручень. <..>

<..> Індивідуальна виховна робота з різними категоріями правопорушників у практичній діяльності співробітників установ виконання покарань, як правило, починається з вивчення документації, яка характеризує особистість засудженого. Початкові відомості про засудженого концентруються в першій частині його особової справи, де знаходяться такі документи: постанова про обрання виду запобіжного заходу, анкета заарештованого, повідомлення про особистість заарештованого, копія вироку, довідка про наявність чи відсутність минулих судимостей та інші документи. Корисною для вивчення особистості прибулого в УВП засудженого є також його характеристика із слідчого ізолятора, яка міститься в другій частині особової справи. У практиці непоодинокі випадки, коли відомості, які спочатку здавалися позитивними, після більш глибокого вивчення виявляються негативними і навпаки.

Зрозуміло, що в жодній з особових справ не можна знайти вичерпної інформації про особистість засудженого. Вивчення особистості – тривалий і наполегливий шлях. Після глибокого вивчення документації, аналізу незалежних характеристик поведінки засудженого в карантині та на засіданні розподільчої комісії, як правило, проводиться перша ознайомча бесіда начальника загону з засудженими. До основних цілей ознайомчої бесіди

можна віднести такі: налагодження психологічного контакту, отримання додаткової інформації про особистість засудженого, його збережені позитивні соціальні зв'язки та стосунки, з'ясування життєвих планів засудженого, визначення перспектив. Аналіз матеріалів перевірки установ виконання покарань, думок досвідчених працівників колоній, особистих спостережень авторів посібника свідчать про те, що молоді співробітники УВП, особливо ті, котрі не мають спеціальної освіти, допускають багато помилок при проведенні ознайомчої бесіди, а саме: відразу починають з'ясовувати мотиви скоєного злочину, порушень режиму в період перебування в слідчому ізоляторі або, наприклад, спонукають засудженого розповісти, чому в нього розпався шлюб, тобто починають бесіду з неприємної для засудженого інформації. Це не тільки не сприяє налагодженню контакту, але й посилює бар'єри нерозуміння, небажання сприймати ініціатора контакту. Інколи ознайомча бесіда перетворюється на допит або на монолог вихователя з надмірним «моралізуванням». І в першому, і в другому випадку важко розраховувати на відвертість з боку засудженого для отримання достовірної додаткової інформації про його особистість. <..>

<..> Методика контактної взаємодії (встановлення психологічного контакту), запропонована Л. Б. Філоновим і адаптована авторами посібника, передбачає психологічно та педагогічно доцільну роботу з правопорушником, навіть в той час, коли виникають своєрідні бар'єри нерозуміння і несприйняття засудженим ініціатора контакту, пов'язані з настороженістю, напруженістю, тривогою, конфронтацією, опором засудженого. Оволодіння запропонованою методикою передбачає, насамперед, глибоке розуміння і засвоєння кожної з шести послідовно реалізуємих стадій розвитку контакту між людьми. В назвах стадій контактної взаємодії відбивається сутність кожної з них.

І стадія – «Накопичення первинної згоди». Ця стадія передбачає «відкриття спілкування», початкове зняття напруги. Досвідчені

співробітники установ виконання покарань свідчать, що непоодинокі випадки, коли засуджені (як вперше судимі, так і особливо небезпечні) заздалегідь готуються до першої зустрічі з начальником загону, обирають своєрідну лінію поведінки. Це може бути замкнутість, очікування, а може і агресивна поведінка, своєрідний «наїзд» на співробітника УВП з метою діагностики його професійних і моральних якостей, емоційної стійкості. У більшості засуджених напередодні ознайомчої бесіди складається, з одного боку, система очікування, а з іншого – намір протистояти окремим впливам. А тому виникає ціла низка психологічних бар'єрів, насамперед підвищена обережність, контрольованість тощо. Дослідження, що їх проведено в установах виконання покарань, зокрема в виховно-трудових колоніях, показали, що найкращим засобом на початку ознайомчої бесіди є висловлювання, демонстрація з боку співробітника УВП позитивного ставлення до відповідей засудженого та намагання викликати відповідне ставлення з його боку. Якщо засуджений у чомусь декілька разів висловив згоду, це може іноді порушити його початкові «оборонні плани».

Отже, мета цієї стадії в тому, щоб забезпечити якомога більше взаємоузгоджень між учасниками ознайомчої бесіди. Накопичення згоди найкращим чином сприяє усуненню психологічних бар'єрів.

За свідченням досвідних співробітників УВП і результатами особистих спостережень авторів посібника, опитувань, інтерв'ювань засуджених встановлено, що більшість з них готуються до першої бесіди з представником адміністрації колонії, намагаються провести своєрідне діагностування співробітника УВП «на міцність» і тому заздалегідь планують форму своєї поведінки. Іноді вона може бути улесливо-підступною (щоб спробувати схилити працівника колонії до неслужбових зв'язків), іноді – агресивною (щоб залякати або щоб за словами засуджених, «не ліз у душу»). Деякі з них, особливо переведені з виховно-трудових колоній по досягненні повноліття (навіть і ті, котрі характеризувались в ВТК позитивно), своєю агресивною поведінкою на початку спілкування з начальником загону намагаються

«заробити собі авторитет» серед інших засуджених. Психологічно правильна поведінка співробітника УВП під час першої зустрічі з правопорушником, методично грамотна побудова ознайомчої бесіди сприяють нейтралізації негативних задумів засудженого.

Важливими моментами на першій стадії контактної взаємодії є: вибір нейтрального матеріалу для початку бесіди; розмова навколо питань і проблем, з якими не можна не погодитись; «легкість бесіди»; «уникнення протиріч» (намагання провести початок бесіди без заперечень, опору з боку засудженого). <..>

<..> Отже, на стадії накопичення первинної згоди недоцільно ставити засудженому питання, на які можна одержати негативну відповідь, настирливо домагатися відповіді на запитання, неприємні для засудженого, обговорювати проблеми чи ситуації, які викликають у співрозмовника негативний емоційний стан.

На цій стадії не обов’язково домагатися позитивних вербальних (виражених словами) відповідей. Достатньо, щоб засуджений сам для себе внутрішньо погодився з тим, що говорить співробітник УВП. Таким прийомом може бути «вгадування (прочитування) емоційного стану». Наприклад, на ознайомчу бесіду прибув вперше засуджений, присів на кінчик стільця, відповідає на питання тихо, погляд відводить в бік. Доцільно висловити характеристику його стану, з якою б він внутрішньо погодився: «Я розумію. Вам зараз важко, попереду невідомість...». Або інша ситуація – неодноразово засуджений, який декілька разів відбував покарання у вигляді позбавлення волі, на ознайомчій бесіді веде себе впевнено, зухвало посміхається. Вербалізований варіант "вгадування (прочитування) стану може бути приблизно таким: «Я розумію. Ви вже не вперше судимий, в колонії все знайоме для Вас. Зараз, мабуть, дивитесь на мене і думаєте, що ж цей лейтенант із себе уявляє? Так?». Якщо, навіть, засуджений і не відповість ствердувально, то внутрішньо погодиться (звичайно, за умови, якщо буде правильно визначений його стан).

На першій стадії контактної взаємодії доцільним, за свідченням Л. Б. Філонова, може бути прийом «співвіднесених запитань», який полягає в констатації певних переживань або уявлень, що викликають згоду в зв'язку зі спеціальною постановкою запитань (наприклад, коли засуджений явно не бажає спілкуватися, доцільно ставити такі запитання: «Ви, звичайно, не можете зараз про все відверто і докладно говорити?» або «Вам, мабуть, хотілося б, щоб бесіда швидше закінчилася? Чи не так?», тощо). На цій стадії співробітнику УВП бажано «розговорити» засудженого, спонукаючи його до розмови, хоча б на нейтральну тему. Для спонукання засудженого до самохарактеристики в деяких випадках доцільно застосовувати прийом, який умовно можна назвати «підтвердження або спростування астрологічної чи нумерологічної інформації».

Зміст цього прийому достатньо простий. Засудженому пропонується підтвердити чи спростувати характеристику його знаку зодіаку або інформацію, «закодовану» в його імені, даті народження. Це доцільно робити в легкій, невимушеній, а з неповнолітніми засудженими навіть в ігровій формі. Для співробітників УВП не має значення, підтверджується гороскоп чи ні. Найголовніше – спонукати засудженого, підтверджуючи або спростовуючи інформацію, розповідати про себе. В процесі роботи більшість засуджених погоджувалися з позитивними рисами характеру представників свого зодіакального знаку і підтверджували астрологічну «розшифровку» прикладами з власного життя. З інформацією про деякі негативні риси характеру, відмічені в гороскопі, вони погоджувалися не завжди. Намагаючись підтверджувати, спростовувати, заперечувати інформацію гороскопу , засуджені, непомітно для себе були залучені до розмови. Так само можна застосовувати і нумерологічний тест вивчення особистості, а також «тілесні», графологічні й інші тести. Основне завдання при цьому – «розговорити» засудженого.

II стадія – «Виділення й обговорення головних інтересів, особливо тих, які співпадають». Головне завдання цієї стадії – скорочення дистанції між

співрозмовниками, створення основи, своєрідної платформи для психологічного об'єднання. Спільність якого-небудь інтересу саме і є благодатним грунтом для цього. За правильної реалізації стадії співрозмовники стають один для одного джерелами позитивних емоцій. Робота на цій стадії будується так, щоб спільний інтерес був знайдений якомога швидше і щоб він став домінуючим. Основні правила поведінки ініціатора контакту при цьому такі: забезпечення «рівності ролей» співрозмовників; утримання в центрі уваги одного певного інтересу і детальна розмова з цього приводу; позиція зацікавленого слухача; підкреслення того, що в цій сфері бесіди співрозмовник є дійсно компетентним і значущим для іншого. Корисними прийомами впливу на особистість на цій стадії є такі, як «деталізація» (підвищена увага до подробиць), постановка проблеми (вражаючої інформації та її обговорення), «передбачення» (заздалегідь забезпечена готовність до розмови на задану тему), «нарощування» (від індиферентного до все більш зацікавленого ставлення до суджень співрозмовника).

Особливо значущими є теми, пов'язані з інтересом типу «хобі», а також інтересом до власної особи.

III стадія – «Прийняття принципів та якостей, які пропонуються та корисні для спілкування». Головне завдання на цій стадії – виділити, словесно окреслити, визначити ті позитивні, найбільш цінні та провідні особистісні якості кожного зі співрозмовників, які взаємно приймаються як корисні для розвитку контактного спілкування, взаємопідтримки. На основі цього підґрунтя підвищується стійкість взаємостосунків контактуючих осіб.

Правила, які реалізуються на цій стадії, такі: «готовність до прийняття та врахування будь-якого повідомлення», «зворотне повідомлення про себе», «поступове розкриття своїх якостей», «уникання поспішних узагальнень», «послідовність повідомлень». Використовуються такі прийоми, як «формулювання прийнятого», «періодичне підведення підсумків»,

«підкреслення схожості вимог» («Ми з Вами думаємо однаково»), «виправдані чекання» («Я і сам про Вас так думав»), «комплімент».

IV стадія – «Виявлення якостей, небезпечних для спілкування». Ця стадія розрахована головним чином на те, щоб отримати більш повний особистісний портрет співрозмовника, визначити ті його негативні якості, які раніше могли не виявлятися, але властиві йому і в подальшому можуть стати перешкодами для контактної взаємодії. Очевидно, що такі якості є у будь-якого засудженого (також, як і в ініціатора контакту); їх потрібно спеціально виділити, означити, виявити до них оціночне ставлення (але не порушуючи цим довірливості), чим створюються умови для їх «гальмування» в подальшому спілкуванні.

На цій стадії розвитку контакту необхідно реалізувати ряд важливих принципів поведінки, а саме «ініціативи» (коли ініціатор контакту сам починає висловлюватися про свої слабкі сторони характеру і деякі негативні якості), «відвертості» (з однаковою прямотою означуються недоліки як власні, так і співрозмовника), «рівності і рівноправності у спілкуванні», «еквівалентності» (про себе ініціатор контакту повідомляє стільки ж, скільки співрозмовник про себе), «асоціативного поля» (предметом обговорення стають різноманітні негативні якості й їх небезпека – на цьому фоні виникає розмова і про власні негативні для спілкування якості). <..>

<..> V стадія – «Індивідуальний вплив та адаптація до співрозмовника». Типова особливість цієї стадії – специфічний вплив на особливості іншої людини за допомогою зміни власних якостей. Людина «настроюється» на партнера і створює зі своїх якостей своєрідне середовище, до якого той пристосовується.

Таким чином, одна людина для того, щоб керувати іншою та встановлювати сприятливі стосунки, насамперед, регулює свої власні якості, коригує їх прояв і свою поведінку, тим самим впливаючи на партнера. <..>

<..> VI стадія – «Вироблення загальних правил і взаємоспівробітництва».

Для забезпечення найбільш ефективної спільної діяльності, якою є спілкування без психологічних бар'єрів, необхідно прийняти деякі спільні правила, які вироблені обома сторонами і які будуть у подальшому регуляторами спілкування. Цьому і присвячена VI стадія розвитку контактної взаємодії. На ній реалізуються принципи, які сприяють збільшенню довірливості спілкування, взаємної зацікавленості, а саме «спільності мети і завдань», «незавершеності» (з підкреслюванням перспектив подальшої взаємодії), «незалежних виконавців ролей» (кожен повинен виконувати встановлену роль незалежно від того, як виконує свою роль інший). <..>

<..> У процесі встановлення психологічного контакту особливого значення набувають вміння та навички активного вислуховування засуджених. У спеціальній літературі описуються основні прийоми активного вислуховування, які, на перший погляд, є досить простими, але, як свідчить опитування співробітників установ виконання покарань, далеко не завжди застосовуються в практичній діяльності. Ефективність реалізації цих прийомів залежить від правильного розуміння їх сутності, змісту, а також від постійного вдосконалення вмінь їх застосування в процесі спілкування з різними категоріями засуджених.

1. *Недирективна демонстрація зацікавленості*. У назві цього прийому відображається його основна мета – продемонструвати засудженому свою зацікавленість тим, про що він розповідає. Це необхідно для стимулювання продовження діалогу.

Таке своєрідне заохочення до продовження бесіди повинно бути недирективним, тобто не треба на початку розмови оцінювати сказане співрозмовником, давати певні поради, демонструвати свою згоду чи незгоду. На початкових етапах ознайомчої бесіди необхідно тільки показати свою зацікавленість та прихильність. Вербальні (тобто виражені словами) приклади цього прийому можуть бути такі: «Так-так...», «Угу...», «Я розумію», «Будь ласка, продовжуйте...», «Це дуже цікаво...» тощо. Невербальні дії – доброзичливий погляд, голова дещо схилена вбік, незначні

періодичні кивки головою, демонстрація жестів відкритості (розкриті руки долонями догори, іноді доцільно розстебнути кітель) тощо.

У процесі ознайомчої бесіди рекомендується не перебивати співрозмовника, намагатися слухати паузи, а не заповнювати їх. Відомо, що активність слухання коливається. Навіть досвідчений співробітник УВП іноді може не вловити деякі факти з розповіді засудженого, тому доцільно знати і *вміло* застосовувати й інші прийоми активного вислуховування.

2. *Повторення або переформулювання*. Метою цього прийому є не тільки демонстрація з боку співробітника уважного вислуховування засудженого, зацікавленості в бесіді з ним, а, найголовніше, показ того, що вихователь правильно сприймає, розуміє факти з розповіді людини, позбавленої волі. Прийом «повторення» – це, по суті, відтворення того, що сказав співрозмовник. Спеціалісти з проблем активного вислуховування рекомендують при реалізації цього прийому повторювати основні думки співрозмовника, підкреслюючи важливі факти. Як правило, повторення останнього слова або фрази містить в собі згоду і може сприйматися засудженим як схвалення, що спонукає його до подальшої розмови. Прийом «переформулювання» – це спроба співробітника сказати те саме, що й засуджений, але іншими словами. Це можна робити також і у формі запитання, в цьому разі вихователь, по-перше, продемонструє свою зацікавленість, уважне вислуховування, по-друге, отримає ще одну можливість перевірити, чи правильно він зрозумів засудженого.

Вербалізувати цей прийом можна такими прикладами: «.. .тобто Ви вирішили...», «Якщо я правильно розумію, до скоєння злочину Ви...», «Іншими словами, Ви намагалися...» тощо.

На перший погляд ці рекомендації здаються банальними. Але повторення і переформулювання – непоганий спосіб перевірити себе, чи правильно Ви зрозуміли засудженого, впевнитися в тому, що Ви знаходите взаєморозуміння зі співробітниками. <..>

<..> 3. *Розуміння та віддзеркалювання емоційного стану засудженого.* Метою цього прийому активного вислуховування є показ засудженому, що співробітник колонії не тільки уважно слухає, сприймає факти, а й розуміє почуття людини, позбавленої волі, а також її емоційний стан в ситуаціях, про які розповідає співрозмовник.

Активно вислуховувати засудженого – це значить розуміти значущість його проблем, відчувати його біль, страждання. Але спробувати поставити себе на місце людини, позбавленої волі, необхідно зовсім не для того, щоб пожаліти її, виправдати минулі злочини, це потрібно для розуміння мотивів, почуттів співрозмовника, що допоможе працівникові УВП правильно визначити програму подальшого виховного впливу. Засуджений в процесі ознайомчої бесіди може і не розкривати своїх почуттів, ставлення до певних фактів. Але професіональний пенітенціарист повинен слухати не тільки слова, але й розуміти тон, модуляцію голосу засудженого, звертати увагу на міміку, жести, позу засудженого, а також уміти демонструвати розуміння його почуттів. <..>

<..> 4. *Узагальнення.* Мета цього прийому – ненав'язливо підсумувати все те, що було з'ясовано в процесі діалогу. Співробітнику УВП необхідно узагальнити основні думки та почуття співрозмовника. Вербалізувати цей прийом можна такими прикладами: «Якщо я правильно розумію, Ви відчуваєте з цього приводу...», «Мабуть, із усього того, що Ви розповіли, найголовніше...», «Отже, якщо я правильно зрозумів, Ви...», тощо. Застосовуючи цей прийом активного вислуховування, необхідно повторювати, «віддзеркалювати» та узагальнювати основні думки та почуття засудженого, з тим, щоб закласти фундамент до подальшого спілкування. Недоцільно в процесі ознойомчої бесіди перебивати співрозмовника, на свій розсуд різко змінювати тему бесіди, робити непродумані висновки. <..>

<..> Наведені прийоми активного вислуховування не складні для сприйняття, але ефективна їх реалізація залежить від постійного тренування в процесі спілкування з різними засудженими.

При організації індивідуального впливу на засуджених, зокрема, під час ознайомчої або формуючої бесіди, пенітенціаристу, як і кожному співробітникові правоохоронних органів, який працює в системі «людина – людина», необхідно володіти навичками візуальної діагностики. <..>

<..> Знання розглянутих типологій засуджених, методики встановлення психологічного контакту дозволяє практичним співробітникам установ виконання покарань глибше пізнати психологію конкретного засудженого, скласти його психологічний портрет, зробити прогноз ймовірної поведінки при відбуванні покарання і на основі цієї інформації застосувати розроблені психолого-педагогічною наукою та апробовані на практиці ефективні програми та методики індивідуалізованого виховного впливу на засуджених з метою їх виправлення та подальшої інтеграції у суспільство. <..>

Шиханцов Г. Г.

Адаптация осужденных к условиям лишения свободы // Юридическая психология. – М.: Зерцало, 1998. – С. 310-316

<..> Быстрая и коренная ломка жизненных планов, образа жизни путем социальной изоляции порождает у человека комплекс специфических проявлений, называемых «синдромом лишенного свободы» («тюремным синдромом»). Преодолеть эти тягостные состояния осужденный может путем адаптации, приспособления к новым правилам и нормам общежития, к новым условиям жизнедеятельности.

Процесс адаптации связан с адаптивной ситуацией, которая возникает в связи с произошедшими изменениями в социальной среде или переходом личности из одной социальной среды в другую, чем-либо для нее новую, когда привычные шаблоны поведения, стереотипы восприятия, установки личности становятся малоэффективными или недейственными (ненужными). Осужденному по крайней мере трижды приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспосабливаясь: к

требованиям режима отбывания наказания, к условиям труда, среде осужденных, жизни и быту в исправительных учреждениях. <..>

<..> Успешность процесса адаптации к условиям лишения свободы зависит от ряда факторов: понимания смысла и необходимости правоограничений, которым человек подвергается; осознания серьезности своего нового положения; включения в деятельность для поиска путей, которые могли бы законным способом облегчить положение; влияния других осужденных. <..>

<..> Осужденные адаптируются к условиям социальной изоляции адекватным или неадекватным образом. Основными признаками адекватной реакции являются: соответствие поведения осужденного реальной информации о перспективах его пребывания в местах лишения свободы; соблюдение им режима отбывания наказания, требований администрации; способность контролировать свое поведение и эмоции. Для неадекватной (патологической) реакции характерно проявление психопатологических признаков у лица, считавшегося до осуждения психически здоровым.

Нормальная адаптация характеризуется таким психическим состоянием осужденного, которое ничем существенным не отличается от обычного для него состояния до лишения свободы. Лицо объективно оценивает свой статус, прогноз дальнейшего пребывания в исправительном учреждении; он включен в активную коллективную жизнь, трудится, учится в школе, участвует в самодеятельности. У него отсутствует внутреннее сопротивление воспитательным воздействиям.

Встречаются осужденные, на которых лишение свободы не оказывает психотравмирующего воздействия. Для них колония стала «родным домом»: требования режима не являются новыми, требования воспитателей воспринимаются с позиций целесообразного конформизма.

Неадекватные реакции характеризуются возникновением и проявлением под влиянием лишения свободы у ранее психически здоровых осужденных дезадаптивного поведения. А. Д. Глоточкин и В. Ф. Пирожков

сюда относят фобии, тревожно-депрессивные, негативно-депрессивные и негативно-истерические реакции.

Клаустрофобическая реакция проявляется в боязни закрытого пространства – камеры следственного изолятора или тюрьмы. При нахождении в камере эти лица проявляют двигательное беспокойство, на прогулках – повышенную двигательную активность. Указанные реакции более выражены у сельских жителей.

Тревожно-депрессивная реакция проявляется в преобладании угнетенного, подавленного настроения, чувства безнадежности, отчаяния, пессимистического отношения к жизненным перспективам: «жизнь кончилась», «жизнь загублена». Такие осужденные отличаются раздражительностью, тревогой за оставленную семью, беспокойством за «незавершенные дела» на свободе. У них часто наблюдаются нарушения сна, длительная бессонница, тоска по дому.

Негативно-депрессивная реакция характеризуется наличием всех вышеуказанных признаков в сочетании с внутренним негативным отношением к факту лишения свободы, непризнанием себя виновным, отсутствием раскаяния за содеянное, нарушением режима отбывания наказания, игнорированием указаний и требований воспитателей, отсутствием установки на исправление при внешне подавленном настроении, апатии и безразличии.

Негативно-истерическая реакция проявляется в демонстративно-негативном поведении, стремлении привлечь к себе внимание окружающих как к лицу, «невинно пострадавшему от правосудия». Для значительной части таких лиц характерно стремление к сутяжничеству, жалобам на неправильное отношение со стороны следователей, суда, воспитателей, администрации колонии. Отличительной чертой указанных лиц является эгоцентризм, бравада своим преступным прошлым с целью завоевать авторитет у других осужденных, подчинить их себе.

Выделяются определенные фазы (стадии) адаптации осужденных к условиям лишения свободы.

Особенно ответственной является фаза первоначальной адаптации вновь прибывшего осужденного, когда он сталкивается с многочисленными трудностями, новыми требованиями к его поведению. Сумеет ли он адаптироваться к особым условиям, найдет ли друзей, как отнесутся к нему воспитатели, какую работу ему поручат на производстве в исправительном учреждении – все эти вопросы требуют от осужденных немедленного ответа, вызывают состояние тревоги, снижают настроение, нарушают сон.

Первоначальная фаза – общей ориентировки. Она состоит в том, что прибывший в исправительное учреждение осужденный на месте знакомится с условиями отбывания наказания, выявляет степень соответствия фактической ситуации той информации, которую он получил в период пребывания в следственном изоляторе и в ходе психологической подготовки. Степень его ориентированности зависит от источников информации, т. е. тех осужденных – «старожилов» и воспитателей, которые его опекают с первых дней.

«Общая ориентированность» является предпосылкой формирования определенного отношения осужденного к режиму отбывания наказания, представителям администрации и воспитателям, к конкретным лицам и группам осужденных, т. е. к тому, что называется осознанием себя членом определенной общности («мы») и противопоставлением себя всем остальным общностям («не мы»).

Нередко осужденные, напуганные «бывалыми» преступниками, начинают с опаской и недоверием относиться к требованиям администрации исправительного учреждения. Это ведет к возникновению психологического барьера между воспитателями и осужденными, создает определенные трудности для правильного поведения осужденных.

Примерно через 5 – 6 месяцев пребывания в исправительном учреждении наступает вторая фаза адаптации – фаза нивелировки, когда

личностные реакции осужденных на факт социальной изоляции нивелируются. Осужденные приобретают устойчивый «синдром лишенного свободы», который делает их как бы похожими друг на друга («все на одно лицо»), что проявляется в походке, в мимике, жестах, в отношении к воспитателям и т. д. В дальнейшем в личностной динамике осужденного стабилизируются две тенденции: первая состоит в успешном завершении приспособления к условиям социальной изоляции. Вторая характеризуется углублением и нарастанием негативных изменений в личности, их закреплением, что препятствует успешной адаптации к условиям лишения свободы, а следовательно, исправлению и перевоспитанию.

Третья фаза – фаза завершения адаптации, когда осужденный ставит перед собой цели, которые он стремится реализовать в новых условиях. В основной период пребывания в исправительном учреждении происходит адаптация к последствиям социальной изоляции, когда осужденный начинает жить настоящим, надеждой на будущее.

Адаптация осужденного будет проходить успешнее, если воспитателям удастся снять его внутреннее сопротивление новым требованиям <..> Определенное значение имеет степень различия между новыми и старыми требованиями. Как правило, осужденные, направляемые для отбывания наказания в исправительном учреждении, быстрее адаптируются к условиям общего режима и значительно труднее – к условиям особого режима или тюрьмы. <..>

Шиханцов Г. Г.

Социально-психологическая характеристика общности осужденных // Юридическая психология. – М. Зерцало, 1998. – С. 317-322

<..> Отличительной особенностью жизни осужденных в исправительном учреждении является то, что они объединяются в так называемые малые группы, которые возникают стихийно. Малые группы имеются в любом коллективе, на всех стадиях его развития. В исправлении и

перевоспитании осужденных они играют особую роль: в них с особой силой действуют механизмы подражания, внушения, соперничества и самоутверждения, что нередко оказывает решающее влияние на поведение осужденных. <..>

<..> Малым группам осужденных присущи следующие особенности:

- как правило, они создаются стихийно, а не по воле и желанию администрации;

- микрогруппы взаимодействуют друг с другом по-разному (от дружбы до прямой вражды);

- в них существует иерархическая структура отношений и зависимостей («система ролей»);

- члены группы обычно совместно питаются, делят между собой получаемые посылки, продукты, купленные в ларьке;

- в группах хорошо поставлена информация;

- для них характерно избирательное отношение к «своим» и «чужим»;

- в каждой группе действуют свои ценности и ориентации, имеет место групповая убежденность.

Малые группы осужденных имеют разную численность, устойчивость и направленность. Их деятельность может отвечать требованиям коллектива и задачам исправительного учреждения, не соответствовать и даже противоречить им. Следовательно, нельзя считать, что малая группа всегда является злом. Воспитателю в любом случае важно учитывать отношения, складывающиеся в этих группах и между группами, их отношения с коллективом, психологические явления в них и использовать эти знания в интересах дела.

Особое место в исправительном учреждении занимает малая группа, которая получила в специальной литературе название «семья». Под «семьей» понимается стойкая группа, состоящая из двух и более осужденных, объединенная общей системой взглядов, интересов и традиций, определяющих их поведение и направленность действий. <..>

<..> Исследования показали, что в «семи» объединяется до 80% осужденных в колониях общего и усиленного режима и до 90% в колониях строгого режима. Права и обязанности членов «семьи» не имеют четкой регламентации и определяются, в первую очередь, неписаными нормами и правилами поведения, личностными качествами и авторитетом ее членов. Практика показывает, что «семьи» состоят от двух до семи человек. <..>

<..> При водворении в штрафные изоляторы осужденными собираются предметы и вещи, разрешенные к использованию в данных помещениях. <..> члены «семьи» стараются оказать помощь осужденным путем передачи запрещенными способами (подкуп представителей администрации, преодоление линий охраны и т. д.) сигарет, спиртных напитков, наркотических средств и т. д. Это явление в среде осужденных получило название «греть бур».

По отбывании наказания и возвращении «чиновника» в обычное жилое помещение члены «семьи» подготавливают для него продукты питания, чай, новую одежду и другие вещи и предметы в зависимости от направленности группы. Такие действия «семьи» называются «встречей». Если «сім'я» лидирует в среде осужденных, то во «встрече» участвует большое количество осужденных. Но их участие ограничивается лишь передачей определенных материальных благ. Такие действия осужденными отрицательной направленности окружаются ореолом тюремного братства. Те же осужденные, которые по каким-либо причинам отказываются участвовать во «встрече», подвергаются гонениям не только в местах лишения свободы, но и после освобождения. <..>

<..> Деятельность малой группы немыслима без лидера. Основными факторами, предопределяющими выдвижение осужденного в лидеры, являются: высокий интеллект, организаторские способности, высокий уровень общительности и активности, богатый прошлый, как правило, преступный, опыт, физическая сила и т. д. Большое значение для лидера имеют также такие факты из его биографии, как длительность срока

наказания, число прежних судимостей, совершение группового преступления.

В функции лидера входит: планирование деятельности микрогруппы, координация всех ее действий, представительство «семьи» в отношениях с другими группами, контроль за поведением членов группы, их поощрение и наказание, осуществление функции «арбитража».

В зависимости от ценностной ориентации неформальных групп, их идейной и нравственной направленности различаются:

- группы с положительной направленностью, отличающиеся различной степенью социально-позитивной активности (активные и пассивные);

- группы с неопределенной (нейтральной) направленностью, неустоявшимися ценностями и несформировавшимся внутригрупповым «кодексом»;

- группы с отрицательной направленностью, которая может быть как открытой, так и скрытой.

Группы с положительной направленностью включают в себя осужденных, которые полностью осознают свою вину в совершенном преступлении и искренне раскаиваются в нем. Они характеризуются позитивным отношением к требованиям режима отбывания наказания, желанием добросовестно работать и учиться. Они самостоятельны и инициативны, участвуют в самодеятельных организациях исправительного учреждения, в нравственном отношении менее запущенны (положительно реагируют на замечания, четко различают добро и зло), их поведение не зависит от отрицательного влияния среды. У большинства из них происходит переоценка ранее значимых ценностей, восстановление положительных качеств. Осужденные такой группы активно помогают мастеру, критикуют нерадивых, переживают, если кто-то не выполняет норму выработки. Вместе с тем у некоторых осужденных бывают срывы в поведении, хотя и кратковременного и незлостного характера.

К указанной группе осужденных примыкают так называемые «пассивные» с положительной направленностью. Они считают своим долгом добросовестно трудиться, не нарушать режим отбывания наказания, но в то же время склонны уклоняться от участия в работе самодеятельных организаций, от активного сотрудничества с работниками исправительного учреждения. К нравственным нормам они относятся избирательно, принимая в основном те, которые затрагивают их лично.

Группы с неопределенной (нейтральной) направленностью характеризуются тем, что их поведение зависит от ситуативных влияний среды. В положительной среде они ведут себя позитивно, в отрицательной – становятся на сторону нарушителей. В условиях группового давления не могут отстоять свое мнение, действовать самостоятельно. Их изменчивое беспринципное поведение граничит с утратой собственной нравственной позиции. Трудятся и учатся такие осужденные без усердия, стараются по возможности уклоняться от поручений воспитателей. Эти лица в основном руководствуются материальными соображениями, у них нет осознанных и ясных целей, перспектив, конкретных жизненных планов.

Группы с отрицательной направленностью включают в себя осужденных:

- придерживающихся «воровских традиций и законов»;

- связанных стремлением к какому-либо типичному нарушению режима (например, употреблению спиртных напитков);

- знавших друг друга до суда как соучастников преступления или по совместно отбываемому ранее наказанию;

- объединенных какими-либо ошибочными взглядами и убеждениями (религиозными, обывательскими) или сходством отрицательных интересов (например, игрой в карты).

Члены таких групп открыто высказывают и демонстрируют негативное отношение к активистам, к режиму отбывания наказания, труду, учебе, воспитательным мероприятиям, но чаще всего они действуют исподтишка.

Своих участников, нарушивших внутригрупповой «кодекс», они подвергают таким санкциям, как шантаж, клевета, оскорбление, провокации, избиения.

При слабой дисциплине в исправительном учреждении отрицательно направленные группы могут распространять свое влияние на весь коллектив осужденных и вести к его разобщению. В условиях исправительного учреждения они являются средой и основным рассадником преступной субкультуры, воровских традиций. <..>

<..> Особенностью групп осужденных отрицательной направленности является четкое осознание целей сообщества, наличие элементов круговой поруки и взаимопомощи, стратификация (деление на «касты», слои, группы) осужденных, занимающих различное положение и наделенных разными «правами» и «обязанностями» в системе неформального общения.

Во главе данной иерархической системы находятся «воры в законе», которые получают это звание (титул) на «воровской сходке». Принимаются в данную касту лица, отличающиеся жестоким характером, преступным опытом, знанием уголовных «законов», пользующиеся авторитетом в преступном мире. «Ворами в законе» также могут объявляться лица, не отвечающие вышеуказанным требованиям, но располагающие крупными денежными средствами и поддерживающие преступный мир взносами в «воровскую кассу». Всем им присущи такие знаки воровской власти и авторитета, как татуировки в виде распятия на груди, орла с распростертыми крыльями, офицерских погон и др. <..>

<..> «Воры в законе» обязаны общаться только с осужденными, которые входят в элиту преступного мира; все действия, идущие вразрез с законодательством, осуществлять через посредников; подрывать авторитет администрации и актива осужденных, не обращаться к ним за помощью; организовывать карательные акции в отношении осужденных, которые нарушили неформальные нормы и традиции.

«»Воры в законе» оказывают разлагающее влияние на молодых правонарушителей, рекламируя свой образ жизни, который позволяет, не

работая, незаконным путем получать многочисленные материальные блага. Традиционной обязанностью «вора в законе» является подготовка в течение трех лет из молодого преступника кандидата на титул «вора в законе».

На ступень ниже «воров в законе» стоят лица, приближенные к ним, их так называемый резерв, из которого подбираются кандидаты на возведение в ранг «вора в законе». Они именуются «козырными фразерами». В некоторых регионах их также называют «блатными», «шерстяними». Они имеют довольно высокий статус в преступном мире, но в отличие от «воров в законе» не имеют права распоряжаться средствами из «общака», созывать «воровские сходки» и участвовать в них с правом решающего голоса. «Козырным фраером» может стать только лицо, совершающее «престижне» преступления, такие, которые требуют определенных практических навыков, смекалки, опыта. Необходимым условием является соблюдение преступных традиций и обычаев.

Указанная категория лиц организует преступные группировки, члены которых отличаются особой жестокостью, отсутствием чувства сострадания. Они крайне озлобленны, мстительны, активно пропагандируют свои антисоциальные взгляды. Создавая такие группировки, они прежде всего думают о своих узколичных интересах: об усилении власти и завоевании титула «вора в законе».

В группах отрицательной направленности всегда имеются осужденные, которые следят за исполнением норм поведения. Они не отличаются большим интеллектом. От них требуется только одно: четко исполнять чужую волю. Осужденные, относящиеся к данной категории, по различным причинам не способны сами стать лидерами и поэтому, достигая определенного статуса, готовы выполнять любое распоряжение лидера (вплоть до уничтожения любого осужденного), чтобы удержать завоеванные позиции. Эта категория осужденных получила название «пристяжь». В зависимости от того, в каком направлении действуют лица, входящие в категорию «пристяжь», они подразделяются на «шестерок»,

осуществляющих сбор продуктов, денег в «общак» и выполняющих разного рода черновую работу; «громоотводов», берущих на себя вину за совершенное лидером преступление; «быков», выполняющих карательные функции. Все они обирают слабых, заставляют тех, кто не в состоянии дать отпор, выполнять за себя работу.

Следует отметить, что хотя «пристяжь» цепко держится за свое положение в преступной среде, но жизнь ее незавидна, ей приходится лавировать между администрацией исправительного учреждения и лидерами преступных группировок: и те и другие, как известно, за нарушение соответствующих норм применяют санкции. Санкции же преступного мира намного жестче, и поэтому «пристяжь» любыми способами (вплоть до совершения насильственных преступлений) старается уйти от немилости лидеров. Чаще всего гнев «авторитетов» вызывает нерасторопность «шестерок», в результате которой они подвергаются задержанию представителями администрации и у них изымается что-либо, предназначенное для передачи тем или иным лицам. В этих случаях «шестерки», зная, что по возвращении в жилое помещение их ждет расправа (в зависимости от значимости изъятого имущества), идут на любые ухищрения, чтобы вернуть изъятое. Здесь и просьбы, и угрозы, и обман, и сообщение фактов о совершении другими лицами малозначительных правонарушений, сообщение ложных сведений о якобы готовящихся преступлениях и т. д. Чаще всего это им не удается, и тогда они пытаются уже лавировать перед лидерами, доказывая, что факт изъятия в данном случае был неизбежным. От убедительности доказательства зависит дальнейшее существование данного лица. Лучшим исходом в этом случае будет банальное избиение, худшим – перевод в разряд «отверженных» либо смерть.

Самую многочисленную категорию современного уголовного мира образуют «мужики». «Мужики» – своеобразный преступный нейтралитет, самая обособленная часть современной уголовной среды. Во всем, что

касается соблюдения преступных традиций и обычаев, они стараются проявлять независимость. Они живут «сами по себе», никого не притесняя и никому не прислуживая. В характере их бывшей преступной деятельности трудно выделить какую-либо специфику.

Среди «мужиков» есть и такие, которые тяготеют к «авторитетам». Они частично придерживаются преступных традиций и обычаев, прислушиваются к мнению «воров в законе», нередко идут к ним за советом, а в необходимых случаях обращаются с просьбой о помощи. Такие «мужики», чтобы не уронить свой авторитет в уголовной среде, совершают отдельные незначительные проступки, иногда конфликтуют с представителями администрации по несущественным поводам. Внешне же стараются выглядеть независимыми. Эту категорию образуют в основном молодые преступники. В некоторых регионах их называют «парнями». «Воры в законе» относятся к данной разновидности «мужиков» в основном благосклонно, не притесняют, иногда оказывают помощь в решении каких-либо вопросов.

На низшей ступени преступной иерархии находятся так называемые «обиженные». В среде осужденных они именуются по-разному: «отверженные», «петухи», «козлы», «мастевые». Эту категорию составляют большей частью пассивные гомосексуалисты, лица, не выдержавшие камерных испытаний, а также окончательно опустившиеся, всеми гонимые и забитые. <..>

<..> Большей частью «обиженные» стараются скрыть свое положение. Однако некоторые бравируют таким титулом, специально надевают женскую одежду, присваивают себе женские имена, овладевают женскими манерами поведения и т. д.

Положение этой категории в местах лишения свободы крайне незавидно. «Обиженные» отличаются от основной массы осужденных затравленным выражением лица, неопрятным внешним видом. Эти люди вне закона, они отвергаются не условно, а на самом деле. У них отдельные

спальные места в неуютном месте – в углу у выхода из казармы (в следственном изоляторе – на нарах, ближайших к отхожему месту, «параше»), свой стол в столовой, свои места в клубах учреждений. Их миски и ложки маркируются, чтобы ими не пользовались осужденные других категорий. Спят они чаще всего без постельного белья. Кто угодно в любое время дня и ночи может безбоязненно оскорбить такого осужденного, ударить. И делается это часто без всякой причины, просто из желания отобрать у него продукты, вещи, заставить выполнять за себя черную работу. Их используют для проноса, провоза в жилую зону запрещенных предметов. Неформальные нормы в регулировании отношений с данной категорией осужденных наиболее жесткие. С ними запрещено разговаривать на равных, брать сигареты и угощать их, оказывать помощь и т. д. Проявление малейшего сочувствия к этим лицам не просто не поощряется, но крайне опасно, так как может при определенных обстоятельствах послужить причиной для перевода самого сочувствующего в группу «обиженных».

Указанный оскорбительный статус закрепляется за определенным человеком практически на весь срок пребывания в местах лишения свободы, и изменить это положение невозможно. Ярлык «отверженного» следует за ним при переводе в другое исправительное учреждение, при помещении в больницу, а очень часто и после выхода на свободу. Не случайно некоторые отвергнутые, сознавая безысходность и трагизм своего положения, убивают своих обидчиков или совершают побег. Следует отметить, что в группах «обиженных» в свою очередь происходит расслоение и на низшую ступень опускаются самые слабые и неприспособленные, презираемые и самими «обиженными», которые стоят над ними на социальной лестнице. Последние могут даже распоряжаться первыми, например, могут «выдать» пассивных гомосексуалистов преступным «авторитетам». <..>

Ушатиков А. И., Козак Б. Б.

Психологические особенности осужденных, обусловленные их возрастом и полом // Основы пенитенциарной психологии. – Рязань, Академия права и управления Минюста России, 2001. – С. 252-264

<..> Возрастные и половые особенности осужденных учитываются судом при организации отбывания наказания, определении вида и типа исправительного учреждения с целью дифференциации воспитательного воздействия на них. Различают следующие возрастные группы правонарушителей: подросткового, юношеского, молодежного, зрелого, пожилого и старческого возраста. Следует отметить, то границы возраста подвижны и изменчивы.

Возраст – это ступень психического развития индивида и его развития как личности, характеризуемая совокупностью закономерных физиологических и психологических изменений.

Пол включает в себя два комплекса признаков:

биологический – совокупность контрастирующих генеративных признаков особей одного вида;

социальный – комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины.

Особенности мужчин и женщин определяются не только универсальными биологическими различиями, но и дифференциацией мужских и женских социальных ролей, разделением труда в зависимости от пола, неодинаковым воспитанием мальчиков и девочек. Наиболее значимыми являются различия в темпах физического развития и созревания. Существуют особенности женщины как матери.

Многие половые различия вообще не поддаются измерению, поскольку являются не столько количественными, сколько качественными. Тестовые измерения мужских и женских качеств весьма условны, а используемые шкалы мужественности – женственности представляют собой относительно самостоятельные параметры. <..>

<..> Некоторые преступления свойственны преимущественно тому или иному возрасту, но это еще не значит, что возраст в этих случаях выступает как причина преступлений. Возраст связан с характером преступления и криминальной активностью. Наиболее криминогенный возраст <..> 16-17 лет. <..> Среди причинивших тяжкие телесные повреждения, совершивших умышленные убийства, кражи всех форм преобладают лица молодежного и зрелого возраста, среди совершивших изнасилования, разбои, угоны, хулиганство – несовершеннолетние и лица молодежного возраста. Умышленные тяжкие телесные повреждения совершают, как правило, осужденные в возрасте до 40 лет. При этом возрастные группы 18-24 года, 25-29 лет и 30-39 лет являются в равной степени криминогенными. <..>

<..> Агрессивность, отчужденность, импульсивность, асоциальность, высокая чувствительность и другие качества чаще обнаруживаются у лиц, совершивших грабежи, разбойные нападения, изнасилования, чем у совершивших кражи. Их агрессивные действия можно расценивать как защиту с помощью нападения.

В местах лишения свободы широко распространен гомосексуализм. Он может быть мужской и женский. <..> К мужскому относятся эфебофилия – влечение к юношам, подросткам и андрофилия (андромания) – к взрослым мужчинам. Женский гомосексуализм называют лесбиянством (лесбийской любовью) или сафизмом (по имени древнегреческой поэтессы Сафо, жившей в VI в. до н.э. на острове Лесбос и воспевшей эту форму любви). В зависимости от объекта влечений различают корофилию – влечение к девочке, партенофилию – к девушке, гинекофилию – к взрослой женщине и граофилию – к старухе.

Гомосексуальные связи в местах лишения свободы имеют временный характер и распадаются при расхождении партнеров.

Гомосексуалы отличаются от обычных людей направленностью либидо. Остановимся на женском гомосексуализме. Пассивные лесбиянки сохраняют типично женскую внешность, манеру одеваться, хобби, в то время

как активные имеют мужеподобное телосложение, грубые черты лица, низкий голос, одеваются по-мужски. Преследование и осуждение гомосексуализма обусловливает необходимость скрывать гомосексуальные наклонности и часто менять партнеров .

Постоянный страх разоблачения приводит к неврозам и депрессиям среди осужденных-гомосексуалистов, затруднению их социальной адаптации. Между тем запрещение (разрешение) гомосексуализма не влияет на его распространенность.

Гомосексуальные связи обусловливают конфликты в среде осужденных, развращают молодежь, приводя к распространению венерических заболеваний и СПИДа. <..>

<..> В воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года. В основном это несовершеннолетние правонарушители юношеского и подросткового возраста (16-17 лет) и 14-15-летние подростки, осужденные за тяжкие преступления. К последним ранее уже применялись различные меры административного воздействия, но они не дали положительных результатов.

В подростковом возрасте формируются моральные основы, социальные установки, вырабатывается отношение к различным моральным и правовым запретам, ведется поиск «пределов допустимого в поведении» (Л. Б. Филонов). В то же время он характеризуется дисгармонией социально-нравственного и физического созревания, повышенной возбудимостью, неуравновешенностью, преобладанием возбуждения над торможением. Указанные особенности типа нервной системы могут обусловливать нарушения дисциплины, общественного порядка, норм уголовного закона. <..>

<..> У многих подростков отмечается моральное иждивенчество, отставание формирования чувства долга и гражданской зрелости,

инфантилизм, несоответствие внешних форм поведения и внутренних глубинных процессов. Не желая ничем не отличаться от взрослых по поведению, они курят, употребляют спиртное, занимаются сексом. При этом стремление к независимости приобретает у них извращенный характер. В их среде культивируются жестокость, бессердечие, цинизм, сила.

Самовоспитание у подростков-делинквентов имеет отрицательную направленность, а в основе общения лежат круговая порука и ложный героизм. Познавательные интересы у подростков-правонарушителей либо не развиты, либо утрачены, либо приобрели криминальную направленность. <..> Многие воспитанники юношеского возраста не умеют сопротивляться трудностям, ограничивать свои потребности. Это вызвано тем, что на свободе родители их оберегали от неприятностей, внушали, что перед ними открыты все дороги. Не имея возможности удовлетворить свои завышенные запросы честным путем, некоторые встают на путь преступлений. Гипертрофия потребностей проявляется и в колонии, побуждая воспитанников к совершению нарушений режима.

Общение в преступной среде порождает противоречивость взглядов, суждений, оценок, неверное толкование нравственных понятий. <..>

<..> Многим воспитанникам свойственна неадекватная самооценка. Они нередко стремятся любыми средствами обратить на себя внимание, демонстрируют свое превосходство над другими. Неспособность критически оценивать себя приводит к тому, что они не видят необходимости преодолевать отрицательные качества и привычки, бравируют преступлением, перекладывают вину на других. <..>

<..> Среди осужденных подросткового и юношеского возраста выделяются инфантильные воспитанники. Они беспечны, беззаботно относятся к режиму, учебе и своему будущему, для них характерны поверхностность суждений, нарушение сдерживающих механизмов при исполнении личных желаний, недоразвитость чувства ответственности. <..>

<..> Совершению несовершеннолетними преступлений, как правило, предшествуют нарушения поведения (уклонение от учебы и труда, злоупотребление спиртными напитками, ранняя половая жизнь и девиация сексуального поведения, проявление агрессии, аутоагрессии и др.). Этому в немалой степени способствуют акцентуации характера. Так, эпилептоидная акцентуация в случае раннего употребления алкоголя предрасполагает к развитию хронического алкоголизма, истероидная в стрессовых ситуациях – к аффективным реакциям демонстративного типа, сензитивная – к развитию фобического невроза, циклоидная и эмоционально-лабильная – к психогенным депрессивным состояниям.

Социальная изоляция – сильнейший фрустрирующий фактор для несовершеннолетних правонарушителей, способствующий развитию агрессивности. Многие воспитанники имеют психологическую предрасположенность к агрессивному поведению. Например, к участию в драках многих побуждает сама среда колонии, культ силы как способ самоутверждения. Агрессия может быть мотивом защитной реакции (отстоять свой статус, избежать репутации «слабака»).

Отношение воспитанников к своим недостаткам зависит от норм и ценностей, преобладающих в данной группе. Исходя из степени самокритичности, отношения к своим недостаткам, понимания необходимости работать над собой. И. И. Купцов выделяет следующие группы воспитанников:

- знающие свои недостатки, стремящиеся их устранить, знающие пути их преодоления и умеющие их преодолеть;

- осознающие свои недостатки, стремящиеся их ликвидировать, но не знающие, как это сделать;

- знающие свои недостатки, но не стремящиеся их ликвидировать;

- ошибочно считающие свои недостатки достоинствами, поэтому не видящие необходимости их ликвидировать;

- безразлично относящиеся к своим недостаткам;

- знающие свои достоинства, но не способные полностью их реализовать. <..>

<..> Несовершеннолетие правонарушители по-разному относятся к отбыванию наказания, что обусловлено как их криминальным опытом, так и личностными качествами.

Наиболее типичными состояниями в период следствия и начальный период отбывания наказания в колонии являются ожидание, тоска, безнадежность, отчаяние, фрустрация. <..>

<..> Такое безразличие делает воспитанника невосприимчивым к воспитательным воздействиям. Несовершеннолетние правонарушители группируются, активно ищут общение, которое отвечало бы их интересам, установкам и ценностным ориентациям, обеспечивало им личную безопасность и защиту в группе.

В этой связи одни воспитанники стремятся занять высокий статус в отделении, отряде, колонии и демонстрируют знание тюремных правил, обычаев и традиций, пропагандируют колонистскую романтику, волевые качества, нарушают режим. Соблюдение несовершеннолетними осужденными тюремных традиций и обычаев закрепляет искаженные нравственные ценности, интересы и ценностные ориентации. Других несовершеннолетних отличает повышенная внушаемость, инфантильность поведения, третьих – забитость, конформизм, психические отклонения, из-за которых над ними постоянно издеваются.

При этом та или иная активность несовершеннолетних правонарушителей связана с чувственным влечением к какому-либо делу (объекту). Как только оно теряет привлекательность, наступает спад активности и дело доводится до конца только при контроле (неоднократном напоминании, требовании, наказании или поощрении).

Повышенная восприимчивость и впечатлительность, высокая подверженность воздействию усугубляются разнородными по

направленности влияниями среды осужденных, сотрудников колонии, родителей (родственников), друзей на свободе.

У несовершеннолетних осужденных неоднозначное отношение к родным и близким: это могут быть обида, злость, враждебность, агрессивность, обвинение их в случившемся, раскаяние. <..>

<..> Отношение к преступлению и наказанию обусловливается криминальным опытом, личностными качествами, системой ценностных ориентаций. Общение несовершеннолетних осужденных подросткового и юношеского возраста в колонии происходит ради общения. Как правило, оно малоинформативно, поскольку сводится к рассказам об увиденных в фильмах погонях, драках, порнографии, а также развлечениях на свободе. Резко возрастает значимость криминального общения (жаргон, условные связи, татуировки, клички). Таким образом, узкогрупповой характер еще больше нарушает нормальное соотношение сфер общения, ограничивая его неформальным. <..>

<..> Нередко у несовершеннолетних подросткового и юношеского возраста появляется установка жить одним днем. Они рассчитывают на то, что в дальнейшем все само собой образуется. Этим обстоятельством, а также неустойчивостью мировоззрения подростка и юноши, слабостью воли и противоречивостью характера во многом обусловливается отсутствие у них намерения позитивного изменения своей личности. Именно поэтому несовершеннолетние осужденные больше, чем другие возрастные категории в местах лишения свободы, нуждаются в психолого-педагогической помощи. <..>

<..> Молодежный возраст – это особый период, когда завершается формирование личности, появляется способность правильно воспринимать реальность и критически оценивать свои поступки. В то же время на поведение личности оказывают существенное влияние сложившиеся стереотипы.

Рассматриваемый жизненный период можно разделить на два этапа: с 18 до 25 лет и с 26 до 30 лет.

Наиболее рельефно в этом возрасте проявляется социальная активность личности: человек создает и изменяет обстоятельства своим поведением и трудом, образует собственную среду посредством развития общественных связей (товарищества, дружбы, любви, брака и семьи), включаясь в разнообразные малые и большие группы, коллективы. Вместе с тем психический склад личности отличается противоречивостью, поскольку в этот период сочетаются черты юности и зрелости. <..>

<..> В местах лишения свободы осужденные молодежного возраста составляют самую многочисленную группу, отличаются наибольшей активностью, криминальным опытом, стремлением занять определенный статус, создать, группировки отрицательной направленности и лидировать в них.

Изучение 200 заключенных, достигших 20 лет (Ю. Б. Гиппенрейтер), показало наличие более чем у половины из них криминовалентных сочетаний (сходство определенных факторов, которые в данной комбинации указывают на особую связь с преступностью). Кроме того, были выявлены неадекватно высокий уровень запросов, недостаточно контролируемое восприятие реальности, невысокая способность выдерживать нагрузки, неумение владеть собой и злоупотребление алкоголем.

Среди молодежи в несколько раз больше, чем в других возрастных группах, осужденных за бандитизм, разбой, убийство, изнасилование, грабеж, хулиганство, но меньше – за хищение личного имущества. До совершения преступления они характеризовались устойчивым или неустойчивым отрицательным поведением. <..>

<..> Многие осужденные этого возраста не имеют производственной квалификации и трудового стажа, а подавляющее большинство даже общего среднего образования. Это связано с деформацией их познавательных процессов и нежеланием повышать свой образовательный уровень.

Для осужденных молодежного возраста характерна тенденция к группированию. Они очень интересуются вопросами семьи и брака, поэтому активно стремятся к заочной переписке. Особенно дорожат семейным благополучием осужденные в возрасте 26-30 лет. Нередко это оказывает решающее влияние на психологию личности осужденных. В 26-30 лет происходит стабилизация поведения (криминального или положительного) осужденных. <..>

<..> В последнее время некоторые лица молодежного возраста, особенно осужденные за убийства, бандитизм, грабеж и разбой, поддерживают свою спортивную форму с помощью систематических тренировок. Другие, напротив, стараются подорвать свое здоровье (употребляют алкоголь, наркотики). Среди последних часты случаи самоагрессии (членовредительство, симуляция, аггравация).

Жизненные планы и ценностные ориентации осужденных молодежного возраста в местах лишения свободы связаны со стремлением занять достойное место в иерархии осужденных, найти физическую защиту и опору в малой неофициальной группе, заключить брак путем заочного знакомства. <..>

<..> Разговоры и помыслы лиц молодежного возраста, содержащихся в изоляции, касаются женщин и секса.

<..> В зоне человек заболевает “тюремной шизофренией”: вступает в половые связи с трупами людей и животных, насилует скотину в подсобных хозяйствах. Мотивами мужеложства являются: желание удовлетворить сексуальную потребность, опустить, подчинить, месть за донос, хулиганские побуждения. <..>

<..> Осужденные-«авторитеты» не только отличаются профессиональным мастерством и исправным соблюдением воровских законов, но и способны стойко переносить страдания. В некоторых случаях эта строго культивируемая у осужденных при рецидиве преступлений

способность становится самоподавляющей. Мотивом самоистязания часто является стремление к продвижению по иерархической лестнице.

Обратимся к классификации осужденных молодежного возраста в пенитенциарной психологии и педагогике. К. Е. Игошев делит их на импульсивных и волевых с учетом развития их воли при совершении преступления. В. Г. Деев классифицирует осужденных молодежного возраста в зависимости от направленности личности на неустойчивых с активной положительной и отрицательной мотивацией поведения, устойчивых с отрицательной групповой мотивацией поведения, устойчивых с пассивной мотивацией поведения, устойчивых с положительной мотивацией поведения. Самой многочисленной является группа осужденных-приспособленцев, которые не изменяют внутренних убеждений, ценностей и при различного рода эксцессах оказываются на стороне отрицательной части.

В отличие от других групп осужденных молодежного возраста, лица с положительной мотивацией переживают вину за совершенное преступление, намерены создать семью, работать и не совершать больше преступлений. Часть из них являются членами самодеятельных организаций осужденных. Следует также отметить, что на границе 26-30 лет наблюдается усталость от воровской и тюремной жизни, обостряется проблема смысла жизни, происходит переоценка ранее сформированных установок и убеждений, возникает желание покончить с прошлым.

Среди осужденных молодежного возраста выделяются следующие категории: склонные к хулиганству, карточным играм, употреблению алкоголя и наркотиков, конфликтные, склонные к групповым эксцессам, в том числе захвату заложников, массовым беспорядкам, гомосексуализму, имеющие психические отклонения. Каждая группа требует индивидуального подхода.

В зрелом возрасте окончательно закрепляются социальные роли. Осужденные 30-35 лет, особенно неоднократно судимые, пессимистически относятся к жизни, поскольку у них разрушается жизненная перспектива и

теряется смысл жизни. Происходят специализация профессиональных знаний, перестройка социальных ролей (из-за ухода детей из семьи, появления внуков). Осужденные этого возраста чаще задумываются над своей жизнью, более критичны в оценках окружающих и самих себя, охотно проявляют позитивную активность, не особенно стремятся к группированию и занятию высокого статуса в среде осужденных. Их основные ценности – материальное благополучие, забота о здоровье и семье.

Осужденные пожилого возраста нередко имеют большой преступный опыт, консервативную систему взглядов и убеждений. У них происходит существенная перестройка мотивации в связи с ожиданием старости или сопротивлением ее наступлению. Среди них много инвалидов, поэтому цель их жизни сводится часто к удовлетворению физиологических потребностей и заботе о своем здоровье. Они стремятся к иждивенчеству, сами устанавливают себе запреты: «мне нельзя носить тяжести»; «мне нельзя далеко ходить».

В старческом возрасте все больше повышается значимость материальной обеспеченности. Это вызвано опасением, что после освобождения неоткуда будет получить материальную помощь. Большинство осужденных пожилого и старческого возраста, в отличие от зрелого, не считают работу важным делом. Хотя осужденные зрелого, пожилого и старческого возраста соблюдают требования режима, но к своему исправлению относятся скептически, считают, что свою жизнь они закончат в колонии. <..>

<..> Удельный вес женщин в структуре преступности незначителен, что объясняется прежде всего социальной ролью, которую они играют в обществе. Наиболее склонны к правонарушениям женщины в возрасте 30-50 лет. При этом средний возраст выше у осужденных женщин, чем у мужчин. Женщины отбывают наказание за те же преступления, что и мужчины (воровство, мошенничество, наркотики, убийства), за исключением мужеложства.

Вместе с тем женщины, готовятся к преступлениям более тщательно, чем мужчины: все обдумывают, взвешивают. Мужчины чаще преступают закон в порыве страсти, ревности, злости, вызванных приемом алкоголя, наркотиков.

Провоцирующий фактор совершения преступлений женщинами – проституция, которая, по мнению Ч. Ломброзо, является результатом врожденных порочных наклонностей и особенностей, свойственных женскому полу, в частности, страсти к воровству; недостаток же воспитания, беспризорность, нищета и дурные примеры могут быть рассматриваемы лишь как вторичные причины, так как воспитание и образование служат спасательной уздой для порочных наклонностей.

Особую группу в местах лишения свободы составляют несовершеннолетние осужденные женского пола, которые чаще всего совершают хищения и насильственные преступления (хулиганство, грабеж, убийство и др.), заражение венерическими болезнями, СПИДом. <..>

<..> Женщины менее мужчин поражены алкоголизмом. Однако в последние годы наблюдается тенденция к росту числа женщин, злоупотребляющих спиртными напитками. Все чаще суды назначают женщинам принудительное лечение от алкоголизма и наркомании. Львиная доля преступлений совершается в состоянии опьянения.

Ранние и беспорядочные половые связи формируют у воспитанниц гиперсексуальность. Они активно ищут в колонии полового партнера, создают то одну, то другую любовную пару, что сопровождается межличностными конфликтами. <..>

<..> Одно из самых острых желаний осужденных женщин – забеременеть. В этом случае появляются возможности «скостить» срок, получить поблажки по режиму содержания, по работе, особое питание, медицинский уход. Ради «чуда материнства» осужденные женщины способны на невероятные ухищрения, вплоть до покупки донорской спермы с воли. <..>

<..> Воспитанниц характеризуют личностная тревожность, депрессия, агрессивность, подозрительность, мстительность и упрямство. У них проявляются сходные с несовершеннолетними воспитанниками акцентуации характера: истероидная, эпилептоидная, сензитивная, циклоидная и эмоционально-лабильная.

У лиц с большими сроками наказания состояние фрустрации сопровождается аффективными вспышками, которые при слабости волевого самоконтроля часто приводят к конфликтам.

Чтобы завоевать авторитет, показать себя смелой, некоторые воспитанницы наносят себе татуировки и нарезки (шрамы).

В зависимости от установки на отбывание наказания можно выделить несколько групп осужденных несовершеннолетних женского пола (Т. В. Калашникова, 1990).

Воспитанницы с установкой на нарушение режима, создание малых групп отрицательной направленности и противодействие воспитательным мероприятиям являются активными носителями тюремных традиций и обычаев, тюремной романтики. Их отличает склонность к агрессивности по отношению к слабым осужденным, авторитаризму и вместе с тем наличие волевых и организаторских качеств. Многие из них в преступлении не раскаиваются и вины за него не переживают, поэтому намерены и дальше вести криминальный образ жизни.

Другая (более многочисленная) категория воспитанниц не имеет устойчивой установки на отбывание наказания и считает срок наказания завышенным. Их поведение зависит от направленности их группы, влияния окружающих. Они живут одним днем, поэтому для них характерны потребительские интересы.

Третья категория – это осужденные с установкой на позитивное изменение своего поведения, переживающие вину за совершенное преступление, имеющие намерение после выхода на свободу жить честно. В своих устремлениях они находят поддержку семьи.

Границы этих групп динамичны и могут изменяться на различных этапах отбывания наказания в зависимости от сложившихся в колонии традиций и обычаев, опыта сотрудников, в том числе психологов. <..>

<..> Воспитателям и психологу при работе с ними следует делать акцент на восстановлении родственных связей осужденной, учитывать нравственные, демографические и иные личностные особенности. Эффективным, как показывает практика, является проведение психолого-педагогических и социально-психологических тренингов по коррекции как индивидуальных, так и групповых особенностей этой категории лиц на разных этапах отбывания наказания с целью их ресоциализации.

Молодые осужденные женщины часто считают близких виновными в своих неудачах и разрывают с ними связи. Важно помочь им восстановить отношения с родственниками.

Особенности психологии осужденных женщин проявляются в направленности их личности, в специфических потребностях. Они больше, чем мужчины, ценят материальное благополучие и комфорт.

Немногие осужденные женщины имеют высокую квалификацию, проявляют интерес к работе и любят профессию. Велика доля женщин, не имеющих специальности. У некоторых осужденных женщин до ареста не было определенных занятий.

Большую значимость для женщин, чем для мужчин, имеет семейное благополучие как ценность. Они болезненно переживают отрыв от семьи. Осужденные женщины по-разному относятся к своим детям. Одни из них не испытывают материнских чувств, лишены по суду материнства, другие – любят детей, третьи – родили в колонии детей, которые теперь находятся в доме ребенка. В связи с этим большое значение имеет развитие и активизация чувства материнства. Знание семейной обстановки позволяет психологу оказать женщине поддержку, помочь в выборе верной линии поведения. <..>

<..> Для осужденных женщин, совершивших корыстные преступления, характерно сохранение семейных отношений, достаточно высокий уровень образования. Некоторые из них не думали, что могут оказаться в местах лишения свободы. <..>

<..> Особенности женской психологии в колонии ярко описал Г. Хохряков в книге «Парадоксы тюрьмы» (1991). Он отмечал, что в одной из женских колоний ослабла дисциплина осужденных. Это выражалось в постоянном заигрывании их с представителями администрации мужского пола и даже энергичном приставании к ним. Сотрудники не смогли проявить достаточную строгость, чтобы это прекратить. В связи с этим решили укомплектовать администрацию женщинами-офицерами.

Вначале все было хорошо, но затем осужденные женщины перестали следить за собой. Они стали заметно раздражительнее, работали с неохотой. Вспыхивали ссоры и даже драки. Руководство осознало, что для обеспечения дисциплины нужен хотя бы один мужчина среди сотрудников колонии. Назначили строгого начальника, одно лишь появление которого подействовало на женщин. Они начали заботиться о своем внешнем виде, выполняли все указания начальника. Обстановка полностью стабилизировалась, когда в колонию направили энергичных, принципиальных сотрудников.

Женщины молодежного возраста склонны к нарушениям режима, среди них часто встречаются хронические алкоголики и наркоманы. Они стараются выкрутиться из любого положения с помощью хитрости, лжи, обвинения во всем других. Среди лиц этого возраста много неработающих, В то же время некоторые из них надеются создать семью и родить детей. Другие, имеющие прочные гомосексуальные связи, нередко совершают повторные преступления, чтобы вместе с «подругой» отбывать наказание в одной колонии. Ценностью для этой категории является материальное благополучие.

Осужденные женщины зрелого возраста нередко имеют две и более судимости. Они быстрее и прочнее адаптируются к условиям колонии, поскольку знают ее порядки и обычаи. У некоторых из них низкий уровень образования, примитивные представления и интересы. Длительное пребывание в местах лишения свободы приводит к тому, что они не могут решать даже простые житейские проблемы. <..>

<..> Осужденные женщины пожилого возраста – это чаще всего лица, жизнь которых прошла в местах лишения свободы. Связь с родственниками у многих утеряна. В исправительном учреждении приспособились, режим выполняют, послушны. По характеру хитрые, лживые, ворчливые, со стойкими криминальными убеждениями, отрицающие вину в совершенном преступлении. Ссылаясь на болезнь (многие из них инвалиды I-II группы), они требуют к себе снисхождения. <..>

<..> У осужденных женщин противоречивое отношение к выходу на свободу: они боятся его так же сильно, как и мечтают о нем. Семья потеряна, работы и жилья нет, в связи с длительным нахождением в колонии утрачена самостоятельность. Поэтому они совершают мелкие хищения, чтобы вновь вернуться в колонию. <..>

РОЗДІЛ 6.
ПСИХОЛОГІЯ ЮРИДИЧНОЇ ПРАЦІ

Основні теми
і поняття розділу

Професійна діяльність юриста

Психологічний аналіз різних видів правоохоронної діяльності

Професійний відбір кадрів до органів внутрішніх справ (психологічний аспект)

Екстремальна психологія

Психологічні особливості діяльності керівника органів внутрішніх справ України

Психологія управління командою міліцейського підрозділу

Концепція кадрового забезпечення діяльності пенітенціарної системи

Шляхи попередження та подолання професійної деформації працівників установ виконання покарань

Жалинский А. Э.

Профессиональная деятельность юриста: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – С. 5-20

<..> **Смысл изучения профессиональной юридической деятельности** <..> в первую очередь определяется практическими соображениями. Опыт учит, что общество нуждается в упорядоченности и предсказуемости отношений. Это обеспечивается правовой системой, правовой составляющей социальных процессов. Правовая система включает в себя:

а) право как нормативную базу;

б) правовую науку и – шире – правовое мышление;

в) личностную основу – юридическую деятельность, т.е. кадры, этапы технологии, инфраструктуру, ресурсы.

Необеспеченное надлежащей деятельностью право деформируется и приносит лишь вред. «Право в книге» только подготовленными специалистами превращается в «право в жизни». Между тем, в обширнейшей правовой литературе и во многом на практике именно уровню деятельности, исполнению закона должного внимания не уделяется.

В тексте дальнейших рассуждений выдвигаются следующие тезисы:

а) право современного общества нуждается в модернизации, принципиальном совершенствовании;

б) основной путь решения этой задачи – смена подходов к профессиональной деятельности юриста, к установке на личностное начало, обеспечивающее реализацию права на основе нравственных начал и профессиональной технологии.

Без этого право деформируется и профессия юриста превращается в свою противоположность, квазипрофессию как средство противоправной деятельности.

Целями **изучения исходных положений** <..> являются:

а) осознание реального состояния профессиональной деятельности юриста на индивидуальном уровне и в масштабах страны в целом.

Обществу следует знать, что представляет собой работа юристов-профессионалов, каковы ее специфика, содержание, объем, перспективы; иными словами – осознавать смысл деятельности юристов как специфического бизнеса в широком смысле слова;

б) развитие инновационной составляющей этого вида деятельности, т.е. усиление ее адаптивных возможностей, уменьшение издержек и увеличение выгод, рост конкурентоспособности;

в) поиск и оптимизация своего места в данной профессии. <..>

<..> Профессия юриста – это особый род занятий имеющих специальную подготовку людей, как правило, осуществляемый на возмездной основе в соответствии с принятыми профессиональными стандартами и образующий в совокупности отрасль правовых работ – особое звено в системе общественного разделения труда. Юристами являются люди, выполняющие различные виды работ: судьи, прокуроры, следователи, адвокаты, нотариусы, корпоративные юристы и др.

Профессия юриста порождена юридической деятельностью, которая осуществляется в любом обществе, где существует государство и право, и является сравнительно поздним, но важнейшим способом и формой осуществления юридической деятельности.

Юридическая деятельность <..> в широком смысле представляет собой создание и реализацию права путем его исполнения, соблюдения, применения, совершения различных действий, влекущих правовые последствия. Она осуществляется как юристами, так и неюристами, и воплощается в законодательстве и правовой практике. Юридическая

деятельность как таковая осуществлялась, причем в больших масштабах, с исторического момента возникновения законодательства и права. Различного рода трудности – интеллектуальные, временные, возникновение излишних рисков, стремление добиваться больших результатов при создании и реализации права – явились основой появления профессиональной юридической деятельности и профессии юриста.

Профессиональной юридическая деятельность, включая и адвокатскую, становится, когда для ее работы с правом оказывается необходимой особая группа специально подготовленных, т.е. получивших юридическую профессию людей. По мнению многих специалистов, именно возникновение юридического образования приводит к тому, что в своей основной части юридическая деятельность осмысливается и осуществляется как юридическая профессия, как нечто передаваемое для исполнения специалистам за вознаграждение. Это не разовый акт, а процесс, который продолжается и в наше время, приводя к возникновению все новых специализаций юристов и новых рабочих мест.

В структуре профессиональной юридической деятельности <..> выделяют четыре важнейших элемента. Это собственно юристы – носители деятельности – профессионалы. Далее – индивидуальная профессиональная деятельность юриста, т.е. осуществление юристами своих обязанностей, их труд, работа, затрата физической и интеллектуальной энергии. Затем, это организационные структуры, в которых юристы работают, и (или) статусы, которыми они наделяются. Наконец, это нормативно-ценностная база юридической профессии, воплощенная в праве и профессиональной этике.

Отрасль правовых работ – это профессиональная юридическая деятельность как социальный процесс и сфера труда. Она представляет собой реальное явление, а не теоретическое положение. Каждая страна на любом этапе своего развития обладает определенным личностным, технологическим, инфраструктурным состоянием профессиональной юридической деятельности. Это недостаточно отражено в обыденном языке,

но все же, хоть и не всегда, осознается обществом. Общество стремится провести судебную реформу, наладить работу правоохранительных органов. Это не каприз, а осознание реальной социальной потребности иметь надлежащее состояние профессиональной деятельности юриста на уровне страны. Оно существует тогда, когда различные направления и области юридической профессии в своей совокупности, в своих взаимосвязях образуют единую сферу правовой, юридической деятельности и когда отрасль правовых работ, создаваемая обществом, действительно предназначена для удовлетворения его потребностей, в первую очередь для обеспечения социального мира, предсказуемости, эффективности социальной жизни.

Таким образом, профессиональная юридическая деятельность – это юридическая деятельность, которую юристы выполняют в рамках своей профессии вначале на индивидуальном уровне, как отдельные профессионалы, исполняя возложенные на них задачи и обязанности и осуществляя предоставленные им для этого права, затем на уровне страны, общества. Если индивидуальная профессиональная деятельность – это профессиональная работа отдельного юриста, то профессиональная юридическая деятельность в целом на уровне страны – это отрасль правовых работ, т.е. располагаемые страной ресурсы в сфере работы с правом, его создания и реализации. Эти понятия теперь необходимо рассмотреть содержательно, в их взаимосвязи друг с другом.

Другими словами, чтобы, с одной стороны, описать профессиональную юридическую деятельность в обществе или профессию юриста, а с другой – составить о ней сколько-нибудь полное представление, необходимо более развернуто показать, что такое юридическая и профессиональная юридическая виды деятельности, каково соотношение между ними, кто считается юристами, как ими становятся, что они делают, т.е. в чем состоят их обязанности, где они работают, как устроены их рабочие места, какими нормами они руководствуются, что представляет собой система работ и

услуг юристов, что они делают для своей страны и каково их положение в обществе. <..>

<..> Юридическая деятельность в том понимании, которое дано выше, должна рассматриваться в два этапа. Вначале должны быть определены понятие юридической деятельности, ее структура и границы. Затем на этой основе нужно попытаться выделить некоторые реальные характеристики юридической деятельности в стране и ее состояния.

Правильное определение границ юридической деятельности необходимо с тем, чтобы: а) ясно представлять динамику права, процесс его преобразования в отношения между людьми, в существующий правопорядок; б) реально оценивать тенденции юридической активности субъектов права, т.е. процессов юридического содержания, происходящие в обществе на разных уровнях и в разных сферах; в) прогнозировать количественные и качественные признаки потребности в профессиональной юридической деятельности, т.е. то, что в экономической литературе стали разумно определять как «спрос на право».

Прослеживается естественная логика процесса расширения юридической деятельности, ее границ и объема. Первый этап – изменены экономические условия и законодательство. Второй – резко возросло количество сделок, совершаемых гражданами и представителями юридических лиц. Третий – возникла необходимость более широкого правового сопровождения юридических действий, в частности граждан, – выросли объем юридической деятельности и потребность в профессионалах-юристах. Это, разумеется, осознается руководством правоохранительных органов. Проблема в технологической разработке зависимости: юридическая деятельность – профессиональная юридическая деятельность. Кстати, это важно делать и на индивидуальном уровне и уровне правовой структуры для выявления и предложения возможных услуг юристов-профессионалов.

В правовой литературе иногда используется такое понятие юридической деятельности, которое авторами не привязывается к профессии

юриста. Например, В. Н. Кудрявцев рассматривает ее как «совокупность действий и операций (поступков), направленных к единой цели». М. Ф. Орзих указывает, что она представляет собой социальную активность, с помощью которой достигается опосредованный правом результат. Б. И. Пугинский предлагает под правовой деятельностью понимать совокупность действий государства в лице его органов, иных организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении экономико-социальных задач. В то же время другие специалисты в большей степени связывают юридическую деятельность с представителями публичной власти и соответственно профессионалами-юристами. Проведший подробное исследование юридической деятельности В. Н. Карташов понимает ее в категориальном значении как такую опосредованную правом трудовую, управленческую, государственно-властную деятельность компетентных органов, которая нацелена на выполнение общественных задач и функций (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т.п.) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, так и индивидуальных потребностей и интересов. В то же время он тесно связывает юридическую деятельность с юридической практикой, понимая последнюю как деятельность по изданию, толкованию, реализации и т.п. юридических предписаний, взятую в единстве с накопленным социально-правовым опытом.

Как видим, авторы по-разному понимают юридическую деятельность, и отсюда следует необходимость всякий раз уяснять, соотносят ли они ее только с субъектами применения права либо в целом охватывают всех субъектов права, могущих своими действиями (бездействием) порождать правовые последствия.

Общее понятие юридической деятельности в литературе конкретизируется применительно к отдельным ее направлениям. Так, гражданско-процессуальная деятельность определяется А. П. Вершининым

как деятельность суда и других субъектов гражданско-процессуальных прав и обязанностей, урегулированная гражданско-процессуальным правом в целях удовлетворения общественных и личных потребностей в защите гражданских прав и охраняемых законом интересов. Уголовный процесс определяется как регламентированная законом деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по возбуждению, расследованию, судебному рассмотрению уголовных дел, а также всех участвующих в ней лиц, которая осуществляется не иначе как в правовых отношениях.

Однако наиболее серьезным пробелом, на наш взгляд, является то, что в литературе юридическая деятельность преимущественно рассматривается как безличностное исполнение всеми обязанными к тому лицами установленных законом процедур, т. е. скорее представляется как содержание процессуальных порядков. Разумеется, практики и теоретики, указывая на те или иные процедуры, входящие в юридическую деятельность, формулируя определенные обязанности, неявно предполагают личностные усилия, учитывают возможности юристов, состояние аппарата, иногда даже необходимые затраты, но все же эта сторона дела находится на втором плане. Лишь изредка представители юридической науки отвлекаются от описания реализующего право субъекта как бездушной машины и пытаются дать реальную картину его деятельности, его личностных усилий. Между тем, юридическая деятельность в обществе осуществляется людьми. Она включает в себя перенесенный труд, т.е. состояние подготовленности субъектов права к реализации права, мотивы, отношения, подготовленность к труду как к затрате усилий и готовность тратить усилия и сами эти усилия. <..>

Состояние и тенденции юридической деятельности – чрезвычайно сложная и важная проблематика. По существу, в юридической литературе она должным образом не поставлена и должным образом не осознана, если не считать криминологических исследований. Обычно рассматривается

состояние законодательства, исследуются отдельные отрасли права, институты и нормы, но не социальные процессы, взятые через их выражение в юридической деятельности.

Юридическая деятельность есть целостный процесс, осуществляемый как сумма различного рода действий и воздержания от действий, совершаемых различными субъектами права. Количественно выделяются действия в рамках производств, которые учитываются статистически и которые на этой основе можно попытаться подсчитать, и действия вне рамок производств, т. е. сделки, управленческие решения и пр., которые в определенном объеме также учитываются статистически, но отнюдь не полно. Качественно фиксируются изменения содержания, видов, значения юридической деятельности. Сильнее и нагляднее проявляется ее влияние на социальные процессы. <..>

<..> Становясь профессиональной, юридическая деятельность меняет субъектную, личностную сторону функционирования права. Она соотносится прежде всего с затратой именно профессионалом-юристом некоторых специализированных усилий, связанных с преобразованием определенного объекта, осуществляемых на основе имеющихся полномочий, в рамках определенных процедур и для достижения заданных законом целей.

Именно поэтому понятие «профессиональная деятельность юриста», выраженное качественными и количественными признаками, должно отразить ее интеллектуальную сторону, активный, энергетический, личностный момент, выявить процесс выполнения субъектом определенных действий в рамках предоставленного ему определенного статуса, который необходим для реализации правовых предписаний, обеспечения проведения права в жизнь. Такая модель профессиональной деятельности юриста отражает все то, что юристы делают или должны делать в рамках своей профессии на основе процедурных, статусных и материальных правовых норм для решения поставленных перед ними обществом задач.

При этом центр тяжести использования понятия «профессиональная деятельность юриста» – это анализ энергетических источников, качества и количества, т.е. пригодности и достаточности усилий, индивидуально, коллективно и во всем обществе целенаправленно затрачиваемых профессионалами-юристами (должностными лицами и лицами свободных профессий) для реализации права. Совершенно очевидно, что анализ такой деятельности неразрывно связан с изучением личности профессионалов-юристов, субъектов деятельности. Следует помнить также, что на индивидуальном уровне профессиональная деятельность юристов – это действия и исполнители, а на социальном – институциональная деятельность и корпорация, сообщество юристов, о чем подробнее будет сказано ниже.

Такой подход неизбежно приводит к включению в понятие профессиональной юридической деятельности ряда дополнительных элементов, обычно не соотносимых с понятием юридической или правовой деятельности. Это прежде всего организационно-технические действия, а также профессиональное поведение юриста (служебное и внеслужебное), которое часто привлекает внимание общества и определяет отношение к юристу.

Следовательно, профессиональная юридическая деятельность находится в сложном соотношении с юридической деятельностью. Она в принципе меньше по объему и не совпадает с юридической деятельностью – как целым – по объему, интеллектуальной насыщенности, стандартам исполнения, в меньшей степени – по юридической значимости и другим показателям.

Так, например, профессиональная юридическая деятельность, будучи лишь частью уголовно-процессуальной деятельности, включает в себя применительно к задачам следователя выдвижение версий, проведение в определенном порядке следственных действий, принятие решений на основе оценки доказательств, а также планирование рабочего времени, согласование позиций с иными должностными лицами, противостояние

внепроцессуальному давлению, изучение законодательства, подготовку служебных документов и пр. Ясно, насколько это отличается от юридической деятельности, например, потерпевшего или гражданского истца, не пользующегося услугами адвоката. В таком понимании профессиональная юридическая деятельность входит в правовую систему страны, оказывается ее частью. <..>

<..> Понятие правовой системы интенсивно и успешно разрабатывается в рамках общей теории права. Значительные заслуги здесь принадлежат А. М. Васильеву, В. П. Казимирчуку, В. Н. Кудрявцеву и др. По развитым ими и сложившимся в юридической науке представлениям правовая система, ее структура рассматриваются в статическом и динамическом аспектах. В статике это нормы права (само право), правовые учреждения и правовая идеология. В динамике это правотворчество, правореализация, правовое мышление, проявляющиеся в практике. Но логика этих суждений идет от идеально понимаемой природы права. В теории права оно, т.е. право, рассматривается неявно как некий само развивающийся феномен, несмотря на постоянные отсылки к человеческим поступкам, к материализации права в общественных отношениях. Это очень важный и необходимый подход, хотя он по сути несет отпечаток гегельянства, логики саморазвития не коего стоящего над обществом явления. Профессиональная деятельность юриста – это реальное, а не абстрактное явление. Это то, что при надлежащем состоянии и интенсивности обеспечивает действие системы права и правовой системы, а при ненадлежащем состоянии ее губит. Понятие, природа и логика системы и даже механизма правореализации идут от права и его воздействия на общество; профессиональная деятельность юриста – от воздействия общества на право, от активной работы с ним. Повторяем: здесь нет полемики с развитыми в правовой науке под ходами – есть попытка дать общее представление о том, как работают юристы, восполняя существующие пробелы, и показать, что действие права – это прежде всего работа с ним.

Профессия юриста, профессиональная юридическая деятельность, отрасль правовых работ обеспечивают функционирование правовой системы. Самое лучшее право, глубоко отработанные представления о нем мертвы и - хуже того - могут быть вредны без юристов, владеющих своей профессией и готовых трудиться на благо общества, во имя закона. <..>

<..> **Профессиональная деятельность юриста** проявляется на индивидуальном, групповом (ведомственном) и общесоциальном уровнях. Выделение этих уровней указывает на вполне реальные вещи. На практике нередко бывает так, что в хорошо работающем учреждении, например в прокуратуре, служит юрист, профессиональный уровень которого невысок. И наоборот, много хороших юристов работают в звеньях ведомства, нуждающегося в весьма суровой критике. Но главное, что профессиональный уровень отдельного юриста, эффективность ведомства и состояние отрасли профессиональной юридической деятельности определяются различными условиями как внутри ведомства, так и в разных его звеньях.

Среди профессионалов распространено выражение: «работать на земле», т.е. в низовых звеньях МВД, прокуратуры, притом занимаясь именно основным профессиональным трудом (следствие, надзор, оперативная работа и пр.). Это выражение подчеркивает особенно сложный характер труда и указывает на тяжелые условия его осуществления. Нельзя поэтому повысить эффективность следственной работы в стране, не учитывая специфику ведомства, звена, а пытаясь лишь воздействовать по отдельности на каждого следователя. Необходимо улучшать общие условия работы следственного аппарата и одновременно повышать профессиональную подготовленность каждого следователя.

Следовательно, работа каждого специалиста сильно зависит от состояния дел в целом. Тем не менее, существуют специфические закономерности и черты профессиональной деятельности, реально осуществляемой отдельным человеком, который обладает собственными индивидуальными способностями, характером, волей. Общество

вырабатывает требования к личности юриста, индивидуальному профессиональному труду и поведению юриста и обеспечивает каждое рабочее место необходимыми условиями.

Наконец, на уровне общества складываются общая оценка работы юристов и потребность в различных видах их профессиональной деятельности, а равно в сообществе людей, хорошо выполняющих разные виды работ, связанных друг с другом. Если речь идет, например, о правовом государстве, то предполагается, что в нем существует развитая отрасль всесторонних правовых работ и услуг, предполагающих возможности реализации самых разнообразных потребностей граждан. Здесь и возникает, к примеру, проблема наличия достаточного количества юристов и их квалификации. В частности, не вполне еще осознано, что развитие юридической службы в экономике необходимо и для обеспечения эффективности деятельности следственного аппарата. Все вместе, юристы различных специализаций, определяют состояние отрасли, реализуют элемент общественного разделения труда. В то же время распространенная сейчас неудовлетворенность состоянием правосудия относится именно к судебной системе страны и лишь затем к отдельному суду или судье.

Практически это означает необходимость системного решения возникающих проблем. <..>

<..> **Внутренняя структура профессиональной деятельности юриста** складывается в зависимости от уровня этой деятельности. На индивидуальном уровне на первый план выходят: а) сам юрист, его личность, определяющая деятельность; б) выполняемые им действия, его работа, физические, психические особенности, интеллектуальные усилия и возможности; в) рабочее место, взятое как правовое положение (должность), помещение, связи (подчинение и сотрудничество) с другими лицами. На ведомственном уровне значимы: а) профессиональная группа юристов; б) цели и характер труда, который осуществляется на основе исполнения взаимосвязанных профессиональных обязанностей; в) условия труда в

данном ведомстве (внутри группы), включая характер оплаты, социального обеспечения и пр. На общесоциальном уровне, т.е. в рамках отрасли правовых работ, ведущими элементами структуры являются: а) сообщество юристов - активные и способные к профессиональному труду люди, обладающие специальной подготовкой; б) собственно деятельность юристов, которая в силу специфики этой профессии включает как профессиональный труд, т.е. исполнение должностных либо статусных обязанностей, так и профессиональное поведение; в) инфраструктура, которая представляет собой систему сложившихся правовых, организационных и ресурсных условий, обеспечивающих работу юристов. <..>

<..> Обычно понятие «юристы» используется как общее наименование для людей, получивших профессиональное юридическое образование, которое контролируется государством, содержание которого определено нормативными правовыми актами, и в установленном порядке выполняющих профессиональные обязанности. Иногда юристами именуют только работников правовых служб на предприятиях, которых еще называют юрисконсультами. Здесь принимается, что юрист – это широкое понятие, отвечающее при этом двум условиям. Первое – наличие у данного лица профессионального образования, как правило, высшего. Второе – занятие особой профессиональной, а именно юридической деятельностью. Второй признак, правда, вызывает на практике трудности и даже ведет к судебным спорам, когда, например, для установления стажа работы по специальности еще нужно установить, является ли она юридической.

Содержанием профессии юриста являются: а) профессиональный труд, работа, состоящая в выполнении профессиональных обязанностей; б) служебное профессиональное поведение; в) внеслужебное профессиональное поведение, связанное либо с пребыванием на определенной должности, либо с исполнением соответствующего поручения, включая поддержание необходимых коммуникаций. Специфичной для юридической профессии, для профессиональной юридической деятельности

является реализация юристом имеющихся у него правовых знаний в процессе решения правовых задач. Эта специфика и определяет содержание работы юриста, всю его профессиональную карьеру.

Так или иначе, юристы – это, повторим, судьи, прокуроры, следователи и адвокаты; далее – многочисленные и разнообразные работающие в органах государственной службы советники, консультанты, референты, руководители отделов, управлений и служб, налоговые, таможенные инспектора, осуществляющие юридическую деятельность, работники органов юстиции и пр. Некоторые их статусы, как, например, статус судьи, прокурора, определены законом. Статус иных должностных лиц и служащих может быть определен нормативными правовыми актами.

Юристы – основа юридической профессии. Каковы их подготовка и работа – таково и состояние профессии. <..>

<..> **Положение юристов в обществе** официально выражается в наличии определенного должностного положения или статуса либо в неформальном положении, которое признается профессиональной группой и (или) общественным мнением и иногда обозначается как профессиональная репутация.

В настоящее время очень многие группы юристов (следователи, прокуроры, судьи, работники органов юстиции, эксперты, оперативные работники) имеют классные чины и звания. Должности в идеале соответствуют способностям и умениям юриста. Они определяют его компетенцию, место юриста в иерархической управленческой структуре. Неофициальные позиции юриста (профессиональные репутации) отражают возможности горизонтальной карьеры. Следователь может пользоваться репутацией одного из лучших в городе, области. Адвокат признается известным или знаменитым. Юрисконсульт, например, считается знатоком правового регулирования в строительстве и пр.

В то же время случается, что юрист не соответствует занимаемой должности. Иногда же он соответствует должности и даже хорошо работает,

но получает несправедливую негативную оценку своего труда. Это реальное и достаточно распространенное явление в сфере профессиональной юридической деятельности. Существует укоренившаяся тенденция отрицательной селекции в профессиональном продвижении. Реже эта тенденция проявляется по отношению к профессиональным репутациям.

Должностные и неофициальные позиции достаточно мощно мотивируют поведение юриста, хотя многие это отрицают. Нередко профессионал, не испытывающий страха перед преступниками (а его всерьез испытывают немногие и нечасто), может пасовать перед своим начальником, боясь карьерных осложнений.

Таким образом, юристы получают должность, статус, зарабатывают неофициальную репутацию как результат своего профессионального труда. Это определяет позицию и поведение юриста наряду с моделью поведения, предписанной законом. <..>

Барко В. І.

Професійний відбір кадрів до органів внутрішніх справ (психологічний аспект): монографія. – К.: Ніка-Центр, 2002. – С. 67-76

<..> Органи внутрішніх справ[3] України нараховують кілька десятків різноманітних служб, професій, спеціальностей, посад, які мають свій специфічний психологічний зміст.

Існує декілька підходів до класифікації видів професійної діяльності в ОВС. Один з найпоширеніших засновується на суто медичних засадах і передбачає поділ служб ОВС на групи в напрямку зниження вимог до стану здоров'я кандидатів на посади.

Перша група висуває підвищені вимоги до стану здоров'я, фізичних і психофізіологічних якостей працівників, вона включає в себе такі служби:

- підрозділи по боротьбі з організованою злочинністю;

[3] Далі –ОВС

- підрозділи спеціального призначення: загони міліції спеціального призначення «Беркут», спеціальні загони швидкого реагування «Сокіл», загони спеціального призначення кримінально-виконавчої системи;

- патрульно-постову службу і дорожньо-патрульну служби (робота на відкритому повітрі);

- охорону режимних об'єктів і супроводження спеціальних вантажів;

- групи затримання Державної служби охорони;

- водіїв спеціального транспорту;

- кінологів розшукового і патрульного собаківництва.

Друга група також висуває досить високі вимоги до стану здоров'я співробітників і включає в себе:

- оперативно-розшукові підрозділи;

- карний розшук;

- оперативно-режимну службу управління виконання покарань: оперативні відділи і відділи безпеки виправних установ;

- водіїв (крім автотранспорту);

- інструкторів навчання водіння;

- інструкторів бойової та фізичної підготовки.

Третя група включає в себе:

- не зазначені вище підрозділи кримінальної міліції і міліції громадської безпеки;

- слідство;

- експертів-криміналістів;

- штабні підрозділи, включаючи чергові частини міліції;

- кадрові служби;

- співробітників кримінально-виконавчої системи (крім оперативних служб);

- підрозділи виробничого призначення і постачання;

- співробітників державної протипожежної служби (крім гасіння пожеж);

- технічних працівників;

- співробітників підрозділів, які здійснюють оперативно-технічні заходи;

- співробітників фельдзв'язку;

- співробітників спецперевезень.

Четверта також не висуває особливих вимог до стану здоров'я працівників і включає в себе:

- паспортно-візову службу;

- матеріально-технічні і господарські служби;

- фінансово-економічні і контрольно-ревізійні підрозділи;

- інформаційні і обчислювальні центри;

- підрозділи позавідомчої охорони (крім груп затримання);

- науково-дослідні і навчальні заклади;

- секретаріати, юридичні і прес-служби;

- редакції газет і журналів;

- центри тимчасової ізоляції неповнолітніх;

- автогосподарства.

Наведена класифікація служб системи Міністерства внутрішніх справ України по групах залежно від ступеня розвитку фізичних показників досить умовна, вона не містить достатніх підстав для відмінностей в структурі професійної діяльності. Так, наприклад, до однієї групи віднесені співробітники управлінь по боротьбі з організованою злочинністю, міліціонери, патрульно-постові служби, працівники охорони, водії тощо. Подібна класифікація відповідає вимогам медичного відбору, але не може служити підставою для психологічної систематизації.

З метою виділення спільності в професійній діяльності деякі дослідники практикують змістовний підхід. Виявляються основні види діяльності, а конкретні служби і підрозділи потім прив'язуються до тих видів, де дана професійна діяльність є ключовою.

На основі такого підходу можливо виділити відносно невелику кількість видів діяльності. Це такі види діяльності:

1. Оперативно-розшукова діяльність. Даний вид діяльності є ключовим для співробітників карного розшуку, підрозділів по боротьбі з економічною злочинністю, підрозділів по боротьбі з організованою злочинністю, оперативно-пошукових підрозділів і відділів по боротьбі з незаконним обігом наркотиків і деяких інших служб. Віднесення цих досить різних за об'єктом і задачами спеціальностей до однієї категорії пов'язано з тим, що для спеціалістів цих служб оперативно-розшукова діяльність є основною і спільною за психологічним змістом. У них в певній мірі подібні методи вирішення оперативно-тактичних задач, організація документування злочинних дій, прийоми дотримання конспірації, тактика слідчих дій, прийоми аналізу криміногенних факторів і оперативної обстановки, методи психологічного впливу на людей і встановлення довірчих відносин, прийоми і методи оперативно-розшукової діяльності, технічні засоби, методи використання спеціальних сил і засобів у боротьбі зі злочинністю та інше.

2. Профілактична діяльність. До цього виду можна віднести спеціальності дільничних інспекторів міліції, інспекторів у справах неповнолітніх, інспекторів держпожежнагляду і інших спеціалістів, основна діяльність яких спрямована не на розкриття і розслідування злочинів і правопорушень, а на профілактичну роботу з населенням з метою запобігання правопорушенням і злочинам. Ключова функція – активне спілкування з різними категоріями населення і виявлення потенційно небезпечних ситуацій.

Загальними для цього виду діяльності є методи по виявленню і усуненню причин і умов, які сприяють скоєнню правопорушень і злочинів, прийоми контролю і нагляду за особами, відносно яких встановлені обмеження; прийоми гласних і негласних заходів; порядок розгляду і вирішення скарг, пропозицій і заяв громадян; взаємодія з громадськими організаціями; робота по попередженню злочинів, які скоюються на ґрунті

пияцтва, алкоголізму і наркоманії; здійснення загальних профілактичних заходів по укріпленню правопорядку і попередженню злочинів.

3. Діяльність пов’язана з дізнанням і розслідуванням злочинів (слідча діяльність). Даний вид діяльності є ключовим для слідчих, дізнавачів, криміналістів. Характерним для цього виду діяльності є знання основ кваліфікації злочинів, тактики і методики розкриття і роз-слідування злочинів; організація роботи по розслідуванню конкретних злочинів; тактичні прийоми провадження слідчих дій; встановлення психологічного контакту з людьми; організація, проведення і фіксація слідчих дій; вміння кваліфіковано застосовувати технічні і криміналістичні засоби.

Спеціалісти з цього виду діяльності повинні мати широкий кругозір, значний обсяг спеціальних і загальноосвітніх знань, розвинутий інтелект і уміння, пов'язані із збором доказів злочи-нів в умовах психологічного протиборства із підозрюваним.

4. Діяльність, пов’язана з виконанням покарання і перевиховання засуджених (пенітенціарна діяльність). Нею зайняті співробітники виправних установ, слідчих ізоляторів. Специфічним змістом цієї діяльності є організація виховної роботи з різними категоріями засуджених, вивчення особистості засудженого і здійснення психолого-педагогічного впливу на них, регулювання міжособистісних і міжгрупоних відносин; робота по підготовці засуджених до життя на свободі, допомога у трудовому і побутовому влаштуванні; залучення засуджених до трудової діяльності, формування соціальне корисних навичок, залучення до освітнього і професійного навчання; проведення профілактичної роботи серед засуджених із запобігання злочинам в місцях позбавлення волі; вивчення процесів формування груп з негативною спрямованістю; проведення обшуків, оглядів засуджених і застосування заходів примусу; проведення службових розслідувань, дізнання і невідкладних слідчих дій.

5. Екстремальна діяльність – це вид діяльності, пов’язаний із особливими умовами: високим рівнем ризику, емоційним і нервовим

напруженням, дефіцитом часу, застосуванням фізичної сили, зброї і спецзасобів, озброєним опором з боку злочинців тощо. Розглядуваний вид діяльності характерний для міліцейських загонів типу «Беркут», «Сокіл», «Кобра», «Титан», пожежників. Працівників цих підрозділів об'єднує уміння діяти рішуче і швидко, протидіяти стресовим факторам, досконале володіння зброєю і прийомами рукопашного бою, відмінна фізична підготовка.

6. Охоронна діяльність. Це вид діяльності спеціальних охоронних підрозділів, який спрямований на охорону матеріальних цінностей (державних і приватних). Основний зміст діяльності полягає в уважному спостереженні за об'єктами, що охороняються, припиненні замахів на майно; затриманні осіб, які намагаються незаконно винести матеріальні цінності з об'єктів охорони; перевірці підозрюваних осіб та автотранспорту; застосуванні фізичної сили, зброї і спецзасобів у випадку надання порушником опору при затриманні. Охорона об'єктів досить часто відбувається в умовах ізоляції і тривалого нервового напруження, пов'язаного з імовірністю раптового злочинного замаху на об'єкти, які охороняються.

7. Адміністративно-наглядова діяльність пов'язана з контролем громадського порядку на дорогах, вулицях, в транспортних засобах, цей вид діяльності характерний для патрульно-постової служби міліції. Загальним змістом роботи є нагляд і припинення правопорушень в громадських місцях, кваліфікація протиправних діянь у сфері забезпечення громадського порядку; застосування заходів адміністративного попередження, припинення і стягнення; своєчасне запобігання здійсненню злочинів і правопорушень; нагляд за місцями найбільш імовірного скоєння протиправних дій, виявлення антигромадських груп неповнолітніх, виявлення безпритульних дітей і підлітків; затримання осіб, які знаходяться в розшуку, і інші дії наглядового характеру.

8. Діяльність чергових частин і служб, пов'язана з екстреним отриманням повідомлень про злочини, стихійні лиха і інші надзвичайні події,

з прийняттям рішень, їх реалізацією і контролем за виконанням (диспетчерська діяльність). Цим видом діяльності займаються співробітники чергових частин міліції.

Специфічним змістом діяльності є вивчення криміногенної ситуації в районі, забезпечення координації і взаємодії сил і засобів ОВС і інших правоохоронних органів, а також військових частин і підрозділів МНС, організація роботи слідчо-оперативних груп по розкриттю злочинів по «гарячих слідах», використання оперативних криміналістичних і інших обліків, інформаційно-пошукових систем у розкритті злочинів; застосування тактичних прийомів і методів організації роботи по припиненню, попередженню і розкриттю правопорушень і злочинів; кваліфікування протиправних дій затриманих осіб; проведення дізнання і невідкладних слідчих дій; профілактична робота із доставленими і затриманими; розгляд пропозицій, заяв і скарг громадян.

Отже, в системі Міністерства внутрішніх справ України можна виділити вісім основних видів діяльності. Проте було б некоректно строго прив’язувати певну спеціальність чи службу ОВС до окремого виду діяльності, оскільки в одній професії можуть бути представлені одразу декілька видів діяльності так, наприклад, дільничний інспектор міліції виконує одночасно адміністративно-наглядову, оперативно-розшукову, дізнавальну, профілактичну діяльність, проте ключовим завданням є профілактична робота. Тому далі розглядатимуться специфічні особливості і вимоги певних видів діяльності, знання яких дозволить здійснювати оптимальний відбір і розстановку кадрів органів внутрішніх справ, діагностувати і прогнозувати ступінь готовності спеціаліста до головного виду діяльності. <..>

Папкин А. И., Папкин И. А.

Психологический анализ различных видов правоохранительной деятельности // Основные виды деятельности и психологическая

пригодность к службе в системе органов внутренних дел: справочное пособие / под ред. Б. Г. Бовина, Н. И. Мягких, А. Д. Сафронова. – М.: МВД РФ, 1997. – С. 57-85

<..> Психологический анализ требует четкого знания основных функций, задач и требований к деятельности работников органов правопорядка. <..> Множественность задач, стоящих перед правоохранительными органами, ведет к развитию полифункциональности, выделению групп работников, выполняющих специфические функции. Естественно, деятельность оперативных работников органов правопорядка по своему содержанию и применяемым способам работы отличается от деятельности, например, патрульно-постовой службы милиции. Однако непохожие по применяемым способам, виды деятельности различных работников правоохранительных органов совпадают по своим целевым параметрам. Звеном, объединяющим их и заставляющим тесно взаимодействовать, является наличие единого объекта деятельности – личности правонарушителя (преступника).

Объект деятельности работников органов правопорядка (то есть правонарушитель) имеет ряд особенностей. К числу значимых для деятельности работников следует отнести следующие характеристики правонарушителей: а) антиобщественную направленность и общественную опасность поведения; б) противодействие работникам органов правопоряка или сопротивление их правомерным воздействиям; в) опыт противоправной или преступной деятельности; г) маскировку истинных целей и мотивов противоправной деятельности; д) типичность и индивидуальность в поведении; е) своеобразие связей с окружающим миром, в том числе часто наблюдаемую идентификацию себя с криминальной средой.

Анализ специфики правоохранительной деятельности позволяет выделить 10 общих для представителей различных служб органов правопорядка характеристик:

1. Деятельность правоохранительных органов является разновидностью государственной службы, и порядок ее прохождения работниками определен в соответствующих положениях о службе. Для них установлены специальные (или воинские) звания, и при выполнении своих должностных обязанностей они должны, как правило, носить специально установленную форму одежды.

2. Деятельность работников правоохранительных органов строится на принципах законности, гуманизма, уважения прав человека и гласности.

3. Нормативно-правовая регламентация деятельности определяет специфику правоохранительных мероприятий в сфере борьбы с преступностью и охраны общественной безопасности.

4. Как правило, выполнению правоохранительных функций противодействуют правонарушители и их пособники.

5. Работникам правоохранительных органов предоставлены обширные властные полномочия, реализация которых зависит от их умений разумного, целесообразного и законного применения власти.

6. Работники правоохранительных органов располагают специфическими средствами воздействия, в том числе принуждения, в процессе профилактики правонарушений (психологическое воздействие в виде предупреждения, замечания; применение специальных средств, физической силы и огнестрельного оружия; а также вынесение наказания за содеянное).

7. Разнообразие социальных ситуаций, в которых приходится действовать работникам органов правопорядка, определяет требования к их психологической готовности, умению быстро входить в сущность происшедшего события и коммуникативным качествам.

8. Деятельность ряда правоохранительных органов проходит в условиях конспирации и необходимости сохранения ее сотрудниками служебной тайны.

9. Правоохранительная деятельность характеризуется экстремальностью, связанной с наличием различных стресс-факторов

(повышенная ответственность, неопределенность информации, дефицит времени, опасность для здоровья и др.) и психическими перегрузками в работе.

10. На деятельность работников влияют атмосфера в обществе, оценки населением степени эффективности этой деятельности и существующий авторитет правоохранительных органов.

Исключительная сложность деятельности органов правопорядка диктует высокие требования к профессиональной подготовленности и выучке каждого работника. Деятельность оказывает, в свою очередь, влияние на сотрудников как субъектов деятельности, развивая их знания, навыки, умения и способности, формируя определенные характерологические качества.

Деятельность работников существенно зависит от мотивации труда, их увлеченности и склонности к правоохранительной деятельности. Формирование устойчивых положительных мотивов деятельности можно вести в четырех направлениях:

1) формирование непосредственных мотивов труда через раскрытие интересных и творческих сторон правоохранительной деятельности;

2) развитие интереса к деятельности, опосредованное воздействие на мотивы путем воспитания у работников чувства профессионального долга и гордости за принадлежность к правоохранительным органам;

3) раскрытие перед сотрудниками перспектив служебного роста, продвижения по службе и повышения профессиональной квалификации как работника органов правопорядка;

4) эффективная организация труда сотрудников и создание в коллективах служб и подразделений органов правопорядка благоприятного морально-психологического климата. <..>

<..> Основной целью *профилактической деятельности* работников правоохранительных органов является предотвращение правонарушений, преступлений и чрезвычайных происшествий. Практически

профилактическая деятельность является составной частью работы любого сотрудника органов правопорядка. Однако по своему объему и приоритетности этот вид деятельности более характерен для участковых инспекторов милиции, работников подразделений по профилактике правонарушений несовершеннолетних и некоторых других категорий работников правоохранительных органов. Профилактическая деятельность строится на активном общении с населением, представителями органов местной власти, должностными лицами, что предъявляет особые требования к коммуникативным качествам и педагогическим способностям работников, точному соблюдению законных прав граждан и требований правовых актов.

Составление психограммы участкового инспектора милиции путем анализа экспертных оценок показало, что для его успешных профессиональных действий необходимо иметь следующие психологические качества:

- профессиональную наблюдательность;
- уравновешенность, самообладание при конфликтах;
- способность располагать к себе людей, вызывать у них доверие;
- тонкую наблюдательность за душевной жизнью человека;
- умение отстаивать свою точку зрения;
- способность к воссозданию образа по словесному описанию;
- умение делать выводы из противоречивой информации;
- память на внешность и поведение человека;
- способность к быстрому установлению контактов с новыми людьми.

Исследования показали, что о недостаточной психологической пригодности к профилактической деятельности работников правоохранительных органов говорят следующие показатели: индивидуализм; «социальная отчужденность», нарушающая систему межличностных отношений и затрудняющая социальное взаимодействие; чрезмерная тяга к доминированию и настойчивая тенденция к лидерству; снижение уровня мотива достижения цели деятельности; тревожность;

недостатки в волевой сфере и снижение волевых усилий; наличие психотических черт личности и др.

Оперативно-розыскная деятельность является ведущей для широкого круга работников правоохранительных органов, в том числе для сотрудников уголовного розыска, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и организованной преступностью, оперативно-поисковых подразделений, отделов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков <..> и некоторых других служб. Для специалистов этих служб оперативно-розыскная деятельность является основой, схожей по применяемым методам решения служебных задач. <..>

<..> Выполнение оперативным работником своих должностных обязанностей требует наличия следующих психологических качеств и умений:

- способности решать профессиональные задачи в ситуациях, сопровождающихся высокой степенью личного риска и опасности для жизни;

- готовности к ситуациям силового (включая огневое) единоборства с преступниками;

- повышенной ответственности за свои действия («отсутствие права на ошибку»);

- способности к интенсивной межличностной коммуникации с асоциальными и криминальными личностями;

- высокой психофизиологической выносливости, связанной с отсутствием фиксированного рабочего времени (средняя продолжительность рабочего дня составляет 10-12 часов, часто бывает 7-дневная рабочая неделя, ночные выезды на задержание преступника и т.п.);

- способности выдерживать длительное эмоциональное напряжение, тревожные состояния, чувство страха, неопределенности, невозможности поделиться своими сомнениями с близкими и т.п.;

- постоянной интеллектуальной активности (анализ непрерывно меняющейся информации, удержание в памяти большого количества фактов; принятие решений в условиях дефицита времени и информационной неопределенности);

- способности к ролевому перевоплощению, умения выдавать себя за других людей, искусно разыгрывать роли различных социальных профессиональных типов;

- речевой находчивости, умения быстро и достоверно объяснить критическую ситуацию другому, скрывая при этом истинные намерения.

Значительная выраженность таких качеств, как открытая агрессивность, аутоагрессия, импульсивность, депрессивные и психосоматические формы реагирования в трудных ситуациях, социальная отчужденность, преобладание тормозных процессов над процессами возбуждения в нервной системе может в совокупности проявиться как «синдром профессиональной непригодности» к оперативно-розыскной деятельности.

Деятельность по дознанию и расследованию преступлений <..> является основной для дознавателей, следователей и экспертов-криминалистов правоохранительных органов. Ее содержание требует знания тактики и владения методикой раскрытия и расследования конкретных преступлений, приемами проведения отдельных следственных действий, способами установления психологического контакта с другими людьми и т.д. Большое значение здесь приобретает интеллектуальная деятельность, творчество в выдвижении обоснованных версий преступлений и способность их квалифицированной отработки.

В психограмме дознавателя и следователя часто выделяют несколько групп личностных качеств, определяющих успешность работы при раскрытии и расследовании преступлений. К ним относят:

- мотивационно-ценностные особенности (развитое правосознание; честность; мужество; принципиальность; добросовестность;

исполнительность; дисциплинированность; развитую мотивацию достижения; выраженную мотивацию самоактуализацию и др.);

- познавательные качества (высокий уровень интеллекта; гибкость мыслительных процессов; творческое мышление; наблюдательность; умение прогнозировать; развитая интуиция; хорошая память; развитое произвольное внимание и др.);

- коммуникативные качества (умение устанавливать психологический контакт; владение коммуникативной техникой поведения; наличие организаторских качеств и др.);

- иные личностные особенности (устойчивая и адекватная самооценка; самостоятельность и независимость; ответственность; самоуважение и др.).

Деятельность по охране общественного порядка и безопасности является ведущей для патрульно-постовой службы милиции, дорожно-патрульной службы <..>. Общей характеристикой этой деятельности является целенаправленное наблюдение и пресечение правонарушений в общественных местах. Для этого сотрудники милиции обладают властными полномочиями по воздействию на поведение граждан посредством: предупреждения о необходимости прекращения противоправного деяния и принуждения в виде наложения штрафа, задержания правонарушителей и доставления их в изоляторы временного соодержания или спецприемники (медвытрезвители).

Важными для работников патрульно-постовой службы являются следующие личностные качества: наличие определенного жизненного и профессионального опыта; интерес к человеку, его переживаниям, способность к противодействию нарушителям правопорядка; хорошая спортивная подготовка; уверенное владение табельным огнестрельным оружием; наблюдательность; способность к усвоению новых знаний, обучению; активная личностная позиция; мотивация достижений; оперативность в принятии решений; требовательность; контроль над агрессивностью и др.

Охранная деятельность является основной для сотрудников вневедомственной охраны милиции, некоторых других подразделений органов правопорядка, частной охранной службы. Ее основной целью является охрана материальных ценностей, составляющих государственную и частную собственность. Содержание охранной деятельности заключается в тщательном наблюдении за охраняемыми объектами и пресечении противоправных посягательств на охраняемое имущество. Особыми условиями охранной деятельности часто являются изоляция при несении службы, нахождение в закрытом помещении и наличие стрессовой напряженности в связи с ожиданием преступного нападения на охраняемый объект.

Существенными для успешного выполнения должностных обязанностей сотрудниками охраны считаются следующие качества:

- наблюдательность и внимание (устойчивость внимания; распределение внимания; хороший объем внимания; умение видеть малозаметные изменения на охраняемом объекте и др.);

- эмоциональные и волевые качества (эмоциональная устойчивость; самообладание; упорство в преодолении возникших трудностей; высокая активность; ответственность; самокритичность и др.);

- интеллектуальные качества (умение выбрать из нескольких вариантов решения оптимальный; способность принять решение при недостатке информации; умение определить объем информации, нужный для принятия решения и др.);

- коммуникативные качества (способность найти целесообразную в зависимости от ситуации форму общения; умение согласованно действовать с другими сотрудниками и др.);

- качества памяти (хорошая память на внешность и поведение человека; отличная моторная, двигательная память; способность в течение длительного времени удерживать в памяти большое количество информации; хорошая зрительная память на обстановку охраняемого объекта и др.);

- моторные качества (быстрое действие в условиях дефицита времени; быстрая реакция на неожиданный звук и др.).

Результаты любого вида деятельности работников правоохранительных органов зависят от ее качественных характеристик: нормативности, организованности, подготовленности, освоенности и эффективности.

Нормативность деятельности представляет собой степень ее соответствия правовым и нравственным нормам, положениям профессиональной этики, ориентации на применение только законных способов борьбы с противоправными деяниями.

Организованность создает реальный фундамент для успешной деятельности работников. Она выражается в определении соответствующих форм организации и создании стройной системы реализации профессиональных задач органов правопорядка.

Подготовленность выражается в наличии у работника соответствующих знаний, умений и навыков. Важную роль наравне с другими видами подготовленности (юридической, специальной) играет профессионально-психологическая подготовленность.

Если подготовленность выступает как предпосылка успешной работы, то освоенность определяет реальное овладение ею работником органов правопорядка, высокое качество выполнения соответствующей деятельности.

Эффективность правоохранительной деятельности имеет следующие характеристики: продуктивность, выражающуюся в количественных и качественных результатах деятельности; скорость, отражающую быстроту, четкость и организованность действий; темп деятельности, определяющий соотношение «энергичных» участков и спадов в деятельности работника в течение фиксируемого периода времени; полноту, зависящую от объема реализованных действий, необходимых для успешного выполнения деятельности; стабильность, отражающую успешность выполнения деятельности работником в течение длительного периода времени и сохранение устойчивой результативности деятельности. <..>

Столяренко А. М.

Экстремальная психопедагогика: учеб. пособ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 4, 9, 35-38, 40-42, 47-53, 55-56, 59

<..> Экстремальными называются ситуации, которые ставят перед человеком большие объективные и психологические трудности, обязывают его к полному напряжению сил и наилучшему использованию личных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности.

Экстремальные ситуации многочисленны и разнообразны. Они отличаются по трудности, степени и характеру угроз, опасностям, возможным последствиям, требованиям к подготовке и поведению людей. По совокупности этих признаков или по степени экстремальности различают ситуации:

- нормальные – обыденные, не представляющие особых трудностей для человека, не содержащие необычных опасностей, требующие обычной активности и завершающиеся, как правило, благополучным результатом. В сущности, у таких ситуаций нет признаков экстремальности и они не относятся к экстремальным;

- параэкстремальные – близкие к экстремальным ситуации, способные привести к неудачам, вызвать у человека сильное внутреннее напряжение;

- экстремальные – характеризующиеся предельным или близким к предельному внутренним напряжением и перенапряжением, испытываемым человеком. Вероятность снижения успеха, срыва действий, наступления нежелательных последствий здесь весьма велика;

- гиперэкстремальные – вызывающие внутренние нагрузки, зачастую превышающие возможности человека, непереносимые многими людьми, разрушающие обычное поведение и действия, приводящие зачастую к опасным последствиям. <..>

<..> **Типы эстремальных ситуаций.**

Первый тип – объективно экстремальные ситуации. Трудности и опасности в них исходят из внешней среды, возникают перед человеком объективно в результате действия непреодолимых сил, без его участия. Они насыщены угрозами, опасностями, трудностями. Бывает, что человек не в состоянии избежать их, иногда он может уменьшить опасность для себя и других, иногда отдалиться и уйти **в** безопасную зону, а бывает, что человек идет навстречу опасности, увеличивая ее для себя. Таковы, например, ситуации стихийных бедствий, вооруженной борьбы, крупных аварий и катастроф, чрезвычайных обстоятельств.

Второй тип – потенциально экстремальные ситуации. Объективные сложности, трудности, опасности выражены в них неявно, существуют в потенции, как скрытая угроза. Переход потенциальной угрозы в реальность зависит как от объективного развития событий, так и от действий самого человека.

В жизни человека подавляющее большинство ситуаций, из череды которых состоит жизнь, содержат в себе потенциальные угрозы и опасности разного рода. Нужна постоянная разумная осторожность, осмотрительность, предвидение, знание и понимание потенциальной опасности, ее степени, вероятности, условий проявления, возрастания ее в отдельных ситуациях.

Потенциально опасные экстремальные ситуации можно сравнить с притаившимся и готовым к прыжку мощным хищником. Возникновение экстремальности происходит обычно скачком в основном по вине или воле человека и зависит от его подготовленности.

Третий тип – лично спровоцированные (виктимные) экстремальные ситуации. Риск, трудности и опасности порождаются самим человеком, его намеренным или ошибочным выбором, поступками, действиями. Они могут возникать даже при практически полном отсутствии объективных потенций к ним, по пустякам, из-за ошибок, по неосторожности, непредусмотрительности человека. <..>

<..> Четвертый тип – воображаемые (фантазийные, мнимые, иллюзорные) экстремальные ситуации. Эти ситуации тоже создаются человеком, но его разгулявшимся воображением, а не поступками. Они либо вообще объективно не содержат проблем, угроз и опасностей, но их наличие мерещится ему, либо содержат какую-то толику потенциальной угрозы, но видятся и переживаются им как сверхсложные и опасные.

<..> **Функциональная модель екстремальных ситуаций.**

Материально-обстановочные факторы.

Фактор Ом-1 – объективно-материальный тип обстановки. Очевидно, что психологические ситуации вступления в брак, болезни ребенка, окончания школы, успешной сдачи экзамена, разбитой дорогой хрустальной вазы, повреждения личного автомобиля, пожара, землетрясения, пропажи человека, вооруженного столкновения – ситуации психологически своеобразные по всему комплексу.

Фактор Ом-2 – необычность, нестандартность обстановки, сопряженные с новизной, незнакомостью и непонятностью для человека. Нужна интенсивная познавательная активность, добывание любых сведений, проясняющих обстановку, отказ от шаблонных, стандартных решений и действий; быстрое изменение привычных или выработка новых ответов на обстановку. Предъявляются повышенные требования к гибкости мышления, находчивости, смекалистости, навыкам действий в условиях новизны и нестандартности.

Фактор Ом-5 – обилие малознакомых, устрашающих явлений в окружающей обстановке: взрывы, удары воздушной волны, свист пуль, колебания почвы, вибрация, сильный шум, резкие звуки, вид бушующего огня и ощущение его обжигающей температуры, вид трупа, крови и т.п.

Фактор Ом-6 – плохая видимость, темнота; ограничивая обзор, они увеличивают неясность обстановки, таят в себе реальную или мнимую угрозу, заставляют напрягаться, всматриваться и вслушиваться, быть настороже в готовности к неожиданностям.

Фактор Ом-7 – дискомфортные условия. Многие экстремальные ситуации радикально меняют условия существования людей, усложняя их. Им нередко присущи жара, жажда, холод, одиночество, пустыня, дикие леса, грязь, сырость, отсутствие нормальной пищи, недостаток воды, невозможность помыться, постираться, высушиться, необходимость спать под открытым небом и урывками, в холодных палатках, попадание в полевые или больничные условия, необходимость выполнять профессиональную задачу при любой погоде, в любое время суток, без достаточного отдыха, при нарушениях режима и характера питания, изменение температурного режима, отсутствие электричества, газа, воды и др. Эти факторы вызывают неприятные ощущения и чувства, недовольство, необходимость терпеть, заставляют выискивать возможности ослабления переносимых трудностей и лишений.

Фактор Ом-8 – опасность для материальных ценностей: при стихийных бедствиях, пожарах, разрушениях, авариях, катастрофах, нарушениях подачи энергии и топлива и др. Многие экстремальные ситуации влекут за собой огромные материальные и финансовые потери. <..>

<..> *Фактор Ом-9* – опасность для жизни и здоровья человека: пожар, угроза обвала, возможность падения с высоты, радиоактивность, затопление, зараженность воздуха или овощей нитратами, мясо больных животных, применение оружия и пр. Опасность – один из наиболее сильных психогенных, факторов. Угроза ее может преувеличиваться. Таково, например, отношение многих людей к радиоактивности, химическим веществам, электромагнитным излучениям. <..>

<..> С**оциально-обстановочные факторы.**

Фактор Ос-1 – социальный тип обстановки. Конфликт во взаимоотношениях двух людей, неудачное помещение капитала, невыполнение плана и/или взятых к определенному сроку обязательств, угрозы, шантаж, нападение преступника на прохожего, обстановка хождения тревожных слухов, общего недовольства или паники, вооруженное

столкновение и т.п. – разные социальные типы обстановки, ситуации с комплексом специфичных для них факторов, которые вызывают особые психологические трудности и нуждаются в адекватном поведении. Психологически тяжелый тип – безработица, порождающая материальные трудности жизни, ощущение потерянности, ненужности, второстепенности всего, что не связано с обязательным решением проблем безработицы. Она стимулирует развитие алкогольной привязанности и криминализацию личности.

Фактор Ос-2 – психология и социально-психологический климат в малых группах (семья, друзья, трудовой или воинский коллектив, спортивная команда, туристическая группа и т.п.). Групповые мнения, настроения, традиции, обычаи, интересы, нормы поведения, культура, сплоченность или конфликтность и др. существенно отражаются на психологии людей, оказавшихся в экстремальных ситуациях. <..>

<..> *Фактор Ос-3* – присутствие, поведение и психическое состояние окружающих людей. Оно приводит в действие социально-психологические механизмы заражения, подражания, конформизма, группового давления и др. Многих работающих раздражает даже если кто-то стоит рядом («над душой») и наблюдает. Присутствие посторонних может и угнетать, и поощрять к каким-то действиям, воодушевлять. Так, например, действует на спортсменов и зрителей атмосфера спортивного соревнования, присутствие большого числа зрителей на стадионе, их настроение, фактор «чужого поля».

Фактор Ос-4 – сложности общения и взаимоотношений людей, их состояния. Значимы отношения любви и неверности в ней, отношения врагов и друзей, преступника и жертвы, начальника с подчиненными, родителей с детьми и пр. Приносят неприятности некультурные, бестактные, грубые, недоброжелательные действия, наносящие урон чести и достоинству человека, оскорбляющие и унижающие его. Выводят из равновесия несправедливость, грубость, хамство, клевета, унижение, оскорбление

достоинства или чести, доброго имени, придание гласности недостатков и промахов человека в прошлой или настоящей жизни. <..>

<..> *Фактор Ос-5* – агрессивное поведение других людей. Оно может выступать в виде угроз, преследования, шантажа, требований, принуждения, физического насилия, угрожающего противодействия. Сильный противник может осложнить жизнь во много раз больше, чем любые материальные условия обстановки. В нынешних условиях приобрела характер всеобщей угрозы агрессивность криминала. Она стала реальной для каждого человека и требует постоянного «удержания в уме», принятия мер предосторожности, обеспечения безопасности, определенной подготовленности к защите.

Фактор Ос-6 – опасность для других людей – детей, членов семьи, граждан, друга, коллеги, их тяжелые заболевания, полученные увечья, превращение в инвалида, наблюдение нависшей над другим угрозы или трудного положения. <..>

<..> *Фактор Ос-7* – страдания и смерть людей. Они не оставляют большинство равнодушными. Стихийным бедствиям и катастрофам сопутствуют ужасающие картины смерти и атмосфера страданий, горя, потерянности людей, мечущихся и бредущих толп, обилия раненых и погибших, призывов о помощи. Тяжелые и долгие страдания приносит смерть близких и любимых людей. <..>

<..> *Фактор Ос-8* – социальная изоляция, одиночество. Люди, испытавшие длительное одиночество, нередко оказывались в состоянии депрессии, пессимизма, страха. Это случалось с зимовщиками, путешественниками, космонавтами, испытателями, потерпевшими кораблекрушение, заблудившимися в лесах, оказавшимися в завалах после землетрясений, преступниками, отбывавшими длительное наказание в одиночных камерах и др.

Фактор Ос-9 – обстановка в социуме – большой устойчивой общности людей с общим местом и условиями проживания, общей культурой. <..> Хотя этот фактор непосредственно не представлен «в чистом виде» в

конкретной ситуации, он опосредованно действует на систему «человек в ситуации», отражается на поведении человека, хотя весьма и весьма различно, в зависимости от его личных качеств. <..> Порожденные состоянием социума настроения сказываются и на оценке конкретных жизненных ситуаций, и на поведении в них.

Фактор Ос-10 – ломка социальных ценностей, признаваемых необходимыми, важными, подлежащими обязательному соблюдению, защите, укреплению духовных принципов, норм поведения идеалов отношений и жизни. <..>

<..> *Фактор Ос-11* – жизненные перспективы. Предвидение человеком надвигающегося события, оценка его как благоприятного или неблагоприятного, радостного или печального всегда имеют психологический отклик. Вера в хорошее, ожидание радости и успеха вдохновляют людей. Потеря перспектив жизни – одно из самых тяжелых психологических испытаний, причина душевных кризисов, заканчивающихся порой трагически.

Деятельностные факторы.

Фактор Дс-1 – тип деятельности. Например, для летчика-истребителя риск погибнуть в мирное время в 50 раз выше по сравнению с летчиком гражданской авиации, хотя оба имеют дело с одной и той же воздушной стихией. Особенности типа деятельности отражаются на частоте, характере и сложности экстремальных ситуаций.

Фактор Дс-2 – освоенность деятельности человеком. Любая впервые или мало освоенная деятельность полна сложностей, нагрузок, утомительна.

Фактор Дс-3 – цели, задачи и значимость деятельности. Это важнейший фактор мотивации, побуждений человека, который существенно меняет отношение к обстановке, готовность или неготовность к преодолению трудностей. Чем выше уровень значимости цели для человека, тем более успешно он действует. Высокой мотивацией обладают в большинстве случаев действия по спасению людей.

Фактор Дс-4 – интеллектуальная, двигательная и волевая сложность деятельности, трудности достижения нужного результата.

Фактор Дс-5 – повышенная степень риска решений и действий, вероятность неудач. В жизни человека мало ситуаций, которые не содержали бы никакого риска. Риск сопутствует любым серьезным решениям и делам. Более того, человек намеренно идет на риск, рассчитывая добиться многого. Крупный успех требует и крупного риска, но не авантюрного, а хорошо просчитанного, не выходящего за пределы норм права и морали. <..>

<..> *Фактор Дс-6* – обратимость (необратимость) возможных последствий, прежде всего, нежелательных. Угрозы получения инвалидности, смерти, потери близких, полного разорения, пожара и т.п. характеризуют безвозвратные, необратимые последствия и осознание их вероятности сказывается психологически сильнее.

Фактор Дс-7 – вера в успех. Известный военный теоретик Норман Коупленд писал: «1) индивиду должен верить в себя; 2) армия должна верить в свои силы; 3) армия должна верить в своего командира; 4) армия должна верить в свою страну; 5) армия должна верить в дело своей страны». Можно было бы продолжить перечень того, во что должен верить солдат, рискующий своей жизнью на поле боя.

Фактор Дс-8 – ответственность, самостоятельность. Для многих людей они представляют огромные психологические нагрузки, делающие их неспособными действовать или руководить, особенно в экстремальных ситуациях. Проявить самостоятельность – значит взять на себя ответственность за собственный выбор. Чтобы возложить на себя груз ответственности за него в сложной обстановке, не терпящей отлагательства, за возможные тяжелые последствия – надо обладать волей, мужеством, умом.

Фактор Дс-9 – монотонность деятельности. Длительное выполнение одних и тех же действий, особенно относительно простых, автоматизированных, как это бывает при конвейерном производстве, психологически утомляет больше, чем их содержательное и операциональное

разнообразие. Однообразие обстановки на караульном посту, отсутствие каких-то нестандартных событий на контрольно-пропускном пункте, безмятежность окружающей обстановки могут порождать скуку и расслабленность, потерю бдительности. Психологически монотонна и тосклива малоподвижность лежачего больного, надолго привязанного к постели.

Организационные элементы деятельности.

Фактор До-1 – степень организованности деятельности. Неорганизованность вообще, а в экстремальных ситуациях в особенности, неблагоприятно отражается на психологии людей.

Фактор До-2 – степень авторитетности и эффективности руководства. Психологически тяжело подчиняться человеку, которого не уважаешь, в ум, совесть и компетентность которого не веришь. Когда вопрос идет о жизни или смерти, то роль авторитетности и правильности руководства неизмеримо возрастает. <..>

<..> *Фактор До-3* – слаженность, взаимопонимание, взаимное доверие, готовность придти на помощь друг другу, взаимоотношения, психологическая совместимость в группе. Отсутствие психологических сил «сцепления» между людьми в экстремальной обстановке превращает их в толпу, в которой каждый действует поодиночке в своих личных интересах.

Фактор До-4 – обеспеченность решения стоящих задач. В экстремальной обстановке ее нарушения (например, несвоевременный подвоз боеприпасов в бою, отсутствие спасательных лодок и вертолетов при наводнении, недостаток воды, спасательных лестниц нужной длины, пожарных рукавов при пожаре и пр.) вызывают недовольства, протесты, требования, нездоровые настроения, неуверенность в успехе.

Фактор До-5 – обеспеченность средствами личной защиты и вера в их надежность. Это существенный фактор при действиях в условиях применения оружия и иных средств поражения.

Фактор До-6 – обеспечение жизнедеятельности людей в экстремальных условиях: организация питания, подачи горячей пищи, соблюдение личной гигиены, наличие чистой и сухой одежды, мест для отдыха, оказание своевременной медицинской помощи, эвакуация раненных и пострадавших и др.

Фактор До-7 – меры по поддержанию работоспособности и боеспособности. Экстремальные ситуации не только трудны по сути, но и по длительности, непрерывности, ненормированности, недостаточности отдыха и пр., что зачастую доводит людей до крайнего утомления, изнурения, и они буквально валятся с ног. Необходима забота об отдыхе, пусть коротком, но достаточном по длительности и условиям для восстановления сил.

Операциональные элементы деятельности, выступающие факторами экстремального психологического риска.

Фактор Дп-1 – трудность понимания обстановки и ее изменений. Обусловлена условиями радикальных перемен, стремительного и многогранного развития событий. Информации об обстановке зачастую не хватает либо ее слишком много, но она противоречива и часть ее устарела, неверна, а порой носит дезинформационный характер.

Фактор Дп-2 – ненадежность связи, плохое взаимопонимание между взаимодействующими людьми, силами и средствами и несогласованность действий; вносит неразбериху, ослабляет эффективность действий, а в боевой обстановке порой приводит к стычкам между своими же подразделениями, своевременно не опознавшими друг друга.

Фактор Дп-3 – информационная перегрузка. Каждый человек обладает определенной пропускной способностью, измеряемой максимальным количеством информации, успешно перерабатываемой им (воспринимаемой, осмысливаемой и реализуемой) в единицу времени. Когда человек не справляется с потоком информации, обрушивающейся на него и превышающей его пропускную способность, происходит: пропуск сигналов, их селекция (отбор наиболее важных и игнорирование остальных), отсрочка

ответов, ошибочные ответы, полное отключение от переработки и реагирования на сигналы.

Фактор Дп-4 – выполнение плохо освоенных действий, операций. Нестандартное развитие экстремальных ситуаций зачастую требует выполнять действия, придуманные тут же и ранее не отрабатывавшиеся, а поэтому вызывающие повышенные нагрузки. <..> Доказан факт: действуя привычным, но не лучшим способом человек достигает более высокого результата, чем пользуясь по принуждению другим, теоретически и практически более совершенным, способом, но ему не нравящимся и чем-то неудобным.

Фактор Дп-5 – сдерживание активных действий при выжидании момента или получения разрешения для их начала. Не случайно говорят, что труднее всего ждать и догонять. Когда в человеке напряжено все, каждый нерв, и он готов ринуться вперед, но надо ждать, кипящая в нем энергия порождает предстартовую или предбоевую лихорадку: происходит «самосжигание», растрата энергии вхолостую, и при длительном ожидании человек может «перегореть».

Фактор Дп-6 – использование оружия и насилия. Большинство нормальных людей, впервые правомерно применивших оружие против врага, преступника и убивших его, испытывают довольно долгое время тяжелые чувства. Не меньшее впечатление производят эти действия на подвергшегося нападению. Очень тяжелы психологические травмы женщин, подвергшихся изнасилованию.

Фактор Дп-7 – высокая активность действий, их стремительность, темп, дефицит времени. Торопливость, как и чрезмерная медлительность, отрицательно отражаются на качестве действий, но экстремальным ситуациям свойственно обычно первое.

Фактор Дп-8 – неудачи в начале, ходе и итогах действий. Особенно сильно психологическое воздействие первых неудач. Некоторых они вовсе «выбивают из колеи». Но есть люди, которых неудачи подстегивают; они с

большей энергией, мобилизованностью и вниманием преодолевают их последствия. Первая удача чаще всего благоприятствует последующим действиям, но порой вызывает и эйфорию, чреватую опасностями. <..>

<..> *Специфическая активность* – особая психическая деятельность, особые решения и действия человека, в которых он обнаруживает и учитывает специфику данной ситуации; нацеливает мысль на то, чтобы действовать строго в соответствии с ней, найти наилучшие для данного случая способы действий, каждый из них рассчитать и выполнить с успехом. Иначе говоря, специфическая активность – активность, соответствующая специфике ситуации, *полностью адекватная* ей. Активность человека при этом не сводится к приспособлению к ситуации, ибо он способен изменять ее, приспосабливая к себе, подчиняя изменения своим целям, нередко лежащим за пределами данной ситуации.

В любой ситуации успех достигается одновременным и взаимосвязанным проявлением двух видов активности: *неспецифической и специфической.* Первая – стандартная, реактивная, безусловная, навязанная активность; вторая – приобретенная при жизни, гибкая, творческая, произвольная, целенаправленная. <..>

<..> *Неспецифическая активность* – биологический и психологический стресс.

Сильный стресс проявляется внешне в напряжении мышц, их дрожании (треморе), появлении пота на лице, нервных движениях и т.п.

Процесс адаптации не мгновенен, а развернут во времени. В биологической адаптации выделяются три стадии:

- стадия тревоги – экстренной мобилизации защитных функций организма;

- стадия сопротивляемости – устойчивого поддержания достигнутого уровня адаптированности;

- стадия истощения – спада сил, а поэтому неспособности поддерживать достигнутый уровень неспецифической активности. <..>

Психологический стресс – особое психическое состояние, характерное неспецифическими системными изменениями активности психики человека, выражающими ее организацию и мобилизацию в связи с возникшими повышенными требованиями новой ситуации. Его отличает неспецифический (общий) психологический адаптационный синдром, т.е. совокупность системно организованных признаков неспецифической активности психики, обнаруживающихся при любых новых требованиях в новой ситуации. К ним относятся:

- общее повышение тонуса и активности психической деятельности;

- повышение чувствительности слуха, зрения, обоняния и других органов чувств (понижение порогов ощущений, т.е. уменьшение силы слабых воздействий на органы чувств, которые начинают ощущаться);

- активизация ориентировочной деятельности (восприятия окружающего, происходящего);

- повышение мобилизованности, начало организации психической деятельности и ее сосредоточения, направляемые вниманием к возникшим требованиям новой ситуации;

- первичная общая познавательно-эмоциональная оценка возникшего нового требования и эмоциональное возбуждение;

- изменение самочувствия, вызванного явлениями, сопровождающими возникновение и развитие биологического стресса в организме;

- ощущение повысившегося напряжения;

- зарождение установки на более внимательное изучение ситуации и специфическое реагирование на ее особенности. <..>

Запорожцев Є. Г.

Психологічні особливості діяльності керівника органів внутрішніх справ України: дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук, спеціальність: 19.00.06 – юридична психологія

<..> Управління органами внутрішніх справ є специфічною сферою державного управління, що має владний правовий характер і здійснюється через органи держави, тобто, у найбільш загальному вигляді, це – різновид соціального управління. Ми визначаємо його як свідомий, заснований на пізнанні об'єктивних закономірностей і тенденцій, вплив на систему даних органів та їх структурні підрозділи із метою забезпечення стабільності функціонування та підвищення ефективності діяльності.

Управлінській діяльності в системі МВС України притаманні такі психологічні особливості, як опосередкованість і дистанційність операцій управління реальними об'єктами та процесами; неалгоритмічний характер багатьох операцій, що пов'язане з дефіцитом інформації в швидкозмінюваних умовах (оперативних ситуаціях); жорстка детермінація дій часовими параметрами, заданими організаційними умовами та організаційною програмою у цілому; значний обсяг і різноманітність оперативних завдань і дій; соціотехнічний характер управляючих дій, який вимагає врахування техніко-технологічних умов оцінки соціальної, виробничої і технічної сторін (обставин) у рішеннях, які приймаються; висока психологічна напруженість, пов'язана з відповідальністю за прийняття рішення та сталою функцією ризику, притаманного діяльності органів внутрішніх справ.

При створенні психограми (переліку професійно значимих якостей) сучасного управлінця ми виходили з принципової можливості побудування такої моделі (не ігноруючи необхідності подальшої теоретичної розробки проблем психології особистості, а лише певною мірою абстрагуючись від цього для вирішення прикладних завдань нашого дослідження) та створення умов для відповідної динаміки особистісних якостей за рахунок системи професійно-психологічної підготовки управлінських кадрів МВС України.

Переважаючою тенденцією в особистості досвідчених управлінців є прагнення до лідерства та домінування, але (у порівнянні з початківцями) вони усвідомлюють значення співробітництва для досягнення професійного

успіху, надаючи йому ваги невід'ємного елементу управлінської діяльності. У процесі здійснення управлінських функцій авторитарний стиль керівництва поступово урівноважується прагненням до взаємодії, компенсаторна мотивація трансформується у мотивацію досягнення, що свідчить про зростання ступеня адаптації та формування індивідуального стилю діяльності.

Проведеним професіографічним дослідженням встановлено, що чинники та умови, які опосередковують ефективність діяльності всіх категорій працівників органів внутрішніх справ, рівною мірою характеризують і діяльність керівників. Разом з тим, визначені специфічні для управлінців якості: здатність до швидкодії в умовах дефіциту часу; уміння диференційовано оцінювати протирічиву інформацію; здатність знаходити доцільну форму спілкування в залежності від психологічного стану та індивідуальних особливостей комуніканта (комунікативна діагностика); здатність брати на себе відповідальність у складних ситуаціях; ефективність прийняття рішень.

Ефективне розв'язання комплексу завдань професійно-психологічної підготовки управлінців системи МВС України передбачає організацію цілеспрямованого процесу оволодіння психологічними знаннями, системою спеціальних умінь і навичок, формування професійно значущих психологічних якостей, які забезпечують успішну реалізацію управлінських функцій та адекватне врахування психологічних аспектів управлінської діяльності. Цей процес характеризується комплексністю, багатоплановістю та багатофункціональністю. Основні завдання професійної психологічної підготовки управлінців (при наявності у них раніше сформованої емоційно-вольової та операціональної сфери особистості) представлені формуванням когнітивного та мотиваційно-комунікативного блоку властивостей особистості фахівця. <..>

Барко В. І., Ірхін Ю. Б., Підюков П. П.

Психологія управління командою міліцейського підрозділу. – К.: Київський юридичний інститут, 2006. – С. 147-152

<..> Ефективна робота організації можлива лише за умови високої згуртованості і єдності. А. Петровський виділяє три рівні групової згуртованості: перший рівень – в основі згуртованості лежить розподіл між усіма членами загальних цілей групової діяльності; другий рівень – згуртованість виражається у співпадінні у членів групи цінностей, пов'язаних із процесом спільної діяльності; третій рівень – згуртованість базується на емоційних контактах членів групи. <..>

<..> Побудова команди проходить в 4 етапи:

- формування;
- подолання перешкод («притирання»);
- формування групових норм;
- прояв себе.

На кожному етапі простежуються два суттєвих явища:

а) поведінка групи відносно виконання завдання;

б) поведінка членів групи відносно один одного.

Ситуації поведінки на кожному етапі і бажаний стиль керівництва представлені в табл. 1

Таблиця 1

Етапи створення команди	**Ознаки ефективної команди**	**Поведінка і стиль керівництва**
Формування: група визначає цілі, композицію, зразок керівництва	Чіткі цілі і завдання	Спрямовування: організувати і спрямувати роботу членів групи, мотивувати їх, намітити цілі і шляхи виконання завдання
Подолання труднощів: конфлікт початку, виявляються приховані плани дій	Усвідомлення взаємозалежності	Підтримка: встановлення високих стандартів, спільне створення каркасу проекту, оцінка роботи і особиста участь
Формування норм:	Відданість і довіра	Інструктування: дозвіл

група встановлює ступінь відкритості і довір'я		іншим впорядкувати свою роботу, виділяти і підтримувати успіх, каркас проекту добудований
Прояв себе: група досягла зрілості, почалось виконання завдання	Розподіл потенціалу (ролей)	Делегування: розподіл відповідальності за виконання завдання, є можливість членам команди виконувати проект, контроль і обмеження своєї залученості

<..> Для згуртування команди керівник повинен:

- визначити організаційну структуру команди, підібрати її склад, розподілити функції і обов'язки;

- призначити керівників і відповідальних за певні напрямки;

- своєчасно планувати, розподіляти і координувати роботу;

- чітко пояснювати цілі і завдання;

- долати перешкоди і уникати конфліктів;

- забезпечити активність команди силою авторитету і прикладу, зацікавити кожного члена команди, допомагати, підтримувати, показувати перспективу;

- залучати всіх до вирішення завдань проекту;

- забезпечувати підтримку з боку керівництва, створювати привабливий імідж команди. <..>

<..> Результат роботи підрозділів органів внутрішніх справ багато в чому залежить від ефективності керівництва колективами, уміння управлінця створити дієздатну команду працівників. Часто невідповідність психологічних і управлінських якостей керівника вимогам професії призводить до виникнення напруженості і конфліктності у взаємовідносинах з підлеглими, стає причиною плинності кадрів і в кінцевому результаті

приводить до зниження ефективності діяльності підпорядкованих підрозділів. <..>

<..> Дані соціологічних опитувань особового складу підрозділів внутрішніх справ свідчать про важливість соціально-психологічної складової роботи керівника як основи для формування задоволеності роботою його підлеглих і ефективності діяльності підрозділу в цілому. З фактами ігнорування соціально-психологічних аспектів діяльності керівника нерідко пов'язана негативна оцінка відносин між начальником і підлеглим, випадки частих суперечок із начальником, у яких начальник буває не завжди справедливий; нерідко відзначається наявність горизонтальних конфліктів між працівниками в колективі. <..>

Синьов В. М., Климов М. В.

Концепція кадрового забезпечення діяльності пенітенціарної системи // Проблеми пенітенціарної теорії і практики: щорічний бюлетень Київського інституту внутрішніх справ. – №1(2). – К. : РВВ Київського інституту внутрішніх справ, 1997. – С. 66-70

<..> Розглядаючи питання підготовки пенітенціарного персоналу, зазначимо, що існуючий стан кадрового забезпечення діяльності пенітенціарних установ має істотні недоліки. Так, лише незначна доля працюючого персоналу має освіту з пенітенціарного фаху. Особи, які залучаються до робота в пенітенціарні установи з народного господарства, не отримують спеціальної професійної перепідготовки у профільних навчальних закладах, а реалізують виконання відповідних наказів щодо цього без відриву від місця служби. Обсяги підвищення кваліфікації персоналу останнім часом знизилися до нуля. <..>

<..> У зв'язку мяч з цим виникає проблема узгодження цілей і форм діяльності відомчої та загальнодержавної систем освіти, в контексті якої, зокрема, постає питання обгрунтування необхідності відомчої вищої освіти, діючої у взаємодії з галузевою професійною підготовкою кадрів.

Багатофакторна обумовленість й альтернативність шляхів підготовки фахівців пенітенціарного спрямування вимагають застосування сучасної методології при обгрунтуванні її концепції та конкретної структури. <..> Поглиблений науковий аналіз існуючої сукупності умов, факторів та альтернатив дає можливість розподілити їх на три основні групи:

- потреби і вимоги робочих місць і посадових обов'язків персоналу УВП (соціальна системно-діяльнісна основа);

- положення і засади Закону України «Про освіту» та «Положення про ступеневу освіту» (організаційно-правова основа);

- сукупність освітньо-кваліфікаційних рівнів, спеціальностей та професій, що застосовуються на практиці (нормативна основа).

Побудова системи освіти на будь-якому рівні повинна здійснюватися у контексті діючих у державі норм професійного розподілу праці за рівнями освіти та кваліфікаційною складністю роботи, що виконується, класифікацією професій та спеціальностей. <..>

Що стосується чинного «Класифікатора професій», то він не включає ні однієї із посад працівників або професій установ виконання покарань. <..> Професійна структура виправно-трудових установ, як одна з колишніх закритих структур органів внутрішніх справ, не була врахована в офіційних державних документах. Зазначені факти дають підстави щодо внесення обгрунтованих пропозицій для доповнень існуючого Переліку спеціальностей та Класифікатора професій на загальнодержавному рівні і використання їх на галузевому (пенітенціарному) рівні.

Ефективність діяльності пенітенціарної системи значною мірою зумовлена тим, наскільки чітко будуть визначені і послідовно реалізовані основні принципи комплектування її кадрами, та забезпечення їхньої фахової компетенції, враховуючи підкреслену Європейськими пенітенціарними правилами «особливо важливу роль персоналу установ кримінально-виконавчої системи у забезпеченні належного управління цими установами і

досягнення поставлених цілей в організаційному та виховному плані» (правило 51 ЄПП).

Визначаючи такі принципи, ми виходимо з:

- рекомендацій експертів Ради Європи щодо прийому і навчання пенітенціарного персоналу, зокрема, рекомендацій Європейських пенітенціарних правил щодо навчання персоналу в університетах та інститутах; <..>

<..>- аналізу потреб пенітенціарної практики у фахівцях різних освітньо-кваліфікаційних рівней з визначенням кваліфікаційних вимог до них;

- соціального призначення пенітенціарної системи та напрямків її реформування в Україні;

- наявної інформації про вирішення питань підбору і навчання пенітенціарних кадрів у західно-європейських та інших зарубіжних країнах;

- соціально-економічних реалій сьогодення в Україні та перспектив розвитку її кримінального, кримінально-виконавчого (пенітенціарного) законодавства, освіти та професійного використання фахівців;

- міжнародної класифікації професій та Класифікатора професій України.

Почнемо з низки питань, що стосуються проблеми професійного відбору кадрів для пенітенціарної служби. <..>

Проведені в Україні <..> спеціальні наукові дослідження (О. В. Беца, Н. С. Гук, В. С. Медведєв, О. П. Сєвєров, В. М. Синьов та ін.), аналіз практики установ виконання покарань підтверджують характеристики діяльності, пенітенціарного персоналу як такої, що об’єктивно створює тяжкі психічні стани, які провокують явище професійно детермінованої особистісної деформації. Ст. 54.1 Європейських пенітенціарних правил орієнтує пенітенціарну адміністрацію на забезпечення ретельного добору персоналу всіх рівней принаймні або наступному призначенні на посаду. При

цьому «до уваги беруться, перш за все, чесність, людяність, професійні та особистісні якості, необхідні для такого роду роботи». <..>

<..> З метою реалізації цього принципу робота з добору та відбору пенітенціарного персоналу має грунтуватися на відомих вимогах, що ставляться до психологічного вивчення особистості:

- всебічності виявлення інтелектуальних, морально-ціннісних, емоційних, вольових, динамічних властивостей особистості;

- цілеспрямованості вивчення особистості з системним застосуванням найбільш валідних методів і методик професійної діагностики.

Для виконання зазначених вимог необхідно здійснити наукову роботу щодо розробки відповідних професіограм та психограм пенітенціарних працівників, а також комплексу психодіагностичних методик профвідбору та критеріїв оцінки придатності особи до професії.

Дослідження, проведені в Київському інституті внутрішніх справ з проблеми розробки доктрини підготовки кадрів для пенітенціарної системи, дозволяють запропонувати систему принципів професійного навчання пенітенціарного персоналу. Розглянемо основні з них.

Принцип диференціації змісту, термінів, організаційних форм підготовки пенітенціарних кадрів та рівнів освітньо-професійної кваліфікації в залежності від вимог, що ставляться до якісного виконання службових функцій, потребує чіткого визначення зазначених компонентів навчально-виховного процесу для кожної з категорій працівників системи, на підготовку яких у відповідності з Законом України «Про освіту» дається обгрунтоване соціальне замовлення. Аналіз існуючої практики функціонування пенітенціарної системи України на різних управлінсько-виконавчих рівнях і прогнозу її розвитку свідчить про її потребу в кадрах таких освітньо-кваліфікаційних рівнів: кваліфікований робітник, молодший спеціаліст (можливе поєднання з одночасним одержанням освітнього рівня бакалавра), спеціаліст, магістр. Зрозуміло, що терміни підготовки та зміст навчальних програм, а також заклади освіти, що здійснюють підготовку

(курси, школи, коледжі, інститути різних рівней державної акредитації тощо) для кожного рівня повинні бути чітко диференційовані. Вирішення цього питання потребує додаткових спеціальних досліджень з урахуванням прогресивного досвіду підготовки пенітенціарного персоналу у зарубіжних країнах, соціально-економічних реалій України, а також її здобутків у розбудові системи навчання кадрів для установ виконання покарань.

Принцип безперервності освіти із забезпеченням наступності у програмах навчання між різними ступенями освітньо-професійної підготовки та підвищення кваліфікації пенітенціарного персоналу дає можливість керувати послідовним зростанням фахової компетенції кадрів системи, використовувати можливості різних організаційних форм навчання (стаціонарного, заочного, екстернатного навчання, самоосвіти, службової підготовки на місцях тощо).

Принцип гнучкості та прогностичності системи освітньо-професійної підготовки пенітенціарного персоналу; динамічності програм навчання спрямований на врахування перспектив розвитку пенітенціарної системи України, динамічних змін в її діяльності, появи нових ефективних технологій роботи із засудженими, досягнень в галузі теорії та практики, психології, соціальної педагогіки, кримінології, управління тощо. Нова інформація стосовно посилення ефективності різних напрямків діяльності пенітенціарної системи має бути оперативно, своєчасно, в ряді випадків – упереджувально, доведена до фахівців, відпрацьована на рівні сформованості вмінь її практичного застосування. Для цього використовуються різноманітні форми організації підготовки, перепідготовки, підвищення кваліфікації персоналу – централізовані, планові, епізодично-тематичні, безперервно діючі на місцях та інші. <..>

<..> Державні стандарти вищої освіти щодо спеціальностей на рівні обов’язкових загально-гуманітарних, фундаментальних, професійно спрямованих дисциплін, а також навчальних програм кожної з них, вимог до знань, умінь та навиків розробляються централізовано, і завдання вищого

закладу освіти – забезпечити їх виконання, що перевіряється процедурами державної акредитації окремих спеціальностей та вищих закладів освіти в цілому. Щодо змісту пенітенціарних дисциплін, перелік яких має право визначати сам спеціалізований вищий заклад освіти, то його визначення базується на *принципі системно-діяльнісного підходу.* Реалізація цього принципу передбачає здійснення вибору цілей та спеціального змісту навчання, виходячи із потреб практичної діяльності фахівця, його правового статусу, вимог конкретного робочого місця, сукупності функціональних операцій (дій), системи посадових завдань. Вважаємо необхідним на всіх рівнях підготовки пенітенціарного персоналу забезпечити обов'язкове оволодіння, насамперед, такими принципово важливими компонентами професійної освіти:

- Європейська конвенція з прав людини;

- Європейські пенітенціарні правила;

- основні положення інших міжнародних документів, щодо регламентують діяльність пенітенціарних установ;

- принципи, політичні та правові основи функціонування пенітенціарної системи України;

- забезпечення безпеки діяльності пенітенціарних установ;

- основи пенітенціарної психології;

- основи соціальної роботи із засудженими;

- етика і психологія спілкування із засудженими та різними категоріями населення;

- основи пенітенціарної медицини;

- основи управління в пенітенціарній системі;

- спеціальна фізична та тактико-спеціальна підготовка;

- професійна майстерність пенітенціариста (фахово орієнтовані спецкурси та практикуми з виконання конкретних для кожної категорії співробітників службових функцій). <..>

<..> Визначивши систему наведених вище принципів, використаємо їх як теоретичну основу для обгрунтування шляхів практичної реалізації підготовки пенітенціарних кадрів. Це, по суті, проблема розробки організаційних моделей (або моделей організації) і, отже, її вирішення полягає у пошуку відповідей на такі запитання:

- які спеціальності потрібні для задоволення потреб пенітенціарної діяльності;

- якого рівня кваліфікації вимагають відповідні посади (робочі місця) пенітенціарного персоналу;

- чи задовольняються потреби пенітенціарної системи професіями та фахівцями, які визначені у Переліку спеціальностей та Класифікаторі професій;

- що необхідно здійснити для усунення існуючих невідповідностей між потребами пенітенціарної системи та державними нормативами щодо підготовки фахівців;

- на яку ієрархічну та функціональну структуру пенітенціарного персоналу орієнтувати його підготовку;

- обов’язково пенітенціарній системі самозабезпечуватися фахівцями з базовою (бакалаврами) та повною вищою освітою, чи достатньо здійснювати лише спеціальну частину змісту навчання у формі професійної підготовки та перепідготовки.

Питання визначення фахового аспекту кадрових потреб органів виконання покарань на протязі багатьох років було предметом зацікавленості вчених та керівників кримінально-виконавчої системи. Один із відомих російських вчених у галузі виправно-трудової діяльності професор З. А. Астеміров ще чверть сторіччя тому запропонував «триумвіратну» модель основних функцій, а відповідно і сукупність спеціальностей, які складають професійне ядро працівників виправно-трудових установ: юридичної – для виконання кримінально-виконавчої функції, педагогічної –

соціально-педагогічної функції та економічної – для виробничо-господарської (економічної) функції.

У той же час наші багаторічні дослідження, висновки яких значною мірою співпадають із матеріалами наукових розробок моделі спеціаліста виправно-трудових установ (Фефелов В. А., Генералов В. С., Корольов Г. І.), свідчать не тільки про певні можливості застосування в системі таких спеціальностей широкого профілю, як «правознавство», .«психологія», «педагогіка», «економіка», але й про необхідність суттєвої спеціальної підготовки фахівців в аспекті кримінально-виконавчої (пенітенціарної) діяльності. <..>

<..> Таким чином, можна дійти висновку, що пенітенціарна сфера діяльності як особлива і дуже складна багатоаспектна сфера соціальної практики вимагає залучення кваліфікованих працівників різного фаху, головним чином юристів, психологів, педагогів, але при умові адекватної загально-професійної та спеціально-посадової їх підготовленості у пенітенціарному аспекті. <..>

<..> Зауважимо одразу, що відкриття пенітенціарних спеціальностей об’єктивно визначатиме і профіль (назву) вищого закладу освіти, який здійснюватиме підготовку фахівців пенітенціарної сфери. <..>

<..> Для обгрунтування визначення освітньо-кваліфікаційних рівнів, необхідних для пенітенціарного персоналу, нами застосовувалися дослідницькі процедури експертних оцінок, опитувань, анкетувань практичних працівників установ виконання покарань та інші методики. Використані такі критерії, як складність професійних завдань та посадових обов’язків, місце посади в ієрархічній структурі, рівень продуктивності (репродуктивності) діяльності. <..>

<..> опрацьовані моделі організації підготовки кадрів мають певною мірою умовний і узагальнений характер. Вони спрямовані на забезпечення таких сфер діяльності пенітенціарних органів, як служби соціальної роботи, нагляду і безпеки, господарсько-виробничої. <..>

<..> Для економічної (господарсько-виробничої) діяльності достатньо рівня спеціаліста-економіста, а не бакалавра чи молодшого спеціаліста. Хоча відповідна спеціальність існує і на рівні молодшого спеціаліста, проте організацію їх підготовки у спеціалізованому пенітенціарному вищому закладі освіти можна вважати нераціональною. Але при необхідності, тобто при наявності достатньої кількості замовлень, можна організувати підготовку спеціалістів-економістів на базі кваліфікації молодшого спеціаліста, одержаної у навчальних закладах Міносвіти, за скороченим терміном навчання.

Безумовно, при цьому передбачається використання початкової професійної перепідготовки на протязі від одного до трьох місяців для осіб, які отримали кваліфікацію в інших, не пенітенціарних вищих закладів освіти.

Особливими і неоднозначними є шляхи визначення освітньо-кваліфікаційних рівнів для персоналу, який забезпечуватиме функції нагляду та безпеки. <..> Посади старшого і вищого керівного персоналу служби безпеки повинні заміщуватись особами, які мають повну вищу освіту за фахом «Кримінально-виконавча (пенітенціарна) діяльність» та кваліфікацію спеціаліста-юриста. Їх підготовка може здійснюватись у різних формах. Перша – підготовка у пенітенціарному вищому закладі освіти осіб з повною середньою освітою з чотирирічним терміном денної та п’ятирічним терміном заочної форми навчання. Друга – підготовка в цьому ж закладі осіб, які мають базову юридичну освіту за кваліфікаційними рівнями молодший спеціаліст-юрист, бакалавр права, з дворічним терміном денної та трирічним терміном заочної форми навчання. Третя – професійна перепідготовка осіб, які мають повну вищу юридичну освіту за іншими юридичними спеціальностями, з терміном стаціонарного навчання до 6 місяців.

Унікальна специфіка змісту пенітенціарної діяльності, її багатогранність, складність та поліфункціональність, високий рівень продуктивно-творчих вимог до організації прийняття рішень є тими детермінантами, що обумовлюють заміщення керівних посад

пенітенціарного персоналу на вищих рівнях усіх служб особами, які отримали кваліфікацію магістра за спеціальністю «Пенітенціарна діяльність» у відповідних галузях знань. Підготовка магістрів можлива і за денною формою навчання на протязі одного року, на базі наявної кваліфікації спеціаліста, і у формі екстернатури за індивідуальними графіками.

Таким чином, необхідність одночасної підготовки фахівців для комплектування пенітенціарного персоналу за різними спеціальностями, освітньо-кваліфікаційними рівнями і формами навчання вимагає застосування різних шляхів та підходів до організації їх підготовки.

Головним, центральним ядром системи підготовки пенітенціарних кадрів повинна бути повна вища освіта в спеціалізованому вузі за спеціальностями: «правознавство», «психологія», «соціальна робота», «соціальне виховання» на освітньо-кваліфікаційному рівні «спеціаліст, магістр». Отримання такого рівня повинно здійснюватися паралельно на базі повної загальної середньої освіти та на основі базової вищої освіти. <..>

Медведєв В. С.

Шляхи попередження та подолання професійної деформації працівників установ виконання покарань // Проблеми пенітенціарної теорії і практики: щорічний бюлетень Київського інституту внутрішніх справ. – 1997. – № 2. – С. 70-85

<..> Діяльність є важливим засобом формування і розвитку людини як особистості. Професійне виконання діяльності, поряд з позитивним ефектом, може призводити до побічних негативних наслідків. Одним з них є професійна деформація.

Серед представників професій типу «людина – людина» найбільш інтенсивного деформуючого впливу зазнають працівники установ виконання покарань. Об’єктивно це пов’язано зі змістом, організацією, умовами службової діяльності, морально-психологічними та кримінологічними характеристиками її об’єкта – окремого засудженого і їхніх груп. Професійна

деформація являє собою комплекс специфічних змін окремих рис, структури особистості в цілому. Ці зміни полягають у гіпертрофії і подальшій трансформації в свою протилежність професійно важливих рис. <..> Головною закономірністю стає не узгоджене поєднання і стимулювання розвитку під загальним професійним «вектором», а пригнічення одного і абсолютизація за його рахунок іншого.

Особливо небезпечним є те, що працівник, реалізуючи фундаментальну духовну потребу бути визнаним іншими, активно відтворює свою деформовану сутність у найближчому соціальному оточенні. Таке відтворення здійснюється через повсякденну діяльність та спілкування і йде шляхом поступового розширення кола осіб (засуджені, колеги, сім'я, друзі) та поглиблення психологічного представництва в них.

За результатами наших досліджень, імовірність професійної деформації в залежності від стажу служби в УВП виглядає таким чином. До 5 років – імовірність переважно незначна, рідше середня, найчастіше спостерігається початковий рівень деформації; 6 – 10 років – ймовірність переважно середня, рідше висока, початковий та середній рівні деформації розповсюджені приблизно однаково; 11 – 15 років – ймовірність деформації висока та дуже висока, виникає глибинний рівень; більше 15 років – деформація практично неминуча.

Крім стажу служби в установі, професійна деформація тісно пов'язана з силою деформуючого впливу, що об'єктивно міститься в конкретній службовій діяльності. Якщо цю ознаку виразити у вигляді умовного коефіцієнту деформації, то служби установ виконання покарань і деякі окремі посади можна розділити на три групи: з високим, середнім та низьким коефіцієнтом деформації.

До першої групи входять служби по соціальній роботі: оперативно-режимна, старші майстри, майстри виробництва, чергові помічники начальника установи та контролерський склад. У даній групі найвищий

(критичний) коефіцієнт деформації мають посади старшого уповноваженого, уповноваженого режимно-оперативної служби та начальника загону.

Другу групу складають служби головних спеціалістів (технолога, механіка, енергетика, технічного контролю), медична частина, начальники цехів, інженери по охороні праці та техніці безпеки.

До третьої групи входять виробничі відділи (планово-економічний, організації праці і заробітної плати, матеріально-технічного постачання, збуту) та головні служби установи (спеціальна частина, кадри, інтендантського та господарчого забезпечення, бухгалтерія).

Негативні соціальні та особисті наслідки професійної деформації працівників УВП обумовлюють необхідність її профілактики і усунення. З урахуванням існуючого досвіду, пропозицій практиків, діючої нормативної бази таку роботу доцільно проводити у трьох головних напрямках: адміністративно-організаційному, відновлювально-реабілітаційному, психолого-виховному.

У межах загальної мети кожен напрямок покликаний вирішувати конкретне завдання. У першому випадку – це послаблення деформуючого впливу службової діяльності, зменшення інтенсивності контактів з її об’єктом шляхом тимчасового «виключення» працівника з професійного середовища або його зміни. У другому – відновлення та зміцнення фізичного, психофізіологічного потенціалу співробітника, підтримання його працездатності. У третьому випадку – формування і розвиток психологічної стійкості, інших рис, що блокують професійну деформацію шляхом впливу на психіку, особистість працівника.

Коло осіб, які організують та здійснюють профілактику і подолання професійної деформації, на рівні конкретної установи складають: психолог, безпосередні начальники, начальник установи, співробітники кадрової служби, наставники, нарешті самі працівники. Дуже важливо, щоб останні не займали позицію пасивних спостерігачів. Працівників необхідно спонукати до зацікавленої взаємодії, наполегливої роботи над собою.

Головку роль у попередженні та подоланні професійної деформації, без сумніву, відіграє психолог установи. Саме він за своєю компетенцією може в повному обсязі організувати, координувати цю роботу, брати в ній особисту участь. <..>

<..> Контрольно-рекомендаційну функцію тут виконує психолог. За його пропозиціями відповідні рішення приймають безпосередній начальник, начальник установи, співробітники кадрової служби. Ці рішення стосуються:

- закріплення за новоприбулим працівником наставника, неофіційного шефа з числа авторитетних колег;

- тимчасового полегшеного режиму роботи;

- надання короткотермінової (до 10 діб) відпустки;

- надання чергової відпустки частинами;

- періодичних замін та переводів за згодою працівника в межах однієї служби і в інші служби;

- створення умов для службового просування, професійного зростання (зовнішня ознака необхідності в цьому – знаходження на одній посаді без підвищення кваліфікації п’ять і більше років);

- своєчасного вирішення житлово-побутових питань.

У межах адміністративно-організаційного напрямку важливим є подальше зменшення кількісного співвідношення засуджених і працівників, впровадження нових організаційних форм відбування покарання. Європейський досвід свідчить, що розвинені країни йдуть шляхом постійного зменшення «навантаження» – кількості засуджених на одного пенітенціарного працівника. Цей показник складає, наприклад, у Німеччині – 0,4; Голландії – 0,6; Англії – 1,9; Бельгії – 2; Швейцарії – 2,5 засуджених на співробітника. Зрозуміло, що розробка норм «навантаження» передбачає їх узгодження з головними завданнями відбування покарання, психолого-педагогічними та управлінськими рекомендаціями, реальними можливостями держави і суспільства. Заслуговує на підтримку подальше реформування загонової системи в установах виконання покарань. Попри всі складнощі,

його слід проводити більш енергійно і не обмежувати коло можливих варіантів реформування до двох-трьох. <..>

<..> Необхідно підкреслити, що значну роль у відновлювально-реабілітаційних заходах може відіграти найближче позаслужбове оточення працівника – його сім'я, родичі, друзі.

Психолого-виховний напрямок. Головну, організаційно-виконавчу функцію тут здійснює психолог установи. Безпосередню участь беруть начальник служби, наставник, службовий колектив. До даного напрямку входять такі заходи:

- індивідуальне консультування та корекційні бесіди з працівниками;

- проведення сеансів регуляції та подальшої саморегуляції загального психічного стану, професійної поведінки. Важливим є вироблення у кожного працівника навичок самоаналізу, адекватної професійної самооцінки, критичного ставлення до професійної деформації. На жаль, серед практичних працівників і домінує тенденція сприймати деформацію як фатальний атрибут діяльності, поблажливість в оцінці її проявів та наслідків;

- психологічне стимулювання кожного працівника до професійного, загальноособистісного зростання. Ефективним прийомом цього є спільне обговорення можливостей зростання з визначенням ліній близької, середньої та віддаленої перспективи;

- пропаганда педагогіки співробітництва і відповідного стилю взаємодії з засудженими. У практичних працівників переважають два стилі взаємодії: дистанція (виключно офіційне, формальне спілкування) та залякування (командно-наказове спілкування). Як альтернативу такому спілкуванню, педагогіка співробітництва пропонує стиль, спрямований на формування у засудженого позиції свідомого, активного учасника взаємодії з працівниками. <..>

До психолого-виховного напрямку також відносяться заходи, що пов'язані зі службовим колективом. Це формування позитивного соціально-психологічного клімату, обстановки змагальності, доброзичливо-

вимогливого ставлення до кожного члена колективу, критичного узагальнення індивідуального професійного досвіду; забезпечення домінування здорових колективних традицій та звичаїв; ствердження динамічного стилю керівництва колективом.

Слід зазначити, що дієвість попередження і подолання професійної деформації багато в чому залежить від послідовного проведення заходів у всіх трьох напрямках. Самі заходи повинні поєднувати колективну, диференційно-групову та індивідуальну форми проведення. <..>

РОЗДІЛ 7.
СУДОВО–ПСИХОЛОГІЧНА ЕКСПЕРТИЗА

Основні теми
і поняття розділу

Поняття психологічної експертизи
Становлення судово-психологічної експертизи як спеціальної діяльності
Підстави для призначення і компетенція судово-психологічної експертизи
Судово-психологічна експертиза в кримінальному процесі
Судово-психологічна експертиза в цивільному процесі
Психологічна експертиза в адміністративному процесі
Комплексна судова психолого-психіатрична експертиза неповнолітнього обвинувачуваного
Афект: практика судової психолого-психіатричної експертизи

Костицкий М. В.

Понятие психологической экспертизы // Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: вибр. наук. праці. – Чернівці: Рута, 2009. – Кн. 1. – С. 503-510

<..> Научно-техническая революция значительно усилила зависимость социального и экономического развития от обеспеченности информацией. Наряду с возрастанием роли количественных методов в обработке информации ее анализ и оценка нередко могут быть лишь результатом суждений, мнений лиц, обладающих глубокими профессиональными знаниями. И в теории и на практике сегодня признается необходимость при сложных, проблемных ситуациях прибегать к оценкам специалистов-экспертов. <..>

<..> Экспертиза производится, как правило, в особых, экстраординарных случаях, когда познаний лиц, ответственных за принятие решения в сфере социального и производственного управления, судопроизводства, здравоохранения, образования и т. п., бывает недостаточно. Обстоятельства, при которых целесообразно назначать экспертизу, могут быть следующие:

- необходимость получения объективной оценки принятого решения, совершенного действия, выбранного направления, их настоящего или перспективного качества, эффективности;

- конфликтная ситуация в сфере производства, управления, осуществления властных полномочий, наличие спорных позиций по одному и тому же вопросу, когда необходимо мнение незаинтересованного специалиста, могущего дать объективную оценку конфликту, спору, его предмету и т. п.;

- неопытность должностного лица или неподготовленность учреждения, организации, предприятия к совершению новых для него

действий, отсутствие в штате учреждения, организации, предприятия специалистов, могущих разрешить насущные задачи;

- потребность решить проблемы, находящиеся на стыке различных отраслей науки, техники, управления, производства, социальной деятельности, при отсутствии в конкретной организации, в учреждении, предприятии специалистов, обладающих необходимыми знаниями;

- когда границы проблемы шире границ суммарного знания, которым обладают специалисты заинтересованного предприятия, учреждения, организации;

- когда об этом указывается в законе или подзаконном акте.

Использование экспертизы для решения специальных задач базируется на ряде принципов, основные из которых таковы:

1) экспертные оценки должны быть получены от признанных в определенной области знаний специалистов в максимально систематизированной форме, дающей возможность их обобщения;

2) для получения суждений экспертов в максимально систематизированной форме необходимо ставить им четко определенную задачу;

3) выбор экспертов, постановка им задач, обобщение их суждений должны основываться на определенной методике. <..>

<..> По нашему мнению, чтобы определить понятие экспертизы как особого вида деятельности, необходимо исходить из ее субъекта и объекта.

Деятельностью, как известно, является активное взаимодействие человека с окружающей средой, в ходе которого он выступает как субъект, направленно воздействующий на объект с целью его познания и преобразования.

В справочной литературе экспертиза определяется как специальная исследовательская деятельность, направленная на разрешение вопросов, требующих специальных знаний в какой-либо области науки, техники, искусства, ремесла (искусство и ремесло упоминаются чаще всего в тех

случаях, когда речь идет о судебной экспертизе). Экспертизу производит один или группа экспертов (лат. *expertus* – опытный) – лиц, хорошо осведомленных в определенной области знаний.

Для того чтобы быть экспертом, необходимы глубокие профессиональные знания, профессиональная интуиция и профессиональный опыт. <..>

<..> Единоличная экспертиза высококвалифицированного специалиста бывает достаточной, если имеется потребность в глубоком узконаправленном исследовании объекта. Усложнение объектов исследования, растущая специализация знания нередко делают необходимым обращение к специалистам различных областей знаний или одной отрасли знания, но разных научных школ и течений. Это дает возможность разнообразить формы и методы экспертизы, четче разрабатывать варианты решений, минимизировать затраты времени и средств, обеспечить коллегиальность высказываемых мнений и позиций. Ориентируясь на минимальное количество экспертов, необходимо помнить, что оно должно быть достаточным для того, чтобы решить все вопросы полно, объективно и глубоко.

Проведение экспертизы коллективом экспертов в сфере производства, управления, правоохранительной деятельности получает все большее распространение. Центральной и наиболее сложной задачей при этом является отбор экспертов для включения их в группу с учетом требований, вытекающих из характера и числа поставленных перед экспертизой вопросов. <..>

<..> Установив лиц, являющихся специалистами по определенному вопросу, определяют их компетентность. Для этого имеются два способа: *априорный*, состоящий в оценке компетентности до начала экспертизы, исходя из сведений о лицах, привлекаемых в качестве экспертов, и апостериорный, состоящий в определении компетентности экспертов по результатам их деятельности. Первый способ является наиболее

распространенным; в сфере правосудия чаще применяется второй.

Состав экспертной группы должен быть таким, чтобы были охвачены и разрешены все поставленные перед ней задачи. <..>

<..> В ходе экспертизы могут возникать новые вопросы, разрешение которых требует привлечения новых специалистов. В этом случае состав экспертной группы должен быть расширен (при производстве судебной экспертизы назначается дополнительная экспертиза).

В юрисдикционном процессе действуют общие условия, характерные для назначения экспертизы, однако здесь имеется и определенная специфика: экспертиза не должна касаться специальных познаний в области юриспруденции. <..>

Костицкий М. В.

Становление судебно-психологической экспертизы как обособленной специальной деятельности // Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: вибр. наук. праці. – Чернівці: Рута, 2009. – Кн. 1. – С. 511-517

Судебно-психологическая экспертиза в настоящее время все прочнее внедряется в практику правосудия. Для того чтобы глубже понять ее сущность, возможности, необходимо проследить путь ее становления в нашем уголовном процессе. <..>

<..> К исследованию психики лиц, попавших в сферу уголовного процесса (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), прибегали еще в древние времена. Испытание подозреваемого ордалическим способом по предписаниям «Русской правды» носило мистический характер. Однако оно основывалось на эмпирическом опыте многих поколений и учитывало психику человека, в частности, ее различные проявления в момент испытаний.

Примитивным тестированием, своеобразным эмпирическим психологическим исследованием, было также испытание рисом у китайцев,

или там-тамом у африканцев <..> Применялись психологические приемы при исследовании доказательств в античном, а также в средневековом инквизиционном процессах. Разумеется, в тот период основным в доказательстве было признание обвиняемого, а его личность интересовала судей мало.

На смену феодальному инквизиционному процессу в силу общественно-исторических условий пришел буржуазный состязательный процесс со свойственными ему принципами гласности и устности. В этом процессе чрезвычайно важное значение приобретают свидетельские показания, их оценка судьями. Однако произвести такую оценку судья мог, только исходя из субъективных представлений, убеждений, настроений, профессиональных навыков и, конечно же, интуиции. Естественно возникла объективная необходимость подключить к этому других лиц – специалистов, в частности, психологов. Начинают проводиться исследования особенностей психических состояний, памяти свидетелей, чаще всего несовершеннолетних.

Первый буржуазный кодекс – Уголовный кодекс Наполеона 1810 г. – вводит медицинский критерий невменяемости, нацеливая тем самым на исследование психики лица, совершившего преступление.

Во второй половине XIX века в уголовных кодексах ряда стран наряду с медицинским критерием невменяемости появляется и психологический (юридический). Оба эти критерия касаются лишь интеллектуальной сферы человека, не затрагивая волевой.

В русском дореволюционном уголовном процессе исследование психики преступника зафиксировано в Своде законов (экспертиза предусматривается в нем как вид освидетельствования), а потом в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС), по которому эксперты выступают как справочные свидетели. Вопросы, подлежащие установлению в экспертном порядке, в основном относились к области психиатрии, но наряду с этим анализировались и психологические особенности личности

(например, статья 353 УУС). Решениями общего собрания и уголовного кассационного департамента правительствующего Сената (РОС и УКД) №571 от 1867 г. и №727 от 1869 г. и др. эксперты-психиатры обязывались, кроме установления безумия, сумасшествия, припадков, исключающих вменяемость, устанавливать и такие особенности личности, которые служили обстоятельствами, уменьшающими вину и степень наказания: слабоумие, глупость, легкомыслие, крайнее невежество, сильную раздражительность. Иными словами, эксперты обязывались решать не только психиатрические, но и психологические вопросы.

Разработка теоретических основ судебно-психологических исследований начинается лишь на рубеже XIX и XX веков. Теоретические исследования (в Германии: Штерн, Марбе, Гросс; в Италии: Ферри и Гаррофало; в России: Владимиров, Дриль, Фрезе, Бехтерев) позволили расширить пределы использования судебно-психологической экспертизы. В литерагуре описаны случаи проведения таких экспертиз в отношении подсудимых, совершивших преступление в связи с выполнением ими определенной деятельности, потерпевших, ставших их жертвами, и т.п. Так, в 1883 г. известные русские актрисы М. Ермолова и А. Гламу-Мещерская провели экспертизу в отношении актрисы Черменевой, изнасилованной в день дебюта нотариусом Назаровым. Они помогли следователю, хотя и приблизительно, установить упадок душевных и физических сил у потерпевшей, вызванный волнением перед спектаклем и пережитым на сцене, определить ее личностные черты.

С возникновением нового направления психологии – психотехники – практикуется проведение психологических экспертиз по поводу аварий и крушений на железной дороге с целью определения особенностей состояния личности обвиняемого.

Ученые-психологи этого периода полагали, что эксперт (психолог, психиатр) может не только вникать в сущность психологических особенностей преступления, но и анализировать вопросы вины,

ответственности и др., то есть вдаваться в исследование юридических аспектов. Вообще на этом этапе развития судебно-психологической экспертизы наблюдается переоценка ее возможностей. Отдельные энтузиасты пытаются возвести эксперта в ранг «научного судьи», стоящего выше судьи государственного. Четкого определения пределов экспертного исследования личности практика не имела, поэтому перед экспертизой порой ставились вопросы, относящиеся к компетенции суда или следователя (о вине, причинах преступления и т. д.). Кроме того, в русском дореволюционном уголовно-процессуальном законодательстве не был определен круг лиц, которые должны проводить исследования психики обвиняемых, свидетелей. Поэтому такие исследования осуществлялись не только специалистами, но и судьями, военными и морскими офицерами и т. д. По результатам проведенных исследований составлялся «обстоятельный отчет». Заключение эксперта по доказательному значению приравнивалось к показаниям свидетеля, и практика русского уголовного процесса признавала в качестве доказательства не заключение эксперта как самостоятельный документ, а показания экспертов, зафиксированные в судебном или следственном протоколе.

В 1917 г. в России была сломлена старая система правосудия и отменено действующее законодательство, положившая начало созданию нового уголовного процесса. В доказательственном праве новой системы правосудия судебная экспертиза, в том числе и психологическая, заняла прочное место. Уже в Декрете о суде № 2 (статья 14) заключение судебных экспертиз было официально признано в качестве доказательств по уголовным делам.

Несколько позже Инструкция Наркомюста Росийской советской федеративной социалистической республіки (РСФСР) от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов» дает четкое указание о привлечении экспертов с целью исследования психики обвиняемого. Инструкция для народных следователей, утвержденная Наркоматом юстиции

Украинской советской социалистической республики (УССР) в 1919 г. тоже указывает, что с целью продуктивности освидетельствования и осмотра следователи могут приглашать специалистов, обладающих специальными познаниями (например, для исследования умственных способностей обвиняемых, психических состояний, установления психической ненормальности).

22 мая 1922 г. был принят первый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР, который установил в статье 64, что «эксперты вызываются в суд в случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы познания в науке, искусстве или ремесле». УПК РСФСР (статья 63) и УПК УССР (статья 67) 1922 г. признали проведение экспертизы обязательным в случае возникновения у судьи или следователя сомнений по поводу психического состояния обвиняемого или свидетеля.

Первые уголовно-процессуальные законы и другие нормативные акты в вопросе о судебной экспертизе вообще и судебно-психологической в частности явились важной вехой на пути становления судебной экспертизы как важного источника доказательств в советском уголовном процессе.

15 февраля 1923 г. был утвержден новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который действовал до 1 января 1961 г. Он воспроизвел все положения об экспертизе, содержавшиеся в УПК 1922 г., однако внес в часть третья статьи 298 существенное дополнение, отрицающее взгляд на эксперта как на научного судью, выводы которого не подлежат оценке судом. Заключение судебной экспертизы в уголовном деле приравнивалось к другим доказательствам.

Практическим воплощением законодательных предписаний о возможности и необходимости различного вида экспертиз с целью оказания помощи правосудию было создание соответствующих учреждений, в обязанности которых вменялось оказание такой помощи. Организованные в Петрограде, Саратове, Москве, Баку, Киеве, Харькове и других городах кабинеты по изучению преступности и преступника в ряду других

исследований прибегают к судебно-психологическим.

Позднее по решению Наркомюста УССР эти кабинеты были реорганизованы в областные институты научно-судебной экспертизы. В них, кроме криминолого-психологических, биологических и психолого-психиатрических, стали проводить химические, физические, фотографические, криминалистические и другие исследования.

В 1925 г. начинает действовать государственный институт по изучению преступности и преступника. В него входит биопсихологическая секция, занимающаяся изучением механизма преступного поведения, характера и других психологических особенностей лица, совершившего преступление.

При разработке первых уголовно-процессуальных актов, а также первой кодификации уголовно-процессуального законодательства в правовой науке шла острая дискуссия о роли экспертизы, ее значении для суда и следствия как источника доказательства, о возможных ее видах и т.п. Известные русские процессуалисты И. Якимов, В. Сперанский, М. Чельцов, С. Познышев и другие в той или иной форме настаивали на исключительном значении экспертного заключения как источника доказательств (и, прежде всего, экспертизы по поводу психических качеств личности), говорили о том, что суд и следователь не могут ни оценивать эти заключения, ни отвергать их в случае несогласия с ними.

Одновременно такие ученые, как О. Ольгинский, П. Люблинский, А. Лурия, А. Брусиловский и другие, указывали на необходимость использования и психологических знаний в уголовном процессе, не требуя для эксперта-психолога какого-то особого статуса, признания судебно-психологической экспертизы отдельным самостоятельным видом экспертизы.

Однако достаточного развития и широкого применения в этот период судебно-психологическая экспертиза не получила. Это объяснялось, с одной стороны, ошибочными методологическими установками, сложившимися в психологической науке, а с другой – вульгаризацией применения

психологических знаний в исследовании лица, совершившего преступление. В начале 30-х годов судебно-психологические исследования, в том числе и производство судебно-психологической экспертизы, были прекращены, а нормы, регулирующие экспертное определение психического состояния обвиняемого, – исключены из уголовно-процессуальных кодексов. В принятые позже УПК союзных республик специальные нормы об определении психического состояния обвиняемого вообще не включались (например, УПК Армянской ССР, принятый 22 июня 1934 г.). Исключением был УПК УССР, принятый 20 июня 1927 г., который в несколько измененном виде воспроизвел содержание статей 199-205 УПК УССР 1922 г.

В связи с указанными обстоятельствами судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе не проводилась на протяжении более 30 лет. Однако, это не означало, что правосудие вообще игнорировало научные данные психологии. Исследование особенностей психики обвиняемых, свидетелей, потерпевших продолжалось, хотя и в рамках судебнопсихиатрической экспертизы. Так, справочное пособие для следователей рекомендовало ставить на разрешение врачей-психиатров вопросы о психических недостатках, не позволяющих правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение по делу, о способности несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего воспринимать имеющие значение факты и давать показания, хотя решение таких вопросов является компетенцией экспертов-психологов. <..>

<..> Смешивание психологических и психиатрических моментов, подлежащих установлению в уголовном процессе, вызывалось частичным совпадением предмета науки психологии и психиатрии, а также отсутствием законодательной регламентации практики назначения судебно-психологической экспертизы.

Качественно новый этап в истории становления судебно-психологической экспертизы как одного из источников доказательств в советском уголовном процессе начинается с принятия нового уголовно-

процессуального законодательства в 1958-1960 годах, поставившего на повестку дня вопросы дальнейшей демократизации этого законодательства. Ученые (прежде всего проф. Г. Миньковский) снова высказываются за необходимость применения в уголовном процессе судебно-психологической экспертизы. Начиная с 60-х годов в юридической печати появляется целый ряд публикаций не только теоретиков, но и практических работников, присоединившихся к этому мнению. Накапливается значительный положительный опыт использования психологических познаний в уголовном процессе, который послужил эмпирической базой для последующих научных разработок в этом направлении. <..>

Костицкий М. В.

Основания для назначения и компетенция судебно-психологической экспертизы // Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: вибр. наук. праці. – Чернівці: Рута, 2009. – Кн. 1. – С. 526-530

<..> Основываясь на практике применения судебно-психологической экспертизы в <..> уголовном процессе, рассмотрим, в каких случаях и на каких основаниях следует прибегать именно к этого рода экспертизе. Представляется, что при вменяемости обвиняемого, свидетеля, потерпевшего такими основаниями будут следующие обстоятельства:

- отставание уровня психического развития от возрастной нормы;

- перенесенные или наличные психические заболевания и состояния;

- перенесенные или наличные соматические заболевания, особенно инфекционные, хронические или неизлечимые;

- наличие особенностей, свидетельствующих о крайней неуровновешенности, эмоциональности или агрессивности, нарушениях в таких психических процессах, как восприятие, воображение, внимание, запоминание или воспроизведение, мышление;

- асоциальное поведение потерпевшего, провоцирующее на совершение

преступления, наличие отдельных признаков, предполагающих возможность сильного душевного волнения правонарушителя;

- непонимание или ненадлежащая оценка социальной, нравственной сущности и значимости своих действий;

- сомнения в правдивости показаний свидетеля и потерпевшего, основанные на их несоответствии характеру ситуации, другим данным;

- несоответствие установленных мотивов преступления характеру содеянного;

- сомнения в подлинности авторства письменного текста;

- сомнения относительно мотивов самоубийства или его инсценировки.

Лица, производящие расследование по конкретному делу, на основании теоретических знаний, личного, профессионального и жизненного опыта должны определять адекватность действий личности характеру ситуации.

Однако в определенных случаях возникают затруднения, и тогда на помощь следствию и суду должен прийти эксперт-психолог. В частности, когда наблюдается:

- необычность, причудливость мотивации поведения обвиняемого, свидетеля, потерпевшего;

- резкое отличие поведения указанных лиц от традиционно свойственного соответствующей возрастной и половой группе;

- несоответствие характера поведения целям и мотивам содеянного;

- духовная «глухота» правонарушителя, свидетеля или потерпевшего;

- явно неблагоприятные условия ближайшей окружающей среды, в которой длительное время находился правонарушитель (особенно несовершеннолетний);

- резко выраженные характерологические особенности объекта (чрезмерная вялость или активность, замкнутость или эйфория, застенчивость или бесстыдство и др.);

- необычность поведения субъекта в момент совершения преступления, странности во внешнем облике, мимике, жестикуляции, пантомимике,

телодвижениях;

- данные, свидетельствующие об аккумуляции эмоционального возбуждения или переживаний и др. <..>

<..> При определении компетенции судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе следует относить установление:

- способности обвиняемых, свидетелей, потерпевших (с учетом их индивидуально-психологических и возрастных особенностей, состояния умственного развития) верно оценивать имеющие значение по делу обстоятельства и давать правильные показания;

- наличия или отсутствия у субъекта в момент совершения противоправных действий физиологического аффекта или других эмоциональных состояний, способных существенно повлиять на его сознание;

- способности потерпевших от половых преступлений правильно воспринимать характер и значение действий преступника;

- способности несовершеннолетних обвиняемых, страдающих умственной отсталостью, не связанной с психическими заболеваниями, полностью сознавать, давать отчет в своих действиях;

- возможности возникновения различных психических явлений, препятствующих нормальному осуществлению профессиональных функций (в авиации, автомобильном и железнодорожном транспорте, в работе оператора АСУ на производстве и др.);

- ведущих, упрочившихся мотивов (в психологическом значении этого понятия) поведения человека и мотивации конкретных поступков как важных психологических факторов, характеризующих личность;

- наличие или отсутствие у лица в период, предшествующий смерти, психического состояния, предрасполагающего к самоубийству. <..>

<..> По нашему мнению, приведенный перечень можно расширить, отнеся к компетенции судебно-психологической экспертизы также установление:

- влияния перенесенных или наличных психических и соматических заболеваний и болезненных состояний на индивидуально-психологические особенности личности, их проявление в совершенном преступлении или показаниях, данных по этому поводу;

- авторство письменного текста.

Судебно-психологическая экспертиза может установить психологические особенности личности, проявившиеся в связи с совершенным преступлением, психологическую сторону самого преступления – психическое отношение лица к совершаемому, мотив, цели, потребности, уровень притязаний и их проявление. Однако к ее компетенции не относится освещение этических, философских, педагогических, медицинских и правовых особенностей преступлений и преступников. <..>

Сафуанов Ф. С.

Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособ. – М.: Гардарика, Смысл, 1998. – С. 47-54, 55-66, 91-99

Системный поход. <..> Психодиагностическая деятельность эксперта-психолога имеет свою ярко выраженную специфику, обусловленную тем, что она вплотную примыкает к деятельности судебно-следственных органов. Эта специфика вытекает из своеобразного положения психодиагностической деятельности эксперта-психолога, определяемой необходимостью использования специальных психологических познаний для исследования разных сторон психики человека в целях правильного решения правовых вопросов.

Предметом исследования эксперта-психолога являются особенности и нарушения структуры и динамики психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия. В большинстве предметных видов судебно-психологической экспертизы объектом внимания становятся такие свойства психики, которые нарушают способность подэкспертного лица к осуществлению той или иной

деятельности, предусмотренной уголовным правом и сформулированной в определенных юридических критериях. Эти юридические критерии, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Следовательно, основным методологическим принципом исследования психической деятельности подэкспертных лиц является системный подход. Для конкретизации особенностей системного подхода в судебной экспертизе необходимо проанализировать проблему нормы и патологии регуляции поведения.

Можно выделить три основных операциональных подхода к этой проблеме. Следует подчеркнуть, что они употребляются практически одновременно, только в разных ситуациях на первый план могут выступать те или иные элементы.

Первый подход можно обозначить как «измерительный». В предельном своем выражении такой подход приводит к пониманию различий между нормой и патологией как количественных. Это, например, методологический принцип Кречмера, рассматривающий различия между здоровьем и психическими заболеваниями как количественные. Согласно такому подходу, существует цепочка «нормальные характеры – акцентуированные характеры – психопатические характеры», и не случайно центральным становится понятие не «личности», а «характера», поскольку в психологии с измерительным подходом связывают в первую очередь инструментальные проявления – характер и темперамент. <..>

<..> Другой подход можно обозначить как «оценочный». В крайнем своем выражении такой подход подразумевает патологию как социальную патологию, поскольку нормативное, адаптивное поведение предполагает социализацию, приспособление к окружающей действительности. Положение о том, что различие между нормой и патологией выступает как социальное, или оценочное, хорошо иллюстрирует история становления

взглядов на проблему психопатий. <..>

<..> Третий подход к проблеме нормы и патологии – с позиций изучения структуры психики (структурно-динамических особенностей мотивационной, эмоциональной, волевой, смысловой сфер и т. д.). В центре внимания такого подхода оказываются различные аспекты психической деятельности, но их объединяет понимание различий между нормой и патологией как различий в структуре психики, мотивации, поведения. Патология выступает как расстройство нормальной структуры психических функций, как системное нарушение. <..>

<..> Итак, проблема нормы и патологии решается с помощью трех элементов: 1) через установление количественных изменений (измерительный подход), 2) через социальную оценку (оценочный подход), либо 3) через установление различий в системно-структурной организации психических процессов (объяснительный подход). <..>

<..> Понятие «нормы» с позиций уголовного права выступает как норма регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. У разных подэкспертных данная норма наполняется определенным смысловым содержанием и выступает как норма регуляции криминального поведения у обвиняемых или норма регуляции осознания поведения виновного и способности производить по отношению к нему особые действия у потерпевших, и т. д. Именно сохранность у подэкспертных рассматриваемых норм и позволяет им быть полноценными участниками уголовного процесса. Иными словами, если не затрагивать онтологический и гносеологический аспекты проблемы нормы, то в практическом плане это понятие зафиксировано в уголовном праве в виде различных юридических критериев и сформулировано в психологических понятиях «способности» подэкспертных к тем или иным действиям, раскрывающих, как отмечалось выше, результирующие, наиболее обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения. Необходимость выяснения степени влияния психической

патологии на нормальную регуляцию поведения требует в первую очередь объяснительного подхода, системного анализа и экспертной оценки структуры психики. <..>

<..> *Уровневый анализ поведения и деятельности*. Конечная цель судебно-психологического исследования – анализ регуляции поведения и деятельности подэкспертного лица (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) – требует системного рассмотрения иерархической структуры регуляции поведения и деятельности. <..>

<..> Первым этапом и одновременно высшим звеном мотивации поведения является формирование личности с определенной социальной ориентацией. Главные ценности личности, ее социальные установки задают основное направление формирования актуальной ситуативной мотивации, однако не предопределяют однозначно содержания конкретных мотивов поведения и планирования поступков.

Между «ядром» личности и поступком существует статистическая связь с достаточно высокой вероятностью, но наблюдаемая не всегда, не во всех случаях.

Следующий уровень – формирование у человека конкретной мотивации. В возникновении и выборе конкретных мотивов деятельности важнейшим личностным фактором выступает умение и способность адекватно соотносить ее субъективные моменты с объективно существующими требованиями, связями и отношениями окружающей действительности и имеющейся ситуации. Последнее неизбежно предполагает наличие у субъекта адекватного целостного образа ситуации, в которой осуществляется деятельность. На основе данного образа происходит выбор конкретных актуальных мотивов и целей деятельности, построение схем поведения.

Между мотивацией и поступком лежит еще одно звено – планирование и принятие решения. В основе этого этапа формирования поведения лежит психологический процесс целеполагания, т. е. выбора и постановки целей, на

достижение которых будет направлен поступок. Одна из основных личностных структур, участвующих в целеполагании, – это самооценка. При планировании человек должен оценить свои возможности и способности, необходимые для достижения цели, и соотнести их с объективными условиями ситуации.

Последний этап – процесс реализации принятого решения, выбор способа достижения цели.

На каждом этапе происходит субъективная оценка как функция самосознания, с одной стороны, и осознания окружающей действительности – с другой. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль формирования каждого этапа мотивации поведения и соответствующая результатам контроля коррекция каждого иерархического звена формирования поведения.

Соответственно уровневой организации поведения и деятельности необходимо рассматривать и иерархическую структуру личности. В наиболее широком плане можно выделить различные уровни интеграции личности, влияющие на отдельные звенья генеза мотивации. Так, ценности личности, как осознанные и принятые человеком главные мотивы его жизнедеятельности, в совокупности с общим строением мотивов личности, их иерархией, имеют определяющее значение при формировании конкретной ситуационной мотивации. Характер и темперамент, определяющие в большей степени не содержательные, а инструментальные аспекты поведения, типичные способы действия, влияют на этапы принятия решения и реализации цели. Черты личности, отражающие как особенности мотивационной сферы, так и инструментальные проявления, определяют, в зависимости от обстоятельств, тот или иной уровень деятельности.

Можно рассматривать организацию личности и более широко, как структурно-динамическую организацию познавательных, аффективных, волевых, физиологических и морфологических особенностей индивида. <..> В любом случае при экспертном исследовании психолог должен уметь

выделять интересующий его уровень поведения, деятельности, личности, объясняющий действия подэкспертного лица и, соответственно, имеющий значение для уголовного дела, для целенаправленного аналитического и экспериментального изучения.

Взаимодействие личностных и ситуационных факторов. Объектом исследования эксперта-психолога является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях. В судебной экспертизе в преобладающем большинстве случаев следственные органы и суд интересуют не особенности психики человека вообще, а их функционирование в конкретных ситуациях – например, у обвиняемого или подсудимого в ситуации совершения правонарушения, у свидетелей – в ситуациях совершения преступления, в следственной ситуации и в ситуации судебного разбирательства. Это требует от эксперта обязательного учета влияния на психическую деятельность не только личностных факторов, но и различных ситуационных переменных.

При анализе ситуационных факторов необходимо учитывать, каким именно образом они могут оказывать влияние на поведение и интересующие судебно-следственные органы способности человека к осуществлению той или иной деятельности. <..>

<..> Основные элементы психологически адекватного понятия взаимодействия личности и ситуации сформулированы Д. Магнуссоном и Н. Эндлером:

1) актуальное поведение – функция непрерывного многонаправленного взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен;

2) в этом процессе человек является активным деятелем, преследующим свои цели;

3) существенными признаками личностных переменных взаимодействия являются когнитивные и мотивационные факторы;

4) решающим аспектом ситуационного фактора является то

психологическое значение, которое ситуация имеет для человека. <..>

<..> *Единство сознания и деятельности*. Сознание – это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей, включающее в себя категорию активности и охватывающее эмоционально-ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственно-этическими ценностями и правовыми нормами, отражение смысловой оценки последствий своих действий, т. е. оно является высшим регулятором деятельности. Это обстоятельство отражено в уголовном праве: каждый юридический критерий, исследуемый экспертом-психологом, представлен не только в психологических понятиях, но состоит из двух частей, характеризующих способность, во-первых, к адекватному осознанию окружающей действительности и самосознанию, во-вторых – к полноценной произвольной регуляции своих действий. Так, при экспертизе потерпевших необходимо исследовать как способность к пониманию характера и значения действий виновного лица, совершившего сексуальное насилие, так и способность оказать ему осознанное сопротивление; у свидетеля важно установить не только его способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, но и способность давать о них правильные показания. Эти примеры показывают обязательность учета и принципа единства сознания и деятельности при проведении конкретных судебно-психологических экспертиз.

Важно учитывать, что если способность к адекватному осознанию себя и окружающего в интересующей следствие или суд ситуации нарушена, то нарушена бывает и произвольная регуляция своих действий, поскольку действие всегда реализует цель – а цель является осознанным образом предвосхищаемого результата действия. Но если структуры сознания в рассматриваемой ситуации сохранны, необходимо отдельно анализировать звено регуляции поведения или деятельности, которое может быть расстроено и при полном осознании своих действий.

Принцип развития. Достаточно очевидно, что при экспертном

исследовании психологу, чтобы полноценно ответить на вопросы судебно-следственных органов, необходимо изучать не только актуальную психическую деятельность человека в юридически значимой ситуации, но и проанализировать становление психических особенностей человека в его макродинамике – по существу в каждой отдельной экспертизе без глубокого исследования «психологической биографии» человека невозможно провести полноценное экспертное исследование. Изучение психики подэкспертного лица в его динамике позволяет понять становление его ценностных ориентации, мотивационного строения личности, его характера и темперамента, дает возможность выявить уровень развития и особенности отдельных психических процессов – смыслового восприятия, памяти, внимания, мышления и т. п. <..>

<..> Изменения психического состояния подэкспертного могут даже привести к разным ответам на вопросы судебно-следственных органов применительно к различным юридически значимым ситуациям – например, способность свидетелей преступления правильно воспринимать имеющую значение для дела информацию и давать о них правильные показания относится и к ситуации совершения криминала, и к ситуации следствия (которая может занимать довольно длинный промежуток времени), и к ситуации судебного разбирательства. Ясно, что за это время психика человека претерпевает изменения, и варианты такой динамики, как показывает экспертная практика, достаточно разнообразны. <..>

<..> Таким образом, наиболее общими принципами психодиагностического исследования судебного эксперта-психолога являются системный структурно-динамический подход, учитывающий единство сознания и деятельности, а также тесное взаимодействие личностных и ситуационных факторов.

Этапы планирования психодиагностического исследования. Полноценное планирование психодиагностического исследования требует четкого понимания структуры и этапов взаимодействия эксперта-психолога с

органом, назначившим экспертизу, с одной стороны, и с подэкспертным лицом – с другой. <..>

<..> На первом этапе определяется задача психодиагностического исследования. При судебно-психологической экспертизе в роли «заказчика», определяющего задачи исследования, выступают судебно-следственные органы. Данные психодиагностического исследования, сформулированные в заключении судебно-психологической экспертизы, используются судом для принятия судебного (правового, юридического) решения.

Это обстоятельство ставит перед экспертом-психологом довольно непростую проблему формулировки своего психодиагностического заключения на понятном для заказчика языке. Экспертные выводы должны быть представлены таким образом, чтобы их могли полноценно использовать судебно-следственные органы и в то же время они не должны терять своей психологической сущности, адекватно отражая исследуемое явление на высоком научном уровне, которым может обладать только профессионал, владеющий специальными познаниями в психологии.

Данная проблема обычно решается путем исследования «юридических критериев», сформулированных в уголовном и уголовно-процессуальном кодексе исключительно в психологических понятиях. Эти критерии, отражая закономерности структуры и динамики психики, являются одновременно и юридическими понятиями, поскольку касаются регуляции таких видов психической деятельности, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Поэтому они являются своеобразными правовыми нормами, наполненными психологическим содержанием.

Таким образом, экспертные психологические выводы формулируются на языке юридических критериев, которые результируют психодиагностическое исследование способности лица к осознанию и регуляции определенного вида деятельности и в то же время являются правовыми понятиями, встроенными в уголовный и уголовно-процессуальный кодекс. <..>

<..> На втором этапе производства экспертизы психолог выделяет предмет исследования, т. е. уясняет, какое явление необходимо диагностировать.

В общем случае предмет психодиагностического исследования определяется вопросами, заданными эксперту органом, назначившим экспертизу. В то же время важное значение имеет предварительное ознакомление с материалами уголовного дела с четким представлением фабулы происшедшего. Дело в том, что некоторые вопросы судебно-следственных органов могут быть сформулированы достаточно обобщенно, и эксперт-психолог, основываясь на своих специальных познаниях в теоретической психологии (психологии личности, психологии познавательной деятельности, психологии эмоциональных явлений и т. д.), должен самостоятельно выделить, каким аспектам изучаемого явления он должен уделить основное внимание. <..> Кроме того, <..> эксперт-психолог имеет право делать экспертные выводы, касающиеся тех обстоятельств, относительно которых не было задано вопросов, – очевидно, что выделение этих обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, также является прерогативой самого эксперта-психолога и должно основываться на его опыте, степени владения специальными познаниями в психологии и анализе материалов уголовного дела.

Кроме того, выделение предмета психодиагностического исследования диктуется в каждом конкретном случае и четким представлением эксперта-психолога о юридическом значении экспертного заключения, о том, каким образом суд может использовать его выводы, какие возможные правовые последствия из них вытекают.

На третьем этапе планирования производства экспертизы решается самый важный вопрос: как именно исследовать подэкспертное лицо, какие методы применить в конкретном экспертном исследовании?

Не существует и не может существовать заранее подготовленного универсального набора психодиагностических методик, который можно

было бы применить ко всем подэкспертным лицам. Каждая судебно-психологическая экспертиза – это уникальная процедура психодиагностического исследования с выбором конкретных методов исследования, зависящим от множества факторов.

Перечислим наиболее важные из них.

1. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике, в частности – владение различными методами исследования и понимание их направленности.

Наиболее общая классификация психодиагностических методов выделяет три крупные группы.

Первую группу составляют методы, позволяющие получить L-данные путем регистрации реального поведения человека (life record data). В рамках деятельности эксперта-психолога к этой группе можно отнести:

а) метод наблюдения во время клинико-психологической беседы и проведения экспериментально-психологического исследования,

б) анализ дневниковых записей среднего медицинского персонала о поведении подэкспертных во время проведения стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы,

в) анализ показаний свидетелей и других материалов уголовного дела, в которых фиксируются особенности поведения подэкспертного лица.

Другая группа – Q-данные, полученные путем различных опросников и других методов самооценки и самоотчета (questionnairy data). В судебной экспертизе используются разнообразные методы стандартизированного самоотчета, включающие отличающиеся друг от друга техники психодиагностики (опросники, шкалирование, выбор, классификация и т. п.) и направленные на исследование различных сторон личности, психических состояний, структур самосознания, отдельных психических процессов, интеллекта и пр.

Третью группу составляют T-данные, получаемые при непосредственном экспериментальном исследовании испытуемых (objective

test data). В рамках деятельности эксперта-психолога – это обычно методы, используемые в классическом патопсихологическом экспериментальном исследовании познавательных процессов и уровня интеллектуального развития.

Эксперт-психолог должен четко представлять возможности используемых психодиагностических методов, и в первую очередь – направленность метода, а также особенности техники, процедуры психодиагностического исследования. <..>

<..> При выборе конкретных методов психодиагностики важно учитывать и такую характеристику тестов, как экологическая репрезентативность, т. е. приближенность эксперимента к реальным условиям существования человека. <..>

2. Возможность применения методов именно в судебно-психологической экспертизе.

<..> Методы психодиагностики, применяемые в судебно-психологической экспертизе, должны обладать двумя основными характеристиками – валидностью и надежностью.

Валидность является комплексной характеристикой методики, включающей сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним. <..>

<..> Наиболее важные типы валидности – это диагностическая (конкурентная, текущая), отражающая способность теста различать испытуемых на основе диагностического признака, являющегося объектом исследования в данной методике, и прогностическая (предсказательная) – отражающая степень точности и обоснованности суждения о диагностируемом психологическом качестве по его результату спустя определенное время после диагностики. Диагностическая и прогностическая валидность в совокупности образуют эмпирическую валидность – наиболее существенное свойство для любой методики, используемой экспертом-психологом.

При психодиагностике малолетних и несовершеннолетних подэкспертных необходимо учитывать также такое важное свойство теста, как валидность по возрастной дифференциации. Это свойство методики отражает соответствие результатов теста теоретически ожидаемым и практически наблюдаемым возрастным изменениям диагностируемого качества. <..>

<..> Другая необходимая для возможности применения методики в психодиагностических целях характеристика – это надежность теста – понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов.

Одной из главных особенностей контингента испытуемых в условиях судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы является наличие как раз таких дополнительных факторов, которые существенно снижают валидность и надежность психодиагностических исследований. В первую очередь, это различные психогенные реактивные наслоения на психическую деятельность подэкспертных, связанные с ситуацией привлечения к уголовной ответственности, с реакцией на содеянное, с лишением свободы и помещением в новые условия жизнедеятельности. <..> Следует учитывать, что объектом психодиагностической деятельности эксперта-психолога, особенно в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, часто являются лица с различными формами психических аномалий, что накладывает дополнительный отпечаток на их смысловое восприятие и осмысление изменившейся ситуации существования, на их эмоциональную реактивность, функциональное состояние и другие стороны психической деятельности. И, наконец, одним из ведущих факторов, искажающих результаты психодиагностических методов, являются разнообразные установки подэкспертных по отношению к исходу экспертизы. Психически здоровые лица, обвиняемые в тяжких преступлениях, которым грозит исключительная мера наказания, могут симулировать психические расстройства, напротив, лица с наличием

психических нарушений, совершившие незначительные преступления, в ряде случаев скрывают собственные психопатологические переживания.

Поэтому в практике производства судебно-психологической экспертизы адекватно может применяться довольно ограниченный круг психодиагностических методов, которые прошли многолетнюю апробацию в условиях экспертного исследования и доказали свою эффективность. <..>

<..> С этой точки зрения предпочтительнее использовать такие методы исследования, которые содержат оценочные шкалы, отражающие влияние личностных установок и эмоциональных состояний испытуемого (как это сделано в MMPI), или защищены от искажающих влияний при конструировании теста (опросник Кеттелла), или показали свою универсальность и эффективность на протяжении нескольких десятков лет их применения (например, тест Роршаха или ТАТ).

3. Процессуальное положение подэкспертного лица.

При планировании психодиагностического исследования и выборе конкретных методик эксперт-психолог должен обязательно учитывать процессуальное положение испытуемого. Это связано с тем, что в основе интересующей судебно-следственные органы способности подэкспертных лиц к осуществлению той или иной юридически значимой психической деятельности в зависимости от того, является ли обследуемое лицо обвиняемым (подсудимым), свидетелем или потерпевшим, лежат разные психологические предпосылки и, соответственно, разные объекты психодиагностического исследования.

4. Половозрастные факторы.

Психодиагностические методы, как правило, валидизируются на определенных возрастных группах и с учетом половой дифференциации. Валидные и надежные методики обычно имеют различные нормативы обработки и интерпретации данных для определенных возрастных интервалов, содержат мужские и женские варианты. <..> Только точное знание половозрастной адресации психодиагностического метода позволяет

избежать ошибки при комплектовании набора методик в отношении конкретного подэкспертного.

5. Психические аномалии и умственное развитие подэкспертного лица.

Индивидуально-психологические (в том числе и психопатологические) особенности каждого конкретного испытуемого определяют пригодность применения по отношению к нему той или иной методики. Разные психодиагностические методы требуют деятельности испытуемого различной сложности. Испытуемым с низким уровнем умственного развития, с недостатком образования часто недоступно понимание даже инструкций многих используемых методов. В случаях, когда не решается специально задача определения уровня интеллекта, следует отбирать для исследования такие методики, которые позволяют изучать интересующее психолога явление, и в то же время их выполнение будет доступно для обследуемого лица.

6. Вид экспертизы по месту и условиям проведения.

Этот фактор часто определяет трудоемкость проведения психодиагностического исследования. При комплектовании батареи методов эксперт-психолог неизбежно сталкивается с проблемой затрат времени, необходимых для проведения экспериментального исследования, обработки и интерпретации полученных данных, соотнесения их с данными психологического анализа материалов уголовного дела, составления заключения и формулирования экспертных выводов. Ясно, что в условиях стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (длящейся обычно месяц) психодиагностическое исследование может включать в себя больший объем применяемых методов, с возможной верификацией данных, полученных разными методами, направленными на изучение одного и того же явления, и с возможным ретестированием испытуемого одной и той же методикой. В условиях амбулаторной экспертизы или экспертизы в зале судебного заседания ресурсы времени более ограничены, что накладывает отпечаток на объем

психодиагностического исследования и на выбор конкретных тестов. В условиях дефицита времени предпочтение следует отдавать наиболее информативным и занимающим меньше времени тестам.

7. Уровень квалификации эксперта-психолога.

Конечно, в идеале желательно иметь в качестве экспертов таких психологов, которые в совершенстве владели бы всеми методиками, применяемыми в судебной экспертизе. Но на практике экспертизу проводят психологи, обучавшиеся в различных по качеству образования высших учебных заведениях, имеющие различную базовую подготовку, разный опыт работы в экспертизе. Одни эксперты доверяют больше одним психодиагностическим методам, другие – иным. Поэтому в качестве общей рекомендации можно сказать, что предпочтительнее применять меньшее число экспериментальных методов, которыми эксперт владеет на высоком уровне, чем гнаться за количеством и использовать отдельные методы исследования неквалифицированно, неправильно обрабатывая и интерпретируя их результаты. Следует всегда учитывать, что при производстве экспертизы окончательные выводы психолога складываются не только из данных экспериментально-психологического исследования, но и требуют обязательного психологического анализа поведения и деятельности подэкспертного лица по всем имеющимся в распоряжении эксперта материалам. Только при сопоставлении и верификации данных анализа материалов уголовного дела с экспериментальными можно обоснованно формулировать экспертные выводы. <..>

<..> *Этапы проведения психодиагностического исследования*. Основные этапы психологического исследования при производстве судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз можно представить в виде следующей обобщенной схемы.

1. Четкое уяснение фабулы дела. Эксперт-психолог реконструирует временную последовательность событий, используя все имеющиеся в деле показания (обвиняемого, свидетелей, потерпевших), материалы выхода на

место происшествия и следственных экспериментов, а также данные судебных экспертиз. Существенно облегчает понимание динамики ситуации и поведения подэкспертного текст обвинительного заключения, если оно имеется в уголовном деле.

2. Психологический анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам.

3. Психологический анализ динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела.

4. Проведение клинико-психологической беседы и экспериментально-психологического исследования с одновременным наблюдением подэкспертного.

5. Сопоставительный анализ данных психологического изучения уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментального исследования.

6. Анализ взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией, исследования особенностей отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции своих действий, контроля своего поведения, прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов – с учетом индивидуально-психологических возможностей, эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития, психических расстройств.

7. Составление заключения с формулировкой экспертных выводов (ответов на вопросы судебно-следственных органов). <..>

<..> *Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы*. Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины – гуманизма, ответственности, непричинения вреда, благодеяния, справедливости. <..> Однако использование заключения

судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами определяет некоторую специфику практического применения этических норм экспертом-психологом. <..> Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми – от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица, например, для обвиняемых – квалификация статей Уголовного кодекса (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т. д. Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в производстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за свои решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»: психолог должен действовать строго в рамках закона, соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в

законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога. <..>

<..> Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Эти ценности и определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

Профессиональная компетентность. Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из его специальных познаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Специальные психологические познания в судебно-психологической экспертизе <..> в качестве минимального профессионального стандарта требуют высшего психологического образования и наличия постдипломной подготовки в области судебной психологии. Это накладывает на эксперта-психолога моральную обязанность постоянного профессионального совершенствования с использованием всех доступных форм дополнительного обучения, изучением научной и методической литературы по психологическим и смежным дисциплинам, входящим в объем специальных психологических познаний, усвоением собственного опыта и опыта своих коллег. Кроме того, нравственным требованием к эксперту-психологу является и оказание профессиональной помощи своим коллегам, консультирование их при затруднениях и сомнениях в сложных диагностических и экспертных случаях, передача своего опыта молодым начинающим психологам.

Как указывалось выше, эксперт-психолог самостоятельно принимает решения, влияющие на судьбу подэкспертных лиц, а косвенно – и на их родителей, детей, супругов, других родственников и близких. Это налагает на психолога дополнительную ответственность и, безусловно, только

высокая степень овладения им специальными психологическими познаниями дает ему моральное право принимать самостоятельные ответственные решения при производстве экспертизы.

Однако для полноценного производства судебно-психологической экспертизы одного усвоения специальных познаний недостаточно. Важнейшей составляющей профессиональной компетентности судебного эксперта-психолога является искусство проведения психодиагностического исследования. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующим важным этическим принципом.

Личностный поход. Основой этики системы отношений к испытуемому в рамках судебной экспертизы является личностный подход. Он складывается из следующих этических стандартов.

1. Уважение прав личности подэкспертного.

Любой человек, привлеченный к уголовной ответственности или участвующий в процессе суда или следствия в качестве потерпевшего или свидетеля, обладает определенной совокупностью прав, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством. Объем данных прав может различаться в зависимости от процессуального положения подэкспертного лица (является ли оно подозреваемым; обвиняемым, не заключенным под стражу; обвиняемым, заключенным под стражу; подсудимым; потерпевшим; свидетелем), но эксперт-психолог должен иметь о законных правах каждого конкретного человека четкое представление, чтобы избежать их ущемления. Следует всегда учитывать, что одним из основных прав любого подэкспертного является право на информацию о цели и характере проводимой экспертизы.

2. Уважение чести и достоинства подэкспертного.

Эксперт-психолог в ходе своей деятельности часто вынужден работать

с людьми, которые по-человечески, с житейской точки зрения, вызывают крайне негативное эмоциональное отношение. Это может определяться характером инкриминируемого им деяния – например, половые преступления (особенно групповые или в отношении малолетних детей), убийства, совершенные с особой жестокостью и т. п. Другим фактором эмоционального неприятия может выступать неприемлемое, с точки зрения норм межличностного общения, поведение испытуемого в процессе производства экспертизы: повышенная агрессивность, сквернословие и т. д. Нормальное субъект-субъектное взаимодействие нарушают и различные формы установочного поведения – явная симуляция, аггравация и пр. Часто раздражающими в общении являются особенности поведения, определяемые разными формами психических расстройств: гебоидное дурашливое поведение, подчеркнутая демонстративность, негативизм, повышенная подозрительность и требовательность и др. Тем не менее, в любом случае эксперт-психолог должен занимать профессиональную позицию по отношению к поведению подэкспертных лиц (оно должно быть объектом его психодиагностического наблюдения), контролировать свои действия и высказывания, вести себя корректно.

Особенно важно избегать оценочных суждений о личности испытуемого. Эксперт-психолог должен всегда помнить, что обвиняемый в преступлении – еще не преступник, что на момент производства экспертизы его вина и ее степень еще не доказаны. Психолог не может брать на себя функции суда. <..>

<..> Важным компонентом уважения чести и достоинства подэкспертных является и внутренняя культура эксперта-психолога, корректность поведения, правильная речь, аккуратность во внешнем облике. Психодиагностическое исследование – всегда диалоговое взаимодействие, со взаимным восприятием и оценкой друг друга, скрытым процессом невербального общения. От восприятия эксперта испытуемым во многом зависит и установление доверительного контакта, достижение атмосферы

откровенности, заинтересованность в совместной деятельности, что является одним из важнейших условий эффективности экспертного исследования.

3. Независимость.

Независимость эксперта является одним из краеугольных камней судопроизводства и достижения истины по уголовному делу. Она лежит в основе объективности и беспристрастности эксперта-психолога и непосредственно связана с его личной ответственностью за экспертные выводы.

Можно выделить несколько компонентов независимости эксперта-психолога.

1. Независимость от судебно-следственных органов.

Прежде всего следует отметить, что в случаях, когда эксперт находится в какой-либо зависимости от следователя, обвинителя (прокурора) или защитника (адвоката) – например, является их родственником – то он обязан заявить самоотвод, что предусмотрено законом. Однако в жизни иногда возникают ситуации, когда между экспертом и должностным лицом нет служебной, родственной или иной зависимости, но на эксперта оказывают давление различные судебно-следственные органы, психолог находится в дружеских отношениях с лицами, причастными к суду или следствию, и т. п. – в этих случаях основой личной независимости эксперта-психолога являются только его внутренние убеждения, его общая нравственная позиция. В любом случае эксперт-психолог имеет право обжаловать действия должностных лиц (следователя, прокурора, судьи), ущемляющие его права.

2. Независимость от других участников уголовного процесса.

В случаях, когда эксперт-психолог является родственником обвиняемого, потерпевшего или их законных представителей или сам является потерпевшим или свидетелем по делу, он также обязан заявить самоотвод. Однако законом не предусмотрены случаи, когда связанными родственными или иными узами с перечисленными лицами являются друзья, коллеги или непосредственные начальники эксперта. В этих случаях

проявление независимости целиком зависит от этической позиции психолога. Также сложные нравственные коллизии могут возникать в ситуациях, когда участники процесса каким-то образом связаны с психологом, а экспертизу в отношении этих лиц производят его коллеги.

3. Независимость от других экспертов-психологов.

Этот аспект независимости связан с ситуациями проведения комиссионной судебно-психологической экспертизы, в которых мнения членов комиссии не совпадают друг с другом. Моральной обязанностью каждого эксперта-психолога является самокритичное отношение, уважение мнения коллег и умение признавать свои ошибки, но в случаях, когда после тщательного анализа всех аргументов других членов комиссии внутреннее убеждение эксперта-психолога в своей правоте не изменилось, этичной будет реализация своего права составить отдельное аргументированное заключение, которое будет оцениваться судом наряду с заключением других членов комиссии судебно-психологической экспертизы. Важным аспектом независимости эксперта-психолога является определение предмета и выбор конкретных методов исследования. Их он выбирает, исходя из своей профессиональной компетентности, и никто не вправе директивно заставлять его проводить те исследования, которые, по его мнению, не имеют значения для достижения истины по делу.

4. Независимость от себя. <..>

<..> При производстве судебно-психологической экспертизы, при взаимодействии с подэкспертным лицом психолог должен абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, от чувства жалости или, напротив, ненависти, руководствоваться только профессиональными познаниями, а также принципами беспристрастности, непредвзятости, объективности – только такая нравственная позиция является гарантией от искажений экспертного заключения под влиянием незаконной «гуманности» или «жестокости».

4. Конфиденциальность.

При производстве судебной экспертизы эксперт-психолог становится обладателем большого объема информации о подэкспертном лице. Это, во-первых, все данные уголовного дела, предоставленные в распоряжение эксперта. Во-вторых, это приобщенные к уголовному делу материалы, среди которых особо конфиденциальную информацию – сведения, составляющие врачебную тайну – содержит медицинская документация. В-третьих, это информация, полученная при производстве собственного экспертно-психологического исследования, включающая результаты экспериментально-психологического изучения индивидуально-психологических особенностей и познавательной сферы подэкспертного лица. Все эти сведения эксперт-психолог не имеет права разглашать согласно закону, но они составляют конфиденциальную информацию и по этическим соображениям. Особо это касается данных собственного психодиагностического обследования, поскольку не все они могут включаться в заключение психолога (являющегося составной частью уголовного дела) для обоснования экспертных выводов. Также противоречит этическому принципу конфиденциальности и разглашение самого факта производства судебно-психологической экспертизы в отношении конкретного подэкспертного лица.

Эксперт-психолог должен помнить, что единственный адресат такого рода информации – орган, назначивший экспертизу. Включенность деятельности психолога, проводящего судебную экспертизу, в работу судебно-следственных органов, таким образом, не делает все сведения об испытуемом абсолютно закрытыми, но определяет границы конфиденциальности. <..>

<..> 5. Этика научных исследований

Развитие теории и методологии общей, медицинской, криминальной, возрастной психологии, других психологических дисциплин делает неизбежными научные исследования, объектом которых являются подэкспертные лица. Данные психологических исследований, проведенных с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, могут и должны использоваться

в соответствующих научно-исследовательских работах, но в то же время это обстоятельство диктует определенные этические нормы взаимодействия с испытуемыми. В случаях, когда для научных обобщений используются данные (заключения, протоколы экспериментальных исследований), необходимые для производства конкретных судебно-психологических экспертиз, особых этических проблем не возникает. Но подэкспертные лица могут быть в научных целях обследованы методами, не используемыми при обосновании экспертных выводов (например, тесты с факторной обработкой массива групповых данных), для самих же испытуемых цели применения каждой конкретной методики остаются неизвестными. В таких случаях этические принципы диктуют получение информированного согласия испытуемого на проведение экспериментальных исследований, которые будут использованы исключительно в научных целях.

Кроме того, очевидной нравственной нормой представляется недопустимость применения таких методов исследования, которые способны ухудшить психическое состояние испытуемого, воздействовать на его психику негативно – к примеру, искусственное вызывание фрустрации экспериментальным путем для изучения фрустрационной толерантности, применение опросников, содержащих вопросы с сексуальной тематикой для изучения особенностей самосознания лиц с парафилиями и т. д. В этих случаях психолог должен руководствоваться древнейшим принципом: «не навреди!».

Часто в научных публикациях используются конкретные примеры проведенных судебно-психологических и психолого-психиатрических экспертиз для иллюстрации каких-либо научных положений, или имеющих самостоятельное значение (психологический анализ казуистических случаев). При этом необходимо помнить, что фамилию подэкспертного, сведения о нем, время и место совершения правонарушения, другие обстоятельства анализируемого случая, не относящиеся к психологическому предмету исследования, следует приводить в самом общем или

зашифрованном виде, чтобы избежать возможности идентификации испытуемого, его узнавания – особенно это относится к тем уголовным процессам, которые получили широкое освещение в средствах массовой информации.

Недопустимо влияние отказа подэкспертного от добровольного участия в научных исследованиях на отношение к нему эксперта-психолога. Напомним еще раз, что уважение прав подэкспертных является одним из основополагающих принципов этики эксперта-психолога. <..>

Костицкий М. В.

Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе // Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: вибр. наук. праці. – Чернівці: Рута, 2009. – Кн. 1. – С. 537-546

Важным источником доказательств в гражданском процессе является заключение судебной экспертизы.

<..> Психологическая экспертиза – новый вид экспертного исследования, не менее важный и сложный, чем психиатрическая. Объектом ее являются психические процессы и явления, которые глубоко различны у разных людей и зависят от социальных условий формирования конкретной личности, типологических особенностей высшей нервной деятельности, возраста, уровня развития, образования, профессиональной принадлежности, наличных или перенесенных заболеваний. <..>

<..> Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе применяется редко ввиду отсутствия рекомендаций на этот счет, неосвещенности этого вопроса в научной юридической и психологической литературе, недостаточной осведомленности юристов-практиков о возможностях такой экспертизы в гражданском процессе. <..>

<..> Судья в порядке обеспечения доказательств и во время подготовки дела к слушанию или суд во время слушания дела по существу, установив, что для разрешения конкретного вопроса необходимы специальные

психологические познания <..> могут назначить судебно-психологическую экспертизу. Такая экспертиза может быть проведена как в суде, так и вне его. Проведение судебно-психологического исследования личности связано с необходимостью не однократного применения экспериментальных методик, продолжительного контакта экспертов с испытуемым, длительного наблюдения за ним. В судебном заседании достигнуть этого невозможно. В то же время экспертам-психологам очень важно принять участие в исследовании доказательств в судебном заседании. Прежде всего это касается допроса свидетелей, сторон, представителей. Эксперты в суде имеют возможность выяснить особенности поведения лица в различных социальных группах и ситуациях, возможные странности, отклонения, характерологические особенности и т.п., что не зафиксировано в материалах дела и другим, например экспериментальным путем, установить невозможно. Поэтому желательно, чтобы судебно-психологическая экспертиза назначалась до судебного разбирательства, а эксперты проводили экспертное исследование до и во время судебного разбирательства.

Для разрешения задач, поставленных перед экспертизой, эксперты <..> имеют право знакомиться с материалами дела, принимать участие в его рассмотрении, могут просить суд о предоставлении им дополнительных материалов. Последнее следует понимать как право эксперта-психолога просить суд истребовать дополнительные, отсутствующие в деле, документы, характеризующие личность испытуемого. Не разрешен вопрос о возможности (праве) экспертов ходатайствовать о вызове свидетелей, которых стороны не вызывали. Для экспертизы показания таких лиц могут иметь важное значение, особенно если речь идет о заочной или посмертной судебно-психологической экспертизе. <..>

<..> Судебно-психологическая экспертиза не имеет никаких заведомых преимуществ перед другими видами экспертизы, доказательствами так же, как и эксперт-психолог перед другими экспертами или лицами, участвующими в деле. Заключение судебно-психологической экспертизы

оценивается судом наравне с другими доказательствами по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном в объективном рассмотрении обстоятельства дела. В оценке доказательственного значения заключения судебно-психологической экспертизы суд руководствуется законом и профессиональным правосознанием. Если суд сочтет, что в заключении судебно-психологической экспертизы неполно проанализированы, освещены и исследованы интересующие его обстоятельства, он может задать эксперту уточняющие вопросы. <..>

<..> В тех случаях, когда заключение судебно-психологической экспертизы носит неконкретный характер, или, но мнению суда, является необоснованным, неопределенным и неясным, суд вправе назначить повторную экспертизу, проведение которой поручается другому составу экспертов. Повторная экспертиза может быть назначена судом в тех случаях, когда эксперты применили неправильную методику, когда их заключение противоречит другим материалам дела или если были допущены ошибки при собирании материалов для первичной экспертизы, а также когда у суда возникает сомнение в добросовестности, непредвзятости и компетенции экспертов.

Если результаты экспертиз противоречат друг другу и эти противоречия в суде не устранены, суд может назначить одну или несколько дополнительных экспертиз, а в тех случаях, когда противоречия значительны, – повторную или повторные экспертизы.

Принципиальным в отношении судебно-психологической экспертизы в гражданском процессе является вопрос о ее возможностях и компетенции. Гражданское судопроизводство связано с судебной защитой имущественных и неимущественных прав личности. При этом имеет значение не только объективное проявление нарушения права, но и субъективное, связанное с психическим миром человека. В связи с научно-технической революцией, интенсификацией информационной насыщенности жизни психологический фактор в жизни человека приобретает особое значение. Он проявляется в

законопослушном и, особенно, в делинквентном поведении человека. Применение психологических званий для исследования делинквентного поведения помогает установить его причины, истинное содержание, направленность, контролируемость и осознанность. Психологическому анализу могут подвергаться не только делинквентное поведение человека и лицо, нарушившее чужие права, но и свидетель, третья сторона, в отношении которых у суда возникают сомнения по поводу возможности адекватного отражения ими обстоятельств, имеющих значение для дела. Применение психологических знаний при разрешении споров, вытекающих из семейных правоотношений, выступает иногда чуть ли не единственным инструментом выполнения задачи сохранения семья и оптимального обеспечения прав детей.

В связи с изменением характера жизни современного человека изменились также характер, условия, психологические особенности его труда. Труд становится все более квалифицированным, качественным и в то же время все более интенсивным, динамичным, многопрофильным, стрессогенным. Чрезвычайно возросли требования к интеллектуальной, волевой и эмоциональной сферам психики трудящегося человека. Ошибки, допущенные во время трудовой деятельности, могут повлечь за собой значительные отрицательные последствия. Поэтому возрастает объективная необходимость применения психологических знаний при рассмотрении в суде дел, возникающих из трудовых правоотношений, поскольку в зависимости от психологических факторов поведение человека в рамках трудового права может быть как правомерным, так и делинквентным. Привлечение экспертов-психологов к разбирательству дел о причинении вреда в процессе трудовой деятельности может помочь суду установить степень вины или отсутствие таковой, объективную невозможность, исходя из психических особенностей субъекта, не совершить противоправные действия. Возможно применение психологических знаний (в комплексе с медицинскими) при разрешении споров по поводу утраты общей и

профессиональной трудоспособности. Прежде всего это относится к трудовой деятельности и трудоспособности интеллектуального характера.

В компетенцию судебно-психологических экспертиз в гражданском процессе входит разрешение психологических вопросов, интересующих суд и имеющих значение для дела, входящих в предмет науки психологии, а именно: исследование психических процессов, явлений и свойств психической деятельности человека психически здорового, вменяемого (с юридической точки зрения).

Использование психологических знаний позволяет решать не только процессуальные, но и профилактические, воспитательные и другие социально значимые задачи. <..>

Костицкий М. В.

Психологическая экспертиза в административном процессе // Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: вибр. наук. праці. – Чернівці: Рута, 2009. – Кн. 1. – С. 546-554

Выполнение задач по укреплению правопорядка и интенсификации борьбы с правонарушениями требует дальнейшего совершенствования организации правоприменительной деятельности, комплексного подхода к принятию управленческих решений и применению ответственности, более полного обеспечения гарантий прав личности, совершенствования процессуальной процедуры и т.п.

Психологическая экспертиза, как свидетельствует опыт ее применения в уголовном и гражданском процессах, является ценным, а порой и незаменимым источником доказательств. <..>

<..> В административном процессе можно выделить несколько видов производств как его структурных единиц:

- по принятию актов государственного управления;

- по предложениям и заявлениям граждан и обращениям общественных организаций о реализации принадлежащих им прав в сфере государственного

управления;

- по административно-правовым жалобам и спорам;

- по организационным делам в аппарате государственного управления;

- по делам о поощрениях в сфере государственного управления;

- по делам о применении принудительных мер (производство по делам об административных правонарушениях);

- по делам, связанным с применением норм трудового, земельного, финансового права.

Из этого перечня видно, что административный процесс охватывает обширное поле деятельности и предполагает разрешение самых разнообразных вопросов управленческого, исполнительно-распорядительного, конкретно-индивидуального характера.

В Кодексе об административных правонарушениях экспертиза выделена как самостоятельный источник доказательств. <..> Таким образом, законодатель закрепил возможность привлечения компетентным органом или должностным лицом по делам об администгративных правонарушениях для разрешения специальных вопросов лиц, обладающих специальными знаниями.

Возникает вопрос о возможности проведения экспертизы в других видах административного производства, кроме производства по делам об административных правонарушениях. По нашему мнению, проведение экспертизы для получения заключения специалиста возможно во всех видах административного производства. Это касается, в частности, использования психологической экспертизы. <..>

<..> Нами была обоснована необходимость и возможность участия в этом процессе экспертов-психологов, которые совместно с другими специалистами могли бы определять социальную и психологическую потребность в новом нормативном акте, прогнозировать его действие на различные социальные группы, возможную эффективность и т.п. Полагаем, что и в таком виде административного производства, как принятие

нормативных актов государственного управления, было бы целесообразно участие экспертов-психологов.

Участие экспертов-психологов возможно и в производстве по предложениям и заявлениям, жалобам и спорам, если их содержание составляют межличностные отношения, отношения гражданина и организации, вопросы психологического климата, работы систем «человек – машина» и др.

В производстве по делам о поощрениях в сфере государственного управления также возможно участие экспертов-психологов. С их помощью компетентные органы и должностные лица могли бы оптимально определять формы и средства поощрительного воздействия на отдельных граждан и коллективы с учетом их психологических и социально-психологических характеристик.

Специальные знания в области психологии могут оказаться полезными и в случаях применения норм трудового, земельного и финансового права. Эксперты-психологи могут оказать помощь уполномоченному органу или должностному лицу в определении и раскрытии содержания субъективных аспектов возникшего правоотношения, в том числе и деликта, урегулированного указанными отраслями права. Однако наиболее плодотворным является использование психологической экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях.

В кодексе об административных правонарушениях указывается среди других доказательств и заключение эксперта. <..> Поэтому при возникновении у уполномоченного должностного лица иди органа сомнений в соответствии психического развития человека его возрасту, в понимании субъектом правонарушения и надлежащей социальной и нравственной оценке им своих действий, при наличии перенесенных временных или хронических, тяжелых соматических или психических заболеваний у правонарушителя, потерпевшего, свидетеля при наличии специфических черт личности, свидетельствующих об особой неуравновешенности,

эмоциональности, агрессивности, странностях в процессах восприятия, воображения, мышления, запоминания, воспроизведения и тому подобных случаях в отношении правонарушителя, потерпевшего, свидетеля может быть назначена психологическая экспертиза.

Психологическая экспертиза по делам об административных правонарушениях должна назначаться для:

- установления наличия физиологического аффекта или другого особого эмоционального состояния субъекта в момент совершения административного деликта;

- определения психологической возможности со стороны свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства совершенного правонарушения и воспроизводить их по требованию должностного лица или компетентного органа;

- определения уровня интеллектуального развития несовершеннолетнего, соответствия его достигнутому возрасту; установления педагогической запущенности, психологического и психофизического инфантилизма; определения структуры и содержания взаимоотношений между родителями, учителями, сверстниками, с одной стороны, и несовершеннолетними правонарушителями – с другой;

- выявления личностных качеств правонарушителя, сказавшихся в совершенном правонарушении;

- установления психологических особенностей и психического состояния водителя транспортного средства при нарушении им установленных правил, а также того, как эти егокачества сказались в совершенном правонарушении.

Этот перечень не является исчерпывающим, но в настоящем виде он соответствует состоянию законодательства об административных правонарушениях. Так, статья 33 Кодекса УССР об административных правонарушениях среди общих правил наложения административного взыскания предусматривает учет личности правонарушителя. Оптимальную

характеристику личности может дать эксперт-психолог. <..> в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, предусмотрено совершение правонарушения в состоянии сильного душевного волнения. <..> Поэтому привлечение психолога для определения психического состояния правонарушителя является необходимым. <..>

<..> В связи с возрастанием значения показаний свидетелей и потерпевших в производстве по дедам об административных правонарушениях важной задачей становится определение достоверности этих показаний, их адекватности фактическим обстоятельствам дела. Если первое (определение достоверности) – прерогатива уполномоченного должностного лица или органа, то установление индивидуальных психических особенностей участников административного процесса, их возможностей адекватно воспринимать события, факты, обстоятельства, воспроизводить их в производстве по делам об административных деликтах входит в компетенцию психолога.

Психологическая экспертиза может проводиться в отношении несовершеннолетнего при решении вопроса о привлечении его к ответственности или направления вспецшколу или спецпрофтехучилище.

Все большее распространение получает судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе по делам о преступлениях на транспорте. Поскольку граница между уголовным и административным деликтами в значительной мере условна и определяется фактически наступившими результатами, которые нередко носят случайный характер, то особую важность приобретает правильное определение того, имела ли место "злая воля" правонарушителя или сказались объективные психические особенности человека. Это необходимо и для дифференциации вида правонарушения, и для определения меры наказания или вида административного воздействия, и для предупреждения преступлений и правонарушений на транспорте. Определение психологических факторов – задача психологической экспертизы.

Важным является вопрос о назначении и проведении психологической экспертизы в административном процессе. Установив потребность в специальном психологическом звании, уполномоченный орган или должностное лицо по собственной инициативе или по ходатайству заинтересованных лиц, принимающих участие в деле, должен вынести специальное постановление, в котором должны быть указаны обстоятельства или личность конкретного человека, подлежащие обследованию, вопросы, которые должен разрешить эксперт, фамилия специалиста, которому поручается производство экспертизы. <..>

<..> В связи с частичным совпадением объектов различных наук в администгративном процессе так же, как в уголовном и гражданском, могут проводиться комплексные психологическиеэкспертизы. <..> Для восстановления деятельности человека по управлению механизмами, аппаратами, транспортными средствами могут назначаться и проводиться комплексные психолого-технические экспертизы. Психолого-криминологические экспертизы могут проводиться для установления причин и условий отдельного правонарушения или группы правонарушений в микрорайоне, районе, городе, области, коллективе, а также с целью определения путей общей и индивидуальной профилактики правонарушений.

Психолого-педагогическая экспертиза может проводиться для выявления педагогической запущенности, сказавшейся в совершенном правонарушении, определения путей ресоциализации и исправления личности, способов индивидуального воздействия на правонарушителя с целью его исправления.

Возможно проведение в административном процессе и таких комплексных экспертиз, в которых могут принимать участие специалисты трех и более отраслей знания, если целью экспертизы является установление обстоятельств, входящих в предмет этих отраслей знания (например, медико-психолого-психиатрическая или технико-психолого-психиатрическая экспертиза). <..>

Дозорцева Е. Г.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология: курс лекций / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С Сафуанова. – 3-е изд. – М.: Генезис, 2009. – С. 480-505

<..> Одно из главных условий уголовной ответственности человека – достижение им определенного возраста, зафиксированного в Уголовном кодексе (УК). От чего зависит выбор этой возрастной границы? С какого возраста человек может отвечать за свои поступки перед законом? Все ли люди по достижении этого возраста могут быть ответственны за одни и те же правонарушения одинаково или нужно учитывать особенности их индивидуального развития? Ответы на эти вопросы затрагивают многие судьбы, а потому требуют особого внимания ученых и практиков.

В основе уголовной ответственности человека лежит, по определению О. Д. Ситковской, «социальная управляемость поведением», иными словами – способность лица учитывать в своих поступках принятые в обществе нормы. Способность эта приобретается в процессе возрастного развития и социализации ребенка и подростка, а ее несформированность определяет невозможность привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Согласно данным возрастной психологии, в норме способность к осознанной саморегуляции формируется у человека к концу подросткового периода, продолжающегося от 11-12 до 14-15 лет. В ее основе лежит главное психологическое новообразование этого возраста – самосознание, становление которого, в свою очередь, определяется развитием абстрактно-логического мышления, рефлексии. Самосознание, включающее в себя и осознанную личностную позицию, формируется в единстве с построением иерархии мотивов и смыслов. Самостоятельная организация поведения субъекта, реализация его личностных установок возможны благодаря развитию волевых процессов. Таким образом, выходя за

пределы подросткового возраста, человек при нормальном развитии обладает всеми психологическими структурами, которые позволяют ему сознательно руководить своими действиями. Вероятно, на этом и основывается выбор возраста полной уголовной ответственности, равного 16 годам. <..> Тем не менее, законодатель учитывает, что формирование и укрепление соответствующей способности при этом не завершается, а продолжается по крайней мере до 18 лет. <..> Именно поэтому несовершеннолетие само по себе рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание. С другой стороны, способность к осознанной саморегуляции есть и у подростка, но она еще находится в процессе становления. В связи с этим с 14 до 16 лет несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности лишь за наиболее тяжкие и специфические для возраста правонарушения. <..> Кроме того, для подростков характерна естественная возрастная незрелость, что может негативно сказываться на регуляции их поведения. Еще более дефицитарна способность к сознательному руководству своими действиями у несовершеннолетних с аномалиями психического развития. Все эти обстоятельства должны быть приняты во внимание при правовой оценке общественно опасных действий подростков.

История свидетельствует, что несовершеннолетие рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность, еще в положениях римского права. Так, в Законе XII таблиц был сформулирован принцип прощения наказания, оправданного несовершеннолетием. Одно из условий такого прощения состояло в том, что совершивший преступление не понимал характера преступного акта. Подобные правовые нормы существовали в течение многих веков в законодательствах различных европейских государств. В дальнейшем это правило стало основой общего для уголовной ответственности несовершеннолетних принципа *разумения.*

Помимо принципа разумения, в уголовном праве с давних времен существует принцип *уголовной безответственности.* Смысл его состоит в том, что до достижения определенного возраста человек считается

неспособным нести виновную ответственность, так как еще не может действовать осмотрительно и с учетом социальных норм. Однако, согласно некоторым законодательствам (например, английскому), это предположение нуждается в доказывании. Так, если будет установлено, что подросток в возрасте от 10 до 14 лет (возраст уголовной ответственности) действовал умышленно при совершении правонарушения, то он может быть привлечен к уголовной ответственности. В других правовых системах (например, в немецкой), напротив, доказыванию подлежит способность действовать осознанно и произвольно во время совершения противоправных действий у несовершеннолетнего, уже достигшего фиксированного в праве возраста уголовной ответственности, т.е. используется принцип разумения. При отсутствии такой способности подросток не несет уголовной ответственности за свои деяния.

Развитие системы ювенальной юстиции в Западной Европе и США привело к тому, что принципы уголовной безответственности и разумения все более утрачивают свое ведущее положение в правоприменительной практике по отношению к несовершеннолетним, уступая место принципу *воспитуемости.* Согласно этому принципу, приоритетом перед установлением ответственности обладает определение адекватных мер для коррекции и ресоциализации подростка в соответствии с его индивидуальными особенностями психического развития и личности. <..>

<..> Большинство специалистов, психиатров и психологов согласны с тем, что под «отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством» следует понимать задержки развития, обусловленные социальными факторами, госпитализмом вследствие соматических заболеваний, сенсорной дефицитарностью. Противоречия в их взглядах касаются возможности либо невозможности сочетания такой задержки развития с иными аномалиями психики. <..>

<..> Если обратиться к тому, как решаются аналогичные проблемы за рубежом, мы увидим, что, например, в законодательстве Германии речь идет

об определении *зрелости* подростка, влияющей на его способность понимать противоправность своих действий и поступать в соответствии с этим пониманием. Нам представляется, что категория зрелости личности несовершеннолетнего или, в нашем случае, – незрелости наиболее точно отражает психологическую составляющую экспертного понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством». При этом в центре внимания должна находиться именно личность несовершеннолетнего как целостная система, регулирующая социально значимое поведение субъекта. Под зрелостью личности понимается уже описанная нами ранее сформированность ее основных структур и функций: иерархической системы мотивов и смыслов, самосознания, способности к целеполаганию, волевых качеств. Незрелость, напротив, предполагает их слабое развитие. Следует особо подчеркнуть, что это положение касается личностной структуры и внутренней личностной позиции несовершеннолетнего независимо от ее содержательных характеристик и социальной ориентации. Таким образом, любое структурирование личности, в том числе ее формирование в социально позитивном или асоциальном направлении либо образование устойчивых дисгармоничных черт и структур, свидетельствует против вывода о незрелости. Необходимо напомнить, что в возрастном плане элементы незрелости для подросткового периода характерны и нормальны, поэтому «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» значительно чаще может констатироваться у 14-15- летних обвиняемых, чем у несовершеннолетних старших возрастов.

Из сказанного выше можно заключить, каким должен быть *объект* комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых. Из всей совокупности подростков-правонарушителей, направляемых органами следствия и судом на экспертное исследование, экспертиза выделяет личностно незрелых несовершеннолетних без психической патологии, без выраженной и

структурированной личностной дисгармоничности, без сложившихся в относительно устойчивую позицию и стереотип поведения асоциальных тенденций.

Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, в его клинической и психологической интерпретации может рассматриваться и в качестве *предмета* комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых на первой стадии ее проведения. Задачи этого этапа состоят в выявлении признаков такого отставания (личностной незрелости) у несовершеннолетнего подэкспертного и, при их наличии, в определении того, связаны они с психическим расстройством или нет. Решая названные задачи средствами каждой из дисциплин, психологи опираются на представления о психологической норме, психиатры – на модели той или иной клинической картины психического расстройства. В результате комплексной оценки возможны несколько исходов.

В случае если какое-либо *отставание в развитии вообще отсутствует,* дальнейшие экспертные вопросы <..> не возникают. Если такое *отставание имеется, но связано с определенным психическим расстройством,* встает вопрос о способности несовершеннолетнего сознательно управлять своим поведеним. <..> Ведущую роль при решении этих вопросов играет психиатр, устанавливающий наличие психической патологии. Однако психолог также может в рамках своей компетенции, прежде всего если речь идет о психическом расстройстве, не исключающем вменяемости, исследовать психологические механизмы ограничения способности к осознанному руководству действиями при совершении правонарушения и сделать выводы комплексной экспертизы более конкретными, обоснованными и надежными.

В случае, когда *признаки отставания в развитии (личностной незрелости),* по мнению экспертов обеих специальностей, *не связаны с психическим расстройством,* решение дальнейших вопросов экспертизы

находится в компетенции психолога.

Из сказанного следует, что экспертиза несовершеннолетних обвиняемых <..> принципиально должна быть *комплексной* и не может выполняться экспертом, представляющим лишь одну специальность.

Обратимся теперь к основному интересующему нас варианту: у несовершеннолетнего обвиняемого есть отставание в психическом развитии и оно не связано с психическим расстройством. <..> *Предмет* экспертизы на данном этапе непосредственно связан с положением <..> о невозможности для несовершеннолетнего «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими». <..>

<..> Для того чтобы избежать возникающих проблем, некоторые авторы предлагают иную формулировку предмета экспертизы. По их мнению, при наличии отставания в психическом развитии нужно решать вопрос о соответствии «психологического возраста» подростка его паспортному возрасту. Следует отметить, что аналогичные вопросы очень часто задаются экспертам и на практике. При этом предполагается, что экспертным путем можно установить «несоответствие» между психологическим и календарным возрастами несовершеннолетнего и вследствие этого освободить подростка от уголовной ответственности. Против такого подхода есть ряд принципиальных возражений. <..> Приведем наиболее существенные аргументы. Для возрастной психологии общепринятой и принципиальной является трактовка категории психологического возраста не как конкретного прожитого человеком отрезка времени, а как возрастного периода, характеризующегося качественной спецификой – свойственными именно данному периоду психологическими новообразованиями. Этот период применительно к подростковому и юношескому возрастам охватывает несколько лет <..>. Соответственно и возрастные нормы существуют не для конкретных календарных возрастов, а по отношению к периоду в целом. Иногда со стороны психиатров и юристов

звучат предложения рассчитать конкретные нормы для возрастов, с которых начинается уголовная ответственность. Однако и это невозможно. Возрастные нормы психического развития имеют не количественный, а качественный характер, поэтому выработать определенные «средние показатели» для 14 или 16 лет нельзя. Нормы обусловлены культурно-исторически и изменяются с течением времени, поэтому невозможно создать раз и навсегда заданный эталон нормативного развития. Кроме того, развитие подростка характеризуется неравномерностью и гетерохронностью (разновременностью). Отсюда еще одно типичное свойство норм этого возрастного периода: их широкая вариативность. Она касается развития как различных сфер психики у одного и того же подростка, так и одних и тех же параметров у подростков-ровесников. В подростковом возрасте существует и определенная разница в темпах физического созревания и психического развития между мальчиками и девочками, что также вносит свой вклад в вариации возрастных норм. Если же у подростка имеются клинически очерченные аномалии психического развития (например, олигофрения), то они имеют такие специфические структурные и качественные особенности, что не могут быть приравнены к нормам ни данного, ни какого-либо иного возрастного периода. Все эти обстоятельства свидетельствуют о непродуктивности подобного подхода к решению экспертных проблем. <..>

<..> Может возникнуть вопрос, как согласуется вывод психолога о практически полной невозможности несовершеннолетнего сознательно руководить своими действиями вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, с заключением психиатра о вменяемости подростка, предполагающим его способность к такому руководству. Сочетание подобных выводов нередко ставит суды в тупик и заставляет назначать повторную экспертизу, призванную «разъяснить» противоречие. Вместе с тем противоречия здесь нет. Психиатром устанавливается отсутствие психических расстройств, которые могли бы лишать подэкспертного способности сознательно руководить

своими действиями, т.е. одной из причин илипредпосылок нарушений или ограничений этой способности. Такие нарушения или существенные ограничения могут быть обусловлены и другими непатологическими причинами: аффективными состояниями, психофизиологическими особенностями при необходимости быстро реагировать на ситуацию или – как в нашем случае – «отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством». Таким образом, вменяемость как отсутствие патологических причин может сочетаться с недостаточностью сознательного руководства действиями, вызванной другими, непатологическими причинами. <..>

<..> Сказанное выше позволяет определить, какие вопросы при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемых необходимо ставить перед экспертами следствием и судом. Мы предлагаем следующие формулировки <..>:

1) *Имеется ли у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством ? Если имеется, то в чем конкретно оно выражается?*

2) *При наличии у несовершеннолетнего такого отставания, можно ли сделать вывод, что вследствие этого отставания во время совершения общественно опасных действий он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?*

Неправильно сформулированные вопросы:

1) *Соответствует ли психическое развитие N его возрасту (или возрасту уголовной ответственности, 14 или 16 годам)?*

2) *Если психическое развитие N не соответствует его возрасту, то какому возрасту оно соответствует ?*

На практике тем не менее следствие и суд часто задают экспертам подобные вопросы. Как следует на них отвечать?

При отсутствии существенных аномалий психического развития ответ

на первый из приведенных вопросов может звучать следующим образом: *«Психическое развитие несовершеннолетнего N соответствует нормам его возрастного периода. Установить соответствие психического развития N 14 (16) годам не представляется возможным, так как возрастная психология оперирует понятием норм возрастного периода (подростковый период – от 11-12 до 14-15 лет) и не располагает критериями отграничения норм для конкретных календарных возрастов внутри периода».*

Если у подростка обнаруживается психическое расстройство с клинически выраженной картиной (например, олигофрения в степени дебильности), то на второй вопрос уместен такой ответ: «*Психическое развитие при (далее следует диагноз, установленный экспертом-психиатром,в данном случае – олигофрения) качественно отличается от нормального, поэтому установить соответствие психического развития N каким-либо возрастным нормам не представляется возможным*».

Следует подчеркнуть, что приведенные ответы не дают существенной дополнительной информации для практического решения экспертных вопросов. Поэтому эксперту рекомендуется в соответствии с предоставленным ему законом правом поставить новые экспертные вопросы, адекватные предмету экспертизы.

Установив предметное содержание экспертных вопросов, мы можем обратиться к *методологическим* и *методическим* подходам к их решению.

Вначале рассмотрим категорию «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством». В психологическом аспекте, как уже говорилось, ее основное содержание составляет незрелость личности как регулятора социального поведения. Предпосылкой незрелости в ряде случаев может быть интеллектуальная ограниченность, которая обусловлена педагогической запущенностью и потенциально компенсируема. Неразвитость абстрактно-логического мышления затрудняет систематизацию опыта подростка и формирование его самосознания. Однако личностная незрелость может обнаруживаться и у подростков с достаточно развитыми

интеллектуальными функциями. Главными ее источниками и признаками служат неструктурированность, неустойчивость, неразвитость мотивов и смыслов несовершеннолетнего. Они проявляются в неустойчивости эмоций и поведения, поверхностности суждений, слабой дифференцированности оценок, ситуативности побуждений и действий, игровом характере интересов и мотивации. Отсутствие устойчивой иерархии мотивов и соответственно ее отражения во внутренней позиции не позволяет несовершеннолетнему ставить перед собой долговременные социально опосредованные цели, прогнозировать последствия своих поступков. Несформированность самосознания как рефлексии «Я», собственных устремлений и нравственных принципов выражается, в частности, в том, что знаемые социальные нормы не всегда регулируют поведение несовершеннолетнего и легко нарушаются им под воздействием ситуации – собственных сиюминутных побуждений или непосредственного влияния других людей. На последнее обстоятельство – подверженность групповому влиянию – следует обратить особое внимание. Для подростков общение со сверстниками имеет огромное значение. В подростковых группах утверждаются нормы поведения, проигрываются «взрослые» роли, оказывается эмоциональная поддержка и подтверждается значимость каждого. В связи с этим мощным мотивирующим фактором для несовершеннолетнего служит сама принадлежность к референтной группе, а также связанное с ней стремление к подражанию, самоутверждению, которое может в значительной степени определять его поведение, в том числе противоправное.

Таким образом, говоря о зрелости либо незрелости личности подростка-правонарушителя, мы одновременно и, прежде всего, говорим о сформированности либо несформированности его способности самостоятельно и осознанно регулировать свое поведение в соответствии с социальными нормами.

Очевидно, что для оценки описанных феноменов на эмпирическом материале в рамках экспертизы необходимо всестороннее обследование

подростка, включающее в себя изучение материалов уголовного и личного дела, медицинской документации, беседы, психодиагностическое исследование с использованием разнообразного инструментария, а также наблюдение за всеми поведенческими проявлениями подэкспертного в процессе работы. Следует провести детальный анализ всего хода развития подростка, условий его воспитания, учебы, круга общения на основе показаний родителей, учителей, других знающих его людей, привлеченных в качестве свидетелей по делу. Аналогичные сведения должны быть получены и от самого подэкспертного. При этом особое внимание нужно обратить на его описание собственных интересов, мотивов, связанных с учебой, работой, с будущим. Неизбежно возникающий вопрос о создавшейся судебно-следственной ситуации и оценке ее перспектив, о самом правонарушении, принятии вины и возможного наказания также позволяет судить о способности несовершеннолетнего к прогнозу, взвешенным оценкам, поиску решения проблемы. Одновременно определяется, насколько устойчивы взгляды несовершеннолетнего и его социальная направленность, в частности, в какой мере выражены и привычны для него асоциальные тенденции. Последнее свидетельствовало бы о социальной запущенности, но не о личностной незрелости. <..>

<..> Интеграция данных, полученных из различных источников и имеющих преимущественно качественный характер, дает возможность оценить характер и степень незрелости личности, ее причинную обусловленность для ответа на вопрос, имеется ли у подростка «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», а также указать, в чем именно оно выражается. Одновременно мы получаем ответ на вопрос о том, насколько развита у подэкспертного способность к осознанному руководству своими действиями в соответствии с социальными нормами.

Если в результате комплексного исследования установлено, что у подростка имеются признаки отставания в психическом развитии, не

связанного с психическим расстройством, то следующим этапом экспертизы становится выяснение вопроса, можно ли сделать вывод о том, что вследствие этого отставания во время совершения общественно опасного деяния он не мог «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». В психологическом плане это экспертное понятие может быть интерпретировано как возможность либо невозможность несовершеннолетнего сознательно и произвольно регулировать свое поведение при совершении правонарушения. Такая возможность представляет собой конкретную ситуационную реализацию присущей подростку потенциальной способности к сознательной саморегуляции с учетом социальных норм, о которой говорилось ранее. Рассмотрим, в чем состоит процесс личностной регуляции конкретных действий человека.

Любое действие представляет собой результат взаимодействия *личности* и *ситуации.* Первый этап этого процесса – *восприятие* человеком ситуации. При этом когнитивные компоненты восприятия связаны с мотивационными, благодаря чему воспринимаемое субъектом как бы фильтруется его мотивационной системой и всегда имеет субъективную смысловую окраску. Так производится первичная оценка ситуации с точки зрения мотивов человека. Однако целостное восприятие содержит в себе информацию не только о предметах потребностей человека, но и о препятствиях на пути к их достижению, которые делают ситуацию проблемной для субъекта. Препятствия или преграды могут быть внешними или внутренними. К внешним относятся физические обстоятельства, стоящие на пути к реализации мотива, а также социальные нормы, которые подросток хотя и знает, но не считает обязательными для себя, стремясь обойти их и избежать при этом санкций и наказаний. Внутренние преграды составляют собственные мотивы несовершеннолетнего. Они могут выражать как его мотивацию, связанную с другими видами деятельности, так и усвоенные, перенесенные во внутренний план взгляды других людей, групповые или

общечеловеческие социальные нормы, а также представление о самом себе, самосознание, индивидуальные нравственные ценности. Чем более развита личность человека, тем более полимотивированным является его поведение и тем более обобщены и в то же время индивидуальны регулирующие его поведение нормы, тем более развито его самосознание. От характера преград зависит тип проблемной ситуации и ее переживания субъектом. Если в случае внешних преград можно говорить о состоянии *фрустрации*, то при наличии внутренних преград человек переживает состояние внутреннего *конфликта*, который может в крайнем выражении переходить в *кризис* всей мотивационно-смысловой системы. Эмоциональная реакция подростка на ситуацию и характер переживаний служат первичным индикатором его оценок и осмысления происходящего.

В соответствии с пониманием ситуации и системой мотивов и смыслов человека строится, по выражению А. Н. Бернштейна, *образ потребного будущего* как своего рода «задающий элемент» системы регуляции. Он может выступать на разных уровнях обобщенности в качестве «эскиза будущего», мотива-цели или конкретного результата действия. Формирование такого образа позволяет перейти к следующему этапу регуляции: *принятию решения, или целеполаганию.* Этот этап включает в себя прогнозирование, оценку и выбор конечного варианта целей и средств их достижения.

Прогнозирование означает определение возможностей, удовлетворяющих потребности подростка, и вероятных последствий их реализации в условиях данной ситуации и существующих ограничений. Прогноз тесно связан с *оценкой*: прогностические гипотезы сравниваются с желаемым результатом. Здесь оценка, как и на предыдущем этапе, в значительной степени имеет смысловой характер, но должна включать в себя и собственно рациональные компоненты. Критерием такой оценки является соответствие, во-первых, прогнозируемых результатов и последствий с образом потребного будущего и всей смысловой системой, включая

самосознание человека, а с другой – средств реализации с объективной системой ограничений, т.е. с ситуационными условиями, социальными нормами и т. п. Подобная оценка ведет к выбору или отвержению гипотетической цели и в конечном итоге к принятию решения о цели действий и средствах ее достижения. На этом завершается этап *целеполагания*и начинается стадия *целедостижения.*

Этап *исполнения,* или целедостижения, включает в себя планирование действий, их контроль и коррекцию. На основе прогноза определяется конкретный *план* достижения цели. Далее следует выполнение действий в соответствии с планом. Промежуточные и окончательный результаты действий вновь проходят описанные выше внутренние механизмы регуляции деятельности. Оцениванию теперь подлежат отклонения от плана действий либо изменения внешних условий, а сама оценка выступает в роли внутреннего *контроля* действий. Изменения операционального состава, тактики или даже стратегии действий, вплоть до отказа от намеченной цели, если этого требуют обстоятельства, выполняются в качестве *коррекции* действий.

Такова общая теоретическая схема осознанной и произвольной регуляции поведения человека. Если соотнести понятия «осознание» и «руководство» с ее этапами, то первое включает в себя смысловое восприятие ситуации и целеполагание, а второе – целедостижение, или исполнение решения. Однако в более широком смысле категория «руководить своими действиями» охватывает весь процесс описанной регуляции. Этапы и стадии схемы регуляции можно использовать в качестве ориентиров при экспертном анализе возможностей подростков-правонарушителей сознательно руководить своими противоправными действиями. <..>

<..> Опыт экспертной работы прошлых лет позволяет нам определить наиболее типичные варианты ограничения возможности несовершеннолетнего обвиняемого сознательно и произвольно регулировать

свои противоправные действия. Каждый из них имеет соответствующие корреляты в особенностях развития личности подростков.

Вначале необходимо выделить два принципиально различных типа совершения таких действий: индивидуальные и групповые правонарушения.

При *индивидуальных* противоправных действиях следует определить направленность мотивации подростка: на конкретный результат или на сам процесс действий.

При ориентации *на процесс* действий мотивация имеет, как правило, игровой характер и, как в приведенном примере, регуляция ущербна из-за недостаточности осмысления ситуации, прогноза и оценки последствий собственных действий несовершеннолетнего. Сама реализация действий может производить впечатление последовательной и упорядоченной. Однако она подчиняется игровому плану, и нарушенным оказывается прежде всего звено целеполагания, которое определяет порочность всей системы руководства действиями.

При направленности подростка *на результат* действий возможны по крайней мере два варианта ограничения возможностей саморегуляции.

В первом случае оно проявляется в непосредственных действиях, направленных на немедленное достижение результата независимо от объективных и субъективных условий. При этом действия не опосредованы процессом целеполагания, отсутствуют адекватные прогноз и оценка, сознательный выбор того или иного вида поведения. Нет и целедостижения, упорядоченного планом, контролем и коррекцией. Такие правонарушения совершаются подростками с неустойчивостью эмоций и поведения, склонными к реализации ситуативных побуждений.

Второй, более редкий, вариант проявляется в том, что ситуация предъявляет к личностно незрелому подростку повышенные требования, и в силу ограниченного опыта и специфических личностных особенностей он не может найти адекватных средств для достижения субъективно значимой цели. При этом искажается оценка как самой ситуации, так и собственных

действий подростка, направленных на решение проблемы.

Варианты ограничения осознанного руководства своими действиями у подростка, совершающего правонарушение *в группе*, очень различны. Ранее уже говорилось о значении общения со сверстниками в этом возрасте. Эксперту-психологу важно оценить не только личностные особенности несовершеннолетнего (лидерские тенденции или, напротив, конформность, внушаемость, склонность к имитации), но и его место в группе, состав группы и динамику взаимодействия в ней. Воздействие других на подростка может варьировать от простого присутствия (как это было в нашем примере) или демонстрации образцов поведения, которым несовершеннолетний подражает, до прямого внушения и принуждения к совершению тех или иных противоправных действий. За незрелого подростка с несформированной мотивационно-смысловой системой функции целеполагания, выбора целей и средств их достижения, выполняют другие. Таким образом, он в значительной степени является не субъектом собственного поведения, а объектом чужого влияния, не обладающим самостоятельной волей. Это свойственно конформным внушаемым подросткам, испытывающим потребность в групповой принадлежности.

Перечисленные варианты ограничения осознанности и произвольности противоправного поведения свойственны не только подросткам с «отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством», но и несовершеннолетним с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. <..>

Сафуанов Ф. С., Макушкин Е. В.

Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. – М.: ФГБУ ГНЦССП им. В. П. Сербского Минздрава России, 2013. – С. 78-117

<..> Основополагающим принципом применения критериев диагностики аффекта является разделение признаков, ее характеризующих,

на основные (облигатные) и дополнительные (факультативные), предложенное М. М. Коченовым (1991). Для обоснованного установления состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения инкриминируемого ему деяния необходимо наличие всех (без исключения) обязательных признаков, выделяемых на каждой стадии развития эмоциональной реакции. Наличие дополнительных признаков делает экспертный вывод о состоянии аффекта у обвиняемого еще более доказательным, однако для определения аффекта достаточно выявления только обязательных признаков при клинико-психологическом анализе материалов уголовного дела и результатов экспериментально-психологического обследования подэкспертного.

Указанные критерии подлежат выявлению в ходе психологического анализа материалов уголовного дела и данных комплексного психолого-психиатрического обследования подэкспертного, всестороннему анализу, судебно-психологической экспертной оценке, обоснованному доказыванию. <..>

<..> 1. *Аффект, вызванный единичным (разовым) психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего (физиологический аффект)*

Первая фаза – доаффективная.

Обязательные признаки:

- субъективная неожиданность психотравмирующего воздействия;

- субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва.

Дополнительные (факультативные) признаки:

- ощущение субъективной безвыходности из сложившейся ситуации;

- неблагоприятное психофизиологическое состояние (переутомление, недосыпание, соматическое заболевание и пр.).

Вторая фаза – аффективного взрыва.

Обязательные признаки:

- взрывной характер эмоциональной реакции;

- частичное сужение сознания;

- фрагментарность и неполнота восприятия (неполное восприятие

ситуации в отдельный момент времени и неполное восприятие окружающей действительности и своих действий во времени);

- нарушения произвольной регуляции деятельности;

- расстройство опосредованности действий;

- расстройство контроля действий;

- снижение способности к прогнозу результатов действий;

- отсутствие прогноза отдаленных последствий действий.

Дополнительные признаки:

- относящиеся к частичному сужению сознания;

- заполненность сознания переживаниями, связанными с психотравмирующим воздействием;

- элементы искаженного (иллюзорного) восприятия;

- элементы утраты чувства реальности окружающего;

- элементы ощущения отчуждения своих действий;

- относящиеся к нарушениям произвольной регуляции деятельности;

- двигательные автоматизмы (стереотипии);

- нарушения речевой деятельности;

- несоответствие агрессивных действий обвиняемого его ценностно-смысловой сфере, направленности личности или типичным для него способам реагирования;

- резкое изменение вазомоторных и иных вегетативных проявлений.

3. *Третья фаза – постаффективная.*

Обязательные признаки:

- физическая астения (истощение);

- психическая астения (истощение).

Дополнительные признаки:

- дезорганизация психической деятельности;

- неполное осознание (недопонимание) случившегося.

<..> Необходимым условием определения аффекта наряду с установлением типичной для аффектов трехфазности возникновения и

течения эмоциональной реакции является выявление такой высокой степени эмоционального возбуждения, возникающего сразу после психотравмирующего воздействия, которая сопровождается частичным сужением сознания и препятствует полноценному осознанию своих действий и их произвольной регуляции.

При физиологическом аффекте агрессивное побуждение формируется в ответ на экстремальное психотравмирующее воздействие (которое оценивается обвиняемым как «субъективно неожиданное») и носит сверхинтенсивный характер с мгновенной мобилизацией энергетических ресурсов. Возникновение аффективного взрыва у обвиняемого облегчается при неблагоприятном психофизиологическом его состоянии (переутомлении, астении, соматическом заболевании). Принятие решения и выбор действия происходят неопосредованно, импульсивно и безальтернативно. Оценка ситуации и самооценка на этапе формирования побуждения и выбора действия грубо дихотомична. Агрессивное действие во время физиологического аффекта – это первое и единственное эмоционально обусловленное решение, в сознании не актуализируются иные возможные выходы из психотравмируюшей ситуации, что переживается обвиняемыми как «субъективная безвыходность».

При оценке психологического механизма физиологического аффекта уместнее говорить не об автоматизированности действий, а об автоматизированности мотивации. Инициация действия практически слита с выбором действия, что обвиняемыми ощущается как «субъективная внезапность» импульса к действию. Рефлексия как решение задачи на смысл практически отсутствует – субъект не успевает осознать основания своего поведения, что приводит к тому, что чаше всего на постаффективной стадии наступает субъективное «отчуждение» криминального действия – подэкспертные лица не могут поверить, что они смогли совершить криминально-агрессивные акты. Рефлексия как объективация нарушена в силу частичного сужения сознания – человек не может в момент совершения

деликта осознать в полной мере окружающую обстановку, реальную ситуацию, его восприятие отличается фрагментарностью и неполнотой как во времени, так и в пространстве. Инициированное действие практически не может быть изменено или приостановлено – окончание криминального действия происходит не в связи с изменением ситуации, а вследствие истощения аффективного побуждения, что закономерно приводит к физической и психической астении, обусловленной бурной энергетической разрядкой, которая в ряде случаев может сопровождаться дезорганизацией психической деятельности и неполным осознанием случившегося. Само действиене поддается опосредованию и контролю, прогноз результата возможен, но мало дифференцирован (прогнозируется не убийство, а избавление от психотравмирующего, опасного, угрожающего и т.п. воздействия), оценка отдаленных последствий отсутствует, что указывает на полностью ситуационный характер мотивации при физиологическом аффекте.

При выраженных аффективных состояниях, особенно у лиц с пограничными психическими нарушениями (при некоторых видах органической и личностной патологии), могут наблюдаться и элементы иллюзорного восприятия, дереализации и деперсонализации, а также двигательные автоматизмы – однако их наличие не обязательно для диагностики аффекта. Дополнительными признаками аффекта являются и нарушения речи, и вегетативные проявления на высоте эмоциональной реакции, поскольку при отсутствии свидетелей преступления эти признаки могут быть не отражены в материалах уголовного дела.

Таким образом, при физиологическом аффекте как непосредственной аффективной реакции в ответ на противоправные или аморальные действия потерпевшего ограничены как внешние ресурсы свободы выбора действия (поведением потерпевшего, психотравмирующими особенностями ситуации), так и внутренние (в силу частичного сужения сознания). Способность к переходу на смысловой уровень регуляции поведения практически

отсутствует – доминирует потребностно-реактивная логика поведения. Субъективно человеком это ощущается как совершение «чуждых» для него действий, а одним из дополнительных экспертных критериев, отражающих снижение уровня регуляции аффективного поведения, является несоответствие действий обвиняемого в состоянии физиологического аффекта его ценностно-смысловой сфере, направленности его личности или типичным для него способам реагирования.

В то же время содержательную характеристику переживаний, наступающих у обвиняемого после осознания случившегося (чувство раскаяния, жалости к потерпевшему и т.п.), нельзя отнести к критериям диагностики физиологического аффекта, поскольку они отражают не динамику и глубину эмоционального возбуждения, а относятся к реакции обвиняемого на случившееся. Такая реакция лежит вне структуры аффекта и чаще всего определяется структурой личности обвиняемого, а не только его эмоциональным состоянием.

При физиологическом аффекте ограничение свободы при выборе действия обусловлено, прежде всего, очень высоким уровнем эмоционального возбуждения, которое сопровождается частичным сужением сознания, возникшего в ответ на психотравмирующую ситуацию. При этом варианте экспертный вывод о том, что обвиняемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии аффекта, может быть использован судом для квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего.

2. *Аффект, вызванный длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего (кумулятивный аффект).*

1. *Первая фаза – доаффективная.*

Обязательные признаки:

- кумуляция (накопление) эмоционального напряжения;

- субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва или выраженного эмоционального напряжения в ответ на очередное психотравмирующее воздействие (реальное, условное, ассоциативно связанное с длительной психотравмирующей ситуацией).

Дополнительные (факультативные) признаки:

- ощущение субъективной безвыходности из сложившейся ситуации и субъективной беспомощности;

- ощущение безысходности сложившейся ситуации;

- неудачные попытки совладающего поведения – наличие фрустраций, связанных с поиском выхода из психотравмирующей ситуации;

- формирование психологических защит, снижающих степень психотравмирующего воздействия;

- неблагоприятное психофизиологическое состояние (переутомление, недосыпание и пр.).

2. *Вторая фаза – аффективного взрыва или кульминации эмоционального напряжения.*

Обязательные признаки:

- частичное сужение сознания;

- фрагментарность и неполнота восприятия;

- заполненность сознания переживаниями, связанными с психотравмирующим воздействием;

- нарушения произвольной регуляции деятельности;

- расстройство опосредованности действий;

- расстройство контроля действий;

- снижение способности к прогнозу результатов действий;

- отсутствие прогноза отдаленных последствий действий.

Дополнительные признаки:

2.1. Относящиеся к частичному сужению сознания:

- элементы искаженного (иллюзорного) восприятия;

- элементы утраты чувства реальности окружающего;

- элементы ощущения отчужденности своих действий;

2.2. Относящиеся к нарушениям произвольной регуляции деятельности:

- двигательные автоматизмы (стереотипии);

- нарушения речевой деятельности;

- резкое изменение вазомоторных и иных вегетативных проявлений.

3. *Третья фаза – постаффективная.*

Обязательные признаки:

- физическая астения (истощение);

- психическая астения (истощение).

Дополнительные признаки:

- дезорганизация психической деятельности;

- неполное осознание (недопонимание) случившегося;

- субъективное переживание чувства облегчения, разрядки напряжения, разрешения психотравмирующей ситуации. <..>

<..> Судебно-психологическая экспертная оценка аффекта кумулятивного генеза возможна при определении такого психологического механизма криминальной агрессии, как *разрядка эмоциональной напряженности, возникшей в длительной психотравмирующей ситуации*. Кумулятивные эмоциональные состояния диагностируются в основном у психически здоровых, у лиц с резидуальными формами органического психического расстройства без выраженных изменений психики, реже – у обвиняемых с расстройством личности. Для личностной структуры таких обвиняемых характерны высокий самоконтроль, склонность к опосредованию своих действий, обдумыванию возможных их последствий, низкий уровень агрессивности.

Интенсивность агрессивного побуждения в момент совершения преступления у таких обвиняемых связана с высоким уровнем эмоциональной напряженности, развившейся у них в длительной психотравмируюшей ситуации, связанной с особенностями поведения

потерпевшего. До разрядки напряженности обвиняемым свойственен перебор вариантов поведения, направленных на снижение этой напряженности. Он протекает как процесс «совладающего» поведения, но оказывается неудачным. Неудачные попытки разрешить психотравмирующую ситуацию заканчиваются фрустрациями, что, в свою очередь, по механизму порочного круга приводит к дальнейшему усилению эмоционального напряжения. Совладающее поведение у многих обвиняемых сопровождается и формированием различных психологических защит, снижающих субъективную значимость ситуации (вытеснение, рационализация и т. п.). После исчерпания всех копинг-стратегий (направленных на изменение ситуации) и «поломки» защитных механизмов эмоционально обусловленный выбор агрессивного действия (возникающего обычно в ответ на очередную психогению по механизму «последней капли») оказывается импульсивным и безальтернативным.

Если при физиологическом аффекте, как непосредственной реакции на разовое психотравмирующее воздействие, выбор действия является первым и единственным, то при кумулятивном аффекте агрессия – субъективно последний и единственный выход из психотравмирующей ситуации.

Характерное для кумулятивного аффекта частичное сужение сознания, признаки которого иногда можно наблюдать уже на стадии накопления эмоционального напряжения, снижает возможности рефлексии и осмысления своего поступка. Смысл своих агрессивных действий в момент совершения правонарушения практически не осознается, а сочетание «отчуждения» и «принятия» своего противоправного акта на постаффективной стадии сигнализирует об отчетливом конфликтном смысле собственной агрессии – с одной стороны, она является единственным выходом из сложившейся ситуации, с другой – она противоречит ценностям личности. Способность к оценке и самооценке также снижается уже при выраженном эмоциональном напряжении – именно поэтому повод для аффекта может быть объективно незначительным, «условным», или «ассоциативно связанным с

психотравмирующей ситуацией», при этом ситуация будет оцениваться субъективно как «безвыходная». Искажения самооценки динамически проявляются на стадии, непосредственно предшествующей аффективному взрыву, в виде ощущения «безысходности ситуации и субъективной беспомощности».

Изменение действия или отказ от него на стадии кульминации аффекта практически невозможны – частичное сужение сознания, эмоционально сверхзначимый характер агрессивного побуждения, быстротечность и интенсивность эмоциональной реакции препятствуют коррекции действий. Оценка промежуточных результатов своих действий на стадии кумуляции эмоциональной напряженности в основном негативная, что связано с неудачными попытками совладающего поведения, а на стадии аффективного взрыва отсутствует, что часто приводит к двигательным автоматизмам. Контроль поведения при накоплении эмоционального напряжения избыточен, что преимущественно связано с индивидуально-психологическими особенностями обвиняемого, а на пике аффекта он снижен. В момент совершения преступления прогноз результата своих действий и оценка их последствий фактически не осуществляются. Окончание агрессивного действия при кумулятивном аффекте связано не с оценкой изменения ситуации, а с истощением агрессивного побуждения, разрядкой эмоционального напряжения. Поэтому во многих случаях агрессивные действия сопровождаются нанесением потерпевшему множественных и стереотипно локализованных повреждений.

При агрессивных правонарушениях на высоте аффективных состояний кумулятивного генеза внешние ресурсы свободы выбора действия резко ограничены в силу длительной психотравмирующей ситуации, связанной с определенным поведением потерпевшего. На это влияют и социальные условия – чаще всего аффективные деликты совершаются в семье, в период прохождения службы в армии, т. е. в ситуациях, накладывающих ограничения ролевого поведения. Снижение возможности свободного

выбора действия обусловлено и ограничением личностных ресурсов, связанных с сужением репертуара копинг-стратегий под влиянием либо жизненных ценностей, либо черт личности, тормозящих агрессию. В момент, непосредственно предшествующий кульминации аффекта, способность к выбору действия максимально редуцирована. Способность к смысловой и социально-нормативной регуляции своего поведения, будучи сохранной на стадии кумуляции эмоционального напряжения, блокирующей возможность разрядки в агрессивных формах, только способствует росту напряжения. В момент аффективного взрыва смысловая регуляция поведения, опосредующая действия личностными ценностями, не осуществляется, хотя непосредственным поводом для аффекта может быть дискредитация именно ценностных структур личности («унижение чести и достоинства»).

Аналогичный механизм нарушения свободы выбора действия под влиянием частичного сужения сознания можно установить и при выраженном эмоциональном напряжении, возникшем у обвиняемого в связи с длительной психотравмирующей ситуацией и на высоте своего развития сопровождавшемся нарушениями осознанной регуляции поведения. Феноменологически кульминация эмоционального напряжения носит невзрывной характер, тем не менее она наступает внезапно для субъекта. На высоте напряжения наступает частичное сужение сознания, которое определяет столь же глубокое ограничение способности обвиняемого к осознанно-волевому поведению, как и при физиологическом аффекте, поэтому такое эмоциональное состояние необходимо расценивать как вариант судебно-психологического понятия «аффект» <..>.

<..> Таким образом, в рассматриваемом варианте психологического механизма криминальной агрессии ограничение свободы выбора действия обусловлено прежде всего интенсивным эмоциональным напряжением, возникшим в условиях длительной психотравмирующей ситуации. На высоте эмоционального напряжения (часто сменяющегося эмоциональным возбуждением, аффективной реакцией) частичное сужение сознания

определяет интенсивность агрессивного побуждения и невозможность изменения направленности агрессивных действий. Экспертное заключение в данном случае формулируется как наличие состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения правонарушения, что может служить основанием для судебной квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, как одного из признаков состава преступления <..>

<..> Понятие «аффект» является судебно-психологическим экспертным понятием, имеющим двухступенчатую структуру.

Родовым является понятие «аффект» (как внезапно возникшее сильное душевное волнение), а его разновидностями, т. е. промежуточными экспертными понятиями, характеризуемыми вышеописанными судебно-психологическими экспертными критериями, являются следующие категории:

- *«физиологический аффект»* как общепсихологический аффект, развивающийся непосредственно в ответ на единичное (разовое) психотравмирующее воздействие;

- *«кумулятивный аффект»* как общепсихологический аффект, возникающий вследствие накопления эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, на фоне длительного стресса, сопровождающегося внутриличностным конфликтом и состояниями фрустрации вследствие неудачных стратегий совладающего (копииг) поведения;

- *«выраженное эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение».* Обычно состояние эмоциональной напряженности характеризуется менее выраженными по сравнению с общепсихологическими аффектами нарушениями осознания и регуляции поведения. Однако в практике судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы иногда встречаются случаи, когда у

обвиняемого накопленное в условиях длительной психотравмирующей ситуации эмоциональное напряжение внезапно переходит на качественно новый уровень и на высоте своего развития сопровождается частичным сужением сознания и соответственно таким же ограничением возможности осознанно и произвольно регулировать свои действия, как и при кумулятивном аффекте. Данное эмоциональное состояние встречается гораздо реже, чем эмоциональные реакции взрывного характера, тем не менее, если оно характеризуется всеми обязательными признаками, описанными выше, его также необходимо соотносить с экспертным понятием аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения). В его структуре существует «момент срыва», наступающий неожиданно для субъекта переживания, который является высшей точкой развития эмоциональной психической напряженности, при этом состояние эмоциональной психической напряженности развивается более плавно, чем аффект, но на «вершине» этого состояния происходят изменения сознания, мотивации поведения, сравнимые по качеству с изменениями, наблюдающимися при аффекте.

Как видно из сопоставительного анализа феноменологии рассмотренных промежуточных экспертных понятий, все они наступают субъективно внезапно, на высоте развития ограничивают (в силу различных психологических механизмов) способность обвиняемого к осознанию значения своих действий и осуществлению произвольной волевой их регуляции, а различаются удельным весом эмоциональной напряженности, накапливающейся в условиях длительной психотравмирующей ситуации, вследствие специфики взаимодействия индивидуально-психологических особенностей с ситуационными факторами. <..>

<..> *Патологический аффект.* <..> Основным критерием отграничения патологического аффекта от «нормального» на второй фазе течения эмоциональной реакции является установление психогенно обусловленного глубокого помрачнения сознания, для которого свойственны полная

дезориентировка, продуктивная психотическая симптоматика, психомоторное возбуждение. <..> психотическая симптоматика, свойственная патологическому аффекту, отличается незавершенностью, малой выраженностью, определяется кратковременными нарушениями перцептивной деятельности в виде иллюзорных восприятий или аффективных функциональных галлюцинаций, психосенсорными расстройствами, нарушениями схемы тела, состояниями острого страха и растерянности, нестойкими бредовыми переживаниями. Для третьей фазы патологического аффекта характерны терминальный сон или тяжелая прострация с явлениями оглушенности, абсолютной безучастности к происходящему, полная амнезия собственных действий, обстановки правонарушения, действий потерпевшего – при этом могут оставаться воспоминания о первой (непсихотической) фазе, отрывочные воспоминания о психотических переживаниях <..>.

<..> Патологический аффект относится к категории «временного психического расстройства», определяющего неспособность подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения общественно опасного деяния. <..>

<..> *Аффект на фоне алкогольного опьянения.* Все промежуточные экспертные понятия, описывающие аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение) могут устанавливаться у обвиняемых, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. В настоящее время вопрос о правомерности диагностики аффекта у лиц в состоянии алкогольного опьянения практически не дискутируется. Все указанные судебно-психологические признаки разновидностей экспертного понятия аффекта сохраняются только при простой форме алкогольного опьянения. Измененная (атипичная) и тем более психотическая формы опьянения обычно нарушают нормальную динамику аффективных реакций, сопровождаются более или менее отчетливыми психопатологическими проявлениями, поэтому эмоциональные реакции на их фоне не могут быть

расценены как судебно-психологический аффект. Из трех степеней простого алкогольного опьянения возможно квалифицировать аффект только при легкой его степени, поскольку средняя и особенно тяжелая степень вызывают более глубокие нарушения сознания, чем при аффективных состояниях, и поведение обвиняемого детерминируется уже расстройствами психических процессов под влиянием алкоголя. <..> Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции – состояние опьянения обусловливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более угрожающая), а также изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая выбор возможных вариантов поведения) <..>.

<..> *Аффект у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.* И физиологический, и кумулятивный аффекты, и эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, могут устанавливаться у обвиняемых с пограничными формами психической патологии, не исключающими вменяемости, при условии, что динамика аффекта обусловливается личностной реакцией на психотравмирующие обстоятельства, а не собственно психопатологией подэкспертного. Наиболее часто аффект диагностируется у лиц с резидуальными, компенсированными формами органической патологии и у лиц с «расстройством зрелой личности» (психопатией). В этом случае имеет смысл выявлять своеобразие аффективных состояний улиц с пограничными психическими аномалиями на всех стадиях их динамики <..>, для четкого разграничения в этих эмоциональных состояниях «специфических признаков аффекта и проявлений заболевания» <..>.

<..> «Извинительные» аффекты, возникающие непосредственно в структуре эмоционального возбуждения или как разрядка накопленного в длительной психотравмируюшей ситуации эмоционального напряжения, как показано в ряде исследований, не являются нозоспецифичными. Поэтому

если эмоциональные реакции и состояния, возникающие у лиц с пограничными психическими расстройствами, характеризуются всеми указанными выше обязательными признаками, их необходимо квалифицировать как аффекты, имеющие уголовно-правовое значение <..>. Обычно своеобразие возникновению и течению аффекта у обвиняемых с патологией личностной сферы и у лиц с органической почвой придает специфика психотравмирующих воздействий, связанных с действиями потерпевших: в зависимости от типа личностного расстройства выделяются «условные» психогении, которые приобретают аффектогенное значение только в отношении аномальных личностей, затрагивая измененную личностной дисгармонией сферу мотивов, установок, притязаний <..>. Кроме того, у таких обвиняемых вторая фаза аффекта, возникшего на фоне длительной психотравмирующей ситуации и декомпенсации, может сопровождаться более глубокими расстройствами саморегуляции, а также иллюзорным восприятием, элементами дереализации и деперсонализации, т.е. дополнительными признаками аффекта.

В то же время возникает необходимость различать уголовно-релевантные аффекты у лиц с пограничными психическими аномалиями и эмоциональные реакции, внешне схожие с аффектами, но отличающимися от них психологическим механизмом и динамикой своего возникновения и развития.

С одной стороны, феноменологическое сходство с аффектами имеют психопатические реакции в рамках однозначного типу личностного расстройства реагирования. У психопатических личностей возбудимого и истерического круга они иногда могут сопровождаться частичным сужением сознания и последующей астенией, но их возникновение связано с «самовзвинчиванием» и «самопопустительством», что исключает определение таких значимых для диагностики аффекта обязательных признаков первой фазы, как «субъективная неожиданность психотравмирующего воздействия» и «субъективная внезапность

возникновения аффекта». Поэтому такие эмоциональные реакции, носящие характер привычного, «воспитанного» типа реагирования в субъективно сложных ситуациях нельзя расценивать как уголовно-релевантный аффект. <..>

<..> С другой стороны, сложности представляет и отграничение физиологического аффекта от аномальных эмоциональных реакций у лиц с психическими расстройствами, совершивших криминально-агрессивные действия под совокупным влиянием и эмоционального возбуждения, и алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации. Этот вариант криминальной агрессии характерен для лиц с органической почвой, у которых преобладает «эпилептоидный радикал» личности с аффективной ригидностью, склонностью к фиксации на отрицательных переживаниях и их накоплению, негибкостью поведения, повышенной подозрительностью, злопамятностью, ощущением недоброжелательного или враждебного отношения со стороны окружающих. Их правонарушения возникают в ответ на психотравмирующие воздействия со стороны потерпевших, чаще всего – на высказывания оскорбительного характера, затрагивающие наиболее значимые для обвиняемых личные переживания, во время совместного употребления алкогольных напитков. Ситуационно обусловленные эмоциональные реакции в ряде случаев могут сопровождаться частичным сужением сознания. Однако, хотя внешне динамика психического состояния таких обвиняемых напоминает развитие эмоциональной реакции по типу физиологического аффекта, криминальное действие не приводит к разрядке эмоционального напряжения, злобное и брутальное отношение к жертве остается и после совершения правонарушения, а посткриминальная фаза не сопровождается какими-либо проявлениями психической и физической астении, т.е. обязательными признаками физиологического аффекта. Соответственно такие «аномальные аффекты» не могут быть квалифицированы как аффект <..>.

<..> При судебной экспертной оценке описанных эмоциональных

реакций у лиц с пограничными психическими расстройствами, внешне сходных с аффектами, но отличающихся от них как по психологическим механизмам, так и по совокупности обязательных критериев, целесообразно решать вопрос о неполной способности обвиняемых к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий или их руководству вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости <..>.

<..> *Эмоциональные реакции и состояния, не достигающие степени выраженности аффекта.* Эмоциональные реакции и состояния, не достигающие степени выраженности аффекта, т.е. не сопровождающиеся выраженными нарушениями осознанно-волевой регуляции криминально-агрессивных действий, достаточно разнообразны как по своей глубине, так и по характеру протекания.

Для эмоционального возбуждения или напряжения, которые несущественно влияют на процессы осознания и саморегуляции, свойственно отсутствие типичной для физиологического и кумулятивного вариантов аффекта трехфазной динамики возникновения и течения эмоциональной реакции или состояния.

Более сложно осуществлять отграничение аффекта от эмоциональных состояний, которые возникают в ответ на психотравмирующие воздействия (особенно в условиях длительной психотравмирующей ситуации) и носят трехфазныйхарактер, однако не отличаются такой же выраженной глубиной дизрегулирующего влияния на сознание и деятельность обвиняемого в момент совершения правонарушения, как при аффекте. Основой отграничения таких состояний от аффекта является невыраженность частичного сужения сознания с фрагментарностью восприятия и отсутствие всех значимых признаков нарушений произвольной регуляции деятельности, т.е. критериев, приведенных выше. Такие эмоциональные реакции и состояния могут сопровождаться расстройством отдельных компонентов регуляции поведения – например, понижением контроля действий,

недостаточной их опосредованностью, однако при этом способность к осознанию своих поступков и управлению ими существенно не нарушается, произвольность поведения остается относительно сохранной. Часто показателем невыраженности частичного сужения сознания и нарушений саморегуляции у обвиняемого при эмоциональных состояниях, не достигающих степени выраженности аффекта, является и невыраженность признаков третьей фазы – отсутствие физической и психической астении после содеянного.